С. Г. Рыбаковъ

Музыка и пѣсни Уральскихъ Мусульманъ

А 16-7/35

А 15 2/48.

Его Высокопревосходительству,

Петру Петровичу

Семенову

въ знакъ высокаго уваженія

авторъ

18 22/IV 98.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.
ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Томъ II. № 2. | Tome II. № 2.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское
МАРТ 1911
Географическое Общество.

С. Г. РЫБАКОВЪ.

МУЗЫКА И ПѢСНИ УРАЛЬСКИХЪ МУСУЛЬМАНЪ

СЪ ОЧЕРКОМЪ ИХЪ БЫТА.

204 МЕЛОДІИ СЪ ТЕКСТАМИ И РУССКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ. — ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЗЫКАНТОВЪ И ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ. — ДВА ПРИЛОЖЕНІЯ.

СЪ КАРТОЮ УФИМСКОЙ И ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІЙ И ПОРТРЕТОМЪ БАШКИРА-МУЗЫКАНТА.

373.
A16-7/35
Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ А Шкафъ 45
Полка 2 № 48

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 9 ноября 1894 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1897. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ и Варшавѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et **C. Ricker** à St.-Petersbourg.
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou et Varsovie,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 3 р. — Prix: 7 Mrk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, декабрь 1897 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . V—VIII

Введеніе . . . . . 1—50

I. Очеркъ быта и современнаго состоянія инородцевъ Урала 3

Татары 8

Башкиры 15

Тептяри 38

II. Произведенія творчества уральскихъ мусульманъ . . . 44

Образцы книжнаго творчества инородцевъ Урала . . . . . 51—60

Мынажатъ 53

Баитъ 55

Татарскія народныя пѣсни (джыр) . . . . . 61—108

Образцы татарскихъ инструментальныхъ мелодій 67

Протяжныя татарскія пѣсни (узун-куй) 73

Скорыя » » (такмак) 84

Татарскія пѣсни безъ мелодій въ русскомъ переводѣ . . . 104

Башкирскія пѣсни (джыр) . . . . . 109—194

Башкирскій музыкальный инструментъ—курай и его строй 112

Инструментальныя мелодіи Башкиръ, исполняемыя на кураѣ 123

А) Мелодіи въ честь героевъ (123). Б) Мелодіи, воспѣвающія красоты природы: горы, рѣки и проч., а также животныхъ (135). В) Звукоподражательныя мелодіи (139). Г) Мелодіи различнаго характера (142). Д) Плясовыя мелодіи (біукуй) (145); марши (152). Е) Русскія пѣсенныя мелодіи въ передѣлкѣ Башкиръ (153).

Протяжныя пѣсни Башкиръ (куйляп) 155

Скорыя » » (жиңыль-куй) 181

Башкирскіе тексты безъ мелодій съ переводомъ 186

Тептярскія пѣсни . . . . . 195—208

Протяжныя пѣсни (мункӱй, узункӱй) 199

Скорая пѣсня (такмак, кыскак) 207

Бакалинскія пѣсни . . . . . 209—214

Пѣвцы и музыканты среди уральскихъ мусульманъ (очерки путешествія). . . . . 215—292

Инородческіе музыканты въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ. . . 217

Ибрагимовъ (219); Мурзиковъ (219); Ахмадей Алеевъ (221); Валейка (223); ученикъ муллы (225); Зиновій Салимъ-Гиреевичъ Кудашевъ (225); Мирсеидъ Магасумовъ (226); Галимъ Баймухаметовъ Тулубаевъ (227); Ислямъ Муратовъ (ночь въ горахъ Башкиріи) (227); Лукмановъ—башкиръ-импровизаторъ (229); Мирсеидъ Марзаголовъ (гулянье среди горъ) (231); башкирскіе музыканты на свадьбѣ (233); пѣвцы и музыканты на пріискахъ: Магафуръ Башаровъ (236); Шагіахматъ Валіевъ (236); Павелъ Ивановичъ Шуруповъ (236).

Башкирскіе музыканты въ Орскомъ уѣздѣ 237

Выѣздъ изъ города Верхнеуральска (237); деревня Ташбулатова (237); Магафуръ Каракаевъ (238); деревня Темясова (240); Мансурка (241); Мансурка вечеромъ (242); деревня Иткулова II-я; Тулунгужа Губейдуллинъ (242); пріискъ Горяевыхъ; Абдрахимъ Даулятовъ (244); вечеръ съ башкирскими музыкантами (244); Биргалé (245); любопытство Башкиръ (245); башкирская сходка (247); неумѣнье Башкиръ цѣнить свои богатства (249); настойчивое любопытство Башкиръ (249); толки Башкиръ по поводу собиранія пѣсенъ (251); 3-я Бурзянская волость; гора Масимъ (252); пѣсельники на горѣ Масимъ (258); Лукманъ Ишмуратовъ — игрокъ на кураѣ (260); отъ деревни Мендегуловой до Кананикольскаго завода (260); Башкирія въ прошломъ столѣтіи и теперь (261); Кананикольскій заводъ (263); Иванъ Лукмановъ (264); ночной переѣздъ отъ Кананикольскаго завода до деревни Юлукъ (265); деревня Юлукъ (267); музыканты въ деревнѣ Юлукъ (269); игра горломъ (270); деревня Иткулова I-я (272); башкиръ-писатель (273); кочевка деревни Иткуловой I-й (273); ночная пирушка (275); Бахтіаръ; продолженіе пирушки (276); кокетство башкирки (279); нищіе (280); на пріискѣ Горяевыхъ вторично (281); хребетъ Ирендыкъ; озеро Кылтыбанъ (282); татарскій пріискъ (284); Султановскій пріискъ (286); Абдрахманъ Узенбаевъ (287); на обратномъ пути въ г. Верхнеуральскъ (288); конецъ путешествія; завоеванія мусульманской Азіи въ Башкиріи (290).

Заключеніе. . . . . 293—294

Приложенія . . . . . 294—327

I. Азіатскій музыкальный журналъ, издаваемый Ив. Добровольскимъ. Астрахань, 1816—1818 гг. 297

II. Опытъ указателя литературы инородческихъ пѣсенъ . 316

Таблица скорости мелодій по метроному 328

Опечатки . . . . . 329—330

Карта Уфимской и Оренбургской губерній съ маршрутомъ поѣздки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже давно сознана необходимость близкаго этнографическаго изученія Россіи для блага и роста нашей общественной и государственной жизни. И это изученіе уже началось и совершается, хотя и не въ такой степени, какъ подобало бы для нуждъ и роли великаго государства.

Несомнѣнно, на первомъ планѣ должно быть поставлено изученіе родного русскаго народа, но волею судебъ, Россіи предназначено внести и въ среду народностей востока просвѣщеніе и христіанскую культуру.

Но чтобы успѣшнѣе быть носителями просвѣщенія, намъ необходимо близко и хорошо познакомиться съ жизнью восточныхъ народностей: сила вещей невольно все тѣснѣе сближаетъ насъ съ инородцами, и даже центръ нашихъ культурныхъ и государственныхъ интересовъ все болѣе склоняется въ сторону Азіи, востока, гдѣ въ настоящее время подготовляется, можетъ быть, съ ростомъ русской культуры новая великая сцена для міровой работы человѣчества. На востокѣ, и притомъ русскомъ востокѣ, зрѣютъ великія задачи, великія дѣла для будущаго человѣчества:

Молчитъ сомнительно востокъ,
Повсюду чуткое молчанье:
Что это — сонъ иль ожиданье,
И близокъ день или далекъ? (Ѳ. И. Тютчевъ).

Не случайно, не безъ причинъ ширится и ширится русское племя все на востокъ; дѣло созданія нашего могущества на востокѣ, ростъ нашего государства есть дѣло не одного только правительства, но и въ огромной степени самого русскаго народа, который, терпя и страдая, неся крестъ на себѣ и Христа съ собою, полагалъ въ этихъ дальнихъ странахъ первыя сѣмена просвѣщенія и культуры:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь небесный
Исходилъ благословляя. (Ѳ. И. Тютчевъ).

И только на этой самимъ народомъ подготовленной почвѣ стало возможно дальнѣйшее упроченіе готовящейся развиться здѣсь культуры.

Уже издавна одной изъ отличительныхъ чертъ нашей инородческой политики было признаніе племенныхъ особенностей инородцевъ, права за ними жить по ихъ собственнымъ вѣковымъ устоямъ жизни, и единственнымъ постояннымъ стремленіемъ русскаго народа и правительства было духовно вліять на инородцевъ путемъ водворенія христіанскаго просвѣщенія и культуры.

Вотъ это-то непрекращающееся стихійное движеніе русскаго міра на востокъ, неизмѣнно проводимое начало признанія племенныхъ особенностей народовъ, и просвѣтительныя задачи, являются главными побужденіями для насъ, русскихъ, къ изученію жизни и быта инородцевъ, населяющихъ Россію, къ изученію того востока, съ которымъ намъ придется и впредь жить или, по народному, вѣкъ вѣковать и съ которымъ общее можно находить въ самомъ настроеніи нашемъ: и народности востока, и русскій народъ одинаково настроены монархически и религіозно.

Помимо знакомства съ формами внѣшняго быта однимъ изъ наиболѣе интересныхъ предметовъ изученія являются памятники народнаго духовнаго творчества, въ томъ числѣ пѣсни и музыка, которые даютъ ключъ къ пониманію духовнаго склада инородцевъ, ихъ понятій, взглядовъ, образа мыслей, стремленій, настроенія, знакомство съ каковыми весьма существенно для успѣховъ нашихъ просвѣтительныхъ задачъ. Независимо отъ этого, вліянія востока уже давно играютъ свою роль въ складѣ русской жизни, что особенно ярко доказывается присутствіемъ множества вос-

точныхъ элементовъ въ нашемъ искусствѣ, въ томъ числѣ въ поэзіи и музыкѣ. И въ предлагаемомъ собраніи инородческихъ пѣсенъ и мелодій наши музыканты и композиторы найдутъ, можетъ быть, не менѣе интересные образчики восточнаго творчества для своихъ занятій и работъ, чѣмъ какіе были въ распоряженіи прежнихъ рускихъ мастеровъ, а наши поэты — хотя немного новыхъ для себя мотивовъ.

Въ своей книгѣ я сдѣлалъ попытку сгруппированія всѣхъ по возможности видовъ музыкально-поэтическаго творчества мусульманскихъ народностей Урала съ изображеніемъ ихъ современнаго быта на основаніи впечатлѣній и матеріаловъ моихъ поѣздокъ по Уралу въ 1893—94 гг.

Первый отдѣлъ пѣсенъ, татарскія пѣсни, редактированы академикомъ В. В. Радловымъ. Что касается текстовъ башкирскихъ, тептярскихъ и бакалинскихъ, то я вновь провѣрилъ ихъ въ бытность лѣтомъ 1896 года въ Оренбургѣ и при окончательномъ редактированіи ихъ пользовался содѣйствіемъ П. М. Меліоранскаго.

Въ правописаніи собственныхъ именъ, названій мѣстностей, предметовъ, когда они служатъ наименованіемъ пѣсенъ или мелодій, я избѣгалъ употребленія твердаго знака, какъ это принято въ транскрипціи инородческихъ текстовъ, и лишь по корректурнымъ недоразумѣніямъ попадается иногда въ окончаніяхъ собственныхъ инородческихъ именъ буква ъ.

При обозначеніи тональности записанныхъ мною мелодій я держался правила—ставить въ нотномъ станѣ, въ ключѣ, лишь столько знаковъ (діезовъ, бемолей), сколько встрѣчается ихъ въ самой мелодіи, такъ что съ обычной точки зрѣнія можетъ казаться, что въ ключѣ недостаетъ знаковъ, напр., мелодія движется по всѣмъ признакамъ (съ точки зрѣнія европейской гармоніи) въ тонѣ ля-мажоръ, и въ ключѣ слѣдовало бы поставить три діеза: на фа, до и соль, между тѣмъ я ставлю только два діеза: на фа и до, — это значитъ, что въ самой мелодіи встрѣчаются только фа-діезъ и до-діезъ и вовсе не попадается соль-діезъ.

Такого правила я держался потому, что установленіе тональности инородческихъ мелодій — вопросъ сложный и недостаточно

еще выясненный и во всякомъ случаѣ не можетъ производиться по пріемамъ западно-европейской музыкальной теоріи.

Въ концѣ книги приложены таблица скорости мелодій по метроному, во избѣжаніе слишкомъ различныхъ толкованій при ихъ исполненіи, и карта Уфимской и Оренбургской губерній съ маршрутомъ моей поѣздки.

С. Р.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Очеркъ быта и современнаго состоянія инородцевъ Урала.

Совершенная мною экскурсія лѣтомъ 1893 г. имѣла мѣсто въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. Собранные мною матеріалы и наблюденія ограничиваются предѣлами города Уфы и верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи и потому легко могутъ оказаться односторонними, неполными, требующими добавленія и поправокъ.

Упомянутымъ лѣтомъ я сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на собираніи инородческаго этнографическаго матеріала, преимущественно пѣсенъ татарскихъ, башкирскихъ, тептярскихъ, черемисскихъ съ *мелодіями*, не упуская при случаѣ записыванія русской народной пѣсни, которая, оказывается, имѣетъ въ этомъ краѣ весьма интересные и высокіе образцы. Отдѣлъ башкирскихъ пѣсенъ пополненъ матеріалами и наблюденіями моей поѣздки по орскому уѣзду лѣтомъ 1894 года среди коренной горной Башкиріи.

Въ описываемомъ краѣ — въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ обитаетъ, какъ извѣстно, много разнообразныхъ инородческихъ племенъ, среди которыхъ все болѣе и болѣе распространяется господствующая нація русская. Здѣсь встрѣчаются народности, принадлежащія къ финно-угорскому и тюрко-татарскому племенамъ: Татаръ, Киргизъ, Башкиръ, Тептярей, Мещеряковъ, Мордву, Чувашъ, Черемисъ и др.

Край этотъ до послѣдняго времени можно было считать почти дѣвственнымъ, нетронутымъ, и народности обитали въ немъ въ первобытныхъ, немѣняющихся условіяхъ жизни, сохраняя цѣльность своего племеннаго облика. Но въ послѣднее время поступательное движеніе русской культуры на востокъ коснулось и этого края и произвело въ жизни Пріуралья суще-

ственный переломъ, открывая въ ней новую эру. Измѣненія въ жизни края связаны съ проведеніемъ великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на примитивныя народности и вызвалъ между ними новыя экономическія и соціальныя отношенія.

Проведеніе этого пути, начавшагося съ запада, со стороны Европейской Россіи отъ г. Самары и пересѣкшаго уже Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую и даже Тобольскую губерній, знаменуетъ рѣшительное вторженіе русской культуры въ этомъ краѣ, до сихъ поръ почти первобытномъ, изобилующемъ дарами и красотами природы и населенномъ столь разнообразными народностями. Эта культура грандіознымъ предпріятіемъ привлекла сюда громадные капиталы и массу новыхъ людей, начиная съ участниковъ построенія великаго желѣзно-дорожнаго пути и произвела шумъ и переполохъ въ мирной, захолустной жизни отдаленной провинціи, ускоривъ кровообращеніе въ народномъ организмѣ и поразивъ воображеніе наивныхъ и примитивныхъ обитателей невиданными сооруженіями, неслыханными предпріятіями и широкою, привольною жизнью.

Волна жизни и культуры, надвигаясь на инородцевъ, ставитъ имъ тяжелую задачу приспособленія къ новымъ основаніямъ жизни и принуждаетъ отказываться отъ прежняго вѣковаго жизненнаго строя, ставитъ имъ вопросъ: «быть или не быть». Тяжесть этого кризиса увеличивается тѣмъ, что представители господствующаго племени вносили сюда хищническую культуру, безцеремонно эксплоатируя край, обезземеливая кочевыя народности, уничтожая у нихъ скотоводство и такимъ образомъ насильственно, безъ всякой постепенности, выбивая ихъ изъ вѣковаго строя жизни и ведя ихъ къ вымиранію.

Въ видѣ иллюстраціи можно привести извѣстное хищеніе башкирскихъ земель, имѣвшее мѣсто въ 70-хъ годахъ и получившее своего историка въ лицѣ Н. В. Ремезова, разоблачившаго въ книгѣ «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи» всѣ тайны этого хищенія, практиковавшагося и частнымъ и оффиціальнымъ путемъ.

Жизненная волна стала совершать свои перестройки и перетасовки въ этомъ краю особенно съ проведеніемъ рельсоваго пути.

Самаро-Златоустовско-Челябинская желѣзная дорога, несмотря на свое недавнее существованіе, уже вызвала въ жизни края много новыхъ явленій и много старыхъ намѣтила къ упраздненію.

Проходя по краю, заселенному массой разнообразныхъ народностей, она усилила сношеніе и общеніе между ними, а будучи связана съ другими путями сообщенія, привлекла въ край другія отдаленныя народности и облегчила мѣстному населенію сношенія съ ними. Проѣзжая осенью 1892 г. отъ Златоуста въ Самару, я встрѣтилъ татарина изъ г. Троицка, Орен-

бургской губерніи, который, оказалось, ѣхалъ въ Бухару по Волгѣ, Каспійскому морю и Закаспійской желѣзной дорогѣ — окружнымъ путемъ вмѣсто прежняго черезъ среднеазіатскія степи. Въ Оренбургской губерніи, въ городахъ Оренбургѣ и Троицкѣ, издавна до послѣдняго времени существуетъ такъ называемая мѣновая торговля съ средней Азіей, преимущественно съ Бухарой и Туркестаномъ. Въ прежнее время названіе торговли соотвѣтствовало дѣйствительности и вмѣсто купли и продажи товаровъ существовала мѣна; но уже давно установилась обыкновенная торговля на деньги. До послѣднихъ лѣтъ среднеазіатская торговля въ Троицкѣ имѣла обширные размѣры: изъ Средней Азіи приходили десятки верблюжьихъ каравановъ съ азіатскими товарами — различными фруктами, хлопкомъ, шелковыми матеріями, пріѣзжала масса Бухарцевъ — Сартовъ, Киргизъ и другихъ народностей для покупки русскихъ товаровъ — желѣза, хлѣба, сундуковъ и т. п. Троицкъ и Оренбургъ были складочными пунктами среднеазіатскихъ товаровъ для всего Пріуралья и даже большаго района— этимъ объясняются размѣры торговли, а путь слѣдованія товаровъ пролегалъ по среднеазіатскимъ степямъ и былъ весьма продолжителенъ — до 3 мѣсяцевъ; передвиженіе совершалось на верблюдахъ; недостатки его отражались на состояніи товаровъ, доходившихъ до Урала обыкновенно въ измятомъ, запыленномъ и изсушенномъ видѣ. Но вотъ сооружаются сначала Закаспійская, а затѣмъ Самаро-Златоустовская желѣзныя дороги, и направленіе среднеазіатской торговли съ Европейской Россіей совершенно мѣняется къ огромной ея выгодѣ. Образуется окружный, весьма удобный и дешевый путь — по Закаспійской желѣзной дорогѣ, Каспійскому морю, Волгѣ въ Европейскую Россію, а по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ въ Пріуралье. Хотя съ проведеніемъ Закаспійской дороги для Средней Азіи открылся прямой путь въ русскіе центры безъ посредства Пріуралья, тѣмъ не менѣе среднеазіатскія народности поддерживаютъ торговыя сношенія съ послѣднимъ, и значеніе Самаро-Златоустовской дороги для этихъ сношеній обнаружилось и было сознано Бухарцами на первыхъ же порахъ. Оказалось, что по этимъ новымъ путямъ сообщеніе съ Пріураліемъ совершается въ 6 разъ быстрѣе: вмѣсто прежнихъ 3 мѣсяцевъ по степямъ — въ 15 дней, а товары доставляются въ свѣжемъ и незапыленномъ видѣ, что особенно отразилось на фруктахъ, которые стало возможнымъ доставлять на Уралъ въ неизмятомъ, сочномъ и почти свѣжемъ состояніи. Убѣдившись въ этомъ, среднеазіатское населеніе довольно усердно пользуется новымъ путемъ сношеній. Такимъ образомъ строющійся сибирскій желѣзнодорожный путь, началъ оказывать значительное вліяніе на столь отдаленныя страны, какъ Бухара. Успливающееся постоянно товарное движеніе на этой дорогѣ доказываетъ все ея значеніе.

Новое значеніе дороги для края оказалось въ неурожайные годы 1891—92 г., когда при посредствѣ ея транспорты хлѣба доставлялись сравнительно дешево и легко въ отдаленные уголки Уфимской и Оренбургской губерніи и спасали отъ голода и смерти обрадованное населеніе, которое съ ужасомъ представляло себѣ размѣры бѣдствія въ томъ случаѣ, если бы не была проведена желѣзная дорога, и возсылало благодарности за заботы государственной власти. Дорогѣ выпала возможность сдѣлаться полезной для края еще во время ея постройки.

Культура, движущаяся въ дѣвственный край вмѣстѣ съ желѣзной дорогой, вызвавъ эти новыя явленія и факты, уже намѣтила много старыхъ явленій жизни къ упраздненію. На первомъ планѣ она произнесла свой приговоръ надъ патріархальнымъ, несложнымъ строемъ жизни низшихъ классовъ народа въ деревнѣ съ его правами, обычаями, вѣрованіями, пѣснями и т. п. Культура, какъ подмѣчено, всюду вытѣсняетъ непосредственное народное творчество въ строѣ жизни, обычаяхъ, пѣсняхъ, міросозерцаніи, и это народное творчество быстро улетучивается или поддается всевозможнымъ вліяніямъ, а между тѣмъ плоды этого творчества, какъ установлено, имѣютъ огромное значеніе для развитія культуры. Поэтому важно и интересно собираніе продуктовъ народнаго творчества въ такихъ мало еще затронутыхъ цивилизаціей мѣстахъ, какъ Пріуралье.

Желѣзныя дороги, какъ проводникъ культуры, въ корнѣ переворачиваютъ строй народной жизни и міровоззрѣнія, производя часто самыя уродливыя сочетанія старыхъ формъ жизни съ новыми городскими и отталкивающія нравственныя метаморфозы. Около начальной станціи Самаро-Златоустовской желѣзной дороги—Кинеля — образовался по поводу ея возникновенія поселокъ въ одинъ порядокъ съ десяткомъ домовъ; онъ выдѣлился изъ сосѣдняго большаго села. Жители поселка всѣ торгаши или содержатели трактировъ и промышляютъ мелочной торговлей около желѣзнодорожнаго вокзала. Торговля эта стала прибыльной съ тѣхъ поръ, какъ на ст. Кинель соединилась съ Оренбургской желѣзной дорогой Самаро-Златоустовская; число поѣздовъ и пассажировъ удвоилось, а съ ними увеличились и барыши торговцевъ изъ поселка, такъ что они всецѣло занимаются торговлею и ни о чемъ другомъ думать не хотятъ. Желая познакомиться съ жизнью поселка, я отправился туда пить чай: каждый домъ представляетъ изъ себя въ родѣ чайнаго заведенія для проѣзжающихъ.

Торговка, у которой я заказалъ чаю, на мои разспросы о жителяхъ сообщила мнѣ, что поселяне никогда не занимались хлѣбопашествомъ, поддерживаютъ только огородничество для торговли, ходятъ въ городскихъ костюмахъ, женщины въ ситцевыхъ модныхъ платьяхъ; любимымъ ихъ времяпрепровожденіемъ служатъ прогулки парочками по платформѣ вок-

зала; деревенскія пѣсни пѣть стыдятся и никогда ихъ не поютъ, а поютъ жестокіе романсы. Мало этого, они стыдятся своихъ родичей — деревенскихъ мужиковъ и бабъ изъ сосѣдняго села, никогда у нихъ не бываютъ и сухо и непріязненно ихъ принимаютъ. Моя собесѣдница увѣряла, что когда, напримѣръ, приходитъ къ сыну въ поселокъ мать, то онъ скрываетъ ея прибытіе отъ гостей, если они окажутся, и на вопросъ послѣднихъ, кто пришелъ, нехотя отвѣчаютъ: «да такъ себѣ», а если гости настойчивы въ своемъ любопытствѣ, говоритъ: «да мать». Въ станицѣ Черкасской по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ крестьяне перестали пѣть свои пѣсни съ проведеніемъ дороги.

Наоборотъ на станціи Абдулино, которая съ проведеніемъ дороги сдѣлалась значительнымъ пунктомъ хлѣбной торговли, мѣстные крещеные инородцы (татары) начали заимствовать у русскихъ пѣніе духовное и свѣтское.

Такъ перерождается строй народной жизни подъ вліяніемъ надвигающейся культуры даже въ этомъ отдаленномъ краѣ. Впрочемъ измѣненія въ строѣ народной жизни здѣсь только еще намѣтились и не дали большихъ ростковъ и группируются пока вдоль линіи желѣзной дороги. Поэтому богатѣйшій и цѣнный этнографическій матеріалъ этого края остается еще налицо во всей своей нетронутости въ ожиданіи изслѣдованія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ уже возникла опасность для его цѣльности и нетронутости съ проведеніемъ желѣзной дороги. Этнографическій матеріалъ, могущій быть собранъ въ этомъ краѣ, обѣщаетъ быть особенно разнообразнымъ и любопытнымъ въ виду массы народностей, уживающихся здѣсь, и своеобразныхъ богатыхъ природныхъ условій жизни. Для изслѣдователя представляется весьма интересный вопросъ о вліяніи русской народной стихіи на инородческую и на оборотъ въ явленіяхъ быта и, между прочимъ, въ пѣсенной и музыкальной сферѣ: обращаетъ на себя вниманіе, напримѣръ, фактъ усвоенія инородцами не только русскаго языка, но и русскихъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, выраженій, а также обратное явленіе — распространеніе среди русскихъ ломаннаго русскаго языка, инородческихъ мелодій, пѣсенъ и т. п.

Въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ водворились русскіе переселенцы изъ различныхъ губерній внутренней Россіи, и здѣсь можно подмѣчать смѣшеніе и взаимную переработку самыхъ разнородныхъ этнографическихъ особенностей русскаго народа: здѣсь встрѣчаются коренные, не тронутые, сложившіеся вѣками народные нравы; можно слышать драгоцѣнныя старинныя, вѣющія эпической красотой — пѣсни. Пѣсельниками славятся многіе горные заводы и села, напримѣръ, Міасъ. Инородческія племена, наравнѣ съ русскимъ интересныя для изслѣдованія и изученія,

хотя подлежатъ неизбѣжному перерожденію подъ вліяніемъ культуры и потерѣ своей индивидуальности, но пребывая въ настоящее время еще въ почти первоначальной цѣльности, этимъ особенно цѣнны для науки.

Особую категорію этнографическаго матеріала доставятъ казачьи поселенія, гдѣ раздается лихая казачья пѣсня, мало еще изслѣдованная, и царятъ своеобразные казачьи учрежденія и обычаи.

Указавъ въ общихъ чертахъ на вліяніе новыхъ явленій жизни, развивающейся русской культуры на бытъ мѣстнаго населенія, я перейду затѣмъ къ посильному изображенію этого быта, на сколько представленіе о немъ сложилось у меня въ теченіе лѣтней экскурсіи и насколько это надобно для большаго пониманія того этнографическаго матеріала, который мнѣ удалось собрать въ теченіе экскурсіи.

Я ограничусь бытомъ инородцевъ, потому что преимущественно среди нихъ дѣлалъ наблюденія прошедшимъ лѣтомъ. Я записывалъ пѣсни съ мелодіями среди слѣдующихъ инородческихъ племенъ: среди Татаръ, Башкиръ, Тептярей, Нагайбаковъ, т. е. крещеныхъ Татаръ, Черемисъ и Мордвы. Послѣднихъ двухъ народностей я не буду касаться въ виду недостаточности собраннаго матеріала и въ интересахъ единства остальнаго матеріала, который даютъ другія изъ перечисленныхъ народностей, принадлежащія всѣ къ тюркско-татарскому племени, исповѣдующія магометанскую религію, за исключеніе небольшаго числа крещеныхъ татаръ, и говорящія на родственныхъ нарѣчіяхъ.

Татары.

Среди Магометанскихъ народностей Пріуралья самая распространенная и устойчивая по своимъ племеннымъ традиціямъ — это Татары, сосредоточивающіеся преимущественно въ городахъ и торговыхъ центрахъ, начиная отъ Казани, татарской столицы, и частью въ деревняхъ. Излюбленное и почти единственное ихъ занятіе — торговля и финансовыя предпріятія, для чего Татары обнаруживаютъ вполнѣ соотвѣтственную энергію и предпріимчивость; изъ всѣхъ инородческихъ племенъ Урала они единственные, которыхъ можно встрѣчать на всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ путяхъ Европейской Россіи и особенно на Волгѣ, гдѣ они слывутъ подъ именемъ «князей»; тогда какъ другія народности точно приросли къ своимъ насаженнымъ прадѣдовскимъ мѣстамъ и дальше и больше своихъ юртъ и кибитокъ ничего не знаютъ. Естественно, что у Татаръ кругозоръ шире и нѣтъ и слѣда той первобытной наивности, какою отличаются другія племена — дѣти своей природы. Татаринъ — это человѣкъ себѣ на умѣ,

гешефтмахеръ, ловко смекающій свой барышъ, родственный во многомъ по настроенію Еврею. Поэтому почти всѣ Татары — торгаши или маклеры, непремѣнный элементъ всѣхъ базаровъ, ярмарокъ и торговыхъ мѣстъ. Среди нихъ встрѣчаются богачи-милліонеры, ведущіе торговые обороты на обширномъ районѣ, напримѣръ, въ г. Троицкѣ Оренбургской губерніи, самомъ значительномъ послѣ Уфы центрѣ мусульманства въ Пріуральѣ, первенствующій крезъ среди купцовъ — это татаринъ Яушевъ, ведущій милліонную торговлю хлѣбомъ и мануфактурными товарами въ Туркестанѣ, Троицкѣ, Уфѣ и Казани.

Такова главная дѣятельность Татаръ. Что касается ихъ настроенія, то это народъ прежде всего религіозный до фанатичности. Извѣстна религіозность мусульманскихъ народностей и ихъ тщательная заботливость объ исполненіи обрядностей. Татары же особенно ревнивы въ соблюденіи и охраненіи своей религіи: малѣйшій поводъ можетъ возбудить ихъ религіозную подозрительность и готовность стать за свою вѣру. Съ религіей связано ихъ племенное самознаніе, которое у нихъ несравненно интенсивнѣе, чѣмъ у другихъ инородцевъ и обнаруживаетъ большую устойчивость въ борьбѣ съ посторонними вліяніями и, между прочимъ, съ вліяніемъ русской національности. Упроченію племеннаго сознанія мусульманъ и Татаръ въ особенности содѣйствовало учрежденіе при Екатеринѣ II двухъ должностей муфтіевъ — въ Уфѣ и Крыму, съ какого времени Татары создали у себя собственную грамотность и книжность.

Религіозно замкнутые и фанатичные, они ревниво оберегаютъ отъ измѣненій свою племенную индивидуальность, будучи предубѣжденно настроены къ другимъ религіознымъ и національнымъ началамъ.

Религіозность мусульманскихъ народностей проявляется уже въ томъ, что въ самомъ маленькомъ селеніи имѣется мечеть и духовное лицо при ней — мулла, соотвѣтствующій нашему священнику. По деревнямъ мечети обыкновенно деревянныя четырехугольной формы съ высокимъ минаретомъ въ родѣ свѣчи. Внутри главное помѣщеніе — мѣсто молитвы — представляетъ просторную четырехугольную комнату съ большими окнами, чисто содержимую и устланную половиками. Впереди нея — углубленіе въ стѣнѣ — ниша, гдѣ хранятся священныя книги и куда во время богослуженія входитъ только мулла. По стѣнамъ висятъ канделябры или лампы, а посреди потолка въ родѣ люстры. Передъ молитвеннымъ заломъ при входѣ одинъ или два притвора, гдѣ правовѣрные снимаютъ обувь, прежде чѣмъ войти на молитву.

Общественная молитва совершается у нихъ въ высшей степени чинно: молящіеся въ бѣлыхъ чалмахъ на головѣ занимаютъ мѣста правильными рядами и всѣ одновременно дѣлаютъ различныя движенія при молитвѣ:

всѣ разомъ поднимаютъ ладони, въ молитвенномъ настроеніи, дѣлаютъ поясной поклонъ, образуя своими спинами ровную площадь, опускаются на колѣни и припадаютъ головою къ землѣ, затѣмъ встаютъ, точно кто нибудь командуетъ ими при этихъ движеніяхъ. Все богослуженіе мусульманъ протекаетъ среди большой тишины, прерываемой только шепотомъ и вздохами молящихся и скуднымъ пѣніемъ муллы и муэдзина съ характернымъ восточнымъ пошибомъ, сбивающимся часто на речитативъ.

Непзмѣнно 5 разъ каждый день во всякомъ мусульманскомъ селеніи съ высоты минаретовъ раздается меланхолическій голосъ муэдзина, призывающій правовѣрныхъ къ молитвѣ. Селенія нерѣдко имѣютъ 2—3 мечети: а въ большихъ городахъ ихъ бываетъ и болѣе, гдѣ онѣ обыкновенно каменныя. Уфа — главный духовный центръ мусульманъ, резиденція муфтія; здѣсь получаютъ посвященіе и соотвѣтственныя наставленія муллы не только Пріуралья, но и Казанскаго края и Сибири, — лучшее доказательство духовной централизаціи и сплоченности мусульманъ и степени значенія Уфы какъ мусульманскаго центра.

Дѣятельный пунктъ свило себѣ мусульманство на Уралѣ также въ г. Троицкѣ Оренбургской губерніи, наполовину населенномъ Татарами; до послѣднихъ лѣтъ въ городѣ мечетей было больше, чѣмъ христіанскихъ церквей, и ихъ въ настоящее время насчитывается до 6-ти. Всѣ онѣ построены изъ камня въ красивомъ стилѣ, приближающемся къ стилю русскихъ церквей — съ куполами, шпицами, что вводитъ въ обманъ вновь пріѣзжающаго, который издали любуется многочисленностью храмовъ, украшающихъ городъ, принимая ихъ за христіанскіе. Красота и благоустройство мечетей говоритъ о силѣ мусульманскаго элемента въ городѣ, а частые призывы молитвъ съ высоты многочисленныхъ минаретовъ значительно придаютъ городу восточно мусульманскій отпечатокъ, не смотря на то, что въ городѣ при половинномъ русскомъ населеніи (7—8 тысячъ) имѣется классическая гимназія, женская прогимназія, общественная библіотека, русскій клубъ, до 11 русскихъ начальныхъ и городскихъ школъ. Настоящимъ восточнымъ городомъ Троицкъ выглядываетъ лѣтомъ, когда Татары и вообще мусульмане справляютъ свой постъ — уразу, а послѣ него главный праздникъ Курманъ-Байрамъ.

Во время уразы Татары цѣлый день не принимаютъ пищи, а послѣ заката солнца, возвратившись изъ мечетей, устраиваютъ цѣлое пиршество на весь городъ: во всѣхъ татарскихъ домахъ свѣтятся огни до глубокой ночи, топятся печи, кипятъ самовары, слышенъ оживленный говоръ вокругъ трапезы, устрояемой по восточному обычаю на полу на разостланныхъ половикахъ и коврахъ. Почти неизмѣннымъ спутникомъ описываемой уразы являются пожары въ татарскихъ кварталахъ благодаря тому, что

приготовляясь разговляться или послѣ того, правовѣрные, успувъ незамѣтно, забываютъ о печи или самоварѣ, грѣющемся въ сѣняхъ, и печь, а особенно самоваръ тѣмъ временемъ и подожгутъ домъ.

Главный свой праздникъ Курманъ-Байрамъ, наступающій послѣ уразы, мусульмане справляютъ особенно торжественно. Онъ продолжается 7 дней, для бѣдныхъ впрочемъ дня 3—4. Въ мечетяхъ совершаются торжественныя службы. Правовѣрные одѣваются въ лучшія одежды и бѣлыя чалмы, усердно посѣщаютъ другъ друга, особенно бѣдные богатыхъ, употребляютъ въ пищу непремѣнно всѣ мясо, каковое въ другое время у большинства отсутствуетъ, различныя восточныя кушанья, напримѣръ пилавъ изъ риса, мяса, фруктовъ лимона и пр., восточные фрукты и сласти — урюкъ, изюмъ, бухарскую вишню, алибухару, фисташки въ сахарѣ, бухарскую дыню и т. п., — и напитки кумысъ и медъ. Богатые устраиваютъ угощеніе для бѣдныхъ: «для Бога», какъ они говорятъ, сзываютъ ихъ часто въ большомъ количествѣ и раздаютъ подарки: ситцы, платки, припасы.

Вообще обрядовая сторона мусульманства въ Троицкѣ проявляется ярче, чѣмъ даже въ Уфѣ.

Въ Троицкѣ же сосредоточиваются носители мусульманской премудрости и бдительные стражы ея интересовъ въ лицѣ мѣстныхъ муллъ.

Троицкъ является центромъ, откуда зорко слѣдятъ за неприкосновенностью религіи правовѣрныхъ въ окружающихъ странахъ, и гдѣ сосредоточиваются всѣ вѣсти о положеніи дѣлъ мусульманства.

Мѣстные муллы постоянно первыми поднимаются по малѣйшему поводу въ защиту своей вѣры или въ отстаиваніе попранныхъ интересовъ ея, и берутъ на себя роль ходатаевъ за весь мусульманскій міръ Пріуралья и прилежащихъ странъ даже передъ высшими государственными властями, доказывая всякій разъ фактъ фанатичности Татаръ. Приведу въ видѣ иллюстраціи слѣдующіе разсказы, слышанные мною на мѣстѣ.

Въ 70-хъ или началѣ 80-хъ годовъ въ Златоустовскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи въ одномъ татарскомъ селеніи во время страшной зимней вьюги, когда всѣ дороги замело и зги не было видно, урядникъ или становой приставъ распорядился въ заботахъ о путникахъ, застигнутыхъ въ страшную ночь вьюгою, повѣсить нашедшійся въ селеніи колоколъ на минаретѣ, какъ единственномъ высокомъ въ деревнѣ пунктѣ, и звонить непрерывно. Трудно описать смятеніе переполохъ среди татарской деревни, послѣдовавшіе за этимъ распоряженіемъ: Татары увидѣли посягательство на свою вѣру, намѣреніе окрестить ихъ и поднялись какъ одинъ; волненіе необыкновенно заразительно передалось въ слѣдующіе дни сосѣднимъ и дальнѣйшимъ деревнямъ и спустя немного охватило цѣлый округъ, перева-

лило черезъ Уральскій хребетъ въ Оренбургскую губернію и отразилось въ Троицкѣ, гдѣ оно нашло своихъ выразителей передъ государственными властями въ лицѣ мѣстныхъ муллъ, которые ѣздили (будто бы) съ петиціей въ Петербургъ въ защиту своей попранной религіи, а мѣстнымъ властямъ причинило массу хлопотъ по возстановленію нарушеннаго спокойствія цѣлаго края, для чего сочли надобнымъ, устранить изъ той мѣстности урядника, распорядившагося повѣсить на минаретѣ колоколъ.

Въ послѣдніе годы Министерство Народнаго Просвѣщенія рѣшило взять подъ свой надзоръ учебники, употребляемые въ татарскихъ школахъ при мечетяхъ — такъ называемыхъ *медресэ*, подозрѣвая въ нихъ антигосударственныя тенденціи, такъ какъ многіе изъ нихъ напечатаны заграницей — въ Бухарѣ, Персіи, и распорядилось по учебно-окружному начальству взять изъ медресе образцики учебниковъ. Недостаточная тактичность мѣстныхъ учебныхъ властей сдѣлала то, что это собираніе учебниковъ было учинено безцеремонно при посредствѣ полицейской власти, и въ г. Чистополѣ, напримѣръ, инспекторъ народныхъ училищъ, исполнявшій распоряженіе начальства, устроилъ вмѣстѣ съ исправникомъ почти осаду мечети, окруживъ ее внезапно со всѣхъ сторонъ и заперевъ выходы, и отобравъ учебники, прибѣгнувъ такимъ образомъ къ силѣ. Въ г. Троицкѣ полиція безъ участія мѣстной учебной администраціи по распоряженію высшей учебно-окружной власти послала мулламъ повелительное предложеніе представить учебники начальству, и муллы оскорбились тономъ предложенія.

Намѣреніе государственной власти подчинить общей цензурѣ мусульманскіе учебники застало Татаръ врасплохъ и озадачило ихъ, а дѣйствія мѣстныхъ властей, приводившихъ въ исполненіе названное намѣреніе, рѣшительно могли возбудить религіозную подозрительность Татаръ, и у нихъ могли родиться мрачныя мысли о беззащитности ихъ религіи, и вотъ голоса смятенныхъ правовѣрныхъ доходятъ до слуха троицкихъ муллъ и, гармонируя съ ихъ личнымъ настроеніемъ, нашли въ нихъ ревностныхъ выразителей общаго смятенія мусульманскихъ умовъ и ходатаевъ за унижаемую религію передъ властями. Опять ѣдутъ троицкіе муллы въ С.-Петербургъ, проживаютъ здѣсь довольно продолжительно, находятъ не вполнѣ литературнаго выразителя ихъ жалобъ и подаютъ обширную петицію министру народнаго просвѣщенія, въ которой сообщаютъ, что не могутъ въ скоромъ времени исполнить распоряженія министерства о представленіи учебному начальству учебниковъ въ виду ихъ ограниченнаго количества и о замѣнѣ ихъ руководствами, одобренными русскою цензурою, за непмѣніемъ таковыхъ въ продажѣ, просятъ отсрочки помянутаго распоряженія и затѣмъ жалуются на мѣры и дѣйствія мѣст-

ныхъ властей, указываютъ на случай въ Чистополѣ и Троицкѣ, высказываютъ свою обиду по поводу безцеремонности полиціи, обращаютъ вниманіе министра на изложенныя происшествія, желая предупредить-де осложненіе дѣлъ для русскихъ властей, если придетъ въ волненіе населеніе, простирающееся отъ вершинъ Урала до границъ Индіи. Такая угроза, которою оканчиваютъ свою петицію троицкіе муллы, отличается, конечно, болѣе широтою замысла и разсчетомъ на извѣстное впечатлѣніе, чѣмъ реальнымъ значеніемъ. Разсказанные случаи показываютъ, сколь велика религіозная возбудимость и подозрительность Татаръ и въ какой степени они находятся на стражѣ своей религіи. Много другихъ фактовъ подтверждаютъ ихъ фанатичную предубѣжденность противъ всякихъ чуждыхъ вліяній и упорное сопротивленіе воздѣйствію русской культуры. Татары не охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ русскія гимназіи, а въ Троицкѣ, напримѣръ, до сихъ поръ не было ни одного татарина въ гимназіи, тогда какъ Киргизы безъ малѣйшихъ сомнѣній и раздумья поступаютъ въ среднія учебныя заведенія, проходятъ ихъ курсъ и нерѣдко съ блескомъ оканчиваютъ, а затѣмъ успѣшно слушаютъ университетскій курсъ и вырабатываются въ культурныхъ общественныхъ дѣятелей: врачей, слѣдователей, судей и даже ученыхъ.

Татары обнаруживали неудовольствіе и были непрочь поупорствовать по поводу требованія русскаго правительства обязательнаго знанія русскаго языка для каждаго муллы, безъ чего не можетъ быть совершаемо поставленіе въ муллы, и лишь видя неизбѣжность, Татары волей — неволей примолкли, и теперь въ Уфѣ каждый посвящающійся въ муллы держитъ предварительно экзаменъ по русскому языку, кажется, при городскихъ училищахъ.

Русская миссіонерская дѣятельность, довольно энергично ведомая въ Уфѣ преосвященнымъ Діонисіемъ, извѣстнымъ миссіонеромъ, подвизавшимся раньше въ Якутскѣ на поприщѣ обращенія въ христіанство Якутовъ, — пожинаетъ плоды преимущественно среди язычниковъ края: Черемисъ, Мордвы, а не среди Магометанъ и особенно Татаръ.

Поддержанію религіозной замкнутости и фанатичности значительно содѣйствуютъ школы мусульманской грамотности, состоящія обыкновенно при мечетяхъ и называющіяся низшія, подготовительныя — *мектебэ* и высшія — *медресэ*.

Въ нихъ изучаются арабскій языкъ и Коранъ. Періодъ обученія продолжительный отъ 5 до 20 лѣтъ и наполняется большею частью усвоеніемъ наизусть отдѣльныхъ мѣстъ Корана, при чемъ пониманіе ихъ отходитъ на второй планъ, и многіе инородцы, напримѣръ, Башкиры отдаютъ явное

предпочтеніе русскимъ начальнымъ школамъ за быстроту и простоту обученія въ нихъ грамотѣ.

Въ медресэ сосредоточивается вся татарская грамотность и письменность и изъ нихъ же выходятъ произведенія книжнаго сочинительства, стоящія особнякомъ отъ произведеній народнаго творчества и извѣстныя подъ названіемъ *мнажатъ* или *байтъ*. Это — нѣчто вродѣ религіозныхъ и свѣтскихъ поэмъ и стихотвореній поучительныхъ или повѣствовательныхъ или на злобы дня изъ жизни народной. Отъ Татаръ эти продукты искусственнаго сочинительства распространяются среди другихъ инородцевъ.

Такимъ образомъ Татары, крѣпко держась своей религіи и будучи неподатливы на постороннія вліянія, обнаруживаютъ несравненно бо́льшую племенную упругость и самосознаніе, чѣмъ другіе инородцы, и обѣщаютъ долго отстаивать свою племенную индивидуальность, въ каковыхъ предположеніяхъ утверждаетъ малая измѣняемость ихъ быта: живя бо́льшею частью въ городахъ среди русскаго населенія, они успѣшно сохраняютъ въ обстановкѣ, обычаяхъ и правахъ весь ихъ восточный колоритъ.

Жилища ихъ имѣютъ обычное у инородцевъ устройство: посрединѣ избы сѣни, налѣво отъ которыхъ чистая половина, гдѣ обитаютъ супруги и принимаются гости, устланная коврами и половиками, уставленная иногда русскими стульями, и столами и шкафами, которыми хозяева почти не пользуются, такъ какъ возсѣдаютъ и принимаютъ пищу сами постоянно на полу; направо отъ сѣней нѣчто въ родѣ кухни съ широкими скамейками — нарами, печью въ родѣ камина или русской съ вмазаннымъ въ нее котломъ, на этой половинѣ обитаютъ другіе домочадцы — родственники работники и т. п. Жилища и вообще домашній обиходъ Татаръ отличается бо́льшею чистотой и опрятностью, чѣмъ у другихъ инородцевъ. Семейная жизнь ихъ замкнута: жены почти не показываются мущинамъ за исключеніемъ русскихъ, тщательно скрываютъ свою физіономію отъ постороннихъ взоровъ и вращаются только въ семейномъ кругу, не появляясь ни въ какихъ общественныхъ мѣстахъ и сборищахъ, въ то время какъ у другихъ инородцевъ женщины пользуются бо́льшею свободою: у Башкиръ почти не закрываются въ присутствіи мущинъ, а у Киргизъ и того больше — вовсе не закрываются и наравнѣ съ мущинами занимаются промыслами: пріѣзжаютъ иногда одни въ города на базары, продаютъ тамъ кумысъ, пшеницу и прочее.

Многоженство у Татаръ распространено больше, чѣмъ у другихъ инородцевъ, а богатые изъ нихъ имѣютъ цѣлые гаремы, соотвѣтственно приспособляя для этого свои жилища, въ которыхъ нерѣдко азіатская обстановка совмѣщается съ европейской, такъ что въ парадныхъ, пріем-

ныхъ комнатахъ встрѣчаются зеркала, мягкая мебель, диваны, бархатъ, а во внутреннихъ оказывается пестрое убранство коврами, матеріями въ восточномъ вкусѣ, гдѣ многочисленныя жены проводятъ время, вкушаютъ пищу безъ вилокъ и хлѣба прямо на полу среди ковровъ и пуховиковъ.

И такъ, весь строй жизни и наклонности Татаръ обусловливаютъ спеціализацію занятій и интересовъ, односторонность и убогость воззрѣній и чувствованій подъ вліяніемъ религіозной и бытовой замкнутости, и извѣстную сухость характера, ведущую къ прозаичности ихъ жизни и дѣятельности, что́, можетъ быть, отражается и на поэтическомъ творчествѣ этого народа, которое едва ли можетъ быть поставлено впереди творчества другихъ инородцевъ.

Башкиры.

Въ иномъ обликѣ рисуется намъ другая крупная народность Пріуралья — Башкиры, исповѣдующіе магометанскую религію и говорящіе нарѣчіемъ, родственнымъ съ татарскимъ.

Что касается численности Башкирскаго народа, то точныхъ статистическихъ данныхъ относительно этого не имѣется.

Въ религіозномъ отношеніи Башкиры также вѣрные сыны Ислама, но чуждые той фанатичности, какую встрѣчаемъ у Татаръ. Въ каждой башкирской деревнѣ имѣется непремѣнно мечеть, которую усердно посѣщаютъ обременennые лѣтами Башкиры. Выселяясь лѣтомъ на кочевки въ горы, они берутъ съ собою муллу съ муэдзиномъ, и крикъ послѣдняго раздается каждый день и въ кочевкахъ съ высоты отведеннаго для молитвы помѣщенія.

Представленія о Божествѣ у нихъ довольно опредѣленныя; прежде всего они, конечно, монотеисты представляютъ себѣ божество вездѣсущимъ и на небѣ, и на землѣ и подъ землею (одинъ Башкиръ въ видѣ иллюстраціи указывалъ присутствіе Бога и на его плечѣ). Сравнивая свою религію съ русскою, они говорятъ что Богъ одинъ, только «книяги» (т. е. книги) разныя.

Представленія о загробномъ состояніи довольно смутныя: что́ будетъ послѣ смерти съ человѣкомъ и гдѣ онъ будетъ, объ этомъ они ничего опредѣленнаго не сообщаютъ, только говорятъ, что за добрыя дѣла будетъ хорошо, а за плохія дурно, знаютъ только, что въ «книгахъ» предписывается людямъ дѣлать добро и сказано все, что́ надобно для того, чтобы человѣку послѣ смерти было хорошо.

Въ общемъ никакихъ страховъ передъ будущимъ у нихъ нѣтъ, нѣтъ

также представленія о необходимости трудныхъ нравственныхъ подвиговъ для достиженія благоденственной жизни за гробомъ. Не дѣлать зла — и это уже достаточно доброе дѣло, которое зачтется человѣку.

Посѣщать мечети считается необходимымъ, хотя молодежь не обнаруживаетъ ревности въ этомъ отношеніи.

Сознаніе нравственныхъ обязанностей поддерживаютъ муллы, путешествуя иногда по деревнямъ и внушая Башкирамъ, что надо ходить въ мечети, помогать бѣднымъ, не гулять съ чужими бабами и т. п.

Башкиры менѣе обнаруживаютъ боязни за свою религію, чѣмъ Татары, спокойно разсуждаютъ о своей и русской вѣрѣ, не обнаруживая ни малѣйшей склонности возвеличивать свою, считая всѣ вѣры равными. Они спокойно встрѣтили распоряженіе русскихъ властей объ обязательности знанія русскаго языка муллами, безъ опасеній за вѣру отдаютъ своихъ дѣтей въ русскія начальныя школы. Къ этому надобно прибавить, что Башкиры обнаруживаютъ несравненно меньшее знакомство съ Кораномъ, чѣмъ Татары: о содержаніи Корана почти никто изъ нихъ не въ состояніи чего либо сказать, а случается, что Башкиръ не понимаетъ самаго слова «Коранъ» и начинаетъ кое-что смѣкать лишь послѣ того, если скажешь ему не Коранъ, а «Аль-Коранъ», да и то если потолкуетъ съ нимъ сначала кто нибудь изъ болѣе просвѣщенныхъ соплеменниковъ.

Страна, гдѣ обитаютъ Башкиры, это оба склона южнаго Урала, слывущаго подъ именемъ русской Швейцаріи за свои чудныя природныя красоты, о которыхъ болѣе опредѣленное представленіе русское общество начинаетъ составлять съ проведеніемъ желѣзной дороги, когда оно было изумлено роскошью и изобиліемъ картинъ, какія скрывалъ въ себѣ Уралъ. Русская публика сдѣлала въ этомъ отношеніи у себя дома открытіе, какъ и въ будущемъ предстоитъ ей дѣлать не мало открытій у себя: такъ мало знакома она съ своей родиной.

Башкирскій Уралъ богатъ еще лѣсомъ, хотя Башкиры истребляютъ его немилосердно, и минералами, которыхъ Башкиры вовсе не эксплоатируютъ, а изыскиваютъ ихъ и обрабатываютъ русскіе предприниматели.

Башкиры даже боятся браться, напримѣръ, за добываніе золота, называя это дѣло опаснымъ, не чуждаясь впрочемъ хищнической добычи въ малыхъ размѣрахъ.

Между тѣмъ въ Башкиріи находятся одни изъ главнѣйшихъ мѣсторожденій золота. Любопытно, что золото встрѣчается почти только на восточномъ склонѣ Урала, а на западномъ, напримѣръ, въ Уфимской губерніи не существуетъ ни одного золотаго пріиска, въ Оренбургской же сосредоточены всѣ главнѣйшіе пріиски Урала.

Мои наблюденія касались Башкиръ, живущихъ по восточному склону

Уральскихъ горъ въ Оренбургской губерніи и извѣстныхъ подъ именемъ горныхъ. Они считаются коренными Башкирами, благодаря горной природѣ болѣе защищенными отъ постороннихъ вліяній и въ бо́льшей цѣлости сохранившими племенные устои жизни. Въ орскомъ и верхнеуральскомъ уѣздахъ Оренбургской губерніи существуютъ башкирскія волости, почти недоступныя для туристовъ благодаря дикой горной природѣ и первобытнымъ дорогамъ, по которымъ Башкиры путешествуютъ только верхомъ.

Русскій элементъ въ подобныхъ волостяхъ почти отсутствуетъ, и Башкиры имѣютъ весьма отдаленное знакомство съ русскимъ языкомъ. Въ Уфимской же губерніи строй башкирской жизни значительно измѣнился подъ вліяніемъ мирнаго и немирнаго столкновенія съ господствующей націей и сокращенія кочеваго образа жизни.

Что касается быта горныхъ Башкиръ, то зимою живутъ они въ деревняхъ, построенныхъ на подобіе русскихъ, но отличающихся большею запущенностью, называемыхъ *зимовками*, а лѣтомъ перебираются въ *кочевки* (*юртъ*) верстъ за 10—15 и не далѣе 20—30 отъ зимовокъ.

Мѣста кочевокъ въ теченіе лѣта мѣняются раза два. Кочеванія — вѣковѣчное обыкновеніе у Башкиръ и необходимы въ виду скотоводства у нихъ.

Выѣздъ въ кочевку ранней весной — сущій праздникъ для Башкиръ, особенно бѣдныхъ: послѣ тѣснаго и голоднаго для большей части Башкиръ житья зимою, они съ радостью принимаются за хлопоты по перекочеванію, зная, что ихъ ждетъ привольное житье на лонѣ природы, которая и будетъ доставлять имъ пропитаніе на все теплое время: скотъ даетъ мясо, молоко, а у богатыхъ и кумысъ, въ лѣсахъ по горамъ родятся ягоды, рыщутъ звѣри, ютятся птицы; окружающіе лѣса въ полномъ распоряженіи каждаго Башкира для выдѣлки и сбыта въ города и заводы; живя вообще въ большой бѣдности, особенно въ послѣдніе годы, лѣтомъ Башкиръ не удрученъ вопросомъ, чѣмъ ему жить, ибо на это время многія потребности упраздняются, а природа даетъ массу подспорій; зимой же приходится существовать тѣмъ скуднымъ заработкомъ, бо́лѣе скуднымъ, чѣмъ у русскаго населенія, какой каждому удастся достать, въ то время, какъ и скотъ почти ничего не даетъ.

Жизнь кочевки представляетъ совершенно своеобразный міръ. Европеецъ, попадая туда, разстается со всѣми привычными принадлежностями своей жизни: здѣсь онъ не найдетъ ни столовъ, ни стульевъ, ни т. п. удобствъ, потому что все это замѣняетъ Башкирамъ лоно природы, сама земля.

Для кочевокъ Башкиры, большіе поэты въ душѣ, выбираютъ весьма часто мѣста, отличающіяся замѣчательной природной красотой, и можно почти безошибочно предполагать, что тамъ, гдѣ ютится башкирская

Государственная Публичная БИБЛІОТЕКА Союза ССР

кочевка, окажется красивый горный видъ. Башкирская кочевка производитъ на туриста впечатлѣніе большого оживленнаго, точно населеннаго мѣста, хотя обыкновенно въ ней бываетъ не болѣе десять кошей, благодаря присутствію разнообразнаго скота: и возгласы людей, ревъ коровъ, ржанье лошадей, блеяніе козъ широко и звонко разносятся среди горъ.

Лѣтнія жилища вообще, въ которыхъ живутъ Башкиры, двоякаго рода. Жилища богачей, устрояемыя изъ кошемъ, имѣющія куполообразную форму съ отверстіемъ наверху, называются *кошъ*. Послѣдній, по словамъ Башкиръ, заимствованъ ими отъ Киргизъ сравнительно въ недавнее время. Но можетъ быть, кошъ существовалъ у нихъ искони какъ вообще у восточныхъ тюркско-татарскихъ народностей; только въ эпоху кантоннаго устройства нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, когда ихъ заставили жить на манеръ русскаго крестьянина и научили строить русскую избу, Башкиры забыли о своемъ кошѣ и вспомнили опять, когда дали имъ прежнюю свободу съ отмѣной кантоновъ. Обращаются же они за кошами къ Киргизамъ потому, что послѣдніе большіе мастера строить ихъ. Русскіе кошъ называютъ кибиткой. Устройство коша слѣдующее. Деревянный остовъ—переплетъ изъ дранницъ или жердей куполообразной формы покрывается сначала плетеніями изъ соломы, а затѣмъ плотными сѣрыми киргизскими кошмами, которыя сшиваются другъ съ другомъ. Наверху оставляется отверстіе для свѣта, которое въ случаѣ непастной погоды или отъ яркаго солнца можетъ задергиваться кошмою, прикрѣпленной на вершинѣ коша и приводимой въ движеніе веревкой. Съ какой-нибудь стороны коша устраивается входъ небольшой высоты съ дверцами на петляхъ, иногда узорчатыми.

Внутри коша половина его ближе къ выходу устилается свѣжею травою, а иногда вовсе не застилается; въ центрѣ подъ свѣтовымъ отверстіемъ отводится мѣсто для костра, который горитъ значительную часть дня и дымъ котораго почти постоянно царитъ въ кошѣ, не весь уходя вверхъ въ отверстіе. Другая половина коша — сторона, противоположная входу, устилается кошмами и коврами съ подушками для лежачаго времяпрепровожденія днемъ и спанья ночью; здѣсь же у самой стѣнки коша помѣщаются сундуки съ имуществомъ; на правой и лѣвой сторонѣ отъ входа устанавливаются кровати, на которыхъ помѣщаются домочадцы, не находящіе мѣста въ центральной части коша. Эти части иногда отгораживаются ситцевыми занавѣсками, за которыми укрываются жены и вообще женскій полъ, когда у хозяина коша бываетъ въ гостяхъ мужская компанія; вблизи отъ входа налѣво помѣщаются кадушки и кадочки и кожаные мѣха: такъ называемые *сабá* — большихъ размѣровъ для приготовленія кумыса и *турсуки* — небольшіе мѣха для его перевозки; по стѣнамъ развѣшиваются разныя хозяйственныя принадлежности: ковши, рѣшето, лошадиная сбруя и т. п.

Бѣдняки живутъ въ лачугахъ, устрояемыхъ или изъ бересты или изъ бревенъ; въ послѣднемъ случаѣ эти жилища производятъ впечатлѣніе недоконченныхъ русскихъ избъ, потому что бревна, плохо отесанныя, кое-какъ, неплотно положены другъ на друга, такъ что сквозь нихъ просвѣчиваютъ щели; дверей нѣтъ, а замѣняютъ ихъ занавѣски; крыши почти отсутствуютъ: тѣ дырявыя, небрежно набросанныя настилки изъ бересты, дерна, изрѣдка изъ досокъ, которыя высятся на башкирскихъ лачугахъ, трудно считать за крыши. Одинъ уголъ постройки обязательно остается непокрытымъ: здѣсь устраивается костеръ, дымъ отъ котораго при каждомъ дуновеніи вѣтра заполняетъ всю лачугу и сильно ѣстъ глаза. Въ такихъ постройкахъ, усѣянныхъ по всѣмъ стѣнамъ щелями, постоянно гуляетъ сквозной вѣтеръ, который не только не безпокоитъ Башкиръ, но доставляетъ имъ удовольствіе, и они говорятъ, что отъ этого продуванія легко становится имъ и прохладно, и въ подобныхъ лачугахъ они не боятся и заморозковъ, которые застигаютъ ихъ въ горахъ ранней весною и осенью.

Еще первобытнѣе устройство лачугъ изъ бересты (березовой коры): остовъ изъ 5—6 жердей, связанныхъ вмѣстѣ верхними концами, а нижними разставленныхъ и воткнутыхъ въ землю, покрывается листами березовой коры, и такое жилье устраивается и убирается въ короткое время. Подобныя жилища—удѣлъ или крайнихъ бѣдняковъ или отчаянныхъ лѣнивцевъ.

Башкиры устанавливаютъ свои жилища въ кочевкахъ или полукружіемъ или подъ прямымъ угломъ. Дневная жизнь кочевки начинается рано, вскорѣ послѣ восхода солнца. Ее предваряетъ пробужденіе скота: ревъ коровъ, блеяніе козъ, рѣзвыя движенія и игры козлятъ—все это находится уже въ разгарѣ въ моментъ восхода солнца, а побрякиванія колокольчиковъ и ржаніе по временамъ конныхъ табуновъ, пасущихся въ окружающихъ лѣсахъ и поляхъ, не прекращаются цѣлую ночь. Вскорѣ послѣ восхода пробуждаются люди, прежде всего Башкирки, которыя принимаются за хозяйство: доятъ коровъ, козъ, разводятъ костры, ставятъ самовары; спустя немного, ночные пастухи пригоняютъ съ пастбища дойныхъ кобылъ, и Башкирки принимаются за доеніе ихъ, держа на перевѣсѣ деревянныя кадочки. Доеніе кобылъ происходитъ 5 разъ въ день, и 5 разъ сгоняются ихъ табуны. Чтобы жеребята не истощали молока у матерей, ихъ въ теченіе дня привязываютъ на лужайкѣ близъ кочевки, такъ что днемъ лошади пасутся безъ жеребятъ, и лишь на ночь отпускаютъ послѣднихъ вмѣстѣ съ матками. Передъ каждымъ доеніемъ жеребятамъ даютъ немного пососать маток, чтобы послѣднія были спокойнѣе при доеніи. Благодаря тому, что человѣкъ отнимаетъ у нихъ молоко для своихъ потребностей, башкирскіе

жеребята выглядываютъ менѣе развитыми и плотными, чѣмъ въ русскихъ поселеніяхъ.

Табуны въ кочевкахъ—составная часть населенія, и лошади, коровы, козы какъ бы чувствуютъ свои права и безпрепятственно бродятъ вокругъ жилищъ, а иногда заходятъ и въ нихъ, умѣютъ эксплоатировать костры для своихъ удобствъ: животныя охотно подходятъ къ кострамъ и въ дыму ихъ спасаются отъ нападеній насѣкомыхъ въ лѣтній жаръ.

Позже Башкирокъ поднимаются Башкиры и не сразу принимаются за работу, а потягиваются, позевываютъ, продолжительно тараторятъ за чаепитіемъ и послѣ этого расходятся на работы. Вообще Башкирки дѣятельнѣе, чѣмъ Башкиры.

Работы и занятія Башкиръ даже лѣтомъ не многочисленны: Башкиры рубятъ лѣсъ, пилятъ и свозятъ затѣмъ его на заводы и въ города, гдѣ они постоянно поощряются къ истребленію своихъ лѣсныхъ богатствъ, получая въ подарокъ пилы; занимаются небольшой торговлею, перепродавая товары на базарахъ и ярмаркахъ; заготовляютъ вѣники, собираютъ ягоды, охотятся, и все это продаютъ русскимъ въ городахъ. Вообще же Башкиры крайне безпечны о завтрашнемъ днѣ и зарабатываютъ только на сегодня, поэтому средства къ существованію у нихъ весьма скудны, и питаніе ихъ очень умѣренно.

Богачи, конечно, не стѣсняютъ себя въ пищѣ, но и они повидимому мало питаются. Утромъ, вставши, они пьютъ чай съ лепешками изъ прѣснаго тѣста или съ такъ называемой іосой (ювраса). *Іосâ* (или *ювасâ*) — это маленькія лепешки изъ прѣснаго тѣста, жареныя на салѣ. Спустя немного послѣ чая принимаются за питіе кумыса и пьютъ его въ теченіе дня почти непрерывно въ огромномъ количествѣ изъ деревянныхъ круглыхъ чашекъ, иногда довольно значительныхъ размѣровъ; и больше ничего изъ пищи не принимаютъ, лишь изрѣдка закалываютъ корову, лошадь или козленка и приготовляютъ мясное варево. Къ вечеру принимаются за второе чаепитіе, опять съ мучными лепешками, а послѣ все тотъ же кумысъ вплоть до самаго сна, отходя къ которому, они считаютъ необходимымъ подкрѣпиться еще чашкой, двумя кумыса. Питательныя качества кумыса восполняютъ отсутствіе другой пищи.

Количество кумыса или число дойныхъ кобылъ служитъ однимъ изъ признаковъ богатства хозяина. Появленіе того или другого количества дойныхъ кобылъ или, тоже, количества жеребятъ ставится Башкирами въ связь съ волей Божіей: къ кому Богъ милостивъ, тому даетъ много жеребятъ и много кумысу, и кумысъ является у нихъ вродѣ священнаго напитка, который можно даромъ давать другимъ, но продавать грѣхъ; дѣйствительно, по крайней мѣрѣ между собою Башкиры не допускаютъ про-

дажи кумыса, и богачи остающійся отъ собственаго употребленія кумысъ назначаютъ для гостей и бѣдныхъ, дѣлая это «для Бога», по ихъ выраженію. Всякій Башкиръ, не имѣющій кумыса, желая пить его, приходитъ къ богачу и немедленно безъ всякихъ объясненій получаетъ неограниченное число чашекъ. Впрочемъ, кумысъ, предназначаемый для общаго пользованія, не для почетныхъ или званыхъ гостей, худшаго качества, чѣмъ употребляемый хозяиномъ, кислѣе и жиже, благодаря смѣшиванію его съ водою. Башкиры вообще не употребляютъ цѣльнаго кумыса, а прибавляютъ нѣкоторую долю воды, находя цѣльный кумысъ тяжелымъ. Поэтому ихъ кумысъ слабѣе и менѣе вкусенъ, чѣмъ у Киргизъ, приготовляющихъ его изъ цѣльнаго молока.

Бѣдняки, у которыхъ скота почти нѣтъ, обходятся совсѣмъ безъ кумыса, пользуясь имъ лишь случайно, и ихъ питаніе буквально ограничивается чаепитіемъ съ прѣсными лепешками, которыя они нехитростно приготовляютъ передъ каждымъ чаепитіемъ; а именно мѣсятъ на водѣ и лишь изрѣдка на молокѣ муку, даютъ ей видъ лепешки и кладутъ печься въ горячую золу, черезъ нѣсколько минутъ вынимаютъ и, отряхнувъ золу, употребляютъ въ пищу это мало пропекшееся прѣсное тѣсто. Чаепитіе нѣсколько разъ въ день съ лепешками—вотъ всѣ рессурсы питанія бѣдняковъ, которымъ имѣть мясо представляется въ очень рѣдкихъ случаяхъ, напр., въ большіе праздники, когда они покупаютъ сами или ѣдятъ его у богачей, угощающихъ въ это время бѣдняковъ «для Бога» кушаньемъ, называемымъ *биш-бармакъ* (т. е. пять пальцевъ, потому что ѣдятъ его всего пятерною) и представляющимъ мясную лапшу въ огромныхъ котлахъ.

Приглашенные на половикахъ размѣщаются вокругъ котла, поджавъ по восточному ноги, или просто опустившись на колѣни и откинувшись на пятки, и воздавъ хвалу Аллаху, начинаютъ вкушать, вылавливая пальцами сначала кусочки мяса и квадратики изъ тѣста, а затѣмъ выпивая бульонъ. Кончивши трапезу, во время которой они почти ничего не говорятъ, они всѣ одновременно поднимаютъ ладони передъ своими лицами, шепчатъ слова благодарности Аллаху и разомъ встаютъ, не выражая явной благодарности хозяину, затѣмъ одни изъ нихъ идутъ къ рукомойнику мыть свои сальныя руки, а другіе просто ихъ вытираютъ о траву и даже о свое платье.

Чаепитіе въ настоящее время весьма распространено среди Башкиръ: въ каждой юртѣ непремѣнно имѣется самоваръ или по крайней мѣрѣ мѣдный чайникъ, и Башкиръ прежде всего другаго заботится о пріобрѣтеніи чая и сахара. Если еще есть небольшой запасъ муки, то Башкиръ вполнѣ удовлетворенъ. Распространеніе чаепитія надо отнести къ послѣднимъ 3—4 десятилѣтіямъ. Вначалѣ это обыкновеніе видимо встрѣчало сильное нерасположеніе со стороны ревнителей старинныхъ народныхъ обычаевъ и

привычекъ. По крайней мѣрѣ мнѣ удалось познакомиться и записать *два баита* — произведенія книжнаго татарскаго и башкирскаго творчества, — посвященныя разсужденіямъ о чаѣ.

Въ одномъ изъ нихъ, очевидно болѣе древнемъ, мы находимъ вполнѣ враждебное отношеніе къ чаю — новой, вредной травѣ, развращающей Башкира и пріучающей его къ мотовству: «Нынѣ для бѣдствія народа вышла трава подъ именемъ чай; люди, покупая его въ долгъ, расплачиваются и разоряются. Сказавши одинъ другому: «поѣдемъ на базаръ!», ѣдутъ Башкиры съ лѣсомъ потихоньку. «Боже мой, прости насъ, какъ люди съ ума сходятъ» (изреченіе изъ духовныхъ книгъ). Однимъ словомъ запрягъ Башкиръ тощую лошадь, самъ бьетъ, а лошадь скачетъ во весь махъ, ѣдетъ за чаемъ въ (верхнеуральскій) магазинъ и, хоть у него нѣтъ достатка, требуетъ $\frac{1}{8}$ чаю и $\frac{1}{4}$ сахару: накажетъ жена анаоема мужа, если чаю не привезетъ. «Боже мой, прости насъ, какъ люди съ ума сходятъ». Если чай весь выйдетъ, жена закричитъ мужу: «давай чаю!» Онъ, бѣднякъ, задыхаясь, во всѣ стороны побѣжитъ искать и т. д.

Въ другомъ баитѣ, напротивъ, оказывается хвалебный гимнъ чаю и воспѣваются его чудесныя качества. Очевидно, новыя поколѣнія успѣли не только свыкнуться, но и войти во вкусъ, пристраститься къ чаю.

Въ баитѣ между прочимъ говорится:

«Скажу я вамъ сказку,
Если не сочтете за глупость,
Скажу я вамъ сказку
Про хорошій и худой чай:
Если пить утромъ этотъ чай,
То прибудетъ въ головѣ ума или оживленія;
Если же въ другой разъ пить этотъ чай въ полдень,
То годенъ будешь на многія дѣла;
Если пить чай вечеромъ,
Не остается никакой работы въ умѣ.
Въ этой бумагѣ завернутъ чай:
Напившись чаю, отдохнемъ».

Пристрастіе Башкиръ къ чаепитію находится въ связи съ ихъ склонностью къ кейфу, предаваться которому за чаепитіемъ весьма удобно.

Башкиръ не отягощаетъ себя работою, а работаетъ лишь столько, сколько это неизбѣжно, и всякую минуту готовъ предаться самой беззаботной праздности: лежать въ своей юртѣ или въ гостяхъ, пить кумысъ и болтать. Лежать — столь обычное времяпрепровожденіе Башкира, что онъ сросся съ понятіемъ, выражаемымъ этимъ глаголомъ, и употребляетъ по-

слѣдній гораздо шире, чѣмъ русскіе: такъ, Башкиры говорятъ, напр.: *«гдѣ лежишь?»* въ смыслѣ *«гдѣ живешь»*, понимая обычное времяпрепровожденіе въ жилищахъ въ формѣ лежанія.

Кстати, Башкиры и вообще инородцы многимъ русскимъ словамъ придаютъ другой смыслъ, чѣмъ обыкновенно, напр., выряженіе «куда гулялъ?» значитъ «куда ходилъ?», а иногда выдумываютъ новыя отъ русскихъ же корней, напр., *пѣсни́ть* въ смыслѣ пѣть: «пѣсни́ пѣсни» значитъ «пой пѣсни».

Въ лѣтніе мѣсяцы для Башкиръ возникаетъ новое занятіе — сѣнокосъ, обыкновенно съ іюля. До начала его происходитъ на общественной сходкѣ дѣлежъ луговъ, предназначенныхъ для покоса. У Башкиръ сельское устройство такое же, какъ у русскихъ крестьянъ: ихъ земля раздѣлена на тѣ же волости со старшинами, сотскими, судьями, писарями (послѣдніе постоянно изъ русскихъ); Башкиры также собираются на сходки для рѣшенія общественныхъ дѣлъ и вопросовъ: и для дѣлежа покосовъ представители отъ каждой юрты, точнѣе, отъ каждаго семейства устраиваютъ въ кочевкахъ сходки, на которыхъ участвующіе заявляютъ о своихъ претензіяхъ на извѣстные луга и выслушиваютъ общій приговоръ. Иногда такія сходки бываютъ бурны, когда-кому нибудь отводятъ или слишкомъ много или слишкомъ мало луговъ, или два соперника не хотятъ другъ другу уступить; и сердитыя препирательства участниковъ сходки звонкимъ эхомъ раздаются по кочевкѣ и окрестнымъ горамъ, а иные отдѣльные два, три голоса такъ рѣзко выдѣляются надъ общей суматохой голосовъ, что кажется, вотъ началась свалка среди этихъ разъярившихся и жестикулирующихъ дикарей. Но до свалки рѣдко доходитъ дѣло. На такихъ сходкахъ присутствуютъ и внимательно прислушиваются кулаки-богачи, здѣсь же послѣ раздѣла за безцѣнокъ скупающіе у бѣдняковъ доставшіеся на ихъ долю луга и соблазняющіе Башкиръ наличными деньгами и перспективой освободиться отъ косьбы.

Послѣ сходки въ случаѣ передѣла луговъ партія выборныхъ отправляется верхомъ и на мѣстѣ производитъ раздѣленіе покосовъ.

Самый сѣнокосъ производится у Башкиръ несравненно менѣе интенсивно, чѣмъ у русскихъ крестьянъ.

Выѣзжаютъ на него не спозаранку, а попивъ чаю и покейфовавъ; на мѣстѣ когда-то они распояшатся, раздѣнутся и возьмутся за косы. Спѣшить Башкиру совсѣмъ не надо: хлѣба не сѣетъ, заботъ о скотѣ нѣтъ никакихъ, потому что скотъ самъ себя кормитъ, не только лѣтомъ, но и зимой, а косить Башкиръ траву для продажи зимой; для своего скота онъ даже на зиму ничего не заготовляетъ, видя болѣе выгоды продавать русскимъ весь запасъ сѣна по высокимъ цѣнамъ, а свой скотъ онъ выгоняетъ

съ осени прямо на снѣжныя поля, предоставляя ему самому копытами выбивать изъ-подъ снѣга оставшуюся отъ осени траву. И скотъ съ успѣхомъ обезпечиваетъ свое существованіе; особенно поразительные примѣры способности промышлять о себѣ башкирскій скотъ показалъ въ голодную зиму 1891—1892 гг., когда нѣкоторые табуны уходили въ глубь горъ и тамъ внѣ всякаго человѣческаго надзора отыскивали себѣ кормъ изъ-подъ снѣга и дотянули благополучно до весны, въ то время, какъ скотъ, остававшійся на мѣстахъ, не уходившій далеко, весь помиралъ за отсутствіемъ всякихъ остатковъ травы и растительности по близости.

Вечеромъ Башкиры предаются отдыху и подкрѣпленію силъ: вновь разводятся костры, ставятся самовары, приготовляются печенія и варится мясо. Отдыхаютъ впрочемъ только Башкиры, у Башкирокъ же къ вечеру, какъ и утромъ, открывается дѣятельность: доеніе скота, приготовленіе кумыса и ужина для мущинъ и проч.

Вечеромъ кочевки принимаютъ весьма оживленный и живописный видъ, чему способствуютъ: наличность всего населенія, возвратившагося изъ отлучки, многочисленность костровъ, дымъ которыхъ причудливо вьется въ воздухѣ или стелется по горамъ, а пламя живописно выдѣляется среди начающихся сумерекъ; ревъ собравшагося скота, оживленные голоса взрослыхъ, клики и молодецкій свистъ мальчишекъ. Немного позже устраиваются борьба или игра или раздаются мелодическіе звуки свирѣли изъ тростника — *курая* и меланхолическое, исполненное своеобразной поэзіи, пѣніе; иногда устраиваются пляски.

Впрочемъ всѣ эти развлеченія не надолго затягиваются послѣ заката солнца, и спустя немного, кочевка спитъ глубокимъ сномъ среди величавой горной обстановки, безмолвіе которой нарушается лишь журчаніемъ горныхъ ручейковъ, криками изрѣдка ночныхъ птицъ да тихимъ равномѣрнымъ побрякиваніемъ колокольчиковъ пасущихся лошадей въ окрестныхъ лѣсахъ и поляпахъ. Скотъ башкирскій вообще безопасно пасется среди горныхъ лѣсовъ, среди такъ называемаго *урмана* (бора), ибо кража вообще мало распространена среди самихъ Башкиръ, и случается, что лошадь одна уходитъ въ глубь урмана и по недѣлямъ тамъ остается, а хозяинъ почти не безпокоится о ней, потому что почти не случается, чтобы крали лошадей; только Киргизы дѣлаютъ иногда нападенія на башкирскій скотъ, но это весьма рѣдко.

Находясь постоянно въ общеніи съ природой, Башкиры вообще обладаютъ хорошимъ здоровьемъ и легко выносятъ климатическія перемѣны. Существующія среди нихъ болѣзни сравнительно немногочисленны и зависятъ больше отъ бѣдности и неряшливости жизни.

Такъ, среди нихъ распространены глазныя болѣзни и встрѣчается

много слѣпыхъ. Эти болѣзни надобно поставить въ связь съ почти постояннымъ присутствіемъ въ ихъ жилищахъ дыма и пепла.

Попадаются случаи сифилиса, но рѣдко, ибо половая нравственность стоитъ среди этого народа высоко и проституція вполнѣ отсутствуетъ, но башкирская молодежь не чуждается незаконной любви въ русскихъ городахъ и оттуда изрѣдка приноситъ зародыши сифилиса, который въ отдѣльныхъ лицахъ иногда развивается до чудовищныхъ размѣровъ, среди абсолютнаго невѣжества этого первобытнаго народа, до того, что извращаетъ формы отдѣльныхъ органовъ, а Башкиры объясняютъ себѣ эту болѣзнь тѣмъ, что «червякъ ѣстъ».

Въ послѣдніе годы въ башкирскихъ поселеніяхъ гнѣздился тифъ какъ слѣдствіе голоднаго 1891 г. Эту болѣзнь Башкиры называютъ «лихоманкой» и страдаютъ ею поголовно цѣлыми деревнями, особенно въ концѣ зимы и весною. Другихъ болѣзней не встрѣчается или онѣ рѣзко не бросаются въ глаза.

Вообще этотъ народъ живетъ запущенно среди грязной и бѣдной обстановки, безъ слѣдовъ зажиточности за рѣдкими исключеніями, при отсутствіи почти всякой благоустроенности.

Такой плачевный строй его жизни находится въ зависимости помимо историческихъ обстоятельствъ, такъ называемой силы вещей, еще отъ особенностей его племеннаго характера, къ бѣглому обзору которыхъ я теперь перейду.

При болѣе близкомъ знакомствѣ среди Башкиръ можно подмѣчать различные типы: одни изъ нихъ имѣютъ физіономію съ приплюснутымъ носомъ и прямымъ профилемъ или квадратныя и плоскія лица и являются, можетъ быть, представителями остяцкаго или финскаго типа; другіе носятъ рѣзкія киргизскія черты съ большими скулами, широкими лицами, орлинымъ или горбатымъ носомъ и свирѣпымъ выраженіемъ лица, но это въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частію среди Башкиръ встрѣчаются относительно благообразныя физіономіи, а иногда даже красивыя въ своемъ родѣ съ правильными и тонкими чертами, съ осмысленнымъ и мягкимъ выраженіемъ, напоминая типы Татаръ или Сартовъ,—а извѣстно, что бухарскій или сартскій типъ очень красивъ. Вообще башкирскій типъ гораздо правильнѣе и красивѣе, чѣмъ типъ другихъ инородцевъ, и въ этомъ отношеніи стоитъ на ряду съ татарскимъ.

Будучи физически крѣпкимъ народомъ, Башкиры обладаютъ соотвѣтственно высокимъ ростомъ и развитыми органами, и физически этотъ народъ является достаточно приспособленнымъ для сильнаго, долговременнаго и самостоятельнаго существованія. Не то, къ сожалѣнію, приходится сказать о его моральной и духовной состоятельности. Онъ обладаетъ въ настоящій историческій моментъ нѣкоторыми такими чертами племен-

наго характера, которыя вовсе не служатъ къ поддержанію и закрѣпленію его типа. Онъ не обнаруживаетъ, напр., той замкнутости, племенной упругости и самосознанія, какъ Татары; не проявляетъ такой жизненной энергіи, какъ Киргизы, которая обезпечиваетъ послѣднимъ, воспріимчивымъ вообще къ новымъ вліяніямъ, способность возможно скорѣе и лучше и по собственному побужденію приспособляться къ новымъ явленіямъ и формамъ жизни и быть, такъ сказать, впереди или въ уровнѣ съ движеніями послѣдней.

При первомъ знакомствѣ съ бытомъ Башкиръ становится яснымъ, что это—народъ малодѣятельный, непредпріимчивый, прямо даже лѣнивый, существующій тѣмъ, что̀ пошлетъ ему природа, живущій только настоящимъ днемъ и не заботящійся о слѣдующемъ, не знающій цѣны тѣмъ великимъ природнымъ богатствамъ, которыя ему принадлежатъ и среди которыхъ онъ живетъ на Уралѣ. Это изобиліе богатствъ поощряетъ его къ лѣнивой жизни тѣмъ успѣшнѣе, что потребности его не поднимаются далѣе степени ничтожности и первобытности. Какова эта племенная лѣнь, инертность или дряблость—прирожденная или привитая обстоятельствами, это вопросъ, требующій спеціальнаго вниманія; но есть основанія предполагать, что племенная лѣнь и вялость Башкиръ до извѣстной степени воспитаны неблагопріятными историческими обстоятельствами: нѣсколько десятилѣтій тому назадъ среди Башкирскаго народа введено было такъ называемое кантонное устройство, когда башкирскіе земли были раздѣлены на округа, совершенно одинаково устроенные. Организація ихъ напоминала устройство военныхъ поселеній. Башкиры считались казаками и отбывали поголовно на свое иждивеніе военную службу, а кромѣ этого должны были жить въ деревняхъ и заниматься сельскими работами на подобіе русскихъ, и это послѣ вѣковѣчнаго кочеваго строя жизни они обязаны были по предписанію и подъ плетьми кантонныхъ начальниковъ пахать землю, сѣять хлѣбъ, разводить огороды и т. п. Понятно, при этомъ происходила ломка племеннаго характера, и эти чуждыя, тяжелыя и ненавистныя поэтому для народа занятія могли поддерживаться только непрерывнымъ примѣненіемъ порки, каковымъ правомъ были облечены всѣ кантонные начальники изъ тѣхъ же Башкиръ. Башкиры дѣлали все изъ-подъ плети, лѣниво и привыкли къ лѣни. Правда, матеріальное благосостояніе въ эпоху кантоновъ было достигнуто хорошее: среди Башкиръ появилась даже зажиточность, но, вѣроятно, народъ не сжился и не сроднился съ упавшимъ на него какъ снѣгъ на голову строемъ жизни, и трудно было непрерывно путемъ порки поддерживать новую реформу; только черезъ нѣсколько десятилѣтій кантоны были уничтожены, и Башкирамъ представили возвратиться къ прежнему вольному кочевому образу жизни.

Такимъ образомъ была произведена огромная перетасовка въ жизни Башкиръ и насильственное воздѣйствіе на его племенной характеръ, пріучившее его къ жизни и работѣ по чужой волѣ и отучившее его отъ самодѣятельности. Можетъ быть, въ это-то время энергія народа была надорвана. Башкиры, пріученные жить подъ опекой, отвыкли помышлять о себѣ, а вмѣстѣ отучились отъ прежняго наиболѣе свойственнаго имъ строя жизни кочеваго, и во всякомъ случаѣ должны были начинать этотъ образъ жизни сызнова, при меньшей энергіи и способности къ самостоятельности. Говорятъ, что до эпохи кантоновъ скотоводство процвѣтало у Башкиръ, и среди нихъ были большіе богачи въ ихъ смыслѣ, обладавшіе цѣлыми тысячами и болѣе головъ скота. Во время кантоновъ скотоводство сократилось, а послѣ упало, и до сихъ поръ не можетъ поправиться, да и едва-ли поправится.

Выходитъ, что этотъ народъ былъ испорченъ тѣмъ, что его хотѣли заставить сдѣлаться инымъ, чѣмъ онъ всего естественнѣе могъ быть, т. е. скотоводомъ, выбили его изъ привычной колеи жизни внезапно, безъ всякой постепенности, ослабили его энергію и превратили въ народъ педѣятельный, морально дряблый и теперь лѣнивый. Между тѣмъ въ прежнее время это былъ одинъ изъ энергичныхъ, безпокойныхъ и воинственныхъ народовъ. Я не выставляю это объясненіе вялости и лѣни Башкиръ какъ единственное, а лишь какъ одно изъ вѣроятныхъ.

Лѣнивое существованіе Башкиръ поддерживается, какъ я сказалъ, изобиліемъ природныхъ богатствъ, среди которыхъ они живутъ: до послѣднихъ десятилѣтій многочисленное скотоводство составляло главнѣйшій источникъ ихъ обезпеченія, затѣмъ центръ тяжести переходитъ на безконечные когда то уральскіе лѣса, на которые существовалъ и существуетъ постоянный спросъ для русскаго населенія, и Башкиры припялись за нихъ какъ за постоянный и готовый предметъ заработка, освобождающій отъ непріятнаго и тягостнаго изысканія другихъ заработковъ, и истребляютъ свои лѣса уже не первый годъ, не имѣя сознанія о ихъ значеніи для нихъ, такъ что лѣсамъ предвидится конецъ. Считая лѣса въ своемъ родѣ за безбрежное море, которое нельзя вычерпать, Башкиры не только сами истребляютъ ихъ, но съ легкимъ сердцемъ допускаютъ къ участію въ этомъ дѣлѣ и посторонихъ кулаковъ — хищниковъ изъ русскихъ, предоставляя имъ иногда право безграничной и безконтрольной рубки лѣса не только за какіенибудь рубли, но и копѣйки; и подобный хищникъ, забравшись въ лѣсныя дебри, не упуститъ случая вырубить лѣсу на тысячи рублей въ возмѣщеніе рублей и копѣекъ, истраченныхъ на пріобрѣтеніе права рубки.

Подобное неумѣнье давать настоящую цѣну вещамъ зависитъ отъ узости умственнаго кругозора и понятій Башкиръ, а частью отъ естествен-

ной ихъ безкорыстности, отъ отсутствія чувства стяжанія, столь развитаго, напр., въ Татарахъ.

Кругъ понятій Башкиръ узокъ на столько, что съ ними иногда приходится вести бесѣду почти какъ съ ребятами, такъ они бываютъ наивны: они съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и изумленіемъ разсматриваютъ, напр., костюмъ и вещи вновь появляющагося среди нихъ русскаго, дотрогиваясь до всего руками и издавая возгласы: «ай-ай-ай, якши», т. е. хорошо. Такая неразвитость стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что Башкиры дальше своихъ поселеній и кочевокъ никуда носу не показываютъ, точно приросли къ своимъ мѣстамъ и совершенно чужды той жажды къ передвиженіямъ, какую находимъ у предпріимчивыхъ Татаръ, почему Башкиры не знаютъ ни другихъ мѣстъ, ни другихъ людей кромѣ своихъ. Не зная людей, не имѣя опытности въ сношеніяхъ съ ними, они полны естественныхъ настроеній какъ дѣти природы: наивны, довѣрчивы и непрактичны, полагаются на слово каждаго человѣка и очень часто попадаютъ въ сѣти ловкихъ гешефтмахеровъ, неизмѣнно проявляющихъ поползновенія на ихъ естественныя богатства. Благодаря такой непрактичности Башкиръ и непониманію своихъ кровныхъ интересовъ и могло произойти въ 70-хъ годахъ грандіозное расхищеніе башкирскихъ земель, начатое частными дѣльцами и законченное оффиціальными раздачами отъ оренбургскаго генералъ-губернатора, которыя распространились на чиновниковъ всевозможныхъ ранговъ и положеній вплоть до Петербурга и достигли цифры полумилліона десятинъ независимо отъ частныхъ хищеній, которыя были безконечны. Первобытный народъ не былъ въ состояніи сознавать свои кровныя пользу и выгоды, а ловкіе люди совершенно безправно эксплоатировали его наивность и простоту, выбивали его изъ вѣковыхъ устоевъ жизни и вынимали почву изъ-подъ его существованія. Покупались башкирскія земли буквально за копѣйки десятина путемъ насильственнаго составленія приговоровъ отъ башкирскихъ обществъ о продажѣ подъ воздѣйствіемъ власти становыхъ, исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, которые, содѣйствуя скупщикамъ земель, были участниками въ дѣлежѣ добычи.

Вообще самы Башкиры какъ народъ, стоящій на низкой степени развитія, не умѣютъ эксплоатировать своихъ богатствъ: не занимаются земледѣльемъ за небольшимъ исключеніемъ, въ то время, какъ земли, принадлежащія имъ, напр., въ бо́льшей части оренбургской губ., необыкновенно плодородны: урожаи могутъ быть прекрасные, удобренія полей совсѣмъ не требуется; лѣсистыя Уральскія горы въ достаточной степени обезпечиваютъ необходимое количество влаги.

Вмѣсто Башкиръ пользуются хищнически этими землями русскіе

арендаторы, арендуя десятину за 10—20 к. и сѣя на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока бываютъ урожаи безъ удобренія, а затѣмъ переходя на новыя мѣста, такъ наз. *новины*, т. е. никогда непаханныя земли, каковыхъ въ этомъ почти нетронутомъ, малонаселенномъ краѣ еще большіе запасы.

Башкиры не въ состояніи, конечно, эксплоатировать и богатыхъ мѣсторожденій золота, находимыхъ въ ихъ земляхъ, и уступаютъ ихъ въ аренду за незначительную плату посторонним предпринимателямъ изъ Русскихъ или Татаръ; однако вблизи золотыхъ пріисковъ они заражаются страстью стязанія и корыстолюбія, какъ первобытный народъ не зная удержу въ своихъ страстяхъ, и прибѣгаютъ къ кражѣ и даже грабежу золота съ пріисковъ, или сами пускаются добывать его въ малыхъ размѣрахъ, тайкомъ, безъ разрѣшенія подлежащаго начальства, держа у себя станки и др. орудія, необходимыя при добычѣ этого металла, и изыскивая въ глухихъ мѣстахъ по горамъ самородки золота, нерѣдко находимые на небольшой глубинѣ.

Такое золото они потомъ контрабандно продаютъ окрестнымъ золотопромышленникамъ по цѣнѣ низшей, чѣмъ платитъ казна, довольствуясь тѣмъ, если найдутъ въ теченіе дня 10 долей золота и продадутъ его за нѣсколько двугривенныхъ, а когда эти двугривенные разойдутся, Башкиръ принимается за новое отыскиваніе золота.

Ради корыстныхъ соображеній Башкиръ считаетъ позволительнымъ прибѣгать ко всякимъ мерзостямъ въ сношеніяхъ съ золотопромышленниками: къ обману, подвоху, вѣроломству, лести и т. п., обнаруживая всѣ гадости человѣческой природы и отсутствіе нравственной уравновѣшенности, тогда какъ въ другихъ обстоятельствахъ онъ не чуждъ многихъ положительныхъ человѣческихъ качествъ. Здѣсь сказывается натура первобытнаго народа, одинаково способная къ проявленію добра и зла. Впрочемъ, около золота не одни Башкиры обнаруживаютъ нравственныя безобразія. Залежи золота на Уралѣ далеко еще не исчерпаны, и эта страна продолжаетъ быть въ своемъ родѣ Калифорніей. Новые пріиски открываются одинъ за другимъ, иногда съ блестящимъ успѣхомъ.

Приведенныя отрицательныя черты племеннаго характера Башкиръ: лѣнь, непредпріимчивость, вялость, узость понятій и представленій, неумѣнье цѣнить и пользоваться богатствами своей страны, отсутствіе широкаго знанія людей, первобытная наивность и довѣрчивость неизбѣжно обусловливаютъ отсутствіе устойчивости и упругости ихъ быта и строя жизни: земли, лѣса и другія богатства, не цѣнимые владѣльцами, уходятъ изъ рукъ Башкиръ; ихъ кочевой образъ жизни, требующій простора и изобилія естественныхъ богатствъ, сокращается и искажается или въ лучшемъ случаѣ перерождается; словомъ, народъ этотъ находится въ насто-

ящее время въ переходномъ состояніи: его формы быта подъ вліяніемъ культурной волны, хлынувшей въ настоящее время на Уралъ и въ Сибирь, обнаруживаютъ тенденцію радикально измѣниться: въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ онъ принужденъ будетъ оставить кочевой образъ жизни, сдѣлаться осѣдлымъ и даже ассимилироваться съ господствующимъ племенемъ, которое все плотнѣе и плотнѣе разселяется около и среди инородцевъ Урала и съ бо́льшимъ искусствомъ эксплоатируетъ окружающія естественныя богатства.

Процессъ перерожденія формъ жизни Башкиръ совершается повидимому труднѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ у другихъ инородцевъ, напр., Киргизъ. Башкиры пассивно воспринимаютъ таковыя явленія жизни, не идутъ сами на встрѣчу имъ по примѣру Киргизъ, и эти явленія обрушиваются на нихъ неожиданно, всею своею тяжестью. Особое стеченіе обстоятельствъ, недостатокъ энергіи, сопротивляемости въ характерѣ Башкиръ приводили къ тому, что народъ этотъ злостно эксплоатировался и претерпѣлъ огромныя бѣдствія, которыя всѣ сводятся къ упадку скотоводства въ зависимости отъ истребленія лѣсовъ и обезземеленія. Вся сила Башкиръ въ скотоводствѣ, и надобно признать, что при теперешнемъ уровнѣ развитія этотъ народъ наиболѣе можетъ быть полезенъ для государства, какъ кочевой народъ, какъ *скотоводъ*, и все, что̀ ведетъ къ уменьшенію скотоводства среди Башкиръ, сокращаетъ для него возможность быть полезнымъ народомъ, его приспособленность къ жизни, обрекаетъ самого на бѣдствія и вымираніе. Поэтому-то нежелательны всякія преднамѣренныя, насильственныя или ускоренныя измѣненія его строя жизни, которыя до послѣдняго времени обрушивались именно на этотъ народъ и вызывали въ немъ всякія явленія выраженія, и желательно устраненіе по крайней мѣрѣ ненужныхъ причинъ этого послѣдняго, тѣмъ болѣе, что Башкирскій народъ во многихъ другихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ положительныя качества своего племеннаго характера, которыя онъ, ассимилировавшись, можетъ впослѣдствіи внести въ общерусскій національный организмъ.

Какъ примѣръ перерожденія формъ быта Башкиръ можно привести явленія постепеннаго сокращенія вѣковѣчнаго обычая выѣзда въ лѣтнюю пору на кочеваніе въ урманъ, т. е. въ горные лѣса.

Проѣзжая по деревнямъ, особенно бѣднымъ, я замѣчалъ, что изъ зимовокъ не всѣ выѣзжали въ урманъ и оставались тѣ, у кого вовсе не было скота или очень мало, и лишь богачи выбирались со всѣмъ скотомъ и скарбомъ на цѣлое лѣто въ горы. Изъ разспросовъ выяснялось, что число невыѣзжающихъ на кочевки увеличилось особенно послѣ голоднаго 1891 г., когда скотъ у Башкиръ палъ въ огромномъ количествѣ. Такимъ образомъ съ упадкомъ скотоводства извѣстный процентъ башкирскаго населенія, не

выѣзжая изъ зимовокъ круглый годъ, волей-неволей дѣлается осѣдлымъ и вызываетъ появленіе огородовъ и даже пашенъ среди башкирскихъ вѣсей. Напр., многолюдная деревня Ахунова, имѣющая три мечети, высылаетъ теперь только шесть кошей на кочевку въ сосѣднихъ безлѣсныхъ поляхъ и почти вся остается на лѣто въ зимовкѣ.

Не одни отрицательныя стороны характера обнаруживаютъ Башкиры, но и положительныя, которыя оказываются немалочисленны и въ извѣстной степени умѣряютъ то невыгодное впечатлѣніе, о которомъ я распространился на предыдущихъ страницахъ.

Башкиры прежде всего дѣти природы и, какъ таковые, проявляютъ естественныя хорошія стороны человѣческаго существа: простодушіе, довѣрчивость, добродушіе, готовность безкорыстно услужить, привѣтливость, гостепріимство, что выражается и на ихъ физіономіяхъ, которыя выглядываютъ такими простодушными, чуждыми заднихъ мыслей, и лишены какой-либо отталкивающей дикости или свирѣпости. Гостепріимство развито у нихъ высоко: пріѣзжающій въ башкирскую деревню, особенно кочевку, можетъ обратиться съ просьбою о пріемѣ къ каждому хозяину избы или юрты съ увѣренностью, что никто не откажетъ; напротивъ, на свою просьбу непремѣнно услышитъ оживленный отвѣтъ: «айда, знакóмъ, купакъ будешь», т. е. «пойдемъ, знакомый, гостемъ будешь,» и его вещи поспѣшно переносятся въ избу, гдѣ затѣмъ хозяинъ предлагаетъ ему все, чѣмъ богатъ: если есть кумысъ и мясо, то ихъ, а то чаепитіе съ лепешками и молокомъ. Во время его прогулки мало того, что всѣ наивно заинтересованы появленіемъ новаго пріѣзжаго, зазываютъ его въ свои юрты и при томъ весьма усердно: «айда, знакóмъ, айда въ кошъ кумысъ есть, айда, купакъ будешь», и когда онъ войдетъ, ему немедленно подаютъ добрую чашку кумыса и вмѣстѣ съ нимъ пьютъ всѣ, устремляютъ на него любопытные взоры, дотрогиваются до его платья, и засыпаютъ разспросами, кто онъ, откуда, чѣмъ занимается или сколько жалованья получаетъ и т. п.

Въ качествѣ гостя можно быть совершенно спокойнымъ за безопасность не только себя, но и своихъ вещей, ничто изъ принадлежащаго гостю и находящагося въ кошѣ не пропадетъ; но если вещи эти находятся внѣ коша, никто за ихъ сохранность не отвѣтственъ, и похитить ихъ вовсе не считается предосудительнымъ; или, напр., если вещи лежатъ въ экипажѣ, ихъ никто не осмѣлится коснуться, но если онѣ выпали и лежатъ около экипажа, то ихъ похитятъ на томъ основаніи, что это-де все равно, что вещь лежитъ на дорогѣ: чья она, неизвѣстно, и принадлежитъ она первому нашедшему. Довѣрчивость Башкиръ доходитъ до того, что безъ особливой опасливости передаютъ свои деньги первому знакомому,

вѣря въ каждаго человѣка и не подозрѣвая часто того огромнаго корыстолюбія, какимъ одержимы бываютъ люди и котораго они почти не знаютъ. Безкорыстно Башкиры способны и помогать другимъ: напр., разсказывали мнѣ, что въ весеннюю или осеннюю распутицу, встрѣтивъ на дорогѣ застрявшій возъ или телѣгу, Башкиры безъ всякихъ размышленій устремляются въ вязкую грязь и освобождаютъ возъ и не берутъ даже денегъ, если имъ предлагаютъ за услугу: не за что-де, тогда какъ русскій или вовсе откажется отъ услуги или сначала станетъ торговаться о вознагражденіи, иначе-де не поможетъ.

Мягкость характера или, такъ сказать, естественная гуманность составляетъ чуть ли не отличительное качество Башкиръ: въ нихъ совершенно отсутствуетъ азіатская жестокость или сухое, враждебное чувство въ отношеніяхъ къ людямъ.

Прежде всего это качество проявляется въ семейной жизни, которая хотя построена на азіатской основѣ — на безусловной подчиненности женщины, но свободна отъ систематическаго проведенія и гнета этого принципа и является гораздо проще и естественнѣе, чѣмъ у другихъ мусульманъ. Мужья не разыгрываютъ изъ себя деспотовъ по отношенію къ женамъ и предоставляютъ послѣднимъ извѣстную свободу отъ обрядностей, не подвергаютъ ихъ тѣлеснымъ побоямъ за рѣдкими исключеніями, не лишаютъ ихъ права самостоятельнаго заработка: напр., если Башкирка соберетъ ягодъ и продастъ, то деньги удерживаетъ у себя, также обращаетъ въ свою пользу доходъ отъ продажи молока; вообще у Башкиръ нѣтъ той жесткости, пренебреженія и необузданности по отношенію къ женамъ, какъ у Киргизъ; къ женамъ своимъ Башкиры нерѣдко привязываются и этимъ объясняютъ свое нерасположеніе къ многоженству, которое у нихъ мало распространено въ силу сознанія его неудобства. Женятся Башкиры рано: иногда лѣтъ въ 15. Богачи не отказываютъ, впрочемъ, себѣ въ многоженствѣ, хотя и среди нихъ встрѣчаются поклонники единоженства.

Насколько можетъ простираться самостоятельность башкирскихъ женщинъ, это показываетъ слѣдующій фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ въ пребываніе свое въ кочевкѣ Казаккуловой въ 50 верстахъ отъ г. Верхнеуральска. Когда я приближался къ ней, везшій меня Башкиръ изъ деревни Московой разсказывалъ мнѣ, что въ Казаккуловой кочевкѣ живетъ у отца *Фахарница* (женское имя), которая убѣжала отъ своего мужа изъ Московой. Одно то, что передаются разсказы объ отдѣльной женщинѣ, доказывало, что личность этой Башкирки и самостоятельность выразились въ чемъ-нибудь вполнѣ опредѣленно и, вѣроятно, настолько необычно, что заставила о себѣ говорить.

Дѣйствительно, Башкирка Фахарница, насколько мнѣ удалось видѣть

ее, представляла собою энергичный женскій типъ съ тонкими чертами лица, быстрымъ взглядомъ и движеніями, у которой дѣло спорилось въ рукахъ. Изъ разсказовъ видно было, что Фахарница 2 года назадъ была выдана замужъ въ башкирскую деревню *Москову*, и за нее полученъ былъ ея отцомъ опредѣленный выкупъ, такъ наз. *калымъ*. По обычаю восточныхъ народовъ невѣсты покупаются, и женихъ долженъ дѣлать отцу невѣсты извѣстный взносъ, смотря по состоятельности той и другой стороны; напр., въ составъ калыма входятъ лошадь, корова, мелкій скотъ, разныя вещи и деньги (отъ 30—40 руб.).

Фахарница прожила съ своимъ мужемъ спокойно одинъ годъ, а затѣмъ неожиданно возстала противъ него, перестала исполнять его желанія и приказанія, входила вопреки обычаю въ постоянныя препирательства съ нимъ, запустила его избу и хозяйство и однажды уѣхала къ своему отцу въ Казаккулову какъ бы въ гости. Но, явившись къ роднымъ, она объявила, что больше не возвратится къ своему мужу, потому что онъ дуракъ, рохля, никакое дѣло у него не идетъ. По разсказамъ другихъ, мужъ ея былъ очень скромнаго характера, медлителенъ и вялъ въ дѣйствіяхъ, но вообще не дуракъ, а добрый, обыкновенный Башкиръ. Очевидно, Фахарницѣ былъ антипатиченъ характеръ ея мужа, и она, совершенно опредѣленно заявляя свои вкусы, рѣшилась отдѣлаться отъ мужа-рохли. Родители были ошеломлены ея безпримѣрнымъ поступкомъ и всячески убѣждали ее возвратиться, отецъ прибѣгалъ даже къ строгостямъ и угрозамъ. Фахарница отказывалась и лишь когда пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней ея мужъ и чуть не плача разсказывалъ, что весь обиходъ, все хозяйство рушилось, умолялъ ее вернуться, Фахарница подъ давленіемъ настояній отца согласилась поѣхать назадъ къ мужу. Но недолго и на этотъ разъ прожила она съ мужемъ: вскорѣ возобновились раздоры между супругами и постоянно по почину Фахарницы, которая почти загнала своего мужа до того, что его вчужѣ жалѣли сосѣдніе Башкиры. Кончилась эта эпопея тѣмъ, что Фахарница въ одинъ прекрасный день вторично убѣжала къ отцу и заявила ему, что больше ни за что не вернется къ мужу, а останется у отца жить. Родные были, конечно, опечалены этимъ событіемъ, но убѣдились въ такомъ рѣшительномъ упорствѣ Фахарницы, что когда мужъ опять пріѣхалъ за женою, они не пробовали оказать ему какое-либо содѣйствіе и согласились по его требованію на возвращеніе *калыма*, какой онъ заплатилъ за жену, въ знакъ расторженія брака. Фахарница даже не настаивала на удержаніи при себѣ единственной дочери, которую мужъ рѣшительно оставлялъ у себя: съ нея довольно было торжества надъ мужемъ и разлученія съ нимъ. Она поселилась у отца, принялась за домашнія работы и стала вновь *дѣвкой*, т. е. невѣстой, такъ по крайней мѣрѣ называли ее Башкиры, повела себя

скромно и тихо, какъ подобаетъ дѣвкѣ, въ ожиданіи новаго жениха, и только бо́льшая смѣлость въ разговорахъ съ мужчинами и съ Русскими и говоръ о пей по окрестнымъ деревнямъ отличали ее отъ другихъ Башкирокъ, безропотно и почти безсознательно несущихъ роль безотвѣтныхъ слугъ своихъ мужей.

Въ исключительныхъ случаяхъ: въ пьяномъ состояніи, когда чѣмъ раздосадованы или въ силу характера у отдѣльныхъ лицъ, первобытная, неуравновѣшенная натура Башкиръ проявляется во всей своей необуздапности и даже жестокости.

Въ той же кочевкѣ Казаккуловой въ іюлѣ 1893 г. справлялась богатая башкирская свадьба: старшина женилъ сына на дѣвицѣ изъ сосѣдней деревни, и торжество по обыкновенію имѣло грандіозный характеръ; въ немъ участвовали обѣ деревни цѣликомъ, при чемъ сначала устроила праздникъ кочевка Казаккулова и пригласила всю сосѣднюю кочевку, а потомъ сосѣдняя отплатила отвѣтнымъ праздникомъ, созвавъ всѣхъ Казаккуловцевъ. Втихомолку отъ старшихъ молодежь пила водку, такъ называемый *аракъ*, пить который старики считаютъ за грѣхъ и за пагубу.

Водка почти не употребляется среди Башкиръ и Киргизъ, удовлетворяющихъ потребность въ алькоголѣ народнымъ напиткомъ кумысомъ; только молодежь въ особыхъ случаяхъ балуется ею какъ запрещеннымъ плодомъ.

Послѣ шумнаго и своеобразнаго празднованія въ теченіе 3 дней казаккуловская молодежь вечеромъ третьяго дня возвратилась домой въ веселомъ настроеніи съ уханьемъ, гикапьемъ, молодецкимъ свистомъ, головоломно скача на подводахъ верхомъ по горной дорогѣ. Ухарскіе клики и свистъ такъ звонко разносились по горамъ, что всполошили мирныхъ обитателей кочевки, которые заинтересовались, что̀ такое происходитъ. Вскорѣ молодые Башкиры во весь духъ влетѣли въ кочевку и произвели въ ней всеобщее оживленіе, затѣмъ разъѣхались по юртамъ и тамъ кружка́ми избывали свою веселость, навѣянную употребленіемъ арака. Въ кошѣ самаго богатаго Башкира кочевки Асафа Казаккулова ораторствовалъ, плохо держась на ногахъ въ кругу компаньоновъ, сынъ его Магафуръ съ киргизскими угловатыми чертами лица и нѣсколько свирѣпымъ выраженіемъ, что́ является страннымъ на ряду съ тѣмъ, что родной его братъ Азаматъ имѣлъ правильныя и мягкія черты лица.

Между прочимъ, Магафуръ приказалъ молодой женѣ своей поставить самоваръ; послѣдняя начала исполнять приказаніе съ ропотомъ, указывая на позднее время (около полуночи), укоряя его за нетрезвое состояніе. Мужъ приказывалъ ей замолчать, но та продолжала, пока грѣлся самоваръ, свои укоризны. И вотъ Магафуръ не вытерпѣлъ, и его дикая натура разрази-

лась со всею необузданностью на неосторожную жену. Ударъ кулакомъ влетѣлъ ей въ голову и спину, она заревѣла и стала причитать. Повтореніе ударовъ куда ни попало заставило ее съ неистовымъ крикомъ выбѣжать вонъ, гдѣ ее окружили любопытные Башкиры и Башкирки. На шумъ и вопли выбѣжалъ изъ сосѣдняго коша братъ Магафура Азаматъ и началъ убѣждать и усмирять расходившагося брата, который яростно бранился и порывался выбраться вслѣдъ за женою и продолжать расправу съ нею. Послѣдняя, поревѣвъ на вольномъ воздухѣ, возвратилась въ избу въ расчетѣ, что мужъ ея угомонился, и осмѣлилась возвысить свой голосъ съ какимъ-то замѣчаніемъ, но печально ошиблась въ предположеніи: мужъ вновь началъ награждать ее ударами въ голову, спину, животъ (а она была беременна); къ воплю жены присоединился отчаянный плачъ дѣвочки-дочери, которая при каждомъ ударѣ прижималась съ усиленнымъ крикомъ къ матери и пыталась ее защищать. Отецъ и на дочь не обращалъ вниманія, а, гнѣвно ругаясь, продолжалъ бить жену, пока послѣдняя вновь не выбѣжала изъ коша. Послѣ этого въ драку вмѣшался братъ жены и вступилъ въ единоборство съ ея мужемъ. Благодаря стараніямъ вмѣшавшихся Башкиръ драка прекратилась.

Расходившійся Башкиръ, вѣроятно, уставъ, пересталъ драться и только продолжалъ браниться на жену, которая осталась въ юртѣ и занялась было самоваромъ и хозяйствомъ; мужъ рѣшилъ пронять прекословившую жену словесно — попреками и требованіемъ просить на колѣнахъ прощенія: среди этой бурной перебранки то и дѣло слышалось слово «торъ», грозно и повелительно произносимое; я спросилъ Башкиръ, что это слово значило, и узналъ, что имъ мужъ приказывалъ женѣ стать на колѣни.

Очень любопытно было отношеніе къ этой исторіи постороннихъ Башкиръ. Они вообще не вмѣшивались въ нее, и только когда братъ разъярившагося мужа Азаматъ счелъ надобнымъ вмѣшаться, нѣкоторые Башкиры приняли участіе съ нимъ. Когда я сталъ указывать имъ на звѣрство Магафура и приглашалъ ихъ остановить его, они мнѣ отвѣтили, что нельзя этого сдѣлать, что онъ—мужъ и можетъ съ женою поступать какъ захочетъ, что жена сама виновата: развѣ можно перечить мужу. Я расчитывалъ, что по крайней мѣрѣ Азаматъ другихъ воззрѣній въ виду его дѣятельнаго стремленія прекратить неистовства брата, но, разговорившись съ нимъ, я увидѣлъ, что онъ не обвинялъ брата, а лишь жену: какъ-де она смѣетъ прекословить мужу, что онъ не порицалъ поступка брата по существу, а, пожалуй, былъ согласенъ, что братъ далъ лишку, и онъ, Азаматъ, пытался прекратить драку лишь по личному нерасположенію къ ней.

Однако, хотя принципъ безграничной власти мужа надъ женою оставался незыблемымъ, Башкиры явно обнаружили несочувствіе такому дикому

и необузданному проявленію этой власти. Отецъ Асафъ на другой день вовсе не говорилъ съ сыномъ, возмутившись его неистовымъ поведеніемъ и тѣмъ, что напился на свадьбѣ арака (водки); братъ Азаматъ былъ сухъ; Магафуръ чувствовалъ себя провинившимся и нѣсколько робко держалъ себя въ кошѣ отца; однако стоило только попрекнуть его поступкомъ съ женою, какъ онъ сердито и со злостью доказывалъ свою полноправность и правоту въ происшедшей исторіи: жена-де не смѣетъ говорить на перекоръ мужу, который можетъ избить ее хоть до смерти. Магафуръ чувствовалъ свою неправоту, но не хотѣлъ признать ее.

Подобное обращеніе съ женами представляетъ рѣдкіе случаи, вообще же преобладаетъ мягкое, отнюдь не деспотическое, добродушное отношеніе къ нимъ. На ряду съ полнымъ подчиненіемъ власти мужа башкирская женщина даетъ примѣры проявленія своей личности. Эта же мягкость, ровность характера Башкиръ обнаруживается въ сношеніяхъ съ посторонними людьми изъ другихъ народностей. Между русскимъ и башкирскимъ населеніемъ почти не бываетъ никакихъ замѣтныхъ недоразумѣній, и какого-нибудь недовѣрія или боязни по отношенію къ Русскимъ среди Башкиръ не существуетъ. Развѣ относительно чиновниковъ у нихъ рождаются по временамъ опасенія. Такъ я былъ свидѣтелемъ безпокойства Башкиръ кочевки Казаккуловой по поводу появленія вблизи нихъ землемѣра, который нѣсколько дней дѣлалъ какія-то измѣренія, кажется, въ виду намѣренія правительства взять въ опеку башкирскіе лѣса. Башкиры мучились подозрѣніемъ, что у нихъ хотятъ отобрать земли: «кажется, у насъ земли лишней нѣтъ, только въ мѣру, никого мы не трогаемъ, а у насъ хотятъ отнять и эту: зачѣмъ ѣздитъ къ намъ землемѣръ»? Разубѣждать ихъ въ подобныхъ подозрѣніяхъ — дѣло не легкое.

Но всякаго гуманнаго, справедливаго чиновника они отмѣчаютъ особеннымъ къ нему расположеніемъ и добрымъ словомъ о немъ.

Вообще Башкиры являются мирнымъ и вполнѣ вѣрноподданнымъ народомъ нашего отечества. Сопоставляя себя съ Русскими, они говорятъ: «ńаша вáша одинъ Богъ и одинъ царь».

Представленія о царѣ у нихъ чрезвычайно высокія: идея о немъ въ ихъ пониманіи есть синонимъ высшей и нелицепріятной правды и отеческой заботливости о всѣхъ его подданныхъ. Особенно сильныя чувства преданности и признательности къ царю питали они въ голодные годы 1891—92: «кабы не царь, чтобы мы стали дѣлать? всѣ бы помирали: бульно тяжелá было. А царь не забылъ насъ, хлѣба прислалъ да машину (т. е. желѣзную дорогу) велѣлъ построить. Ай-ай хитрá люди стали» — прибавляютъ они по поводу желѣзной дороги. — «Царь о всѣхъ заботится и велѣлъ всѣмъ поровну раздавать хлѣба — 30 ф. на душу, да чиновники обижаютъ: исправ-

никъ и старосты раздавали по 15 ф. и говорили, что мука растряслась. Нѣтъ, это имъ не пройдетъ такъ: царь непремѣнно узнастъ, пришлетъ своего чиновника, которому мы будемъ жаловаться; царь правду любитъ. Царь только одинъ заботится о насъ, кабы не царь, всѣ бы мы помирали: дай Богъ ему на здоровье».

Чиновникъ дѣйствительно пріѣзжалъ — это князь Голицынъ, уполномоченный для провѣрки раздачи пособій голодающему населенію въ восточныхъ губерніяхъ. Но онъ проѣзжалъ только по городамъ, и Башкиры прозѣвали его проѣздъ, или не могли о немъ знать: такъ и остались не при чемъ въ своемъ исканіи правды.

Вообще неудовольствія Башкиры питаютъ по адресу чиновниковъ, а не относительно русскаго населенія, съ которымъ они живутъ въ ладу благодаря тому, что русскій крестьянинъ добродушно и безъ заднихъ мыслей относится къ нимъ.

Въ умственномъ отношеніи народъ этотъ вообще одаренный, и хотя умъ его почти совсѣмъ еще спитъ, но проявляетъ задатки къ развитію: взрослые Башкиры нерѣдко обнаруживаютъ житейскую разсудительность и даже житейскую философію; любознательность свойственна Башкирамъ во всѣхъ возрастахъ, а въ ребятахъ она проявляется особенно при обученіи въ русскихъ школахъ. Благодаря этому качеству и при отсутствіи тенденціозной замкнутости, какъ у Татаръ, они легко воспринимаютъ вліяніе русской культуры и безъ національной опасливости: они вполнѣ, напр., сознаютъ важность русской грамоты и отдаютъ своихъ дѣтей въ русскую школу, не боясь ея, тогда какъ Татаръ, напр. приходится долго разубѣждать въ ихъ опасеніяхъ и какими-нибудь особенными мѣрами привлекать въ русскія школы. Башкирскія дѣти обнаруживаютъ большую даровитость и скоро и разумно усваиваютъ русскую грамотность, знаніе которой даетъ право на большое уваженіе среди Башкиръ, и послѣдніе, какъ я уже раньше упоминалъ, прямо предпочитаютъ русскую школу татарской за скорость усвоенія и понятливость преподаваемой въ ней грамоты. Никто противъ школы ничего не имѣетъ, и если многіе не отдаютъ въ нее дѣтей своихъ, то по экономическимъ причинамъ или потому, что всѣхъ не принимаютъ.

Но надо, однако, отмѣтить, что Башкиры въ своемъ образованіи дальше начальныхъ школъ не поднимаются.

Наибольшую даровитость Башкиры обнаруживаютъ въ поэтическомъ отношеніи, и ихъ творчество заслуживаетъ вообще вниманія, а въ сравненіи съ творчествомъ другихъ инородцевъ — особеннаго. Интересъ и разнообразіе ихъ творчества надобно поставить въ тѣсную связь съ той чудной природой Урала, среди и въ тѣсномъ общеніи съ которой живутъ Башкиры. Причудливыя и живописныя очертанія горъ, постоянная смѣна картинъ,

одна другой красивѣе, заманчивая даль, раскрывающаяся съ каждой высокой горы на необозримое море горъ и горныхъ хребтовъ, широкія долины, узкія и глубокія ущелья, почти дѣвственная природа съ лѣсами и животными въ нихъ, — все это должно поражать воображеніе и энергично возбуждать фантазію и поэтическое творчество.

Башкиры оказываются, дѣйствительно, чуткими къ красотамъ природы: они для своихъ кочевокъ выбираютъ, какъ я уже упомянулъ, самыя красивыя мѣста въ горахъ; по собственному побужденію знакомятъ посторонихъ посѣтителей съ замѣчательными видами ихъ мѣстности и могутъ предаваться наслажденію созерцанія природныхъ красотъ: такъ не разъ можно слышать разсказы о томъ, какъ Башкиръ останавливается и подолгу смотритъ въ даль; когда его спрашиваютъ, къ чему онъ присматривается, онъ указываетъ на красивую гору или красивый видъ, и съ чувствомъ говоритъ: «ай, хорошá, бу́льно хорошá», затѣмъ опять предается созерцанію, выражая восклицаніями свое восхищеніе.

Тептяри.

Что касается третьей народности, исповѣдующей магометанскую религію, среди которой я также записывалъ пѣсни, — Тептярей, то о ней придется сказать кратко какъ по ея малочисленности, такъ и по малой оригинальности, ибо ихъ языкъ и образъ жизни весьма близки къ башкирскому, а нравственное состояніе менѣе симпатично и поэтическое творчество не столь интересно и въ значительной степени заимствовано.

Тептяри населяютъ Тептяро-Учалинскую волость въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Оренбургской губ. въ 40 — 50 верстахъ отъ г. Верхнеуральска. Численность достигаетъ не болѣе восьми тысячъ, а можетъ быть, и того меньше. Вотъ названіе ихъ поселеній: Рысаева, Калканова, Учалы, Мулдашево, Ильтабанова, Ильчина, Долгая Деревня, Уразова и пр.

Тептяри любопытны тѣмъ, что представляютъ изъ себя сборную народность. Обитая на ряду съ Мещеряками, совершенно отатарившимся народцемъ на башкирской землѣ, они вмѣщаютъ въ своей народности много этнографическихъ элементовъ. Существуетъ нѣсколько мнѣній о происхожденіи и составѣ этого народа. Такъ Уйфальви думаетъ, что Тептяри могли произойти отъ скрещиванія Башкиръ съ Татарами.

По Георги Тептяри образовались изъ бѣглецовъ, искавшихъ убѣжища въ горахъ послѣ паденія татарскаго царства въ Казани, и составные элементы этого новаго народа образовались изъ Вотяковъ, Черемисовъ, Чувашей и Татаръ. Главная причина ихъ эмиграціи былъ страхъ, что Рус-

скіе принудятъ ихъ принять свою религію. Различные народы, изъ которыхъ составились Тептяри, сливаются все болѣе и болѣе. Во времена Георги, однако, еще можно было различать языкъ каждаго отдѣльнаго народа.

Тептярь значитъ по-татарски «бродяга», человѣкъ слишкомъ бѣдный, чтобы платить подати. Между Тептярями есть особый классъ такъ называемыхъ Бобылей (см. О Башкирахъ, профессора Сомье. Переводъ О. Н. Оленниой. Екатеринбургъ 1891, стр. 15. Перепечатано изъ «Записокъ» Уральскаго Общества любителей естествовознанія, т. XIII).

На мѣстѣ въ бытность мою среди Тептярей мнѣ удалось добыть слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ народѣ.

Учитель русско-тептярскаго училища въ деревнѣ Учалахъ А. С. Гусевъ, старожилъ среди Тептярей, говорящій на татарскомъ языкѣ и близко знакомый съ бытомъ окрестныхъ инородцевъ, сообщилъ мнѣ, что Тептярь — слово башкирское, въ переводѣ значитъ «хищникъ». По характеру Тептяри, дѣйствительно, народъ хищный, точнѣе говоря, воры. По разсказамъ самихъ Тептярей, и какъ это до нѣкоторой степени подтверждается документами, волость ихъ образовалась изъ поселившихся вмѣстѣ разныхъ бродячихъ людей и цѣлыхъ семействъ, какъ-то: русскихъ бѣглыхъ крестьянъ и солдатъ, Татаръ, Чувашъ, Башкиръ, Мещеряковъ и проч. На такой пестрый составъ этого народа и вмѣстѣ присутствіе русскаго элемента указываетъ, напр., имя и отчество одного родоначальника деревни Ильтабановой, купившаго у Башкиръ земли на свое имя — «Ильтабанъ Степановичъ». Башкирская среда, въ которой они поселились, привила къ нимъ свой языкъ, вѣру и нѣкоторые обычаи. Поэтому у Тептярей, по словамъ Гусева, ни пѣсенъ, ни музыкальныхъ инструментовъ собственнаго произведенія не имѣется,— а если и существуютъ въ обращеніи тѣ или другіе, то они заимствованы или отъ Башкиръ или отъ сосѣднихъ Русскихъ: казаковъ или крестьянъ. Праздники у Тептярей тѣ же, что и у Башкиръ: между прочимъ у нихъ до послѣдняго времени справлялось празднество «*Сабантуй*» — въ переводѣ: «сабанный или послѣ-пашенный пиръ», но въ послѣдніе годы совершенно оставленъ.

У Тептярей все заимствовано и своего племеннаго ничего нѣтъ — заключаетъ свое сообщеніе учитель Гусевъ. Я не склоненъ раздѣлять такой рѣшительный приговоръ потому, что убѣдился самъ въ существованіи творчества среди Тептярей: записалъ нѣсколько несомнѣнно тептярскихъ пѣсенъ и познакомился съ однимъ пользовавшимся популярностью среди народа поэтомъ и пѣвцомъ, Башаровымъ, сообщившимъ мнѣ нѣсколько пѣсенъ и мелодій собственнаго сочиненія. Этотъ пѣвецъ и вмѣстѣ музыкантъ-игрокъ на скрипкѣ успѣлъ обратить свое любимое занятіе въ спеціальность, которою онъ и кормился: онъ добывалъ себѣ средства къ существованію тѣмъ,

что былъ приглашаемъ на вечеринки, гуляньки, свадьбы, гдѣ игралъ и пѣлъ башкирскія, тептярскія, русскія и собственнаго сочиненія пѣсни. Другихъ занятій: промышленныхъ и т. п. онъ не имѣлъ и, кажется, былъ не способенъ къ нимъ, такъ что былъ въ своемъ родѣ «свободный художникъ». Собственныя пѣсни этого пѣвца пользуются распространеніемъ среди народа, и я не разъ при разспросахъ о происхожденіи пѣсенъ слышалъ въ отвѣтъ, что такая-то и такая-то пѣсня сочинена Башаровымъ изъ деревни Рысаевой и что никто лучше его не умѣетъ сочинять, хотя мелодіи его мнѣ не особенно нравились.

Что касается вопроса, признавать ли Тептярей отдѣльной народностью или нѣтъ, то считаю надобнымъ привести слѣдующія соображенія директора народныхъ училищъ Уфимской губерніи И. И. Троицкаго. По его словамъ, суть разногласія относительно инородцевъ: Башкиръ, Мещеряковъ, Тептярей и Бобылей состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что одни считаютъ этихъ инородцевъ племенными особями, другіе же относятъ ихъ къ различнымъ сословіямъ. Послѣднее мнѣніе поддерживаетъ Уфимскій Статическій Комитетъ и Крестьянское Присутствіе; это мнѣніе считается болѣе справедливымъ. Хотя прежде тотъ же Статистическій Комитетъ допускалъ псевдоплеменный терминъ—Башкиры, Мещеряки, Тептяри и проч., но допускалъ это потому, что таковой терминъ легально существовалъ во время производства статистическихъ переписей.

Какъ давно появились въ описываемой мѣстности Тептяри, трудно сказать; по крайней мѣрѣ путешествовавшій въ прошломъ столѣтіи (1770 г.) по Уралу и проѣзжавшій какъ разъ по мѣстности, гдѣ теперь живутъ Тептяри, извѣстный академикъ Лепехинъ не упоминаетъ вовсе, чтобы какая-нибудь народность называлась Тептярями, хотя описываетъ горы и озера подъ тѣми же названіями, какія существуютъ и теперь.

Волость Тептярей расположена въ живописной гористой мѣстности, еще достаточно покрытой лѣсомъ и изобилующей многоводными красивыми озерами, которыя сообщаютъ значительное оживленіе и привлекательность горнымъ пейзажамъ. Лѣсистость этой волости и изобиліе влажности находится въ прямой зависимости отъ опеки, установленной казной надъ тептярскими лѣсами, рубить которые Тептяри могутъ только съ разрѣшенія лѣсничаго и въ такъ называемыхъ «дѣлянкахъ», участкахъ лѣса, назначаемыхъ по очереди къ вырубкѣ.

Благодаря этому обстоятельству Тептяро-Учалинская волость производитъ отрадное впечатлѣніе послѣ безлѣсныхъ, обнаженныхъ, лишенныхъ даже травянаго покрова горъ и полей сосѣднихъ волостей, напр., близъ инородческой деревни Ахуновой; вы съ удовольствіемъ въѣзжаете въ Тептяро-Учалинскую волость по дорогѣ, вьющейся среди березняка, вдоль обширныхъ и красивыхъ озеръ, по широкому простору и заманчивымъ

далекимъ берегамъ которыхъ взоръ охотно скользитъ, близъ разнообразныхъ горъ, точно нарядной одеждой покрытыхъ лѣсомъ послѣ безлѣсья прежнихъ горъ.

Въ самомъ воздухѣ чувствуется присутствіе здоровой влажности; по полямъ колосятся тучные хлѣба, которые поразительно разнятся отъ хлѣбовъ сосѣднихъ безлѣсныхъ волостей.

На берегу Ургуна, самаго значительнаго и краснваго озера этой мѣстности, вдали отъ селенія на лонѣ природы поселились нѣкоторые изъ Русскихъ, которые съ успѣхомъ занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, дающимъ обильные урожаи безъ необходимости удобренія земли. Надъ земледѣльческой культурой трудился здѣсь упомянутый, нынѣ уже умершій педагогъ Гусевъ, который, примѣняя усовершенствованныя орудія обработки земли, старался и Тептярей пріохотить къ болѣе интенсивному занятію земледѣліемъ при помощи такихъ же усовершенствованныхъ орудій.

Минеральныя богатства этой мѣстности значительны: нѣсколько лѣтъ назадъ обнаружилось, что Учалинское озеро около деревни Учаловъ испортилось и перестало быть годнымъ для питья благодаря тому, что размыло въ землѣ залежи мѣднаго купороса, который отравилъ воду, такъ что скотъ, пившій изъ озера, издыхалъ. Здѣсь же сгруппировано нѣсколько золотыхъ пріисковъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма успѣшно работаютъ, напр., Прибылева и особенно Э. И. Гана, бывшаго городскаго врача въ г. Троицкѣ, открывшаго работы съ Апрѣля 1893 г. Залежи золота оказались очень богаты какъ въ россыпяхъ, такъ и въ жилахъ: находились въ большомъ числѣ самородки. Добыча золота ежедневно измѣрялась 17 зол. со 100 пудовъ, а бывали дни, когда она доходила до 1 п. 30 Ф., 2 п. 12 Ф. чистаго золота, — событіе, почти безпримѣрное въ лѣтописяхъ мѣстной золопромышленности. Этотъ фактъ лишній разъ подтверждаетъ несомнѣнную наличность горныхъ богатствъ Урала.

Открытіе необыкновенно богатаго пріиска произвело сильное впечатлѣніе на все окружающее населеніе и русское, и инородческое. Хищническіе инстинкты инородцевъ поднялись во всей силѣ. У Башкиръ и Тептярей сердца разгорѣлись отъ близкаго сосѣдства съ золотоноснымъ источникомъ, и они пустились во всѣ тяжкія, лишь бы поживиться отъ богатствъ новаго пріиска. Послѣдній первое время былъ буквально въ осадномъ положеніи: для охраненія склада золотоносныхъ камней, найденныхъ въ большомъ количествѣ въ первые же дни, приходилось учреждать вооруженную стражу изъ рабочихъ въ виду того, что Тептяри каждую ночь дѣлали вылазки и нападенія на пріискъ изъ сосѣдней деревни Рысаевой. Происходили настоящія перестрѣлки, при чемъ однажды одинъ изъ Тептярей былъ подстрѣленъ. Послѣдніе угомонились, лишь убѣдившись, что пріискъ энергично охраняется.

Склонность къ воровству, если судить по разсказамъ, — преобладающая страсть у Тептярей.

Тептяри усердно занимаются конокрадствомъ и, говорятъ, будто въ каждой своей деревнѣ содержатъ воровскія конторы, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ нити организованнаго воровства. Сами власти будто бы не въ силахъ бороться съ этимъ зломъ, потому что понятые и свидѣтели берутся изъ той же среды воровъ, которые весьма солидарно дѣйствуютъ между собою. Похитители сами извѣщаютъ потерпѣвшихъ, что украденную вещь или лошадь они могутъ выкупить въ конторѣ. Бороться съ этимъ зломъ считаютъ возможнымъ только энергичными мѣрами.

Такимъ образомъ, Тептяри создали себѣ дурную репутацію воровъ, хищниковъ, живущихъ на чужой счетъ, ничего своего за душой не имѣющихъ. Хотя, можетъ быть, есть доля преувеличенія въ этомъ рѣшительномъ мнѣніи, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что бытъ Тептярей представляетъ мало своеобразности и самостоятельности сравнительно съ Башкирами. Они, впрочемъ, не бѣднѣе послѣднихъ: правда, имѣютъ меньше скота, на кочевки не выѣзжаютъ, кумысомъ не богаты, но занимаются до нѣкоторой степени земледѣліемъ и имѣютъ хорошіе заработки на сосѣднихъ пріискахъ.

Живутъ они въ деревняхъ, устроенныхъ наподобіе русскихъ: въ деревянныхъ избахъ, въ которыхъ вмѣсто русской печи устраивается *камин*ъ, такъ называемый *чувалъ*, съ котломъ для кипяченія, вмѣсто столовъ и лавокъ — *нары*, т. е. очень широкія скамейки. Обстановка запущена, грязна и убога, среди которой успѣшно гнѣздятся болѣзни: глазныя, накожныя, частію сифилисъ и особенно тифъ. Подъ вліяніемъ всеобщаго голоданія въ 1891—1892 гг. тифъ свирѣпствовалъ по тептярскимъ, какъ и по другимъ инородческимъ деревнямъ, съ огромной силой: по всѣмъ избамъ валялись среди грязи и безпомощности больные, которымъ окружавшіе не догадывались даже давать воды отъ угнетавшей ихъ жажды, и больные въ полубезсознательномъ состояніи чмокали губами или лежали съ раскрытыми ртами, пока ихъ не убирала смерть, съ особеннымъ успѣхомъ подвизавшаяся въ атмосферѣ, наполненной дымомъ, пепломъ и парáми отъ кипящихъ котловъ и топящихся чуваловъ. Тептяри въ отчаяніи и безпомощности прибѣгали къ Божьей помощи, исполняя въ родѣ слѣдующихъ молебствій и обрядовъ. Въ лунную ночь они выходили толпами на улицу во главѣ съ муллами, въ бѣлыхъ чалмахъ, блѣдные, изнуренные, движущіеся какъ тѣни, останавливались противъ каждаго дома, гдѣ были больные: поднимая руки къ небу и взывая «Аллá, аллá», думали изгнать отъ себя болѣзнь. Ихъ жалобы, мольбы, монотонные и печальные возгласы «Аллá, Аллá» доносились отъ селенія къ селенію, наводя еще бóльшее уныніе.

Русскія власти обнаружили при этомъ необыкновенную мѣшкотность,

собравшись послать врача черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда эпидемія сама стала прекращаться, тогда какъ онѣ были давно предупреждены объ эпидеміи.

Вообще Тептяри, находясь на низкомъ экономическомъ уровнѣ, стоятъ на низкихъ ступеняхъ и относительно духовнаго развитія. Ихъ нравственная репутація незавидна, народное творчество менѣе богато, интересно и разнообразно, чѣмъ у другихъ инородцевъ: собственныхъ пѣсенъ имѣютъ мало, а больше усваиваютъ отъ другихъ. Въ народныхъ школахъ особенныхъ успѣховъ не дѣлаютъ. Представляя изъ себя сборную, составную народность, они отражаютъ на себѣ всевозможныя вліянія окружающихъ племенъ.

Въ жизни описанныхъ инородцевъ совершается въ настоящее время кризисъ: перерожденіе ихъ формъ жизни подъ вліяніемъ вѣяній времени и надвигающейся русской культуры. Конечно, перерожденіе это совершается не безболѣзненно главнымъ образомъ потому, что инородцы не могутъ сами подняться и реформировать свою жизнь. Правда, часть инородцевъ, съ Татарами во главѣ, обнаруживаютъ склонность и способности охранять свою племенную индивидуальность, но у большинства инородцевъ нѣтъ данныхъ для состязанія съ силою вещей; имъ повидимому не избѣжать сліянія съ высшею націею. Здѣсь можетъ быть нежелательнымъ лишь одно: слишкомъ большая болѣзненность этого сліянія, но есть основанія думать, что можно избѣжать такой болѣзненности сліянія. Въ этомъ убѣждаетъ больше всего безусловно мирный характеръ отношеній между русскимъ и инородческимъ населеніемъ, въ силу чего нѣтъ и тѣни какой-либо вражды или неудовольствія между ними, и вліяніе русской стихіи хотя постепенно, но прочно распространяется среди инородцевъ; затѣмъ безболѣзненность сліянія можетъ быть обезпечена также тѣмъ, если носители русской культуры не будутъ производить насильственнаго и своекорыстнаго воздѣйствія на ходъ вещей или ускорять его, примѣръ чему мы видѣли въ расхищеніи башкирскихъ земель.

Съ устраненіемъ подобныхъ нежелательныхъ условій ходъ вещей поведетъ къ естественному и постепенному водворенію русской культуры во всемъ этомъ инородческомъ краѣ и къ сближенію инородцевъ съ господствующею націей, къ которой у нихъ не замѣтно никакихъ враждебныхъ настроеній.

II.

Произведенія творчества уральскихъ мусульманъ.

Въ составъ собраннаго мною этнографическаго матеріала вошли:

1) образцы книжнаго мусульманскаго творчества;

2) народныя лирическія пѣсни числомъ около 100 и мелодіи къ нимъ;

3) образцы инструментальной музыки инородцевъ также около 100;

4) сказки и легенды;

5) образцы пословицъ, поговорокъ, причитаній, заговоровъ, ворожбы, и т. п.;

6) образцы повѣрій и описаніе нѣкоторыхъ инородческихъ обычаевъ и празднествъ.

Мѣстомъ моей экскурсіи и этнографическихъ наблюденій были, какъ я уже упоминалъ, городъ Уфа и Верхне-уральскій и Орскій уѣзды Оренбургской губерніи, центръ коренной Башкиріи.

Записываніе пѣсенъ и мелодій я производилъ одинъ; въ собираніи другаго этнографическаго матеріала мнѣ содѣйствовали народные учителя; общее содѣйствіе моимъ этнографическимъ занятіямъ оказали мнѣ слѣдующія лица: инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургской губ. Г. С. Рыбаковъ; директоръ народныхъ училищъ Уфимской губ. И. И. Троицкій; владѣлецъ золотаго пріиска Л. Э. Ганъ и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Татарскія пѣсни я записывалъ преимущественно въ гг. Уфѣ, отъ народнаго учителя Зиновія Салимъ-Гиреевича Кудашева, и Верхнеуральскѣ; тептярскія — на золотомъ пріискѣ Э. И. Гана, на восточномъ склонѣ Урала среди тептярскихъ деревень; башкирскія и часть татарскихъ — въ самыхъ кочевкахъ Башкиръ въ Уральскихъ горахъ.

Для собиранія башкирскихъ пѣсенъ я переѣзжалъ изъ кочевки въ ко-

чевку, пользуясь, гдѣ можно было, почтовыми лошадьми, а нерѣдко, за неимѣніемъ другихъ экипажей, довольствуясь дрогами башкирскими, которыя оказывались болѣе пригодными для передвиженія по узкимъ горнымъ дорогамъ. Я вращался и ѣздилъ съ Башкирами одинъ безъ всякаго вооруженія: случалось путешествовать даже темными ночами среди пустынныхъ горъ одинъ на одинъ съ возницею-Башкиромъ, и все обходилось безъ приключеній: настолько народъ этотъ замиренъ и спокоенъ.

Записывать пѣсни приходилось при различныхъ условіяхъ и обстановкѣ: въ полѣ, лѣсу въ перемежку между работами; въ деревняхъ — въ избахъ, въ кочевкахъ — вечеромъ (самое удобное время для записыванія) на открытомъ воздухѣ за чаепитіемъ или за питіемъ кумыса; у костровъ, которые Башкиры разводятъ по горамъ близъ кочевокъ, ложась спать иногда подъ открытымъ небомъ; вечеромъ Башкиры съ большой охотой распѣвали пѣсни и играли на своихъ инструментахъ, особенно если имъ предлагалось угощеніе въ видѣ чая, кумыса, закусокъ или вознагражденіе; иногда они вступали въ музыкальныя состязанія, стараясь блеснуть своими голосами или искусной игрой. Инородцы близъ золотыхъ пріисковъ требовали менѣе невиннаго гонорара въ видѣ водки, папиросъ и т. п., помимо денегъ.

Произведенія поэтическаго творчества народностей Урала, говорящихъ на татарскомъ языкѣ, могутъ быть раздѣлены на два главныхъ разряда:

1-й разрядъ — стихотворенія книжнаго искусственнаго творчества, нѣчто въ родѣ поэмъ или одъ на историческіе и героическіе сюжеты или на злобу дня, большею частію солиднаго, приличнаго и поучительнаго содержанія, носящія названія:

Мынажатъ (обращеніе къ Богу) — религіознаго содержанія, въ которыя входятъ изреченія на арабскомъ языкѣ, и *баитъ* — стихотворенія свѣтскаго характера.

Темами для этихъ произведеній книжнаго сочинительства служатъ, напр., тоска по родинѣ, тяжесть солдатчины и военной дисциплины, просьбы къ Божеству объ избавленіи отъ неправедныхъ правителей, судей, лукавыхъ людей, бѣдствій, о ниспосланіи всякихъ благъ, разсужденія на явленія повседневной жизни, напр., о чаѣ, по поводу котораго въ моемъ собраніи имѣются, какъ упомянуто, два баита противоположнаго другъ другу содержанія: въ одномъ, очевидно, болѣе древнемъ, замѣчается настроеніе, враждебное распространенію чая, видимо, хранители старины среди Башкиръ противились распространенію новаго напитка; въ другомъ восхваляются его благотворныя качества. Подобныя произведенія принадлежатъ перу опредѣленныхъ грамотныхъ личностей, главнымъ образомъ муллъ изъ

Татаръ, а также изъ Башкиръ; они назначаются къ исполненію въ солидныхъ собраніяхъ, религіозныхъ и т. п. и имѣютъ успѣхъ среди класса степенныхъ, пожилыхъ правовѣрныхъ, считающихъ неприличнымъ для себя и за грѣхъ пѣть чисто народныя лирическія пѣсни, особенно скорыя, обыкновенно игриваго содержанія, къ которымъ они и относятся пренебрежительно, называя ихъ терминомъ: «шалтай-балтай» (пустяки, вздоръ); стихотворенія книжнаго происхожденія отличаются своею длиною и имѣютъ каждое свою мелодію.

2-й разрядъ — пѣсни непосредственно народнаго творчества, называемыя «джырларъ».

Обыкновенно кратки — въ одну строфу (въ 4 строчки), при чемъ первая полустрофа большею частью не имѣетъ внутренней связи съ послѣдующей второй, и соблюдается лишь внѣшняя связь — рифма во 2-ой и 4-ой строчкахъ. Въ большинствѣ случаевъ пѣсни поются съ припѣвомъ.

Въ первой половинѣ строфы очень часто заключается какой-нибудь поэтическій образъ или картина природы; изрѣдка такой образъ или картина вопреки обыкновенію имѣетъ органическую, подъ-часъ тонкую связь съ содержаніемъ второй половины строфы, какъ аналогія, сравненіе или параллель.

Примѣръ пѣсни безъ внутренней связи между полустрофами:

1-я полустрофа:

Я зажегъ траву на высокой горѣ,
Огонь распространился по вершинѣ горы;

2-я полустрофа:

Я поцѣловалъ тебя въ правую щеку,
А лѣвая осталась сиротой.

Примѣръ пѣсни, части которой связаны между собою по смыслу:

1-я полустрофа:

Я купилъ разныхъ цвѣтовъ,
Чтобы посадить ихъ въ саду;

2-я полустрофа:

Но не купишь счастья за деньги,
Если Богъ не даетъ его.

или

1-я полустрофа:

Вставши рано, я посмотрѣлъ:
Жаворонокъ весело поетъ;

2-я полустрофа:

Я также попѣлъ бы и посмѣялся бы,
Но бѣдность рѣжетъ мою шею.

Изрѣдка народныя пѣсни попадаются въ 2, 3 и болѣе строфы, представляя довольно большое стихотвореніе, что́ замѣчается чаще у Башкиръ, чѣмъ у Татаръ.

Пѣсня въ 2 строфы.

1-я строфа:

Я держалъ въ рукахъ домбру (киргизск. муз. инструментъ)
И проходилъ по улицѣ;
Бросилъ я домбру,
Ввелъ дѣвокъ въ избенку,

2-я строфа:

Сталъ я ихъ цѣловать,
Но меня поймали;
Вырвался я изъ бѣды,
Заплативъ по монеткѣ.

Пѣсенныя мелодіи дѣлятся по характеру своему на два класса:

1-й классъ—протяжныя, проголосныя мелодіи, и по нимъ пѣсни называются узункўй (длинная пѣсня), напр. пѣсня № 28.

2-й классъ—скорыя и короткія мелодіи плясоваго характера, и пѣсни, распѣваемыя на нихъ, называются такмакъ[1]).

Что касается отношенія между текстомъ и мелодіей въ инородческихъ пѣсняхъ, то существуетъ слѣдующая особенность. Текстъ и мелодія не связаны между собою на столько, чтобы непзмѣнно сопровождать другъ друга: данный текстъ можетъ распѣваться на данную мелодію, но также на всякія другія однородныя мелодіи при соблюденіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь того, чтобы протяжная, напр., мелодія—«узункўй» не замѣнялась скорою—«такмакъ», а такой же протяжной, и наоборотъ. Эта особенность находится въ полной противоположности съ особенностью русскихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ данный текстъ и данная мелодія въ огромномъ большинствѣ случаевъ неуклонно сопровождаютъ другъ друга.

Впрочемъ, такая особенность проявляется преимущественно въ татарскихъ пѣсняхъ; что касается Башкиръ и Тептярей, то у нихъ есть много пѣсенъ, распѣваемыхъ на одну и ту же мелодію. Циклъ мелодій, на который распѣваются пѣсни, опредѣляется у Татаръ модой, благодаря которой въ одно время входятъ въ употребленіе одне мелодіи, а въ другое другія.

Кромѣ того, у Башкиръ и Тептярей существуетъ, на сколько мнѣ удалось убѣдиться, замѣчательное явленіе смѣны поэтическаго творчества

1) См. пѣсни, начиная съ № 37.

съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Однажды я ѣхалъ съ Башкиромъ пожилыхъ лѣтъ и разговорилъ съ нимъ о баитахъ и народныхъ пѣсняхъ. Онъ между разговоромъ пѣлъ баитъ, а затѣмъ перешелъ къ пѣснѣ народнаго характера; я спросилъ его, что это за пѣсня; онъ отвѣтилъ мнѣ, что это старинная пѣсня, которой теперь уже не поютъ, а которую пѣли въ его молодости: «нашихъ старинныхъ пѣсенъ молодые парни отъ насъ не перенимаютъ, а выдумываютъ свои», продолжалъ онъ; «отчего же?», спросилъ я; — «да это такъ всегда бываетъ: мы отъ своихъ стариковъ не перенимали, а теперь отъ насъ ребята не перенимаютъ пѣсенъ и сами для себя сочиняютъ; теперь нѣтъ уже нашихъ старыхъ пѣсенъ, а пошли все новыя». Въ параллель съ тѣмъ, что старики чуждаются современныхъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, особенно скорыхъ, и называютъ ихъ «шалтай-балтай», молодежь игнорируетъ стариковскія пѣсни предыдущаго поколѣнія и усвоиваетъ новыя.

Такимъ образомъ существуетъ любопытный фактъ появленія и исчезновенія съ каждымъ новымъ поколѣніемъ цѣлыхъ цикловъ пѣсенъ, которые, продержавшись свое время, безслѣдно исчезаютъ, чтобы замѣниться новыми. Этотъ фактъ указываетъ на значительную интенсивность творчества среди разсматриваемыхъ инородцевъ, которые не затрудняются съ каждымъ поколѣніемъ создавать новые и новые циклы пѣсенъ, а вмѣстѣ на отсутствіе той преемности, которая сохраняетъ народную пѣсню отъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Конечно, господство отмѣчаемаго факта не безусловное: извѣстная часть пѣсенъ, особенно легендарнаго, повѣствовательнаго характера, переходитъ въ новыя поколѣнія, а что касается лирическихъ, то онѣ, кажется, смѣняются съ каждымъ поколѣніемъ.

Пѣть пѣсни у инородцевъ позволительно только въ опредѣленное время: преимущественно вечерами на сборищахъ, гулянкахъ, свадьбахъ или праздествахъ, а въ другое — считается неприличнымъ.

При записываніи, напр., татарскихъ пѣсенъ въ г. Верхнеуральскѣ я познакомился, между прочимъ, съ семейнымъ татариномъ Ахмадеемъ Алеевымъ, занимающимся маклерствомъ въ городѣ, обладающимъ большимъ запасомъ пѣсенъ. Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ для записыванія пѣсенъ, онъ сказалъ, что надо бы-де намъ уйти куда-нибудь пѣть пѣсни, а то здѣсь нельзя: баба дома, да и сосѣди услышатъ и скажутъ, что Ахмадей-де закутилъ, гулянка у него. И мы отправились искать нейтральнаго мѣста: такимъ въ этой сплошь татарской части города оказалась портерная, гдѣ пѣть пѣсни считаютъ позволительнымъ сами Татары.

Въ башкирскихъ кочевкахъ считается неприличнымъ пѣть пѣсни въ теченіе дня, вечерами же предоставляется полная свобода. Когда я записывалъ пѣсни днемъ, то Башкиры-пѣвцы увлекали меня куда-нибудь въ уеди-

пенное мѣсто: на поляну подальше или въ лѣсъ, гдѣ насъ никто не могъ ни видѣть, ни слышать. Когда я спрашивалъ, отчего надобно такъ уединяться, то получалъ отвѣтъ: «нельзя, а то скажутъ: что за дуракъ, пѣсни поетъ безъ пути». Особенно стыдились пѣть молодые парни (малаи) въ присутствіи пожилыхъ Башкиръ.

Женщины въ этомъ отношеніи еще болѣе стѣснены, и только въ интимной средѣ подругъ онѣ обнаруживаютъ, что имъ не чуждо искусство пѣнія. Мнѣ не случилось почти слышать женское пѣніе среди инородцевъ и только однажды слышалъ пѣніе дѣвочекъ, одновременно и плясавшихъ: даже дѣвочки должны были уединиться въ одинъ свободный кошъ и, запершись тамъ, довольно робко предавались пѣнію. Болѣе позволительны для женщинъ пляски: по крайней мѣрѣ я раза 2 — 3 былъ свидѣтелемъ ихъ плясокъ на виду у всѣхъ. Однажды Башкиры деревни Кабагушевой устроили нѣчто въ родѣ пикника на такъ называемый «камень» по близости въ горахъ. Среди горъ надъ глубокой лощиной обрывомъ одиноко возвышалась высокая скала довольно правильной цилиндрической формы наподобіе колонны, основаніемъ которой служила гора; вокругъ этой скалы на значительной высотѣ надъ лощиною точно преднамѣренно кѣмъ сдѣланъ достаточно широкій каменный ходъ въ видѣ круговой площадки, и по ней можно ходить кругомъ скалы и стоять надъ пропастью, отъ которой зрителя ничто не отдѣляетъ, какъ только ширина площадки, суживающаяся иногда до 3—4 четвертей. Башкиры и Башкирки ловко и смѣло бѣгали кругомъ этой естественной колонны надъ пропастью, дудочникъ игралъ пѣсни, Башкирки иногда въ своемъ кружкѣ подтягивали, а потомъ, выбравъ довольно ровное и широкое мѣстечко по уклону горы, пустились въ пляску подъ свои пѣсни; спустя немного имъ сталъ подыгрывать дудочникъ и присоединились Башкиры въ качествѣ зрителей. Башкирки плясали въ одиночку, притаптывая ногами, прищелкивая руками и вертясь тѣломъ.

Здѣсь созерцали пляску женщинъ мущины, но обыкновенно для мужчинъ считается непринятымъ смотрѣть на увеселенія женщинъ, особенно среди Татаръ.

Танцы инородцевъ не отличаются особенной подвижностью: танцующій обыкновенно на одномъ мѣстѣ или на небольшомъ пространствѣ перебираетъ ногами, рѣдко дѣлая болѣе сильные движенія или скачки въ сторону и жестикулируя руками или подбоченясь. Мило пляшутъ малайки и анайки (парни и дѣвочки) башкирскіе.

Пляски происходятъ подъ игру свирѣли (курая) или подъ пѣніе съ ритмическимъ аккомпаниментомъ на какомъ-нибудь предметѣ, напр., на деревяшкахъ, на ведрѣ и т. п.; у Татаръ обыкновенно подъ игру скрипки.

Среди пѣвцовъ-инородцевъ преобладаютъ высокіе голоса—баритоны

и особенно тенора, которые безъ затрудненія и естественно берутъ чрезвычайно высокія ноты, приближаясь по тэмбру къ дѣтскимъ голосамъ (альтамъ). Пѣвцы-басы встрѣчаются рѣдко.

Одной изъ особенностей исполненія пѣсенъ является продолжительное протягиваніе послѣдней ноты пѣсни съ вибраціей въ голосѣ и сосредоточеннымъ взглядомъ. Эта особенность замѣчается главнымъ образомъ при исполненіи протяжныхъ, проголосныхъ пѣсенъ (узункўй).

Въ мелодіяхъ разсматриваемыхъ инородцевъ мало сказываются сложные изгибы развитаго и глубокаго чувства, нѣтъ того захватывающаго лиризма, какой присущъ русскимъ пѣснямъ; отъ нихъ вѣетъ больше внѣшнимъ настроеніемъ, объективностью, точно онѣ отражаютъ внѣшнія явленія природы, а настоящихъ, или, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ смыслѣ звуковъ человѣческой души онѣ пока еще не слышали и потому не отразили, или, можетъ быть, онѣ отражаютъ особый строй чувствованій, который мы мало понимаемъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не уменьшаетъ интереса къ той значительной мелодичности и оригинальности, какою отличаются напѣвы разсматриваемыхъ инородцевъ.

ОБРАЗЦЫ КНИЖНАГО ТВОРЧЕСТВА ИНОРОДЦЕВЪ УРАЛА.

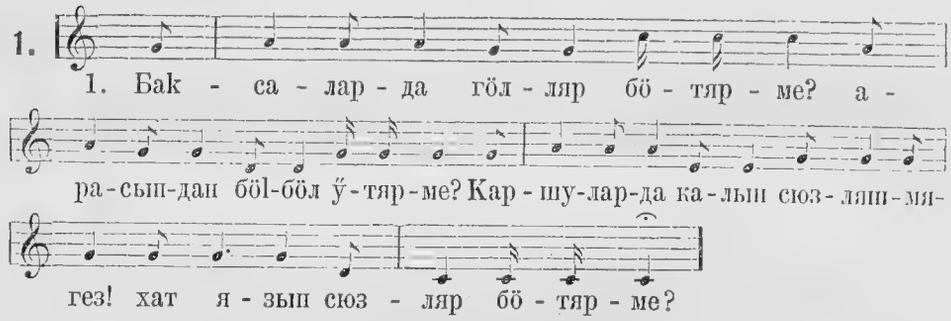
Образцы книжнаго сочинительства двухъ родовъ [1]).

I) *Мынажатъ* (обращеніе къ Богу) — религіознаго содержанія.
II) *Баитъ* — стихотворенія разнаго рода на свѣтскія темы.

I. МЫНАЖАТЪ.

1) Татарскій.

Речитативъ.



2. Ак кошкна булып ўсяр-идем ишек алдымда кюл булса,
   Сагынганда сайып кайтар-идем йир астындан јул булса.
3. Мяндягня калган турсай атны кадырсыз итеп жикмягез!
   Базарларга киткян башымыз töгöl тиз каітыр тип кötмягез!

---

1) Авторъ записывалъ эти пѣсни не зная татарскаго языка, и составилъ переводы съ помощію знающихъ русскій языкъ Татаръ. По этому я долженъ былъ исправить тексты и переводы. Я довольствовался при этомъ установленіемъ вѣрнаго раздѣленія словъ и введеніемъ сколько нибудь однообразной ореографіи, сближая ее съ ореографіей крещеныхъ Татаръ. Много сомнительнаго я оставилъ неисправленнымъ, потому что часто можно предполагать вліяніе мѣстныхъ нарѣчій пѣвцовъ и лицъ, помогавшихъ автору при составленіи переводовъ, вліяніе, которое я не имѣлъ возможности контролировать. Эта работа была трудна и неблагодарна, и я былъ принужденъ вычеркнуть часть примѣровъ какъ совершенно непонятныхъ. В. Радловъ.

Переводъ:

Въ саду кончатся ли цвѣты? между ними пролетятъ ли[1]) соловьи? Не противорѣчте мнѣ! въ письмѣ нельзя передать всѣхъ мыслей. Если бы во дворѣ было озеро, я желалъ бы плыть лебедемъ, когда соскучился бы, поѣхалъ бы домой, хотя бы дорога была подъ землей. Гнѣдой моей лошади прошу часто не запрягать, съ чужой стороны моей головы домой скоро не ждать.

2) Башкирскій.

1. Илагі эйлямя мохтаж шу дюрт адам капусына:
   Бере вали, бере кази, бере муфти, бере султан.
2. Шу дёрт адамларын шяррен безя кюстярмя я рабби:
   Бере пяммам, бере замьян, бере гаммаз, бере шайтан.
3. Ачыглардан имян эйля шу дюрт агзами я рабби:
   Бере башны, бере колак, бере чяшмя, бере лисан.
4. Шу дёрт нярсяне кюстярмя безя дёньядя я рабби:
   Бере факыр, бере дяин, бере мараз, бере зиндан.
5. Т'лядем синдян ая бари шу дёрт нярсягя кыл яры:
   Бере ылым, бере амял, бере аман, бере иман.
6. Шу дёрт китабларга ынан, айрма безе я ханнан:
   Бере таурат, бере инжел, бере забур, бере форкан.

Переводъ:

Не дай Богъ обратиться съ просьбой къ 4-мъ людямъ: судьѣ, казію, муфтію и султану. Избави Богъ отъ 4-хъ лукавыхъ людей: отъ невѣрующаго, отъ пьяницы, отъ клеветника и отъ шайтана. Отъ злости людей сохрани Богъ мои 4 члена: голову, уши, глаза и языкъ. Слѣдующихъ четырехъ вещей не дай намъ увидѣть въ мірѣ, Боже: бѣдности, долга, болѣзни, тюрьмы.

Желаю отъ тебя, Боже, еще четырехъ предметовъ (благъ): ученія, примѣненія его къ дѣлу, благополучія и вѣрованія во единаго Бога. Симъ четыремъ книгамъ вѣрую, не лишай насъ ихъ, Боже: Пятикнижіе, Евангеліе, Псалтырь и Алкоранъ.

3) Башкирскій.

1. Бу дюнъяда мусафермез;	На этомъ свѣтѣ мы путешественники;
Мусаферляр булыр дяртлю;	Они будутъ страдать;
Каму дяртляр сянгя маглум,	Всѣ страданія тебѣ извѣстны,
Гилажын бир харамлардан.	Только дай Богъ средство противъ нечистыхъ.

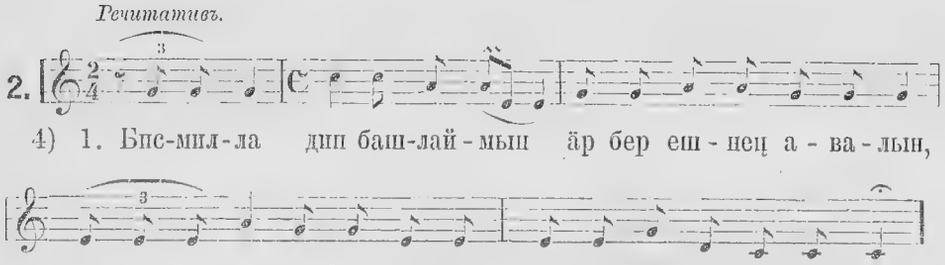
1) Слѣдовало переводить: «поютъ-ли?», но казанскіе Татары употребляютъ совершенно имъ не понятный османскій глаголъ ötämäk, смѣшивая его съ глаголомъ ўтмäк.

2. Кыш ӱтте, килде бер дям яз,
Ӱтяр сахрадан ӱрдяк, каз,
Кылалар ӓр бере аваз,
Укып тӧрлӧ сепялярдян.
3. Бу дюнъяда ата анасыз
Газыз баш була кадерсез;
Димягез бяни сабырсыз,
Сабыр биргян ӱзи рахман.
4. Саламат-тыр бяпем тянем,
Валакин аурыды жаным,
Шун ӧчӧн йуктыр дарманым
Шифа йук ӱзгя тимардан.

Зима прошла, пришла сразу весна,
Прилетаютъ изъ степи утки и гуси,
Всѣ они испускаютъ крики,
Точно читая разныя молитвы.
На этомъ свѣтѣ безъ родителей
Дорогая голова останется безъ почестей;
Не говорите обо мнѣ, что я нетерпѣливъ,—
Терпѣливость даетъ одинъ Богъ.
Тѣломъ я здоровъ,
Но душой страдаю,
Поэтому нѣтъ средства для меня
И нѣтъ леченія кромѣ другой печали.

II. БАИТЪ.

Речитативъ.



2. Баит яздым бян яратып ӱз племя каратып.
Бу баитны йӧрӧтсӧняр илдян илгя таратып.
3. Безнец аул урамы йӧреугя тар булды;
Туган ӱскян йпремдя бяним резек аз булды.
4. Сары сыпсык баласы агындан кюп карасы;
Бэрь худайым язгандан сун бяндянец йук сарасы.
5. Ашлык систем упсын дип буразнасы тулсын дип,
Барса халайык телягян икян бу бахтсыз булсын дип.
6. Сандукларга алма салдым как куярсыз алмадан;
Харь жумгада хапрь йӧрӧп тауфик телягез алладан.
7. Ӱстюмдяке кепмне бян кепмядем туйганса,
Туганларым дусларым кюрмядем бян туйганса.
8. Таңлар ата сырылып салдатъ сыкар тезелеп;
Ступай поход тигяндя джюрягем китте ӧзӧлӧп.
9. Туган ӱскян йерлярем калды бяпемъ пллярем.
Мылтык кылыс кютяреб талды назик ай биллярем.

Переводъ:

1. Благословясь, начинаю начало всякаго дѣла.
   Всюду возвѣщу, какъ убогіе живутъ.
2. Пишу стихи по своему желанію, направляя на свою родину;
   Стихотвореніе это пусть передаютъ изъ края въ край.
3. Въ нашей деревнѣ улица была узка;
   Гдѣ я родился и выросъ, тамъ не суждено было мнѣ жить.
4. У желтой синички дѣтенышъ имѣлъ бѣлыхъ пятенъ больше, чѣмъ черныхъ.
   Какъ Господь предначерталъ, тому смертный долженъ покориться.
5. Хлѣбъ я сѣялъ, чтобы разбухъ и чтобы борозда была полна;
   Весь народъ желалъ, чтобы я несчастливъ былъ.
6. Въ сундукъ я положилъ яблоко, чтобы вы сдѣлали изъ него пастилу,
   Каждую пятницу подавать ее какъ милостыню, прося у Бога благословенія.
7. Одежды, которую носилъ, не носилъ досыта;
   Ни на родственниковъ, ни на друзей также не наглядѣлся.
8. Свѣтаетъ. Солдаты быстро и стройно становятся.
   Когда они говорятъ «ступай въ походъ», то сердце у меня робѣетъ.
9. Моя родина, гдѣ родился, гдѣ выросъ, осталась (вдали), а досталось
   только ружье да сабля, отъ которыхъ устала тонкая моя поясница.

5) Варіантъ.

1. Бисмилла дип башладым ӓр бэр эшнен ӓуялен
   Көллӧ жортка ӓшкӓртеб салдат хезмят халлярен.
2. Салдат хале ауыр икян такат биргел ходайым;
   Фагым биргел кюнлемя бу бяйетне язайым.
3. Таш палатка керттеляр буйга ӱлчӓӱ салдылар;
   Салдат син дип кычкырып бер кагазга жаздылар.
4. Падишадан хӧкӧм дип чыгардылар ызвутка,
   Буйларыма ӱлчӓӱ салып, салдат-сын дип пагутка.
5. Кызарып кояш чыкканда салдат уйный тезелеб;
   Камандирляр кычкырганда, тора ӱзяк ӧзӧлӧб.
6. Иртя тороб карасам, порло (?) кояш жалтырай;
   Ӓписярляр кычкырганда, көллӧ тянем калтырай.
7. Мендем бейек тауларга, ак кейекляр ауларга,
   Падша безне сайлаб алды каршы килгӓн жауларга.
8. Жырак жирдян купис киля, бер акчаны файда дип;
   Ӓнекӓйэм жылый микян, балакайым кайда дип.
9. Жиханнарда кюрямез моцно сайрай сандугач;
   Жылый жыгыла жӧрӧйбез тыуган илдян айрылгач.

10. Әнекәйем жылама бер ходайның эшедер;
Салдат тигән хезмәтләр жигитләрнең эшедер.
11. Кызарып кояш байыганда кошлар куна камышка.
Жаш жөрәгем калгырай марыш дигән тауышка.
12. Гаскәр башы кызыл салдат, кулларында барабан,
Салдат хасрәтен кюргәнемчә тыумасамчи анадан.
13. Кояш чыгар әйләнеп, ак болотка бәйләнеп,
Исән бусак бер кайтырбыз, тыуган жиргә әйләнеп.
14. Атна көннө марыш уйнай, бигряк каты тауышы;
Сугыш итеб жабыкмадым: ата инә сагышы.
15. Салдат яткан таш палатның тәзәрясе ныяла;
Адашып башы салдатның сугышларда жуяла.
16. Ак канатлы ата каз очоб төшя кюрәнгә,
Салдат хале ауыр икән тўзем бирсең ходай кюргәнгә.

Переводъ:

1. Благословясь, я начинаю начало каждаго дѣла.
По всѣмъ домамъ пусть узнаютъ жизнь солдата.
2. Солдатская жизнь тяжела: терпѣніе дай, Господи;
Разумѣніе дай сердцу моему, чтобы эти пѣсни написать.
3. Ввели (меня) въ каменную палату, измѣрили ростъ;
Закричавъ, что я солдатъ, записали въ одну бумагу.
4. Сказавъ отъ царя приказъ, позвали меня во взводъ;
Измѣривъ ростъ, оставили служить на годъ.
5. Когда солнышко, краснѣя, восходитъ, солдаты играютъ въ рядахъ;
Командиры закричатъ, оборвется наше сердце.
6. Вставши рано, я посмотрѣлъ: красное (?) солнышко блеститъ,
Офицеры закричатъ: затрепещетъ мое тѣло.
7. Забрался я на высокую гору, чтобы поймать бѣлаго звѣря.
Царь насъ выбралъ для того, чтобы встрѣтить непріятеля.
8. Съ далекой страны купецъ ѣдетъ, довольный малымъ барышемъ.
Плачетъ ли обо мнѣ мать, говоря, гдѣ сынокъ?
9. На полянѣ мы слышимъ: грустно поетъ соловей.
Плача, падая, мы ходимъ, отлучившись отъ родины.
10. Матушка, не плачь: это, видно, дѣло Божье.
Солдатская служба — это работа молодцовъ.
11. Когда солнышко, краснѣя, заходитъ, птицы садятся въ камышъ.
Молодое мое сердце трепещетъ, когда заиграютъ маршъ.
12. Впереди войскъ красные солдаты, у которыхъ въ рукахъ барабаны.
Чѣмъ видѣть нужды солдата, лучше не родиться бы отъ матери.

13. Солнце восходитъ кружась, вокругъ бѣлыхъ облаковъ вертясь.
Если будемъ здоровы, то когда-нибудь вернемся на родину.
14. Въ воскресенье маршъ играютъ, раздаются звонко голоса.
На войнѣ я не похудѣлъ, а похудѣлъ тоской по отцѣ и матери.
15. Казарма, гдѣ лежатъ солдаты, имѣетъ стекляныя окошки.
На войнѣ блуждая, пропадаетъ голова солдата.
16. Бѣлокрылый гусакъ садится на степной ковыль.
Солдатское дѣло тяжелое, терпѣніе дай Господи тому, кто солдатъ.

6) Баитъ о чаѣ — *противъ чая.* (Башкирскій.)

1. Бу заманда фетне өчөнь — Нынѣ для бѣдствія народа
Чыкты чай дигян ӱляп, — Вышла трава подъ именемъ чай,
Чайни долгка ала, ала, — Люди, все покупая чай въ долгъ,
Роззарит булып тюлян. — Расплачиваются и раззоряются.
2. Айда базарга дюбян, — Сказавши одинъ другому: «пойдемъ на базаръ»,
Китя кем силян силян. — Ѣдутъ (Башкиры) съ лѣсомъ потихоньку.
«Я илаги насыб эйля, — «Боже мой, прости,
Халыкларныц кыясыны». — Какъ люди съ ума сходятъ».
3. Хасылы калям арык атып — Однимъ словомъ, Башкиръ тощую лошадь
Кыйнаюбян чаптырыр; — Бьетъ, заставляетъ ее скакать;
— Ѣдетъ на базаръ за чаемъ,
Гич ӱзендя йук персени, — Хотя у него ничего нѣтъ.
4. Курсятер бу нужнасыны — Хоть онъ показываетъ ей свою нужду
Бядбахыт хатын иртер. — А проклятая баба его принуждаетъ.
«Я илаги насыб эйля, — «Боже мой, прости,
Халыкларныц кыясыны». — Какъ люди съ ума сходятъ».
5. Бер вакытта чай бется, — Если чай весь выйдетъ,
Кана чай? деб ӱкерер? — Жена закричитъ мужу: «гдѣ-же чай?»
Ул бечара хали бетеп, — Онъ, бѣдняга, задыхаясь,
Гер тарафка йөгөрер. — Во всѣ стороны побѣжитъ (искать).
6. Шулкадер нужда корюбян, — До того мужъ нужду видитъ,
Кыш булырса йюткерер. — Что какъ зима, такъ закашляется.
«Я илаги насыб айля, — «Боже мой, прости,
Халыкларныц кыясыны». — Какъ люди съ ума сходятъ».
7. Бер хатыны булыр ися, — Если есть одна жена,
Бер самавары булыр, — То одинъ самоваръ[1]) будетъ,
Азбарына керер ися, — А если зайдешь въ хлѣвъ,
Бердя малы йук булыр, — Ни одной скотины нѣтъ;

1) Смыслъ: на каждую жену будетъ по одному самовару; сколько женъ, столько и самоваровъ.

8. Көнөндя бер чай ичся, Если разъ въ день онъ чаю напьется,
Кайгысы йук булыр. То у него уже и нужды нѣтъ.
«Я илаги насыб эйля, «Боже мой, прости,
Халыкларныц кыясы(ны)». «Какъ люди съ ума сходятъ».

7) Баитъ *въ пользу чая.* (Башкирскій.)

1. Хыкайят сюйляйем бэп дынгласаңыз,
Бикар сюз дяп гапика алмасаңыз,
2. Хыкаят сюйляйем бэп сайыңызга,
Яман якши галим байыңызга.
3. Ägярь эссяң бу сайны иртя берлян
Куя туттың зигенни миска берлян;
4. Ägярь эссяң бу сяйны вакты төшкя
Зитяр бялки зигенең бик кюп эшкя.
5. Ägярь эссяң бу сайны вакты кистя
Кюңелдя калмас гис бер эштя.
6. Анау торган кагызда сайларымыз
Улыр гяр кюп бэзнең кюңел жайларымыз.
7. Анау торган сауттагы балымыз
Ирер гяр кюп бэзнең ушпу халимез.
8. Торон сыкты бер мужик таң беленгяс,
Барып керде бер суга төтөн кюренгяс.

Переводъ:

1. Скажу я вамъ сказку, послушайте ее,
Если не сочтете за глупость;
2. Скажу я вамъ о чаѣ сказку
Про хорошее и худое мое состояніе.
3. Если пить чай утромъ
То прибудетъ въ головѣ оживленія;
4. Если же въ другой разъ пить этотъ чай въ полдень,
То хватитъ ума на многія дѣла;
5. Если пить чай вечеромъ,
Не останется никакой работы въ умѣ.
6. Нашъ чай, завернутый въ этой бумагѣ,
Насъ ежедневно одушевляетъ.
7. Въ этой посудѣ есть у насъ медъ,
Съ каждымъ днемъ улучается наше состояніе.
8. Вышелъ мужикъ на зарѣ
И перебрался черезъ рѣку, увидѣвши дымъ.

(Не конченъ).

8) Баитъ о мужикѣ и его женѣ. (Башкирскій.)

Талыбның кадрене бельмяй бу аул.	Учащихся не цѣнитъ эта деревня.
Кочп йится куяр пде караул;	Сила была бы, поставила бы караулъ;
Караул дпб мысаннфнец мурады.	Подъ карауломъ надо понимать слѣдующее.
Бер мужикдян бер талын сöт сорады,	У одного мужика ученикъ попросилъ молока;
Мужик тышда пкян ул заманда,	Мужикъ тогда былъ на дворѣ,
Талыблар сюйляшерляр бер макапда.	А ученики разговаривали въ другомъ мѣстѣ.
Мужик äйтя талыбка: ни керяк дпп?	Мужикъ спрашиваетъ: «чего вамъ надо?».
Талыб бпчара эйтя: сöт керяк дпп.	Ученикъ бѣдняжка отвѣчаетъ: «молока надо».
Мужик öйеня керпп киткян имеш:	Мужикъ зашелъ въ пзбу (и сказалъ женѣ):
Талыблар сöт сорай дпп эйткян имеш.	«Ученики просятъ молока».
Бичяси гам кызын киткян ирепя,	Тогда жена, разсердившись на мужа,
Гакыллы пр талыпка сöт бпрерме?	Сказала: «развѣ умный мужикъ дастъ ученикамъ молока?»
Бечяси äйтер: талыбка сöт берерсен,	Она говорила: если имъ отдашь молоко,
Балага пнде нп эчерерсеп?	Чѣмъ будешь тогда дѣтей кормить?
Бечяси: эйтти сыгырның сöти йукдыр,	Она говорила: нѣтъ молока у коровы,
Сыгыр бу-гöп саламда торобтор.	Сегодня корова стоитъ на соломѣ.
Икепчи кöн сыгыр кöк йäрдя яткап,	Второй день она лежала на голомъ мѣстѣ,
Шуц öчöп сыгырның сöтö кайткап;	Отъ этого убавилось молоко у нея;
Кп сöт öстöп ўзец ашаб туярсын,	Самъ будешь ѣсть сливки и насытишься,
Кп калганын сяке астына куярсын,	Остальное подъ лавку спрячешь,
Кп калганын кшпгя гем сатармын,	Остальное и людямъ продамъ,
Кп алмаса балама ашатырмын.	Чего не купятъ, тѣмъ дѣтей накормлю».
Кп шул заман каймакны куйыптыр,	Тогда поставила она сливки (подъ лавку),
Куйы пляп песяй аны йейепгер.	А котъ съѣлъ ихъ до дна.

ТАТАРСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
(ДЖЫРЛАР).

Переходя спеціально къ татарскимъ пѣснямъ и имѣя въ виду, что преимущественно среди нихъ господствуетъ фактъ независимости между текстомъ и мелодіей, я долженъ нѣсколько обстоятельнѣе коснуться этого явленія.

Но прежде надобно упомянуть, что главный источникъ пѣсеннаго творчества у Татаръ — Казань и казанскій край. Очень значительная часть записанныхъ мною татарскихъ пѣсенъ сообщалась мнѣ подъ названіемъ казанскихъ, и среди оренбургскихъ татаръ мнѣ не удавалось, на сколько помнится, встрѣчать мѣстныхъ творцовъ пѣсенъ въ противоположность Башкирамъ и Тептярямъ, у которыхъ почти въ каждой деревнѣ имѣется свой сочинитель пѣсенъ. Это обстоятельство надобно, повидимому, считать и за доказательство меньшей силы поэтическаго творчества у Татаръ, слишкомъ занятыхъ меркантильными интересами, отчего рѣдко появляются среди нихъ лица съ поэтическими способностями.

Татары довольствуются тѣмъ, что перенимаютъ тотъ или другой циклъ пѣсенъ, уже существующій, согласно модѣ, при чемъ считается почти неприличнымъ пѣть въ данное время какой-нибудь не модный мотивъ.

Пѣсни ихъ, дѣлясь на два главные класса:

1) протяжныя — узункўй (см. пѣсни №№ 26—40);

2) скорыя, плясовыя — такмакъ (см. пѣсни №№ 41—64);

по строенію своему раздѣляются на два вида:

а) на *простыя*, не имѣющія никакихъ добавленій ни въ видѣ запѣвовъ, припѣвовъ, ни т. п., представляющія или чистый узункўй, или только такмакъ и

б) на *сложныя*, состоящія изъ соединенія протяжныхъ пѣсенъ со скорыми, дѣлящіяся обыкновенно на двѣ части: 1-я часть — собственно пѣсня, обыкновенно узункўй, и 2-я часть — припѣвъ, для котораго служатъ скорыя пѣсни — такмаки, на ряду съ самостоятельнымъ значеніемъ

играющія громадную служебную роль. Такимъ образомъ 1-я часть сложной пѣсни поется на одинъ мотивъ, а 2-я — на другой.

Примѣръ простой пѣсни изъ класса узункўй — *Тафтельская* № 26, весьма распространенная среди инородцевъ.

Будетъ кстати сравнить варіанты этой пѣсни, какіе встрѣчаются у Башкиръ, чтобы видѣть, насколько фантазія Башкиръ изыскашѣе татарской: см. варіантъ № 66, слышанный мною въ башкирской кочевкѣ Казаккуловой въ исполненіи на *курай*, башкирскомъ музыкальномъ инструментѣ, и варіантъ № 67а, записанный со скрипки.

Что касается происхожденія этой пѣсни, то Башкиры въ своихъ кочевкахъ среди Урала утверждали, что пѣсня сочинена дочерью уфимскаго Муфтія Тевкелева, оплакивавшею въ ней свою несчастную любовь, въ которой она была обманута. Судя по характеру пѣсни, ей можно приписать и башкирское происхожденіе.

Примѣромъ простой пѣсни изъ класса такмаковъ могутъ служить, напр., пѣсни №№ 47, 48 и др.

Въ видѣ примѣра сложной пѣсни изъ класса узункўй приведемъ пѣсню № 27.

Она состоитъ изъ главной пѣсни и припѣва. Припѣвъ можетъ быть замѣненъ другимъ, и здѣсь выступаетъ новая особенность пѣсенъ разсматриваемыхъ инородцевъ: именно пѣсня съ припѣвомъ не связана обязательно, а можетъ быть соединяема съ различными припѣвами изъ области такмаковъ.

Однако въ видѣ исключенія есть пѣсни, соединяемыя только съ опредѣленнымъ припѣвомъ, при чемъ надо имѣть въ виду мелодическую сторону, т. е. съ данной мелодіей соединяется постоянно одна и та же мелодія припѣва, текстъ же можетъ быть замѣняемъ, напр. пѣсни №№ 28 и 33.

Примѣръ сложной пѣсни изъ разряда такмаковъ см. пѣсню № 44.

Эта пѣсня дѣлится на двѣ части: запѣвъ и собственно пѣсню. Для запѣва употребляется курьезный куплетъ, состоящій изъ набора словъ, лишенныхъ всякаго смысла:

Кайдай ганам яйдый ядрук,
Адри гупай миканда ай хадрук,

это въ силу обыкновенія у инородцевъ начинать пѣніе куплетами безъ смысла, чтобы, какъ говорится, распѣться или имѣть время припомнить текстъ.

Встрѣчаются и другіе куплеты въ томъ же родѣ:

Кайдай ганам айдай ганам,
Айдай ганам миканда ай хайлўк,

Ай гай (хай) айли ай хайлўкъ,
Ай гай айли ай хайлўкъ,
Айли ганам айли айлўкъ,
Гайли айлўкъ ай хайлўкъ;

или

Кайдай дагна микан айда ганам,
Кайдай дагна микан ай хайдукъ,
Кайдан дагна микан ай гайдукъ.

Выше было установлено какъ общее правило, что текстъ и мелодія въ татарскихъ пѣсняхъ независимы другъ отъ друга.

Я уже приводилъ примѣры, какъ одна и та же мелодія исполняется на различный текстъ, но есть и обратные примѣры, что одинъ и тотъ же текстъ распѣвается на различныя мелодіи, см., напр., пѣсни №№ 26—32.

Но и это правило не безъ исключеній: нѣкоторыя пѣсни или припѣвы распѣваются только на свою мелодію, или на мелодію только узункуў, или только такмакъ.

Встрѣчаются пѣсни, представляющія нѣчто среднее между такмакомъ и узункуўемъ; такъ пѣсня № 42 употребляется для выраженія сильныхъ и противоположныхъ чувствъ: печали, веселости и пр. и сообразно съ этимъ поется или какъ узункуў, или какъ такмакъ, т. е. и медленно и скоро.

Но приведенныя исключенія не уничтожаютъ общаго правила, что татарскія пѣсни могутъ быть исполняемы на различныя мелодіи, только смотря по надобности измѣняются ударенія.

Содержаніе татарскихъ пѣсенъ довольно разнообразно, касаясь различныхъ сторонъ повседневной жизни; многочисленная часть пѣсенъ посвящена любовнымъ сюжетамъ, при чемъ дѣло доходитъ часто до неудобныхъ откровенностей и реализма. Такъ наз. *такмаки* преимущественно любовнаго содержанія и сочиняются они главнымъ образомъ среди Татаръ: башкирскихъ и тептярскихъ такмаковъ встрѣчается мало.

Что касается протяжныхъ пѣсенъ «узункуў», то на ряду съ любовными темами въ нихъ замѣчаются и такія, какъ: краткость жизни; здоровье и цѣнность его, сиротство; тоска по родинѣ и тяжелая жизнь на чужбинѣ въ солдатскихъ пѣсняхъ; гнетущее вліяніе раздумья, горя; жалкое состояніе бѣдняка; вѣрность друзей; тяжесть разлуки; скоротечность времени; нелюбовь къ снохѣ и т. п.

Инструментальныя мелодіи у Татаръ представляютъ не столь многочисленный классъ, какъ пѣсенныя. Сюда входятъ плясовыя мелодіи и мелодіи, представляющія варіантъ къ пѣсеннымъ.

Татары исполняютъ ихъ на скрипкѣ или гармоніи, заимствованныхъ

отъ Русскихъ, такъ какъ собственныхъ инструментовъ у нихъ нѣтъ, или они не встрѣтились мнѣ въ Оренбургской губ.

№№ 3 и 4 — плясовыя мелодіи.

Изъ мелодій, представляющихъ варіантъ пѣсенныхъ, характерны, напр., слѣдующія:

№ 5 — Гизнакай (зять, гулявшій со свояченицей).

№ 6 — Акчарлакъ (мартышка), любопытная по своему ритму, сильно разнящемуся отъ ритма соотвѣтственной пѣсенной мелодіи (№ 56), носящему характеръ большой древности, архаичности.

№ 7 — *Айдэ агай аманат* (женихъ увезъ тайкомъ невѣсту) отличается нѣкоторою размашистостью, что рѣдко свойственно татарскимъ мелодіямъ.

№ 8 — *Казанская пѣсня* (со скрипки), исполненная выразительности и чувства.

Въ текстѣ татарскихъ пѣсенъ замѣчаются различные слѣды русскаго вліянія. Такъ, въ припѣвахъ употребляются восклицанія въ родѣ: «ахъ люль люлялей», «ай зюляли, вай зюляли», родственныя русскому «ай люли, ай люли» (см. пѣсни №№ 28 и 52), или встрѣчаются цѣлые припѣвы на русскомъ ломаномъ языкѣ, напр., въ пѣснѣ № 34.

Инородцы, образовавъ ломаный русскій языкъ, заставляютъ и русскихъ усваивать его въ сношеніяхъ съ ними, при чемъ формы и обороты такого жаргона довольно выработаны и устойчивы.

Русскіе пользуются этимъ ломанымъ языкомъ и съ цѣлью попропизпровать надъ инородцами, сочиняя цѣлыя пѣсни на такомъ языкѣ и мелодіи вродѣ инородческихъ. См. пѣсню № 45, текстъ которой представляетъ переводъ одного такмака, или курьезную № 46, довольно удачно подражающую говору Татаръ по русски.

Попадаются въ текстахъ отдѣльныя русскія слова и пр.

Русское вліяніе сказывается и въ томъ, что Татары поютъ нѣкоторыя русскія пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Вдоль да по рѣчкѣ» и др.

Кромѣ скрипки Татары исполняютъ свои характерныя мелодіи и на гармоніи, заимствованной, конечно, отъ Русскихъ.

Переходя къ характеристикѣ татарскихъ мелодій, я долженъ сказать, что онѣ кажутся мнѣ въ общемъ лишенными шири и полета сравнительно, напр., съ башкирскими пѣснями; онѣ не поражаютъ выдающейся внѣшней мелодичностью, за то имъ присущи извѣстная глубина чувства и выразительность, проявляющіяся въ своеобразныхъ звукахъ. По рисунку своему онѣ отличаются большою опредѣленностью, довольно рѣзкою типичностью: въ нихъ можно довольно легко подмѣтить нѣкоторые обороты, свойственные только имъ, татарскимъ пѣснямъ.

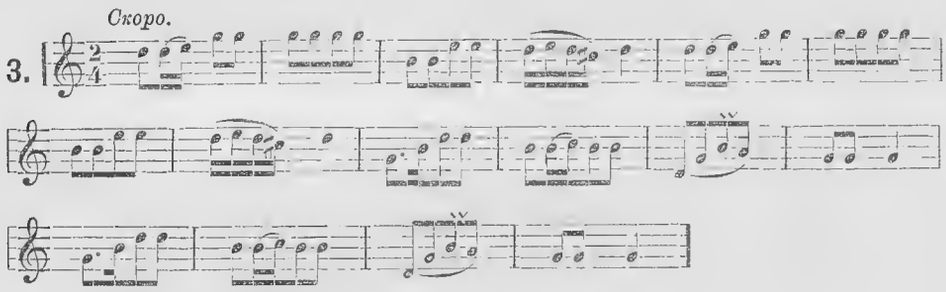
Отсутствіе непосредственности, беззаботности въ татарскихъ напѣвахъ обусловливается, мнѣ кажется, характеромъ торговаго народа, далекаго отъ природы по настроенію и обстоятельствамъ, но умнаго и достаточно глубоко чувствующаго.

На ряду съ этимъ татарскимъ мелодіямъ присущъ характеръ *древности*: если всмотрѣться въ составъ ихъ звукорядовъ, то въ послѣднихъ можно открыть присутствіе древнегреческихъ или такъ наз. церковныхъ ладовъ, пятитонной, такъ наз. китайской гаммы, слѣды, если угодно, эпохъ кварты и квинты, какія устанавливаетъ для древне-народныхъ пѣсенъ Сокальскій въ соч. «Русская народная музыка» и т. п. Татарскія мелодіи вообще мало подходятъ подъ обычную общеевропейскую гармонизацію.

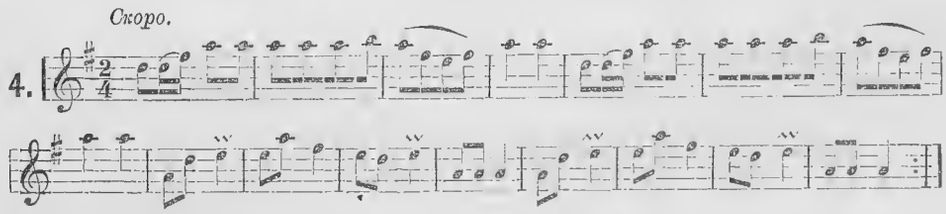
Съ ритмической стороны онѣ также не безъинтересны: на ряду съ ровнымъ ритмомъ, который свойственъ преимущественно скорымъ плясовымъ пѣснямъ — такмакамъ, не рѣдко употребляются тріоли и фіоритуры или подобныя фигуры, какъ , различныя украшенія: форшлаги, трели, морденты и пр.

Образцы татарскихъ инструментальныхъ мелодій [1]).

Казанская пѣсня плясовая. (На скрипкѣ.)



Касимовская пляска. (На скрипкѣ.)

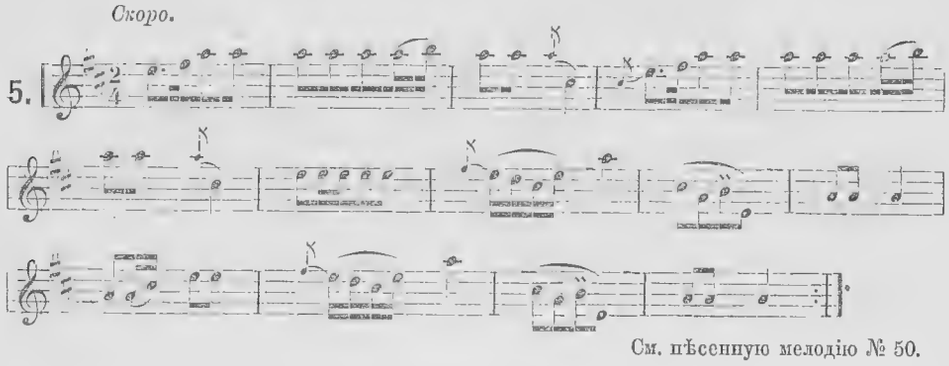


1) Мелодіи №№ 3—24 записаны мною въ городѣ Верхнеуральскѣ, Оренбургской губерніи.

Гизнакай (зять, гулявшій со свояченицей). (На скрипкѣ.)

Скоро.

5.

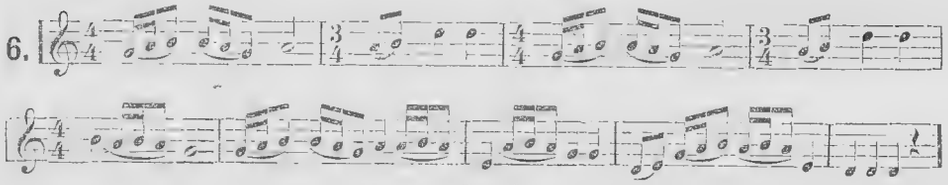


См. пѣсенную мелодію № 50.

Акчарлакъ (мартышка). (Съ игры на гармоніи.)

Умѣренно скоро.

6.

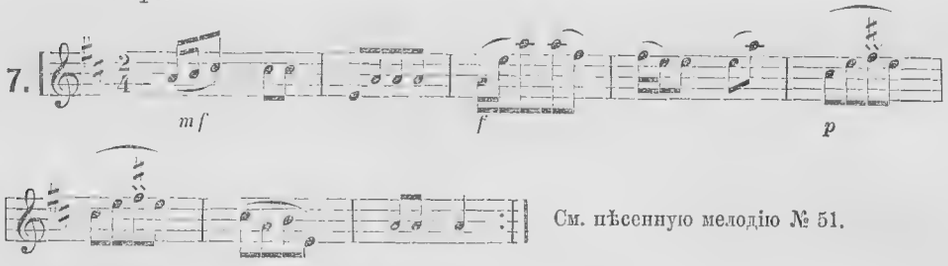


См. пѣсенный варіантъ той же мелодіи № 56.

Айдэ агай аманат (женихъ увезъ тайкомъ невѣсту). (На скрипкѣ.)

Скоро.

7.

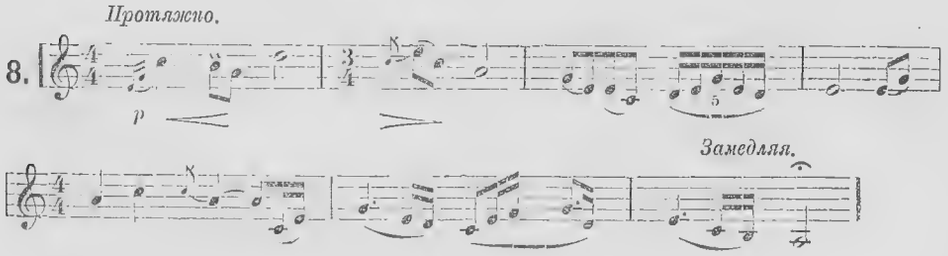


См. пѣсенную мелодію № 51.

Казанская пѣсня. (Со скрипки.)

Протяжно.

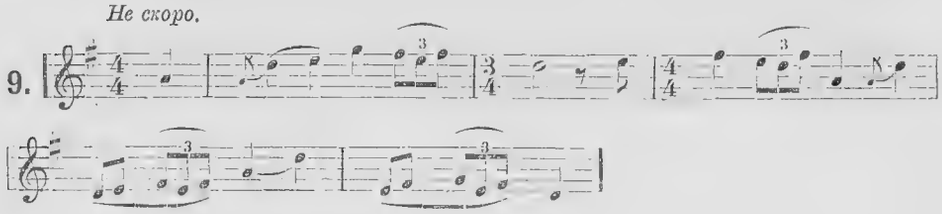
8.



Каргалинская. (На скрипкѣ.)

Не скоро.

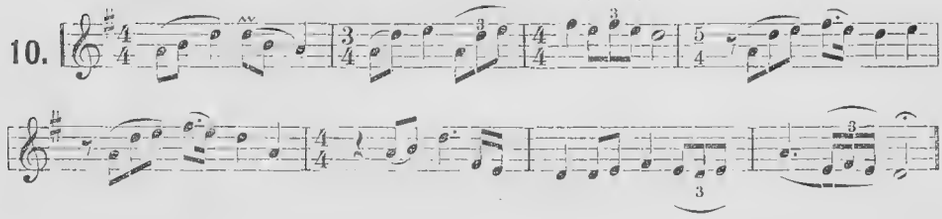
9.



Каргалинская. (На скрипкѣ.)

Умьренно.

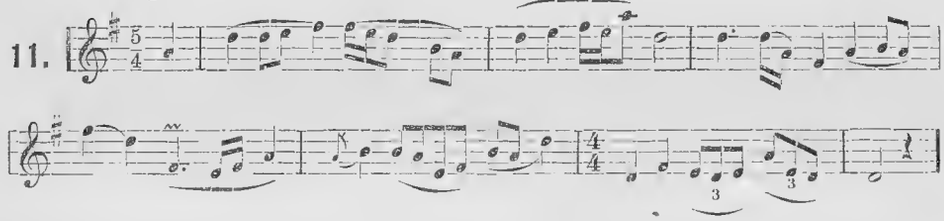
10.



На скрыпкѣ.

Умьренно.

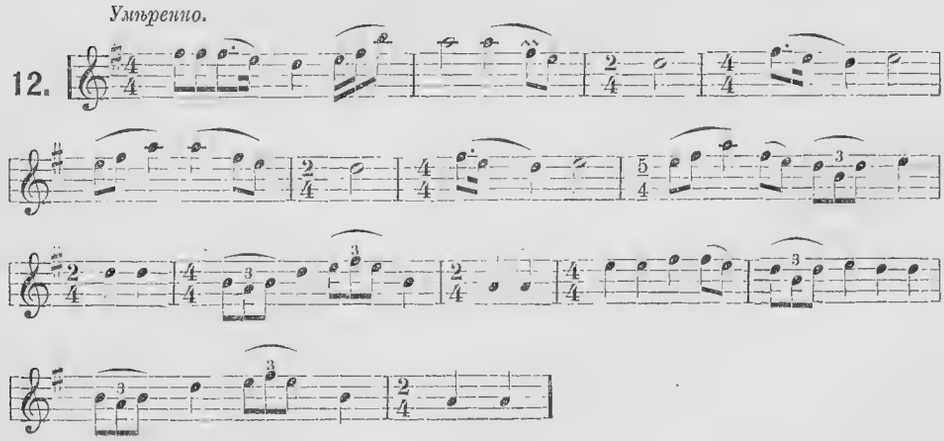
11.



Агым су Башы Бурмалы. (На скрипкѣ.)

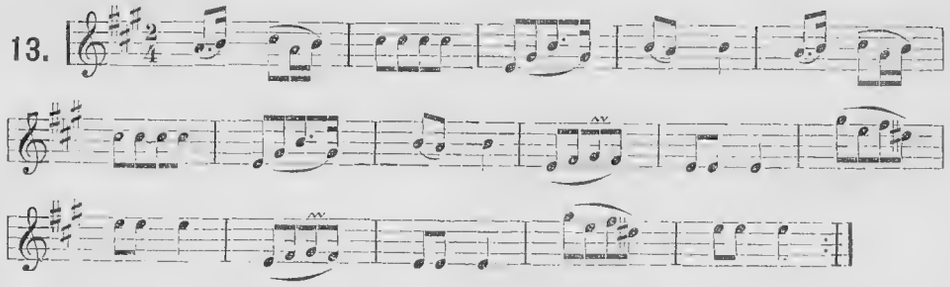
Умьренно.

12.



Мензелипская. (На гармоніи.)

Скоро.

13. 

Бяним кіяум — мой зять. (Богатая дѣвка вышла за бѣднаго и стала недовольна своей судьбой.) (На гармоніи.)

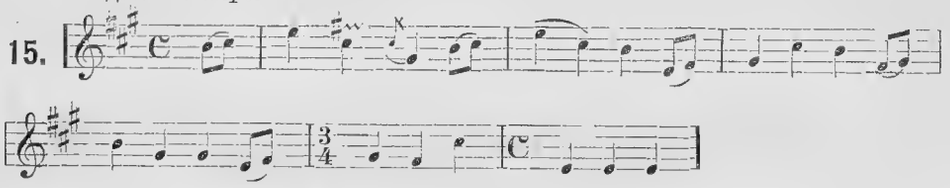
Скоро.

14.

См. пѣсенную мелодію № 57.

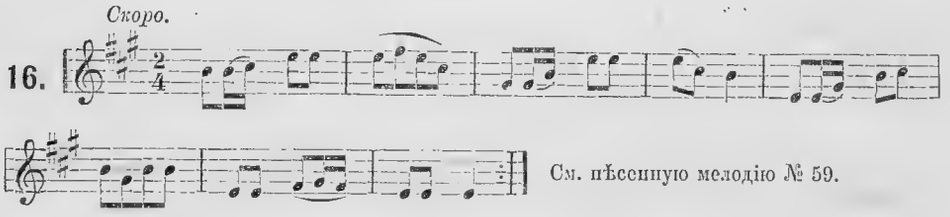
Ак чишмя (бѣлая рѣчка). (На гармоніи.)

Довольно скоро.

15. 

Без урамнан ўтяпк. (На гармоніи.)

Скоро.

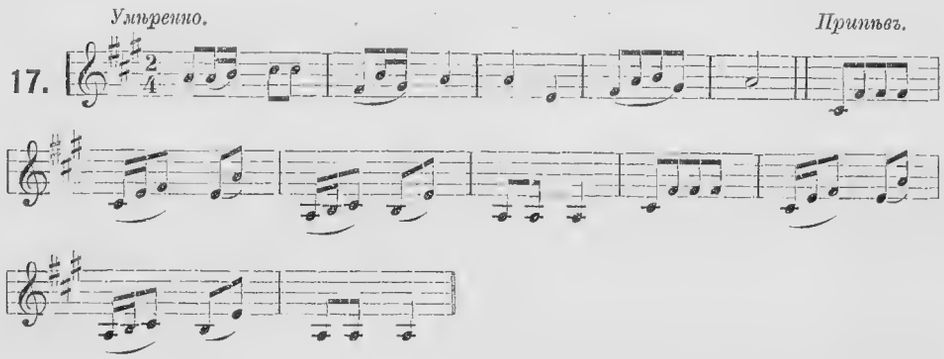
16. 

См. пѣсенную мелодію № 59.

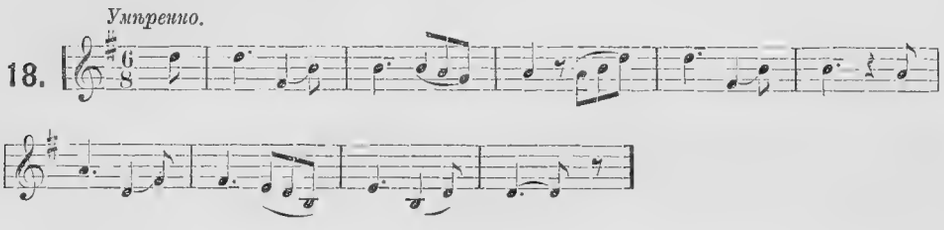
Пѣсенныя мелодіи, записанныя безъ текста.

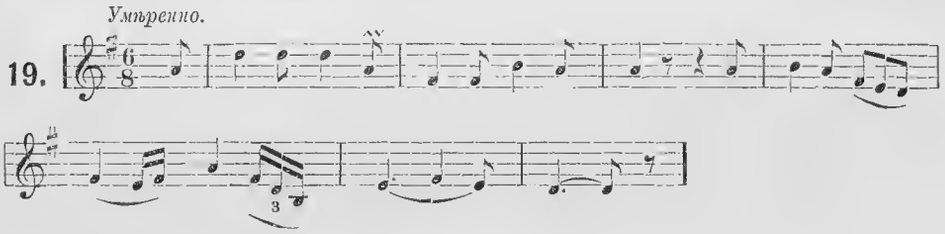
а) УЗУНКЎЙ (проголосныя, протяжныя пѣсни).

Оренбургская пѣсня.

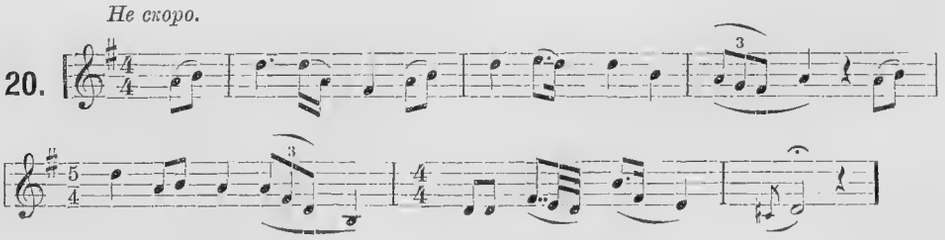


Чистопольская пѣсня.



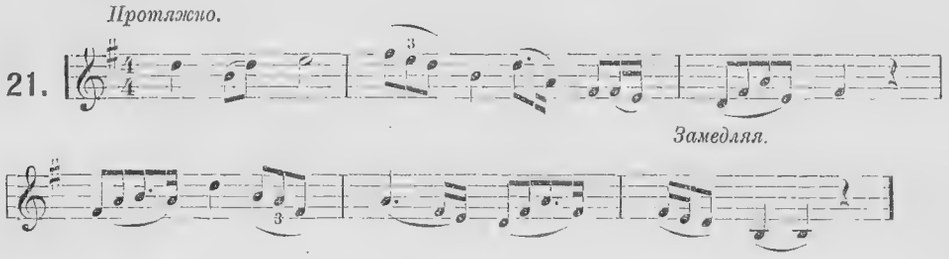


Мачакія. (Варнская пѣсня изъ деревни около Великопетровской станицы Оренбургской губерніи.)



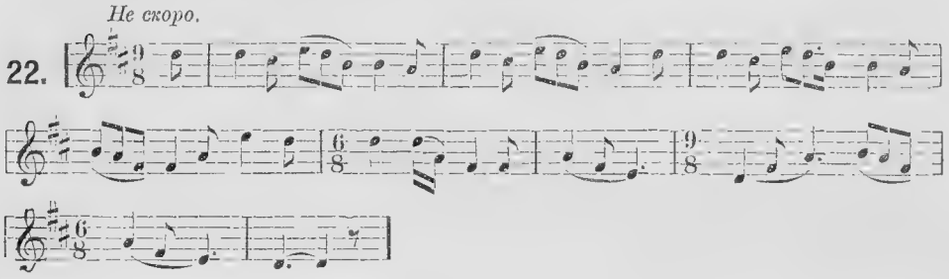
Казанская пѣсня.

Протяжно.

21. 

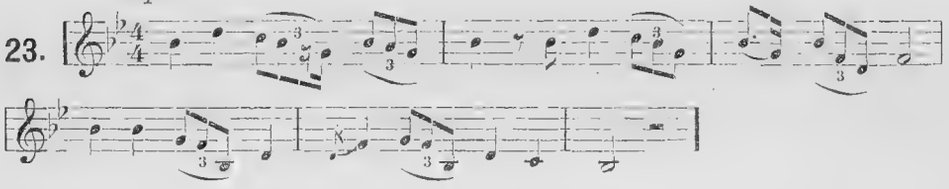
Агым су аг-идел буйлары (рѣка Бѣлая).

Не скоро.

22. 

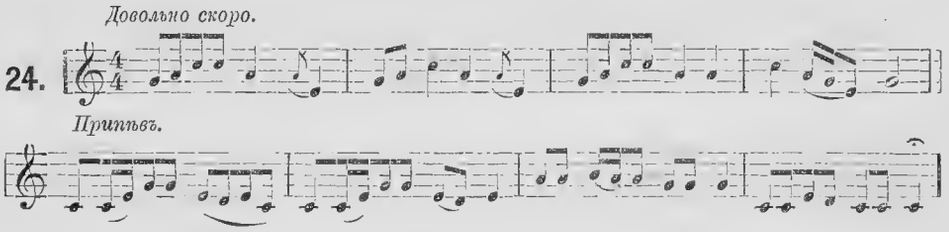
Казанская (дѣвичья пѣсня).

Умѣренно.

23. 

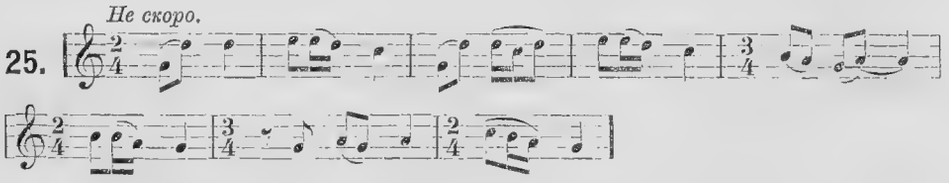
б) ТАКМАКЪ.

Довольно скоро.

24. 

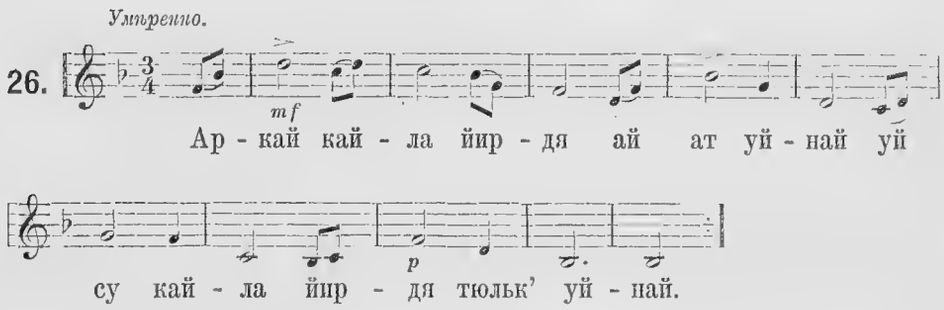
Касида́ — духовная пѣснь, распѣваемая школьниками въ собраніи муллъ. (Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.)

Не скоро.

25. 

Протяжныя татарскія пѣсни (Узун куй).

Тафтельская (безъ припѣва). Г. Уфа.



1. Аркай кайла йирдя (ай) ат уйнай
   Уйсу кайла йирдя тӧлкӧ уйнай.
2. Аталардан бала яшлы калса,
   Кӧп итюкайлярень кӧнд'уйлай.

1. На возвышенномъ мѣстѣ рѣзвится лошадь, а въ долинѣ играетъ лисица.
2. Юноша, если останется послѣ отца въ раннихъ лѣтахъ, заботится о каждомъ днѣ.

Мелодія этой пѣсни одинаково распространена и любима какъ среди Татаръ, такъ и среди Башкиръ и Тептярей: тафтельскую пѣсню или, какъ называютъ ее Башкиры, тафтеляу всѣ умѣютъ пѣть. По объясненію Татаръ она возникла на свадьбѣ Кутлукая Тевкелева, племянника уфимскаго муфтія, женившагося на двоюродной сестрѣ: Башкиры на свадьбѣ пѣли эту пѣсню; по крайней мѣрѣ названіе свое пѣсня получила въ память свадьбы Тевкелева (см. башкирскіе варіанты №№ 66, 67, 159, 179).

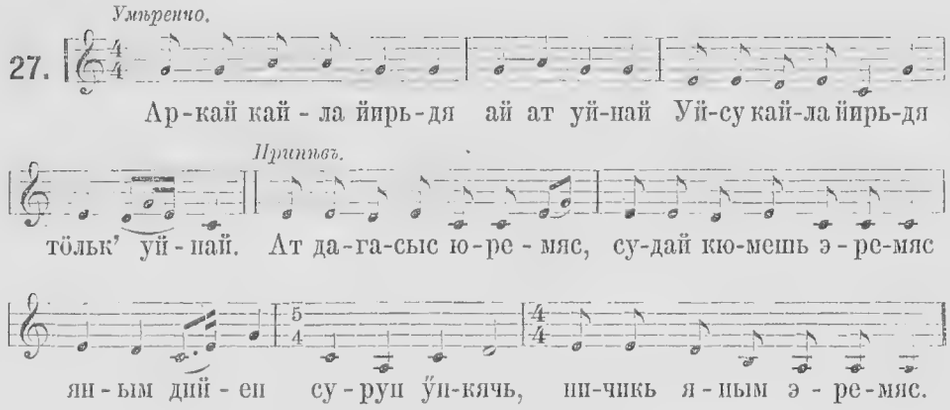
Тафтельскую пѣсню распѣваютъ и Русскіе на слова Лермонтова:

«Гасбулатъ удалой,
Бѣдна сакля твоя»...

№№ пѣсенъ 26—32 служатъ доказательствомъ того, какъ въ татарскихъ пѣсняхъ одинъ и тотъ же текстъ можетъ распѣваться на разнообразныя мелодіи (разница въ припѣвахъ).

Г. Уфа.

27.

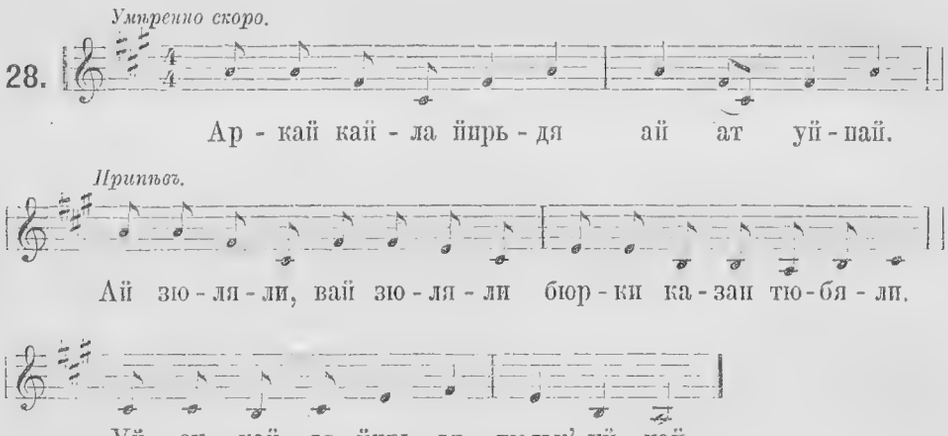


Припѣвъ. Ат дагасыс юремяс,
Судай кюмешь эрémяс,
Джан-ым дпен суруп ӱпкячь,
Ничик джаныӊ еремяс?

Лошадь не идетъ безъ подковы,
Серебро не течетъ какъ вода;
Когда ты цѣлуешь любимую,
Какъ у тебя не расплавляется душа?

Г. Уфа.

28.



Припѣвъ. Ай зюляли, вай зюляли,
Бюрки казан тюбяли.

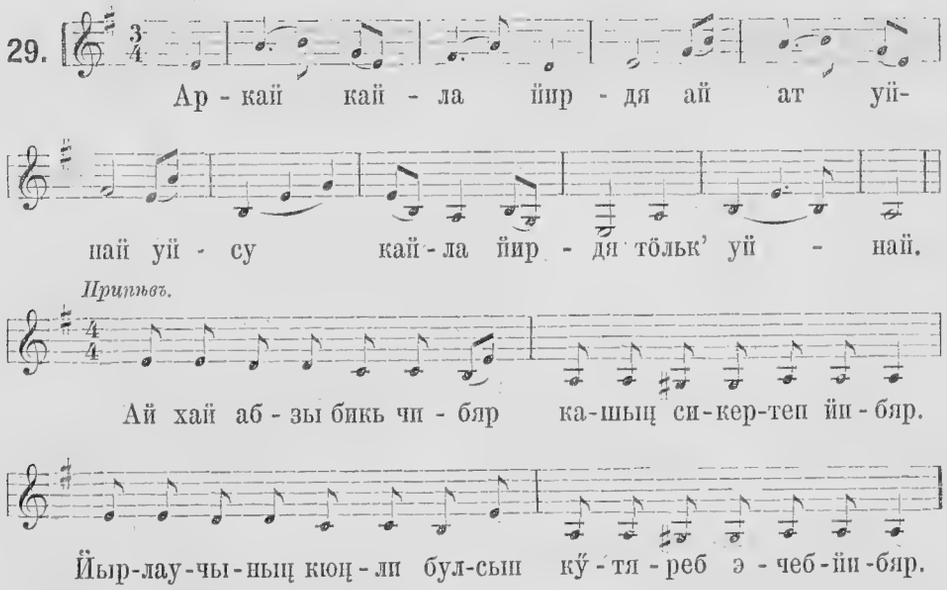
Ай зюляли, вай зюляли,
Шапка его котелкомъ.

Припѣвъ принадлежитъ только этой пѣснѣ, т. е. съ мелодіей этой пѣсни непремѣнно связанъ только приводимый припѣвъ, тогда какъ обыкновенно припѣвъ можетъ замѣняться по усмотрѣнію другимъ. Въ данной пѣснѣ онъ помѣщенъ не въ концѣ, а въ серединѣ и раздѣляетъ мелодію и текстъ на двѣ части.

Г. Уфа.

Медленно.

29.

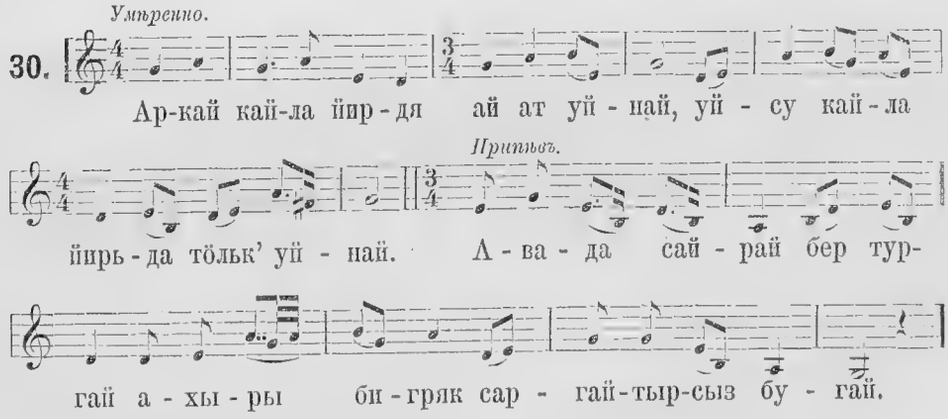


Припѣвъ. Ай хай абзы бикь чибяр, Ай, братецъ, какой ты красавецъ,
Кашыщ сикерьтеп йибяр, Поводи бровями;
Йырлаучыныщ кюцли булсын, Чтобы исполнить желаніе пѣвцовъ,
Кӱтяреб эчеп йебяр. Выпей, поднявъ чашку.

Г. Уфа.

Умѣренно.

30.

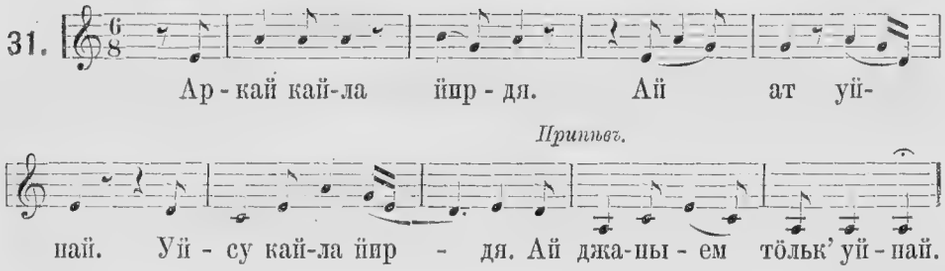


Припѣвъ. Авада сайрай бэрь тургай. Въ небѣ поетъ жаворонокъ.
Ахыры бигряк саргайтырсыз бугай, Кажется, заставитъ онъ потомъ грустить.

Г. Уфа.

Медленно.

31.



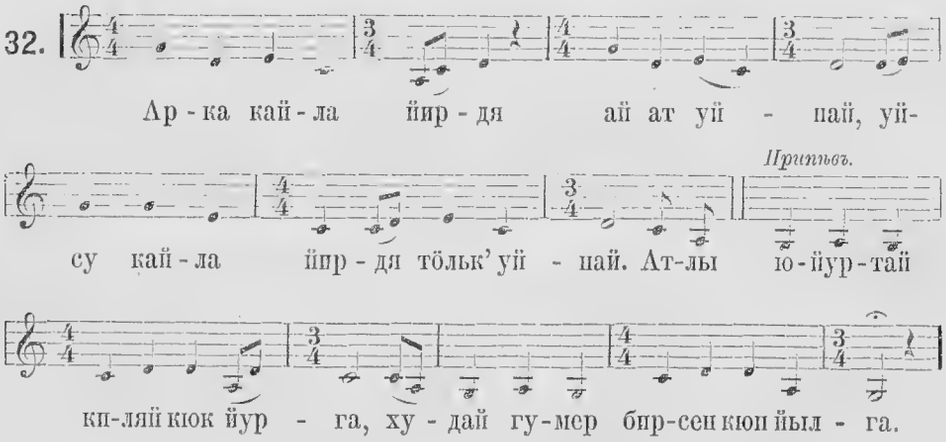
Припѣвъ. Ай джаным (тӧлк'уйнай) Ай душечка (лисица играетъ) *или*
или Ахмат Султан (тӧлк'уйнай). Ахматъ Султанъ (лисица играетъ).

Припѣвъ (ай джаным) раздѣляетъ вторую половину строфы на двѣ части. Пѣсня называется Ахматъ Султанъ; поется спеціально для выраженія грусти, во время одиночества и т. п.

Г. Уфа.

Умѣренно скоро.

32.

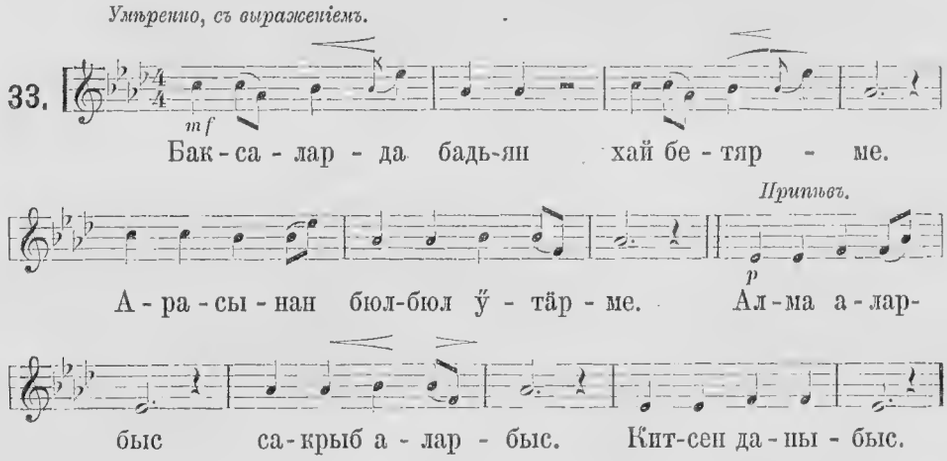


Припѣвъ. Атлы юртай киляй кюк йурга. Онъ пріѣдетъ верхомъ на сивомъ иноходцѣ.
Худай гумер бирсен кюп йылга! Пусть Богъ дастъ жить много лѣтъ!

Деревня Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губ. (№№ 33—37).

Умѣренно, съ выраженіемъ.

33.



1. Баксаларда бадьян ай бетярме
Арасынан былбыл ӱтӓрме?

Припѣвъ. Алма аларбыс сакрыб аларбыс,
Китсен данибыс.
Ӱзгӓняйен кюреп сӱляшмягяс,
Хатка язып сюзляр бютярм'яй?
Припѣвъ. Алма аларбыс . . .

2. Сандугач хай кушлар хай ник булдыц?
Сайрамагас талга ник кундыц?

Алма аларбыс . . .
Гумырыпга да буласы йукъ:
Бу кадары сылу ник булдыц?
Алма аларбыс . . .

3. Иртядя туман кистя туман,

Жацы жауган апак каркебек,
Алма аларбыс . . .
Артларымдан сыгып жылап калды.
Мал берэпкэй сауган жыр кебек (?)
Алма аларбыс . . .

1. Растутъ ли въ садахъ гвоздики
Пролетаетъ ли (поетъ ли) среди нихъ птица?

Припѣвъ. Мы беремъ яблоко и поемъ,
Чтобы распространилась наша слава.
Если я съ тобой не могу говорить,
То могу-ли довѣряться письму?
(*Припѣвъ*). Мы беремъ яблоко и поемъ . . .

2. Соловей, зачѣмъ ты сталъ соловьемъ?
Если не поешь, такъ зачѣмъ спишь на тальникѣ?
Мы беремъ яблоко и поемъ . . .
Жизнь наша такъ недолга:
Зачѣмъ же ты такъ красивъ?
Мы беремъ яблоко и поемъ.

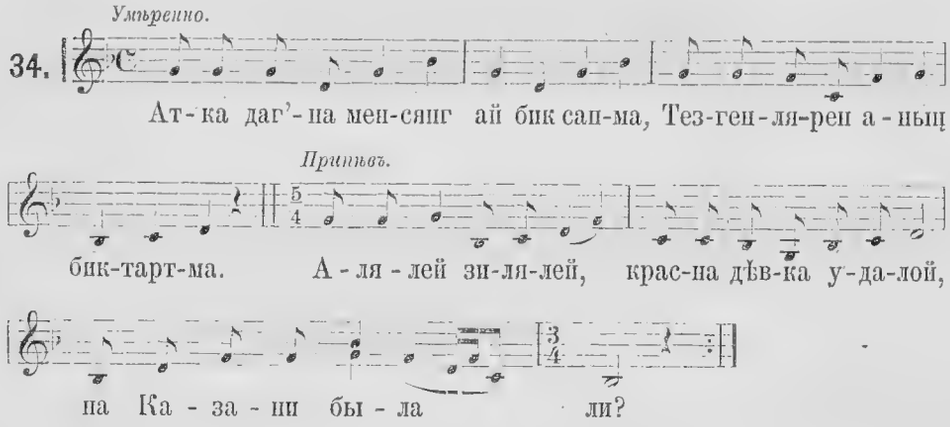
3. И утромъ туманъ, и вечеромъ туманъ,
Какъ будто выпавшій тонкій снѣгъ.
Мы беремъ яблоко и поемъ . . .
Вышедши послѣ меня, она заплакала,
Точно табуна отдаленный шумъ.
Мы беремъ яблоко и поемъ . . .

4. Жыр жырлад'айтыб-ук эп айтасын,
Нейндяй жырлар сана бик киряк?
Алма алярбыс...
Аналардан тыумас тыуса турмас,
Сезненгкебек жигет бик спрäк.
Алма алярбыс...
5. Жöгöрöн кай тюштем гюл баксага:
Кызарып кай бешкан бер алма.
Алма алярбыс...
Сäнедя банга бäнедя санга
Кауштырмас м'икан берь Алла.
Алма алярбыс, сакрыб алярбыс
Китсен данибыс.

4. Если ты поешь, то ты поешь какъ слѣдуетъ,
Какую пѣсню тебѣ надо?
Мы беремъ яблоко и поемъ...
Отъ матери не родятся (такіе, какъ ты), а если родятся, не будутъ жить.
Такіе молодцы какъ вы рѣдки.
Мы беремъ яблоко и поемъ...
5. Побѣжалъ я въ цвѣточный садъ.
Покраснѣло, поспѣло одно яблоко.
Мы беремъ яблоко и поемъ...
Тебя со мной, меня съ тобой,
Не соединитъ ли насъ Богъ.
Мы беремъ яблоко и поемъ,
Чтобы распространилась наша слава.

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

34.



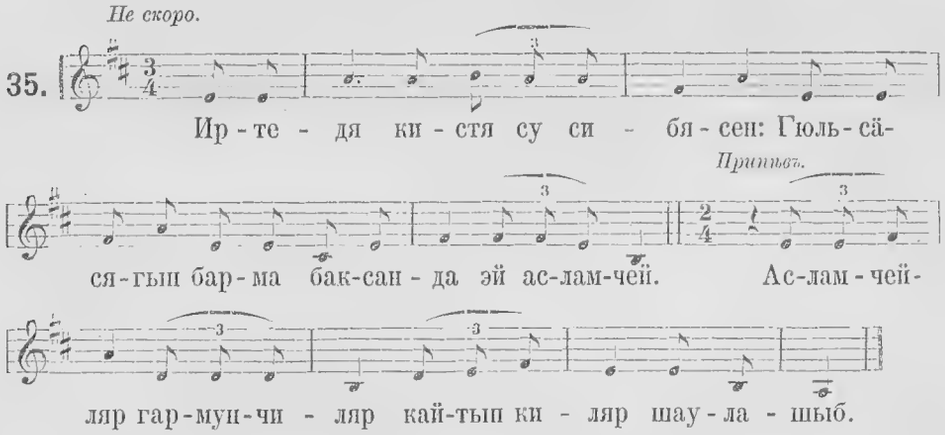
1. Атка дагна менсянг, ай бик санма,
Тезгенлярен аныц бик тартма.
Припѣвъ. Алялей, зилялей, красна дѣвка удалой,
На Казани была ли?
2. Кыз куйныца керся хай тик жатма,
Кыз сатыр кійляреп бик сакла,
Алялей зилялей, красна дѣвка...

1. Если поѣдешь на лошади, не бей ея,
Повода слишкомъ не тяни.
Припѣвъ. Алялей зилялей, красна дѣвка удалой,
На Казани была ли?
2. Если къ дѣвицѣ за пазуху попадешь,
Охъ, даромъ не лежи; дѣвичью невинность очень береги.
Алялей, зилялей, красна дѣвка....

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

Не скоро.

35.



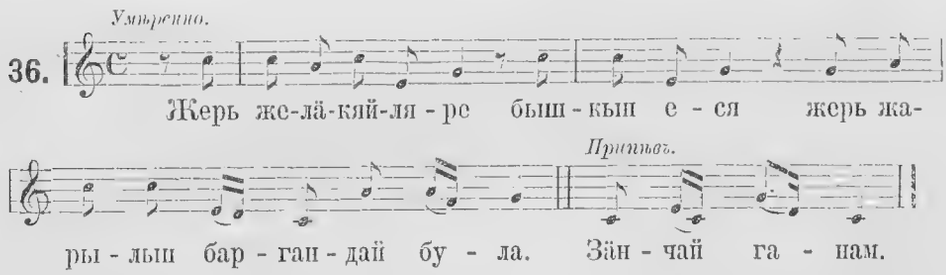
1. Ирьтядя кистя су спбясен:
Гюль сясягец барма баксада (эй)
асламчей?
Припѣвъ. Асламчейляр гармучиляр
Кайтып киляр шаулашыб.
2. Саусамда(й) жырлар табылыр пде.
Сяпиц кебек булмый тансанда (ай)
асламчей.
Асламчейлäр гармупчилäр
Кайтып киляр шаулашыб.

1. Утромъ и вечеромъ ты поливаешь
водой:
Есть ли въ твоемъ саду цвѣты?
Припѣвъ. Асламчеи музыканты
Уѣдутъ съ шумомъ.
2. Когда я здоровъ, пѣсни найдутся.
Такіе люди, какъ ты, едва ли най-
дутся.
Асламчеи музыканты
Уѣдутъ съ шумомъ.

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

Умѣренно.

36.



1. Жирь желякайляры бышкып еся,
Жирь жарылып баргандай була;
Зäньчай ганам (ганым)!
Тывун ўскян жирляр иска тюшься,
Жюряк жарылып баргандай була.
Дусикай ганам!

1. Когда клубничка ягодка поспѣвастъ,
Тогда земля точно трескается;
Охъ, сношенька, сношенька!
Когда же вспомнишь о родинѣ,
Тогда сердце точно разрывается.
Охъ, дружище, охъ, дружище!

2. Ишекай ганам алды куш карагай,
Жил ёрдеся башы байлана;

Зäнчай ганам!
Уйламаган сакта бäн жюремян,
Уйладысам башым айлана;

Дусикай ганам!

3. Ак жифекей баулы ак ласын

Куш кюрд'еся сыгар ауага;
Зäньчай ганам!
Бэрь караймын байга бэрь гарипка,
Гарип гумерп ўтяр заяга;

Дусикай ганам!

4. Кюк кюгярсенлярнепг кюрке бар:
Башларында яшыль бюрки бар!
Зäньчай ганам!
Кагарларын салса кадыр мяўля,
Рахымларын салса ирьки бар;

Дусикай ганам!

5. Куяштай тувар айляныи,
Алма ягасларга байланыи;
Зäньчай ганам!
Ўткяндяй гумер бпльгясе йук,
Киляйсе гюмер кюпме кап?
Дусикай ганам!

6. Иртэ белян турдым таңбеляи,
Беткян айым жёрдем бал белян.
Зäнчай ганам!
Почтовайлар киля ям беляи,
Макарьядан алган мал беляи.

Дусикай ганам!

7. Тугаракай кюльдя дюрт ўрдяк;
Мяргяи булсанг атыб ал.
Зäнчай ганам!

2. Передъ моимъ крыльцомъ двѣ сосны,
Если дуетъ вѣтеръ, вершины соединяются;
Охъ, сношенька...
Не предаваясь раздумью, я хожу,
А когда раздумаюсь, голова кружится;
Охъ, дружище...

3. Если соколъ, привязанный бѣлымъ шелкомъ
Увидитъ птицу, взвивается на небо;
Охъ, сношенька...
Если сравнить положеніе богача и посмотрѣть на бѣдняка, то невзрачна доля бѣдняка;
Охъ, дружище...

4. У сизой голубки видъ очень хорошій:
На головкѣ точно зеленая шапка;
Охъ сношенька...
Покараетъ Богъ, если захочетъ,
Онъ же и помилуетъ: Онъ въ этомъ воленъ;
Охъ, дружище...

5. Когда встаетъ солнце, то кружится,
Освѣщаетъ яблоню.
Охъ, сношенька...
Прошедшее уже протекло безслѣдно,
А будущаго много ли осталось?
Охъ, дружище...

6. Я всталъ рано съ зарею,
Прошлый мѣсяцъ у меня былъ медъ.
Охъ, сношенька...
Почтовые ѣхали на подводахъ
Съ товарами изъ Нижегородской ярмарки.
Охъ, дружище...

7. На озерѣ... четыре утки:
Если ты стрѣлокъ, то убей ихъ.
Охъ, сношенька...

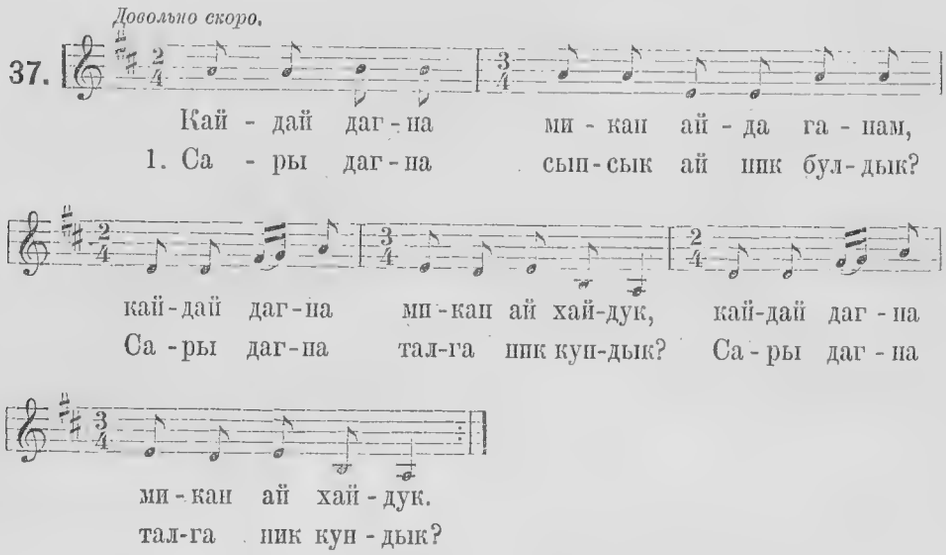
Минган атым тура журга,
Йöз илле сумга сатыб ал.
Дусикай ганам!

Моя лошадь гнѣдой иноходецъ,
Купи его за полтораста рублей.
Охъ, дружище...

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

Довольно скоро.

37.



Кай - дай даг - на ми - кан ай - да га - нам,
1. Са - ры даг - на сып - сык ай ник бул - дык?

кай - дай даг - на ми - кан ай хай - дук, кай - дай даг - на
Са - ры даг - на тал - га ник кун - дык? Са - ры даг - на

ми - кан ай хай - дук.
тал - га ник кун - дык?

Кайдай дагна микан айда ганам,
Кайдай дагна микан ай хайдук (2 раза).

Это двустишіе представляетъ изъ себя лишенный смысла наборъ словъ, на который нерѣдко начинаютъ пѣть мелодію прежде, чѣмъ перейти къ самому тексту пѣсни, чтобы, такъ сказать, распѣться.

Сары сынсык ник булдың?
Сары талҕа ник кундың?

Для чего ты желтая птичка?
Для чего ты сѣла на тальникъ?

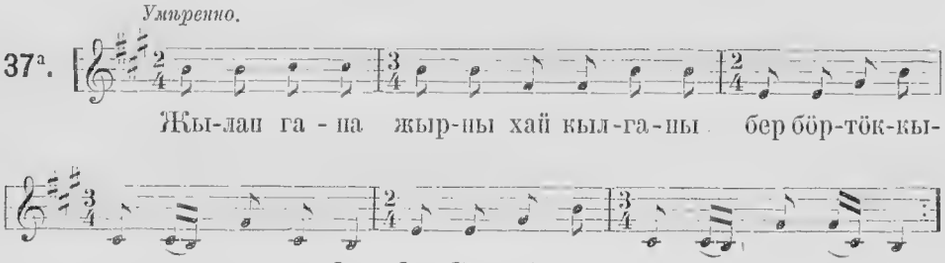
1. Сары дагна сынсык ай ник булдык,
Сары дагна талга ник кундык (2 р.)
2. Сяниң манга буласың йукъ
Джан кюйдюрюп дагна ник тулдык 2 р.)
3. Алма (дагна) таты шикяр ай балбелян
Жуку таты сöй'гян жар белян

1. Зачѣмъ мы, желтыя синицы, зачѣмъ мы спали въ желтомъ тальникѣ.
2. Ты никогда не будешь моей:
Такъ зачѣмъ терзаешь душу?
3. Яблоко сладко съ сахаромъ и медомъ,
А сонъ сладокъ съ любимою.

Варіантъ. Цер — пѣсня, пѣчто среднее между узункуй и такмакъ. Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда, Оренбургской губ.

Умѣренно.

37ª.



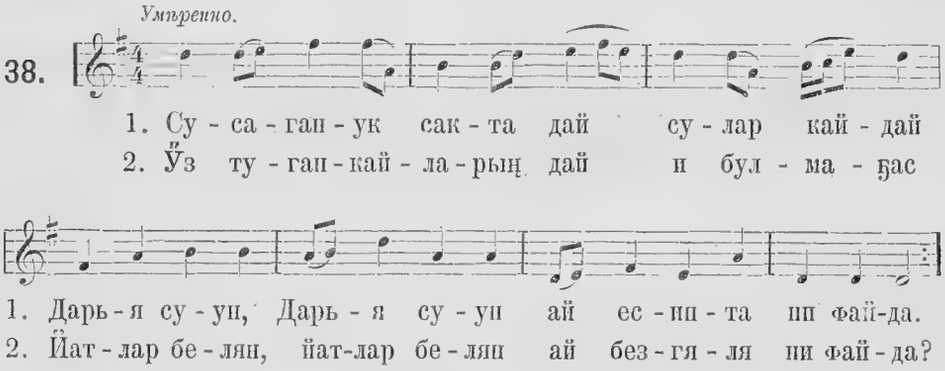
Жалап гапа жыр кылганы,
Бер бөртök кыл кебек.
Шул дустларны бик сагынсам,
Бер бер кўнай була жыл кебек.

Если не вѣрно поешь пѣсню,
То это (негодно) какъ конскій волосокъ;
Если я сильно скучаю о друзьяхъ,
Тогда и одинъ день мнѣ кажется годомъ.

Пак-буе (рѣчка Илекъ близъ Оренбурга). Цер — пѣсня протяжная Дер. Иткулова, Орскаго уѣзда.

Умѣренно.

38.



Сусаган-ук сакта су кайда,
Дарья суун эспита пи Файда?

Ўз тугапларың булмаса,
Йатлар белян безгя пи Файда?

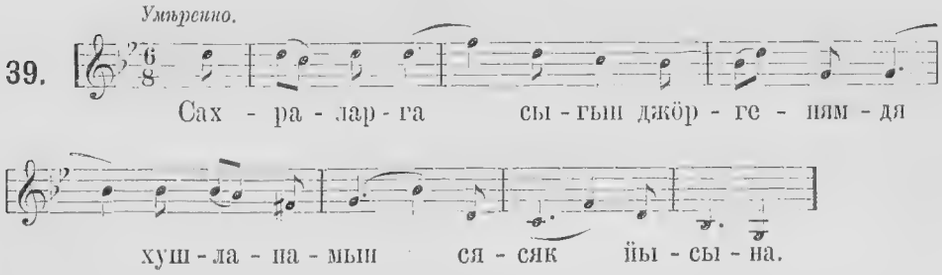
Когда мы чувствуемъ жажду, гдѣ вода,
Какая выгода, если мы пьемъ рѣчную воду?

Если нѣтъ у тебя родственниковъ,
Какая намъ польза отъ чужихъ?

Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

Умѣренно.

39.



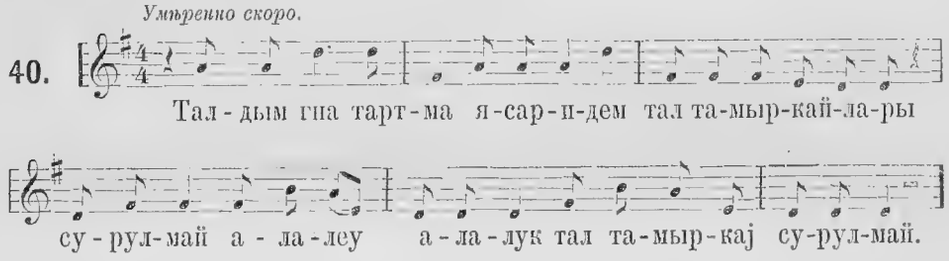
Сахраларга сыӷын джӧргянемдя,
Хушланамын сясяк ыйсына,
Жат жирлярда јаӷыз джӧргянемдя,
Дусытларым тюшся псемя.

Если я выхожу въ степь,
То я наслаждаюсь запахомъ цвѣтовъ,
Если я одинъ нахожусь на чужбинѣ,
Тогда приходятъ мнѣ на умъ друзья.

Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

Умѣренно скоро.

40.



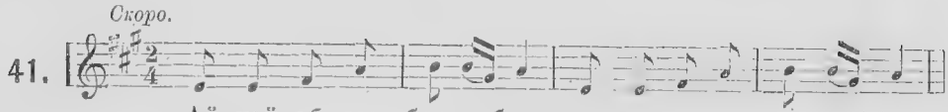
Талдан гна тартма ясар идем,
Тал тамыркайлары сурулмай,
Джаӷада дуслар ясар идем,
Иске дусларым айыр(ы)лмай.

Я сдѣлалъ связки изъ талышка
И не вырвалъ корней талышка;
Если я заключаю новую дружбу,
Я не расхожусь со старыми друзьями.

Скорыя татарскія пѣсни (Такмак).

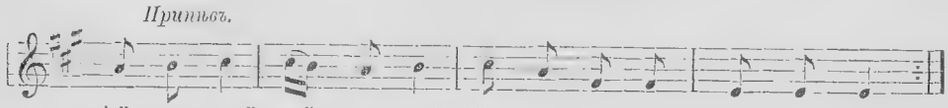
Г. Уфа.

Скоро.

41. 

Ай хай аб-зы бик чи-бяр ка-шыц си-керь-теп зе-бяр,

Припѣвъ.



Ай я-ный вай я-ный Ка-шыц си-керь-теп зе-бяр.

1. Ай хай абзы бик чибяр:
Кашыц сикерьтеп зебяр.
Припѣвъ. Ай яный, вай яный,
Кашыц сикерьтеп зебяр.
2. Йирлаучыныц кюцли булсын,
Кўтяреб эчеб зебяр.
Ай яный, вай яный,
Кўтяреб эчеб зебяр.

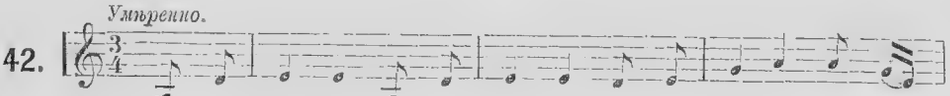
1. Ахъ, братецъ, какой ты красавецъ:
Поводи бровями.
Припѣвъ. Ахъ душенька, раздушенька,
Поводи бровями.
2. Чтобы удовлетворить желанію пѣвцовъ (чтобы развеселить пѣвцовъ),
выпей поднявъ чашку.

Вмѣсто послѣдняго стиха второй строфы поютъ также:

Яныи штаныц ямый. — Душенька чинитъ свои штаны.

Г. Уфа.

Умѣренно.

42. 

Ка-бан кю-ли ти-рян-дер-(ляй) те-рян-де-ри тез-дян-

дер йыр-лаб бе-ре сез-дян-дер-(ляй) э-чеб бе-ре без-дян-дер.

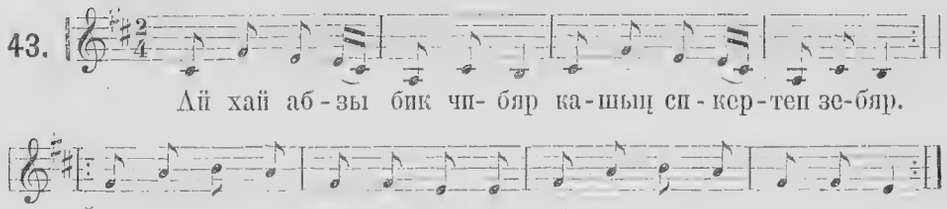
Кабан кюли тиряндер (ляй)
Тиряплери тездяндер
Йырлаб бере сездяндер (ляй),
Эчеб бере бездяндер.

Озеро Кабанъ очень глубоко:
Самое глубокое мѣсто по колѣно.
Вы споете,
А мы выпьемъ.

Мотивъ сочиненъ въ Казани въ 1891 г., по случаю смерти одного купеческаго сына лѣтъ 13 — 14 отцомъ умершаго. Общеупотребителенъ для выраженія сильныхъ чувствъ: печали, веселости и пр., и сообразно съ этимъ поется въ умѣренномъ и болѣе скоромъ темпѣ.

Г. Уфа.

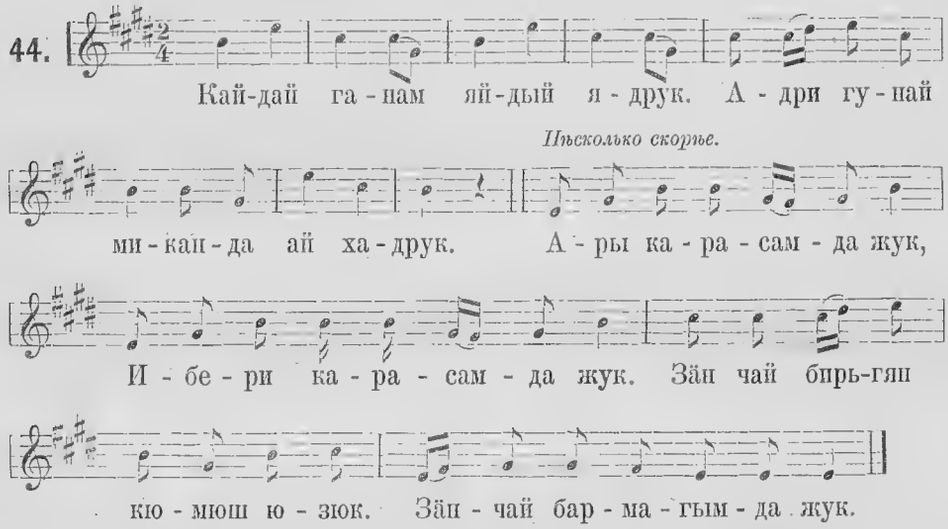
Довольно скоро.

43. 

Переводъ см. въ пѣснѣ № 41.

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губ.

Умѣренно, съ выраженіемъ. Запѣвъ.

44. 

Запѣвъ передъ каждымъ изъ слѣдующихъ такмаковъ, состоящій изъ набора словъ безъ смысла.

1. Ары карасамда жук:
Бери карасамда жук.
Зӓн(п)чай бирьгяп кюмюш юзюк,
Зӓнчай бармагымда жук.

2. Югряй сыктым таш урамга
Кильгян алма сатусы:
Сатусысы сатусы,
Жук жанымда ятусы.

1. Гляжу—туда, гляжу сюда:
Ничего не вижу.
Серебрянаго кольца, даннаго возлюбленной,
Нѣтъ на пальцѣ у меня.

2. Я выбѣжалъ на мощеную улицу
И увидѣлъ торговца съ яблоками:
Тебѣ хорошо торговать,
А мнѣ спать не съ кѣмъ.

3. Сыу агылыр арыктан,
Кызлар карар жарыктан:
Джюгрюп барып ўбяр едем,
Шикляпямен халыктан.
4. Сыу эсенда ак балык:
Б(е)респи алып кактаныйк
Яз кильмяся кюз киляр

Янсык тыгып саклайык.
5. Сыу эсенда селяусен:
Б(е)рр сип алып кюрярсен!
Кюргиц кился кюрярсен,

Тяпкя жарым бирярсен.
6. Куш канаты кат кат булыр,
Ирь канаты ат булыр.
Газпз башка эшляр тюшся,
Ўз тыуганларыц жат булыр.
7. Сахараларга сыгып юргяпемдя
Хошланамып сясяк йысына.
Миця(дай) кильсяц киська киль,

Усурарбыс жумга кисьлярдя.

8. Ефяктяй билмау суксукка:

Укалары тузмас булгасы!
Укалары тузгай тулгасы,
Бу гюмерляр ўтмяс булгасы.
9. Икяудяй ўсяу булайык,
Жулгадай сыгып кунайык.
Жулгадай сыгып жул арынса,

Айырылмас дуслар булайык.

10. Кызыл ката ак уюк

Нигя кызлар кеймяйсез?
Сездя якшы миндя якшы,
Нигя мине сюймяйсез?

3. Вода бѣжитъ изъ желоба,
А дѣвка глядитъ въ щель:
Я побѣжалъ бы, поцѣловалъ бы ее,
Да стыдно мнѣ предъ народомъ.
4. Въ водѣ находится бѣлая рыба:
Поймать бы одну да посолить.
(Мой возлюбленный) если не весною,
то осенью придетъ,
А мы суемъ его въ кисетъ
5. Въ водѣ плыветъ піявка (червь):
Берешь одну и смотришь;
Если хочешь посмотрѣть, то посмотришь,
Заплативъ полтора рубля.
6. У птицъ крылья — свои,
У людей крылья — лошади.
Если случится бѣда,
То и родные какъ будто чужіе.
7. Я ходилъ по степямъ
И насладился запахомъ цвѣтовъ.
Если придешь ко мнѣ, то приходи вечеромъ:
Вечеромъ въ пятницу мы встрѣтимся.

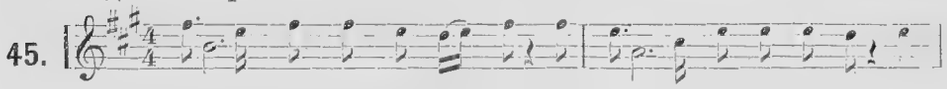
8. Шелковый поясъ — съ кистями на обоихъ концахъ:
Чтобы его позументу не износиться!
Но пусть онъ износится,
Лишь бы моей жизни не износиться.
9. Вдвоемъ или втроемъ выѣхавъ,
Мы ночуемъ въ дорогѣ.
Если наши странствія будутъ счастливы,
То мы не разойдемся, будемъ друзьями.
10. Красныхъ башмаковъ и бѣлыхъ чулковъ
Что вы, дѣвки, не носите?
Вы хороши и я хорошъ,
Что же вы меня не любите?

На сюжетъ послѣдняго такмака Русскіе, желая потрунить надъ Татарами, распѣваютъ ломанымъ русскимъ языкомъ (какъ говорятъ по-русски Татары) слѣдующую пѣсню.

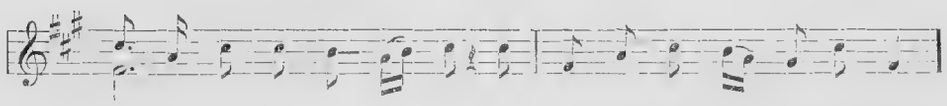
Г. Верхнеуральскъ, Оренбургской губ.

Довольно скоро.

45.



1. Бѣ-лы чул-ки, крас-на баш-макъ, За-чѣмъ но-га не но-спишь?



Мо-ло-день-ка рус-ка дѣв-ка, За-чѣмъ ме-не не лю-бишь?

Далѣе идетъ текстъ въ родѣ фабричныхъ или городскихъ пѣсенъ позднѣйшей формаціи весьма невысокаго достоинства:

2. Ахъ ты, милый, работай,
На помаду денегъ дай (2 раза):
Денегъ нѣту ни гроша,
Безъ помады хороша (2 раза).

3. Я варенице варила,
Себѣ фартучекъ спалила (2 раза),
Никому я не скажу,
Что я съ дѣвочкой хожу (2 раза).

4. Пойду выйду на рѣку,
Гдѣ поближе къ кабаку (2 р.):
Не моя ли пьяница
Въ кабакѣ валяется (2 раза).

5. Мнѣ мальчишкѣ бѣдному
Пріютиться не къ кому (2 раза),
Пріютился я къ одной —
Отбиваетъ братъ родной (2 раза).

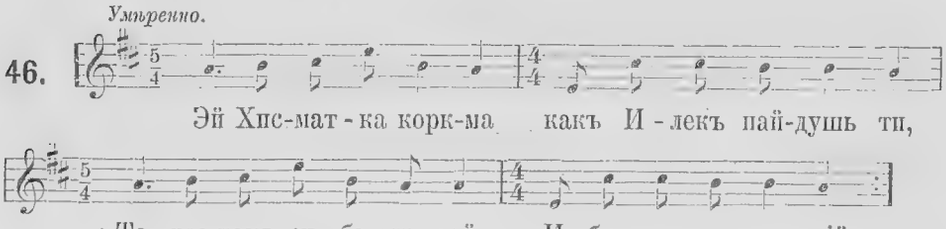
Мелодія записана мною съ голоса и съ игры на гармоніи (русскаго), при чемъ игравшій неизмѣнно бралъ три параллельныя квинты въ 3 сосѣднихъ тактахъ (обозначены двойными нотами въ 1, 2 и 3 тактахъ) си-фа ♯, ля-ми, фа ♯ — до ♯.

По характеру мелодія похожа на инородческія.

Вотъ еще примѣръ того, какъ Русскіе въ насмѣшку надъ Татарами сочиняютъ цѣлыя стихотворенія, перемѣшивая въ нихъ русскія ломаныя слова съ татарскими и довольно удачно подражая говору Татаръ по-русски.

Г. Троицкъ, Оренбургской губ.

46.



Эй Хпсмяткя коркма [1]),
Какъ Илекъ пайдушь ти,
Тары [2]) тамъ сиба купай,
И буранъ [3]) кыргыскій,
Будишь бульна ти бугатъ,
Бпшматъ [4]) новій купишь,
Синь [5]) тугда калымъ [6]) даешь,

За хурушій дивкамъ,
Билій, жирній ти возмешь,
Бары беръ канпиткамъ [7]),
Зубы серній [8]), глаза бустрій,
Нугтя ему красный;
Бпсила [9]) съ нимъ зажпвешь,
Бишбармакъ [10]) ашаешь [11]).

Минь [12]) тугда тиба [13]) придемъ,

Сяй [14]) бирга ашаемъ,
Азракъ [15]) пива будка [16]) пьемъ.
И писня [17]) пускаемъ [18]).

Минь закунъ [19]) крипка даржимъ,
Сплій [20]) пусь [21]) ашаемъ,
Гулува наша спстимъ
Буруда ссипаемъ,
Пять разъ день миссть пойдемъ
И намазъ [22]) дилаемъ,
И какой файда [23]) була,
Пся [24]) ево кунсяемъ;
И опять лушадь глядимъ,
Миста [25]) гутувляемъ,
Нусь пора [26]) его ташшимъ,
Урунбургъ гуляемъ,
А полисія даржитъ,
Бастрокъ [27]) отправляетъ
И казунній хлибъ [28]) кармитъ,
Ума прибавляетъ.

Сообщилъ студентъ Фак. Вост. Яз. С.-Петерб. унив. М. Н. Зарубинъ.

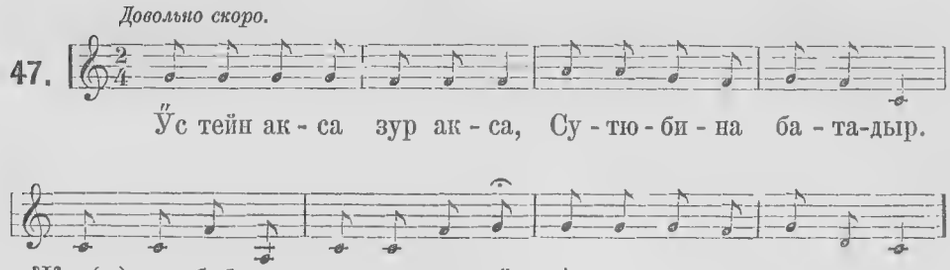
---

1) не зѣвай; 2) товару; 3) барана; 4) верхнее платье; 5) ты; 6) плату; 7) точно конфетку, пріятную какъ конфетка; 8) черные; 9) весело; 10) мясное кушаніе; 11) будешь ѣсть; 12) я; 13) къ тебѣ; 14) чай; 15) немного; 16) водку; 17) пѣсни; 18) будемъ пѣть; 19) законъ; 20) цѣлую; 21) ночь; 22) молитву; 23) прибыль; 24) всю; 25) мѣсто; 26) ночью; 27) въ острогъ; 28) казеннымъ хлѣбомъ.

Дер. Казаккулова Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губ.

Довольно скоро.

47.



1. Ӱс тейн акса зур акса,
Су тюбина батадыр.
Жаныкам бябкям ни халь итейм:

Аткаң жатка сатадыр.

2. Трахтыр сыккан саларга
Яш кызларны аларга,
Тюш(е)ня ука саларга,
Красный билет аларга.

3. Камчат бюрек алярбыс,
Ситеня ука салярбыс.
Язгым булса ятка китмяс

Бер ун айга алярбыс.

4. Агын сунық агувы(й)
Ак буз атныц барувы(й);
Жан бирюве мисал икян
Жан сюйгяндян калувы(й)

5. Шебер шебер ямгур ява,
Уй артында даганап;
Ирт'ӱпкяне яратмасаң,
Кись ӱбярмен сибярляп.

1. Три копейки — большія деньги —
Упали въ воду;
Душенька, цыпленочекъ, что подѣлать:
Отецъ насъ продаетъ чужимъ.

2. Въ трактиръ я зашелъ выпить,
Молодыхъ дѣвокъ взять,
На грудь позументъ наложить,
Красный билетъ взять.

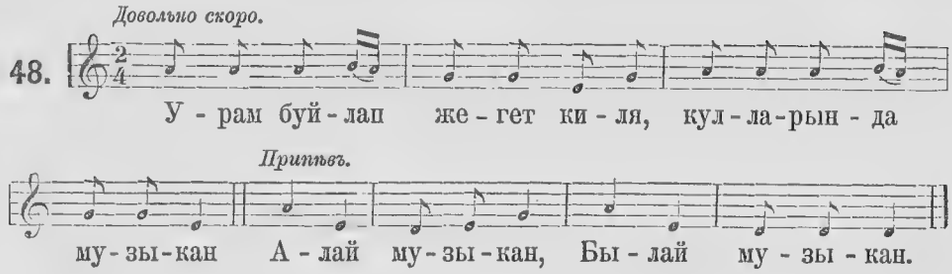
3. Возьмемъ камчатскаго бобра шапку,
По краямъ позументомъ обложимъ.
Если предначертано — на сторону не уйдемъ,
Возьмемъ (билетъ) на десять мѣсяцевъ.

4. Теченіе рѣчной воды —
Ѣзда бѣло-сѣрой лошади.
Трудно отдать душу
И разстаться съ любимою.

5. Шумитъ, шумитъ — дождь идетъ,
За избой льется;
Если не любишь ласокъ утромъ,
Вечеромъ поцѣлую усердно.

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

Довольно скоро.

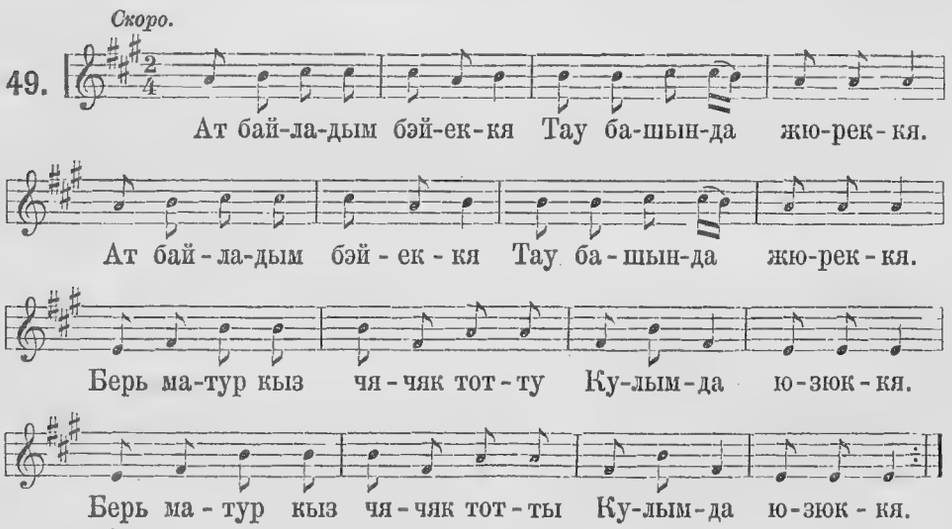


1. Урам буйлап жегет киля,
Кулларында музыкан.
Припѣвъ. Алай музыкан, былай музыкан.
2. Шул музыкан уйнаганда,
Ж(ю)ряге нисек музикян (тузикан).
Алай музыкан, былай музыкан.

1. Вдоль улицы идетъ молодецъ,
Въ рукахъ музыка (гармонія).
Припѣвъ. И такъ музыка, и этакъ музыка.
2. Когда на этой музыкѣ играютъ,
Сердце отчего-то ноетъ.
И такъ музыка, и этакъ музыка.

Дер. Ахунова, Верхнеуральскаго уѣзда.

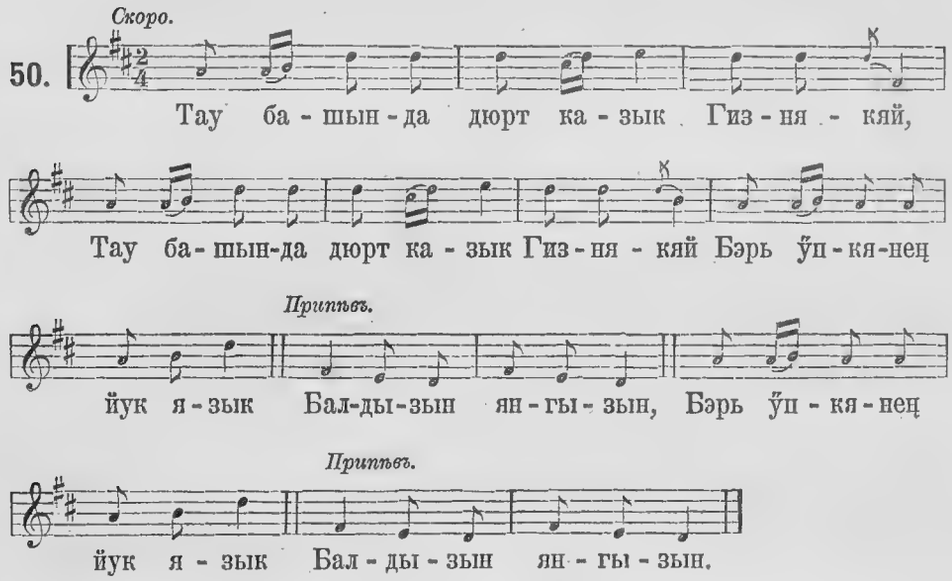
Скоро.



Ат байладым бэйеккя —
Тау башында жюрекkя.
Берь матур кыз чячяк тотто
Кулымдагы юзюккя.

Я привязалъ лошадь высоко —
На вершинѣ горы къ ольхѣ.
Одна красивая дѣвица держала цвѣтокъ,
А на моей рукѣ былъ перстень.

Гизнякяй (Зять). Дер. Ахунова, Верхнеуральскаго уѣзда.



См. инструментальный варіантъ этой мелодіи (для скрипки) плясоваго характера № 5, а также башкирскій варіантъ № 191.

1. Тау башында дюрт казык, Гизнякяй,
Бэрь ўпкянец йук язык;
Балдызын янгызын.
Бу биллярец нигя нызка, Гизнякяй?
Татар кызын сюйгянгя;
Балдызын янгызын.

1. На вершинѣ горы 4 кола, зятекъ,
Отъ одного поцѣлуя нѣтъ грѣха.
Припѣвъ. Своячена одинехонька.
Эта талья отчего тонка, зятекъ?
Оттого, что ласкала татарка;
Своячена одинехонька.

2. Бу аягыц ник кякяре, Гизнякяй?
Кякре кауш кейгянгя;
Балдызын янгызын.
Ал урамныц уртасында, Гизнякяй,
Даушфныц кантуры;
Балдызын янгызын.

2. Отчего кривы твои ноги, зятекъ?
Отъ кривыхъ калошъ;
Своячена одинехонька.
На большой улицѣ, зятекъ,
Находится Даушева контора;
Своячена одинехонька.

3. Ал урамны тура барса, Гизнякяй,
Шунда кызлар матуры;
Балдызын янгызын.

3. Если по улицѣ прямо пойдешь, зятекъ,
Тамъ находятся красивыя дѣвицы;
Своячена одинехонька.

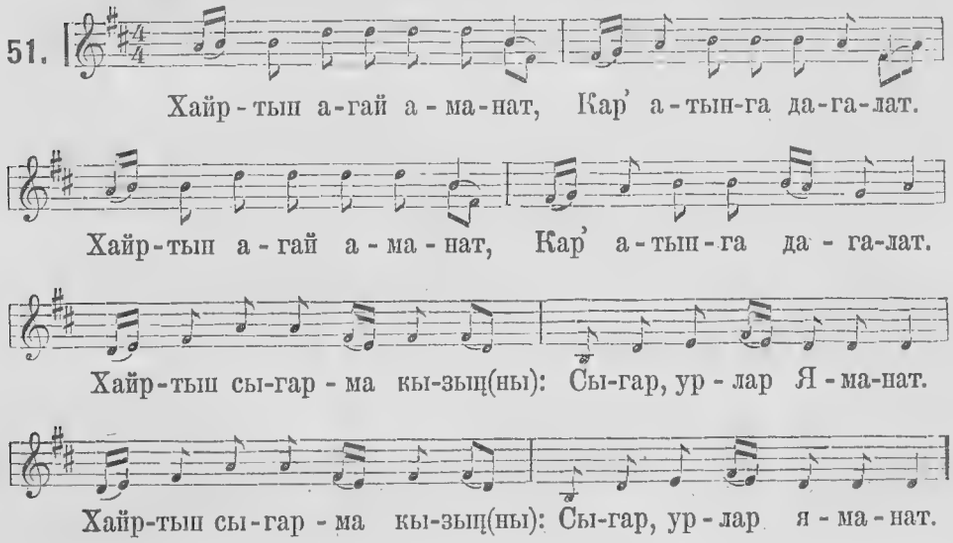
Бу бармагым нигя нызка, Гизнякяй?	Этотъ мой палецъ отчего тонокъ, зятекъ?
Алтын балдак кейгянгя;	Оттого, что надѣвалъ золотое кольцо;
Балдызын янгызын.	Своячена одинехонька.
4. Ал урамның уртасында, Гизнякяй,	4. По срединѣ улицы, зятекъ,
Шувун бара берь сана;	Съ шумомъ ѣдутъ сани;
Балдызын янгызын.	Своячена одинехонька.
Бэз урамны ўткян сакта, Гизнякяй,	Когда мы проѣзжаемъ по улицѣ, зятекъ,
Жылай кала бисара;	Съ плачемъ остаются бѣдняки;
Балдызын янгызын.	Своячена одинехонька.
5. Байлар югар'бэз тюбян, Гизнякяй,	5. Богачи находятся вверху, мы — внизу, зятекъ,
Байлар китсен юз тюбян;	Богачи пусть внизъ лицомъ провалятся;
Балдызын янгызын.	Своячена одинехонька.
Байлар ери баксада, Гизнякяй,	Богачи ходятъ въ саду, зятекъ,
Ярлы ери далада;	Бѣдные ходятъ по степи;
Балдызын янгызын.	Своячена одинехонька.
6. Урамг'ямшик туктаган, Гизнякяй,	6. На улицѣ ямщикъ остановился, зятекъ,
Ышлаясын суклаган;	Шлея у его лошади съ кистями;
Балдызын янгызын.	Своячена одинехонька.
Бэзнең жаны ўпкялягян, Гизнякяй,	Наши души разсердились, зятекъ,
Ялля янгыз йуклаган;	Не знаю, отъ того ли, что одни спали;
Балдызын янгызын.	Своячена одинехонька.

Эта мелодія одна изъ самыхъ любимыхъ и распространенныхъ наравнѣ съ тафтельской, какъ среди Татаръ, такъ и среди Башкиръ (см. № 191): на пирушкахъ и гулянкахъ ее поютъ обязательно, какъ разудалую, веселую.

Айдэ агай аманат (дядя посыльный). Гор. Верхнеуральскъ.

Довольно скоро.

51.



См. ту же мелодію для скрипки (плясоваго характера) № 7.

1. Хайртын агай аманат,
Кар'атынга дагалат.
Хайртын сыгарма кызыцны:

Сыгар, урлар Яманат.

2. Хайртын бура бураткан
Ӱйгя тюгюль киляткя.
Хайртын агай Хамида
Маржа тюгюль белятkя.

3. Тау башында селäӱксен
Сыулар тапмай юресен;
Сыулар тапса йуллар тапмай.

Янгыз башыц ям тапмай.

4. Астырханыц баксасында
Бурлуп ӱскäп берь будай.
Будай кюбюк кауштырсын
Икямезне бер Худай.

1. Хайритдинъ, дядя посыльный,
Подкуй карюю лошадь,
Хайритдинъ, не выпускай дѣвицы (дочери):
Выйдетъ, украдетъ Яманатъ (имя мужчины).

2. Хайритдинъ рубилъ срубъ
Не на избу, а на клѣть.
У Хайритдина дяди Хамида
Не жена, а блядь.

3. На горѣ червякъ
Воды не можетъ найти;
Если воды найдетъ, то дороги не найдетъ.
Одинокая голова не найдетъ утѣхи.

4. Въ астраханской бахчѣ
Выросла густая пшеница.
Пусть какъ пшеницу соединитъ
Насъ обоихъ одинъ Богъ.

5. Сыуда балык кюп булыр,
Суртан балык бер булыр.
Ильдя матур кюп булыр,
Джан сюйгянем бер булыр.

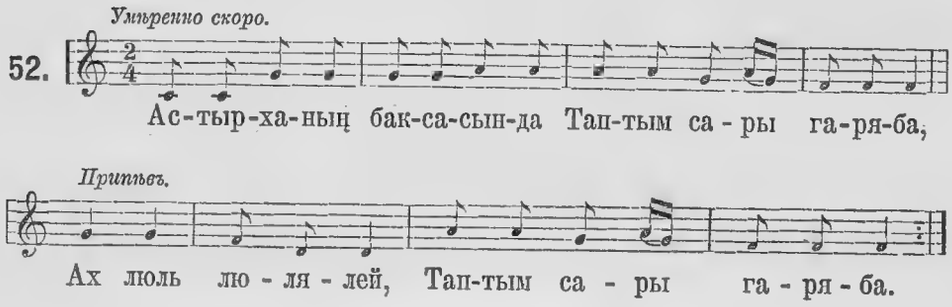
6. Сясең бпштян ўрюп сал!
Без китябез кюрюп кал!
Йул азыгы безең буса
Уң битемдян ўбюп кал.

5. Въ водѣ много рыбы,
А рыба щука — одна.
Въ народѣ много красавицъ,
Но любимая моя — одна.

6. Заплети косу въ пять прядей!
Мы поѣдемъ, ты оставайся и гляди!
Вмѣсто запасовъ на дорогу
Поцѣлуй насъ въ правую щеку и оставайся.

Дер. Ахунова, Верхнеуральскаго уѣзда.

52.



1. Астырханың баксасында
Таптым сары гаряба,
Ах люль люлялей,
Таптым сары гаряба
Сыйын сыйын алмай калсаң,
Сыйын китер урамга,
Ах люль люлялей,
Сыйын китер урамга.

2. Астым кебет бер такта,
Алдым Бухар басмасын,
Ах люль люлялей,
Алдым Бухар басмасын.
Безней безгя, сезней сезгя;
Куйсаң! душман махтасын!
Ах люль люлялей,
Куйсаң! душман махтасын!

1. Въ астраханской саду
Я нашелъ желтый плодъ,
Ахъ, люль люлялей,
Я нашелъ желтый плодъ.
Чиркалъ, чиркалъ, не успѣлъ,
Чиркай и тащи на улицу,
Ахъ, люль люлялей,
Чиркай и тащи на улицу.

2. Открылъ лавку въ одну доску,
Взялъ бухарской тесьмы,
Ахъ, люль люлялей,
Взялъ бухарской тесьмы;
Наше намъ, ваше вамъ;
Оставь, пусть враги хвалятъ!
Ахъ люль люлялей,
Оставь! пусть враги хвалятъ!

3. Ишик-алдым сазгана:
Кермя джегет батырсын!
Ахъ люль люлялей,
Кермя джегет батырсын!
Безнең артын гери тыргас,
Янгыз атны сатырсын!
Ах люль люлялей,
Янгыз атны сатырсын!

4. Сикреп тюштем сыу'стем:
Нигя тюштем нигя'стем?
Ах люль люлялей,
Нигя тюштем нигя'стем?
Бу хасрятлярпе кюргянем'ся,
Нигя тудым нигя ӱстем?
Ах люль люлялей,
Нигя тудым нигя ӱстем?

5. Сандугаска ем бирмейсен,
Аска ӱлсен дидегмей?

Ах люль люлялей,
Аска ӱлсен дидегмей?

Сагынганҗа дюк салямын,
Саргайып ӱлсен дидегмей?

Ах люль люлялей,
Саргайып ӱлсен дидегмей?

6. Сары сандугас баласы
Ерь еляген ашамай,
Ах люль люлялей,
Ерь еляген ашамай.
Кыз баланы сюйгянä,
Ӱз сюйгянен ташламай,

Ах люль люлялей,
Ӱз сюйгянен ташламай.

3. Во дворѣ у насъ болото:
Не ходи, молодецъ, — завязнешь!
Ахъ, люль люлялей,
Не ходи, молодецъ,—завязнешь!
Если будешь гоняться за нами,
Послѣднюю лошадь продашь!
Ахъ, люль люлялей,
Послѣднюю лошадь продашь!

4. Спрыгнувъ, я упалъ и выпилъ воды:
Зачѣмъ я упалъ, зачѣмъ пилъ?
Ахъ, люль люлялей,
Зачѣмъ я упалъ, зачѣмъ пилъ?
Чѣмъ видѣть такое горе,
Зачѣмъ родился, зачѣмъ выросъ?
Ахъ, люль люлялей,
Зачѣмъ родился, зачѣмъ выросъ?

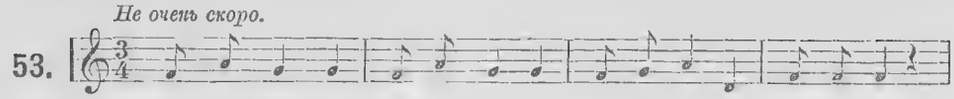
5. Соловью ты не даешь пищи,
Неужели ты скажешь: «пусть умретъ съ голода?»
Ахъ, люль люлялей,
Неужели ты скажешь: «пусть умретъ съ голода?»
Пошли поклонъ скучающему,
Неужели ты скажешь: «пусть пожелтѣетъ, умретъ?»
Ахъ, люллюлялей,
Неужели ты скажешь: «пусть пожелтѣетъ, умретъ».

6. Птенецъ желтаго соловья
Клубники не ѣстъ,
Ах, люль люлялей,
Клубники не ѣстъ.
Кто любитъ дѣвицу,
Тотъ не броситъ своей возлюбленной,
Ахъ, люль люлялей,
Тотъ не броситъ своей возлюбленной.

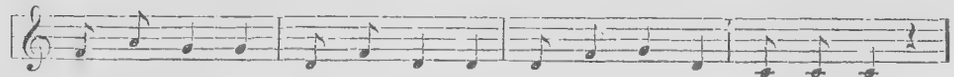
Дер. Рысаева, Верхнеуральскаго уѣзда.

Не очень скоро.

53.



И - ке ма - тур сыу - га ба - ра, Бар кей - е - мен ке - йе - нен.



Сыу бу - йын - да су - рын ӱп - сям: Кай - тып ки - тяр сю - я - нен.

1. Ике матур сыуга бара,
Бар кеймен кейенен.
Сыу буйында сурын ӱпсям:
Кайтын китяр сюянен.
2. Матур кызлар сыуга бара:
Таймайм'пкан катасы!

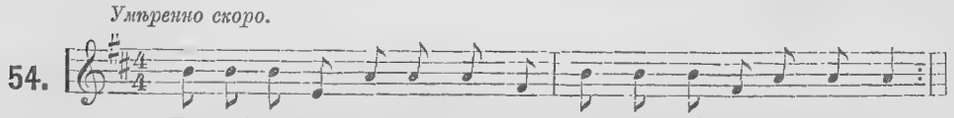
Сыу йулында сурын ӱпсям,
Рахмат укыр атасы.

1. Двѣ красотки пошли за водой,
Надѣвъ всю свою одежду.
У воды я ихъ поцѣловалъ:
Онѣ радостно пошли домой.
2. Дѣвицы красавицы пошли за водой:
Не поскользнулись ли онѣ въ башмакахъ!
Если я поцѣлую ихъ на дорогѣ,
Благодаренъ за это будетъ ихъ отецъ.

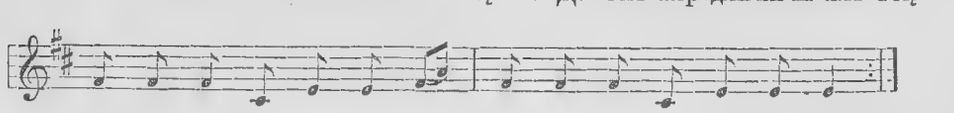
Такмакъ бирскій. Дер. Рысаева, Верхнеуральскаго уѣзда.

Умѣренно скоро.

54.



Ба - ла - ка - йым биш - мя - тең - ны Ди - гит - ляр - дян ни'ш - лят - тең



А - су - ла - ма я - ны - кай - ым, ӱ - зюң - дя тун теш - лят - тең.

1. Балакайым бишмятеңне,
Джигитлярдянни'шлättең,
Асулама яныкайым,
Ӱзеңдя тун тешляттең.

2. Агас башын йиль ала,
Кюпер башын сыу ала;
Сюйгян сюйгянен ала,
Сюймягянен кем ала?

1. Своимъ бешметомъ, моя любимая,
Что ты сдѣлала съ молодцами?
Не сердись моя любимая,
Твою шубу ты позволяла хватать зубами.
2. Вѣтеръ обвѣваетъ вершину дерева,
Вода уноситъ мостъ;
Любимый беретъ любимую,
А не любимую кто беретъ?

3. Аргы яктан бирге якка
Сыгар идем ӱсь атлап;

Ятыр идем йуклар идем,
Янкайымны кусаклап.

4. Алай итяргя киряк,
Былай итяргя киряк;
Бардыр алланың язмышы,
Сабыр итяргя киряк.

3. Отъ того берега на этотъ берегъ
Хотѣлось бы мнѣ перейти въ три шага;
Хотѣлось бы мнѣ лежать и спать,
Обнимая свою любимую.

4. Этакъ надо сдѣлать,
Такъ надо сдѣлать;
Есть Божье предопредѣленіе,
(Поэтому) надо терпѣливо ждать.

Каждые 2 стиха исполняются дважды.

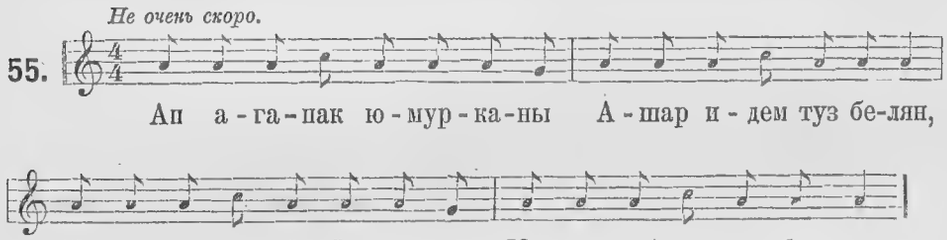
Варіантъ 1-й строфы.

Айгей кызым ни'шлядең?
Джигитлярдяп ни'шляттең?
Асулама яникайым,
Ӱзен бишмят тешляттең.

О дѣвица моя, что ты сдѣлала?
Что ты сдѣлала съ молодцами?
Не сердись, моя любимая,
Твой бешметъ ты позволяла хватать зубами.

Дер. Рысаева, Верхнеуральскаго уѣзда.

55.



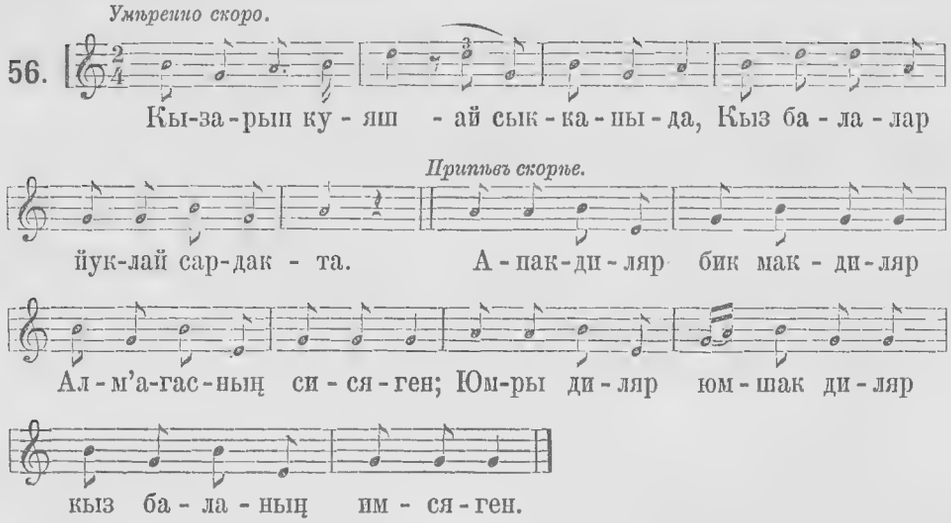
Ап агапак юмурканы
Ашар идем туз белян
Узун узун ай тӱннярне
Юклар идем кыз белян

Бѣлое, бѣлое яичко
Съѣлъ бы съ солью,
Долгую, долгую поченьку
Спалъ бы съ дѣвицею.

Акчарлакъ (мартышка).

Умѣренно скоро.

56.



См. инструментальный варіантъ мелодіи № 6.

Кызарып куяш (ай) сыкканда,
Кыз балалар йуклай сардакта.
Припѣвъ. Апак диляр бик мактиляр

Когда восходитъ красное солнце,
Дѣвицы спятъ на чердакѣ.
Припѣвъ. Они называютъ бѣлыми и хвалятъ

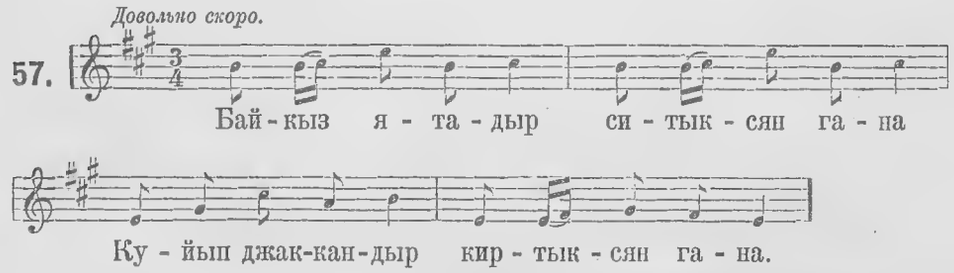
Алм'агасныңъ сисяген;
Юмры диляр юмшак диляр
Кыз баланыңъ имсяген.

Цвѣты яблони;
Они называютъ круглыми и мягкими
Груди дѣвицъ.

Бянем кіяўм (мой зять). Г. Верхнеуральскъ.

Довольно скоро.

57.



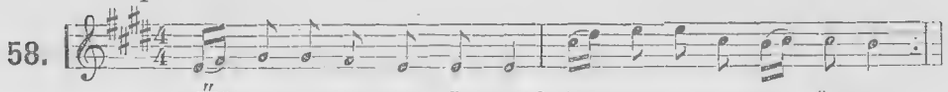
См. инструментальный варіантъ этой мелодіи № 14.

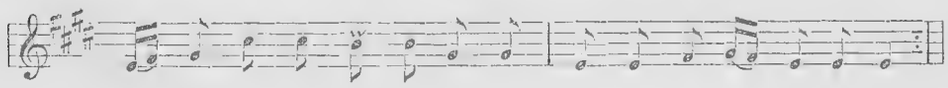
Байкыз ятадыр ситыксян г(а)на,
Куйып жаккандыр киртыксян гана.
Бянем кіяўм Мухамадьяр,

Сюплек сюплектян иск(и)сабатаджäр.
Бянем кіяўм сату сатусы,
Сўплектян хлам джепеп кайтусы.

Казанская. Г. Верхнеуральскъ.

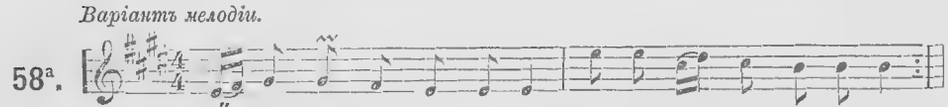
Скоро.

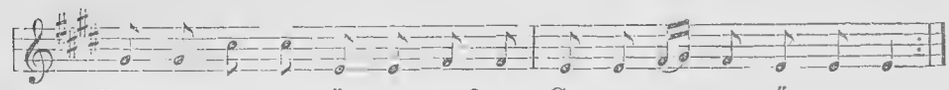
58. 



Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

Варіантъ мелодіи.

58ª. 



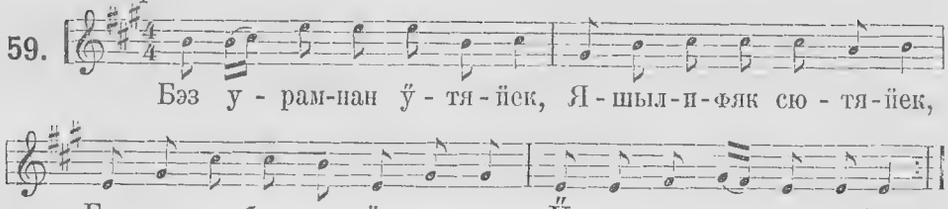
1. Ӱй артынан кем ӱткян?
Ак калпаклы кыз ӱткян.
Кюрмядеңме ӱткянен?
Сурып сурып ӱпкянен.
2. Алм'агас ӱсяделяр
Астарханда бейек-ук.
Безненг якта бик мактылар,
Кызбаланы діеб-ук.
3. Алтын балдак бармактай
Айланадыр салмакка.
Айтыр сюзең бар кюбюк:
Айда сыгыйк аулакка.
4. Ак иделнең ар джагына
Басма салдым киң такта.
Кызлар белән уйнаганны
Бик мактыйлар китапта.

1. Кто прошелъ мимо окна?
— Дѣвка въ бѣломъ колпакѣ.
Не видали ли, какъ прошла?
— Обнявъ ее, онъ цѣловалъ.
2. Яблонныя деревья выросли
Высоко въ Астрахани.
Въ нашей сторонѣ очень хвалятъ дѣвицъ.
3. Золотую колотушку толщиною съ палецъ
Онъ вертитъ, чтобы опустить.
Ты, кажется, желаешь сказать слово:
Пойдемъ въ уединенное мѣсто.
4. На ту сторону Бѣлой
Положилъ я широкую доску.
Игры съ дѣвицами
Очень хвалятъ въ книгахъ.

Г. Верхнеуральскъ.

Скоро.

59.



См. инструментальный варіантъ № 16.

1. Без урамнан ӱтяйек,
Яшыл пфяк сютяйек.
Бэзнең кебек яш йегетляр,
Ӱнян (?) гумыр птяйек.
2. Джидегяння дпгян джиде йундус,
Джид(е) айлянна таңнар аткансы.

Сюйгян джарын бик мактыйлар,
Нися уянна тюнняр ӱткянсе.

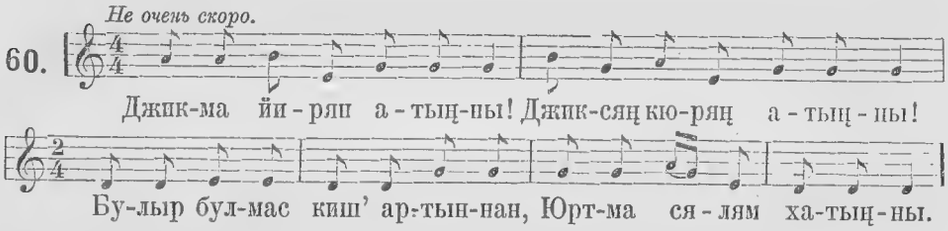
1. Перейдемте черезъ улицу,
Одѣнемтесь въ зеленый шелкъ.
Молодцы, какъ мы,
Проведемте веселую (?) жизнь.
2. Когда семь звѣздъ медвѣдицы
Семь разъ вертятся, появляется заря.

Любпмую опи очень хвалятъ,
Сколько ночей съ ней проводятъ.

Г. Верхнеуральскъ.

Не очень скоро.

60.



1. Джикмя йирян атыңны,
Джиксяң кюряң атыңны!
Булыр булмас киш'артыннан,
Юртма сялям хатыңны!
2. Ӱйиндерсе индерсен,
Кума синне сындырсын,
Бигряк матур кыз икянсен,
Ӱбеп янын тындырсын.

3. Орынбурка йулы ай піяла,
Баскангына сайын уала,
Орынбурка киткäн джегетлярнең

Башкайлар кайтмый йугала.

1. Не запрягай рыжей лошади,
Запрягай каурку!
Всякимъ людямъ
Не посылай привѣтственныхъ писемъ!

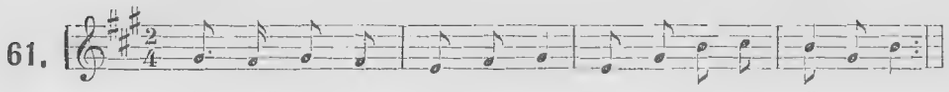
2. Ты очень красивая дѣвица,
Въ поцѣлуяхъ пусть душа твоя успокоится.

3. Оренбургская дорога какъ стекло,
Гдѣ наступишь, ломается,
Головы молодцевъ, ушедшихъ въ Оренбургъ,
Не возвращаются, пропадаютъ.

Г. Верхнеуральскъ.

Довольно скоро.

61.



1. Аклый шялен байларсын,
Зянгяр шялен байларсын;
Джаным сюйгян янашыма
Алла насыб айлясен!
2. Мендем бейек тауларга,
Чук чукладым бауларга;
Баудан тартсам ўзеля,
Нечкя билгя сизеля.
3. Нечкя билнең анасы
Килсен минем ўземя;
Кился минем ўземя,
Туры айтермен юзеня.
4. Безнең сыуның буйында,
Кул лулыгы кулында
Бездя кызлар уйнайлар
Язгы сабан туйында,
5. Язгы сабан туйында
Янгы басу буйында.
Анас'иртян кызын эзлій,
Кызы безнең куйнында.

1. Бѣлою шалью накроешься,
Синею шалью накроешься;
Пусть съ любимой
Богъ меня благословитъ!
2. Влѣзъ я на высокую гору,
Пришилъ къ поясу кисточки;
Если тянуть за поясъ, онъ оборвется,
Гибкому стану это чувствительно.
3. Пусть мать красавицы дѣвушки
Приходитъ ко мнѣ;
Если она придетъ ко мнѣ,
То я прямо скажу ей въ глаза.
4. Ходитъ дѣвица по рѣченькѣ
Носовой платокъ въ рукахъ.
У насъ дѣвушки играютъ
Во время весенняго сабантуя [1]),
5. Во время весенняго сабантуя
По зеленымъ лугамъ.
Утромъ мать ищетъ дочь свою,
А дѣвица въ нашихъ объятіяхъ.

Мелодія пѣсни называется *бирскою.*

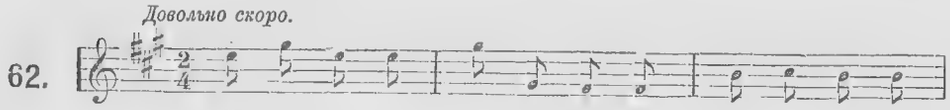
---

1) Сабантуй — особое пиршество съ плясками, которое устраивается въ полѣ передъ началомъ посѣва. Въ настоящее время обычай этотъ выводится.

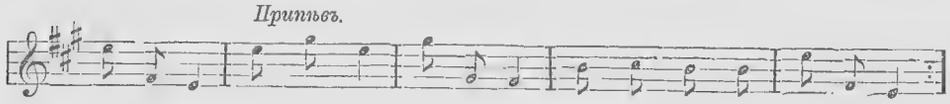
Изъ Оренбурга. Запис. въ татарской дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

Довольно скоро.

62.



Припѣвъ.



Урамдан ӱтеп бара,
Кюзіндің кашың кара.
Припѣвъ. Ай бäгрым Газіза,
Ас уз јакның шул узја.
Керпегендян гюлляр тама,
Кюрсям жӱрягем жана.
Ай бäгрым Газіза,
Ас уз якның шул узја.

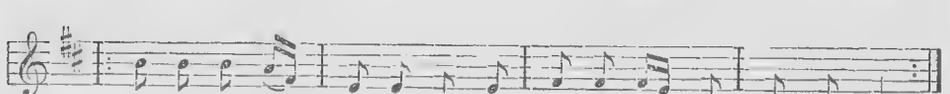
По улицѣ она прошла,
Глаза и брови черные.

Изъ рѣсницъ ея капаютъ цвѣты,
Если я это вижу, мое сердце горитъ.

Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

Довольно скоро.

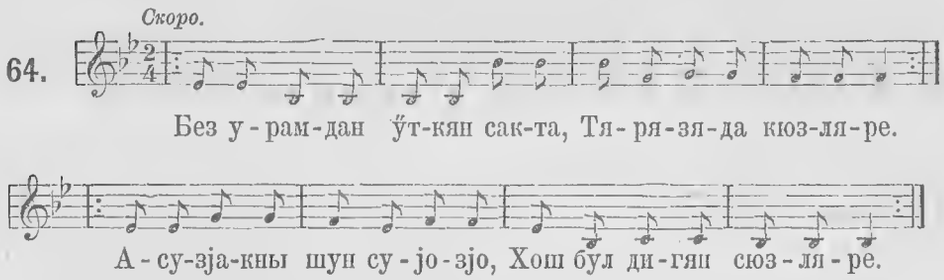
63.



Біек тауның сіясын,
Ӱзім діеп ӱläшім.
Шул ҷанына бік сағындым,
Кайдан кюреп сюлашім.

Такмакъ Казанскій. Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

64.



1. Без урамдан ўткян сакта
Тярязяда кюзляре } 2 р.
Асузякны шун сузјо
Хош бул дигян сюзляре } 2 р.
2. Аппак тып кыршан јаксаң
Бетен куаш ашамас } 2 р.
Безгя насып жарлар булса
Тагда безне ташламас. } 2 р.

Тексты безъ мелодій.

1. Сандугач сайрай уяда,
Уялары яшыл пііяла.
Сандугач кюбюк сайрай сайрай,
Гумэр итсяк иде дунъяда.

2. Утлар да яша учакта.
Заманалар аур бу чакта,
Бу замапаларның аурлыгы
Килде кяйля безнең яш чакта.

3. Айдустларым минем сездустларым,
Сез дустларым минем ишлярем!
Сездя дустларымдан айрылышкач
Ялгыз башкайларым ишлярмен?

1. Соловей поетъ въ гнѣздѣ,
Его гнѣздо изъ зеленаго стекла.
О если бы мы, распѣвая какъ соловей,
Проводили свою жизнь въ этомъ мірѣ.

2. Огонь (огни) горитъ на очагѣ.
Времена нынѣ тяжелыя,
Тяжесть ихъ застала насъ
Въ раннихъ лѣтахъ.

3. Вы, друзья мои, дружочки,
Вы, друзья мои, сотоварищи!
Послѣ разлуки съ вами, друзья,
Что мнѣ дѣлать съ моей головушкой?

[1]) 4. Душенька, твои брови —
Какъ народившійся мѣсяцъ,
Душенька, твои груди —
Какъ свѣжее сливочное масло.

5. Я зажегъ траву на высокой горѣ:
Огонь распространился по вершинѣ горы.
Я поцѣловалъ тебя въ правую щеку,
А лѣвая осталась сиротой.

6. Душенька, я люблю тебя въ пять разъ сильнѣе,
Когда ты надѣваешь свой халатъ;
Не грѣхъ будетъ, если побожусь въ этомъ:
Вотъ какъ я люблю тебя.

7. Свою верховую лошадь
Я привязалъ въ камышъ.
Если ты (дѣвица) спишь, то проснешься
На мою громкую пѣсню.

8. Когда въ сады проникаетъ солнце,
Плоды начинаютъ постепенно созрѣвать;

1) Къ нижеслѣдующему переводу былъ приложенъ мною отдѣльный текстъ арабскимъ шрифтомъ, но онъ впослѣдствіи не оказался. С. Рыбаковъ.

Когда созрѣетъ яблоко,
Я начинаю думать о тебѣ.

9. На высокой горѣ
Нельзя на камень наступить;
Когда я вспомню о тебѣ, красавица,
Терпѣнья недостаетъ и на три часа.

10. (Виднѣется) что-то желтое прежелтое.
Во снѣ я видѣлъ тебя;
Когда во снѣ увидѣлъ я тебя, я влюбился въ тебя:
Пока не умру, не брошу тебя.

11. У тебя ручки бѣлыя;
Много я молился:
Если Богъ приметъ мои молитвы,
Сердце мое лежитъ къ тебѣ.

12. Я поставилъ самоваръ, заварилъ чай
Пить съ тобою, милая;
Полетѣлъ бы я къ тебѣ —
Нѣтъ крыльевъ у меня.

13. Въ пологъ, вытканный узорами,
Я тайкомъ забрался:
Дѣвушка внизу, я — наверху,
И дивное дѣло совершили.

14. Виднѣется ли Москва изъ Казани
Съ высокой лѣстницы?
Выбѣжитъ ли она,
Если запою, какъ соловей?

15. Земной рай —
Уголъ медресэ[1]),
Другой земной рай —
Объятія дѣвицы.

16. За горою на томъ берегу Бѣлой
Что-то зеленѣется.
Когда соловьи запоютъ,
Я думаю, здорова ли моя милая?

17. Если поймаешь ласточку, выпусти;
Если выпустишь, большая въ томъ добродѣтель.
Если дѣвицу поймаешь и поцѣлуешь,
Она не будетъ сопротивляться.

1) Мусульманская школа при мечети.

18. Хотѣлъ бы я течь какъ золото,
Капать какъ серебро.
Если ты не будешь моею,
Пусть я сгорю.
19. Въ садахъ переведутся ли цвѣты?
Среди нихъ пролетитъ ли соловей?
Я не могу въ письмѣ выразить всего того,
Что я хотѣлъ бы сказать тебѣ наединѣ.
20. На высокой горѣ
Выросла травка.
Сама уѣхала, но слова ея остались.
Когда вспомню ихъ, чуть не умираю.
21. На высокой горѣ
Виднѣется ли что-то бѣлое?
Зажегши свѣчу,
Ждетъ ли моя милая?
22. Въ верхнемъ концѣ села я видѣлъ дѣвушку:
Въ бѣломъ колпакѣ съ кисточкой.
Она спала на спинѣ, поднявши колѣна
И держа руками груди.
23. Шелковый камзолъ сожметъ поясницу.
Красавица дѣвица будетъ кокетничать (подмигивать).
Если красавица дѣвица не будетъ кокетничать,
То ее поглотитъ (сожметъ) могила:

(Смыслъ: всякая красавица кокетничаетъ, а если не кокетничаетъ, то къ чему она красавица? лучше ей умеретъ).

24. Я не приложилъ золотой печати
За неимѣніемъ почтовой бумаги,
Я не присоединилъ подарка,
Потому что не зналъ твоихъ мыслей.
25. На пологѣ бѣлые галуны:
Не тяни ихъ, душечка, — изорвешь.
По ночамъ цѣлуешься,
А какъ день проводишь?

(Указаніе на то, что тяжело дѣвицѣ оставаться днемъ безъ поцѣлуевъ).

26. Дверь новой (бѣлой) клѣти
Оттолкни ногой.
Если любишь меня, моя красавица,
Поцѣлуй меня крѣпко въ губы!

27. По большой рѣкѣ
Плыветъ съ шелковымъ канатомъ плотъ.
Мягче шелка, дѣвушка,
Поцѣлуй меня крѣпко въ губы!
28. Въ садахъ растутъ цвѣты гвоздики (бадьяна),
Пусть не клюетъ ихъ воробей!
Если буду живъ, то мы соединимся,
Лишь бы ея желанія не оторвали ея отъ меня.
29. Выбойку[1]) соткутъ,
Изъ выбойки сдѣлаютъ одѣяло
Подъ одѣяломъ, сшитымъ изъ выбойки,
Дѣвицу превратятъ въ бабу.
30. Въ моемъ дворѣ — двѣ сросшіяся березы,
Онѣ распускаются каждый годъ.
Если любимая тобою дѣвушка красива,
То любовь у васъ будетъ рости съ каждымъ днемъ.

Такмакъ.

31. Желтый жаворонокъ садится на болото,
Чтобы пить прохладную воду.
Красивый молодецъ ходитъ по ночамъ,
Чтобы цѣловать красивыхъ дѣвушекъ.

Узункӯй.

32. Красивыя лошади бываютъ большею частію сивы.
Гдѣ народъ трудолюбивъ, тамъ есть ремесла.
Не попадайся врагу въ руки:
Цѣнная голова твоя будетъ безцѣнна (лишится цѣны).
33. Если вдали закукуетъ кукушка,
То спадутъ (отъ нея) въ селеніе вѣсти.
Кто передастъ мои поклоны
Моей любимой женѣ?
34. У серебряной ложки ручка цѣла:
Не берись за нее — руку обожжетъ.
Любовь — дѣло тяжелое:
Она бросаетъ въ пылающій огонь.

---

1) Выбойка — басма — шерстяная матерія полосатая, сѣроватокоричневая для одѣялъ, подкладки, рубашекъ и пр.

35. Я купилъ пару гнѣдыхъ лошадей
Для охоты за лисицей.
Я пріѣхалъ не для того, чтобы пить,
А для того, чтобы пѣть.

36. Много крови въ моемъ сердцѣ,
Такъ по жиламъ и разливается.
Любви, которая запяла все существо мое для одной красавицы,
Хватитъ на всю мою жизнь.

37. Если у тебя заболитъ сердце,
То купи на базарѣ яблоко и ѣшь!
Если ты меня не разлюбишь,
То я не разлюблю тебя никогда.

БАШКИРСКІЯ ПѢСНИ (ДЖЫРЛАР).

Башкирскія пѣсни обнаруживаютъ сравнительно съ татарскими больше полета, эффектности и внѣшней мелодичности.

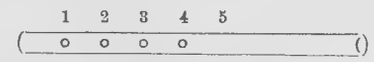
Среди Башкиръ въ большомъ количествѣ распространены между прочимъ татарскія пѣсни, только онѣ часто поются на башкирскія мелодіи. Поэтому то, что́ сказано объ особенностяхъ татарскихъ пѣсенъ, имѣетъ отношеніе и къ башкирскимъ. По мнѣнію Татаръ разница между башкирскими и татарскими пѣснями болѣе въ мелодіяхъ, чѣмъ въ текстѣ, который большею частію общій. Но это не совсѣмъ такъ: у Башкиръ существуетъ огромная область собственнаго творчества, весьма разнообразнаго, отъ котораго вѣетъ вполнѣ своеобразной, отличной отъ татарской поэтичностью.

Башкирамъ присущи поэтическое и музыкальное творчество въ бо́льшей степени, чѣмъ Татарамъ. Ихъ поэтическое настроеніе питается близостью съ чудной природой, какая существуетъ на Уралѣ; ихъ наивная мечтательность поддерживается тѣмъ, что они до извѣстной степени еще дѣти природы, нравственно почти цѣльныя, не знавшія большихъ сношеній съ другими народами, чуждыя борьбы личныхъ эгоизмовъ среди той привольной обстановки, которою они располагаютъ еще.

Наличность и сила творческихъ способностей Башкиръ доказываются тѣмъ, что среди нихъ до послѣдняго времени встрѣчаются нерѣдко пѣсельники, соединяющіе въ себѣ даръ поэтовъ и композиторовъ, то есть сочиняющіе свои пѣсни на собственныя мелодіи; затѣмъ та же творческая способность подтверждается любопытнымъ, упомянутымъ уже выше, фактомъ смѣны пѣсеннаго творчества съ каждымъ поколѣніемъ: это легко допустимо, если среди народа въ изобиліи появляются творцы-пѣсельники. Въ кочевкѣ Узункуловой, Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи, я встрѣтилъ, напримѣръ, дудочника Лукманова, который въ окрестномъ населеніи считался лучшимъ игрокомъ на свирѣли (кураѣ), а также искус-

нымъ стихотворцемъ, мастеромъ сочинять эпиграммы на своихъ соплеменниковъ и на разные случаи. На смѣну творчества съ каждымъ поколѣніемъ указываетъ также то, что въ представленіи Башкиръ возникновеніе отдѣльныхъ пѣсенъ не простирается обычно далѣе 70 лѣтъ.

Творчество Башкиръ создало кромѣ вокальной музыки также *инструментальную*, довольно обширную, и у Башкиръ имѣются свои музыкальные инструменты, главнымъ изъ которыхъ является свирѣль, такъ называемый *курай*, устраиваемый изъ стебля полеваго растенія, называемаго также «курай», обрѣзаннаго и открытаго съ обѣихъ концовъ, на которомъ прорѣзаны 4 отверстія съ одной стороны и одно съ другой.

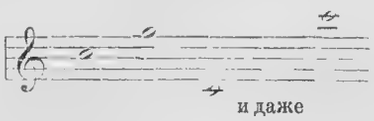


Башкиры для курая выбираютъ гладкій, пустой и чистый внутри, по возможности правильный стебель растенія, иногда сушатъ его, а затѣмъ вырѣзаютъ на немъ отверстія, руководясь приблизительно слѣдующимъ расчетомъ: 1-е отверстіе должно отстоять отъ конца дудки на 3 пальца, 2-е отъ 1-го — на $2^1/_2$ пальца, 3-е отъ 2-го—на 2 пальца, 4-е отъ 3-го—на $1^1/_2$; пятое отверстіе вырѣзается сзади выше 4-го.

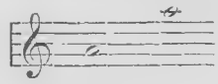
Этотъ своеобразный башкирскій инструментъ имѣетъ слѣдующій строй:

При открытыхъ отверстіяхъ онъ даетъ топъ. . . . . *ля.*
При закрытыхъ » » » » . . . . . *до.*
При открытомъ 1-мъ отверстіи (когда другія закрыты) . . . . . *ре.*
» » 2-мъ » (или 1-мъ и 2-мъ). . . . . *ми.*
» » 3-мъ » (или 1, 2 и 3) . . . . . *фа.*
» » 4-мъ » (или 1, 2, 3, 4) . . . . . *соль.*
» » 5-мъ » (или при всѣхъ открыт. отверстіяхъ). *ля.*
Если же 5-е, заднее отверстіе закрыто, то инструментъ даетъ. . . . . *соль.*
При закрытіи 4-го и 5-го отверстій. . . . . *фа.*
» » 3, 4 и 5 » . . . . . *ми.*
» » 2, 3, 4 и 5 » . . . . . *ре.*
» » всѣхъ отверстій . . . . . *до.*

При закрытыхъ отверстіяхъ различными способами выдыханія воздуха, какъ въ натуральной трубѣ, получаются три звука:

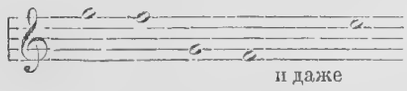


При открытыхъ отверстіяхъ 2 звука:

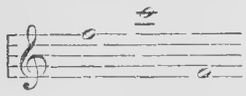


Первыя четыре отверстія дѣйствуютъ, то есть измѣняютъ тонъ при условіи закрытія задняго (5-го) отверстія.

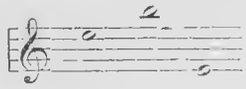
При закрытіи 1, 2, 3 и 5-го отверстій могутъ быть воспроизведены 4 звука.



При закрытіи 1, 2, 4 и 5-го отверстій получаются 3 тона:



При закрытіи 1, 3, 4 и 5-го отверстій — 3 тона:



При закрытыхъ 2, 3, 4 и 5-мъ отверстіяхъ—3 тона:

Такимъ образомъ натуральный строй курая представляетъ неполную, такъ называемую китайскую гамму *до*, *ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, — *до*, безъ нашего вводнаго тона.

Не каждый курай, конечно, звучитъ въ строѣ натуральной гаммы *до* — *до*, а какъ придется, одинъ выше, другой ниже, смотря по толщинѣ, длинѣ и другимъ свойствамъ стебля, изъ котораго выдѣлывается инструментъ.

Звуки этого инструмента — тихіе, меланхолическіе и задушевные — достаточно хорошо воспроизводятъ мечтательность башкирскихъ мелодій. Игрокъ на кураѣ называется курайсы́ (дудочникъ).

Есть еще другой инструментъ — домбра, который, по увѣреніямъ однихъ Башкиръ, представляетъ видоизмѣненную балалайку въ 3 струны, а по другимъ — заимствованъ отъ Киргизъ. Послѣднее вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ музыка Башкиръ явственнѣе, чѣмъ татарская, дѣлится на два разряда:

1) на музыку инструментальную и

2) музыку вокальную.

Первая чуть ли не преобладаетъ надъ послѣднею: по крайней мѣрѣ мнѣ удалось записать болѣе инструментальныхъ мелодій, чѣмъ вокальныхъ, или во всякомъ случаѣ въ паралель съ почти каждой пѣсенной мелодіей имѣется инструментальная, какъ свободная ея варіація.

Музыкальное исполненіе у Башкиръ имѣетъ нѣкоторыя характерныя особенности. Въ виду преобладанія среди нихъ высокихъ голосовъ, они поютъ пѣсни въ высокихъ регистрахъ; въ связи съ особенностями пѣсенъ, ихъ размашистостью и мелодичностью слушатель какъ бы уносится этимъ въ какую-то далекую высь, тогда какъ татарскія пѣсни лишены широты.

Башкирскій музыкантъ, приступая къ игрѣ, тянетъ довольно продолжительно одинъ и тотъ же звукъ, точно выдерживая начальную ноту мелодіи подъ фермато. Я сначала не видѣлъ особаго значенія въ такомъ обыкновеніи, но отнесясь внимательнѣе къ этому, я нашелъ, что оно имѣетъ свой смыслъ и цѣль. Беря извѣстный звукъ на свирѣли, игрокъ въ то же время начинаетъ голосомъ спускаться отъ этого звука внизъ, дѣлая при этомъ переходы болѣе слитные, чѣмъ хроматическіе, — до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до квинты внизъ отъ начальнаго звука. Найдя голосомъ квинту, онъ этимъ устанавливаетъ для себя строй, въ которомъ и начинаетъ затѣмъ играть мелодію. Выдающіеся артисты берутъ названный интервалъ весьма чисто, присоединяя сюда силу или могучесть тона; второстепенные музыканты находятъ эту квинту не всегда успѣшно и могутъ довольствоваться приблизительною вѣрностью ея.

Звуки курая вообще тихіе, такъ что въ шумномъ обществѣ ихъ не слышно почти, и другіе инструменты, напримѣръ, скрипка или гармонія заглушаютъ его. У хорошаго игрока игра на этомъ инструментѣ, несмотря на тихіе тоны, пріобрѣтаетъ относительную силу и величественность. Инструментальную мелодію играющіе почти постоянно сопровождаютъ, по обычаю восточныхъ народовъ, неизмѣннымъ горловымъ звукомъ гнусящаго характера, представляющимъ вышеупомянутую квинту (то есть основной тонъ), точно органнымъ пунктомъ или педалью. Такое добавленіе кажется для европейскаго уха непріятнымъ, совсѣмъ лишнимъ, нарушающимъ обаяніе мелодичности мотивовъ. Но Башкирамъ это обыкновеніе видимо нравится, если судить по общераспространенности его.

Относительное богатство фантазіи Башкиръ подтверждается еще тѣмъ, что по поводу почти каждой инструментальной мелодіи или пѣсни, по крайней мѣрѣ въ моей практикѣ, они сообщали какое-нибудь сказаніе или легенду, такъ что у нихъ можно было бы найти большой циклъ всевозможныхъ сказаній и миѳовъ.

Существуетъ еще особое искусство — такъ называемая *игра горломъ*, состоящая въ слѣдующемъ. Башкиръ-артистъ беретъ горломъ извѣстный

звукъ и тянетъ его непрерывно; на фонѣ этого звука онъ маленькимъ язычкомъ (по увѣреніямъ самихъ Башкиръ) наигрываетъ свои оригинальныя мелодіи; такимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ ухитряется воспроизводить одновременно два звука. Впечатлѣніе отъ подобнаго рода искусства получается весьма своеобразное и нѣсколько странное. Фонъ, т. е. неизмѣнная нота, имѣетъ немного гнусящій характеръ; звуки, воспроизводимые маленькимъ язычкомъ, напоминаютъ звуки баульчика или дѣтскаго органчика; они слабы и слышны среди лишь полной тишины. Артисты, играющіе горломъ, встрѣчаются довольно рѣдко, такъ какъ это искусство трудное.

На ряду съ артистами-мужчинами подвизаются женщины — исполнительницы и сочинительницы. Такъ въ дер. Темясовой, Орскаго уѣзда, мнѣ называли нѣкую Гульдиганъ, бабу, играющую на кураѣ; одна изъ инструментальныхъ мелодій (см. № 136) называется Зарифа́ по имени самой сочинительницы этой мелодіи, большой плясуньи; она жила въ дер. Кушеевой, Тамьяно-тангаурской волости, отбилась отъ своего мужа и вела вольную, веселую жизнь, пѣла, сочиняла свои пѣсни.

Башкиры раздѣляютъ свои пѣсни и мелодіи по характеру послѣднихъ на два класса:

1) на протяжныя, проголосныя — кӯjlап, а также ҷер (см. № 159—187), что значитъ пѣсня настоящая, какъ слѣдуетъ, противоположность которымъ составляютъ

2) скорыя, легкія пѣсни — ҷеңғылкуj (соотвѣтствующія татарскимъ такмакамъ; №№ 188—194).

По характеру сюжетовъ, которымъ посвящены мелодіи, онѣ дѣлятся на нѣсколько разрядовъ:

Разрядъ А) мелодіи въ честь героевъ и выдающихся личностей (см. №№ 65—101, 159, 162, 164, 169—181 и пр.).

Б) Мелодіи, воспѣвающія красоты природы: горы, рѣки и пр., а также животныхъ (см. №№ 102—111, 163, 165, 167, 189).

В) Звукоподражательныя мелодіи (подражаніе пѣнію птицъ, см. №№ 112—118).

Г) Плясовыя мелодіи (біукуj, см. №№ 128—152).

Д) Мелодіи другихъ народовъ: Русскихъ, Татаръ въ передѣлкѣ Башкиръ (№№ 153—158, 191—195).

Что касается мелодій въ честь героевъ и выдающихся личностей, то онѣ воспѣваютъ преимущественно такъ называемыхъ кантонныхъ начальниковъ, башкирскихъ правителей въ эпоху кантоннаго устройства Башкиръ, существовавшаго въ нынѣшнемъ столѣтіи до 1862 г.; кантонные начальники были почти неограниченными правителями Башкиръ, назначались русской властью, держали себя недоступно, окружали себя богатою обстанов-

кой и многочисленною свитою (изъ конныхъ Башкиръ) при выѣздахъ; чуть ли не всѣ кантонные начальники увѣковѣчены въ башкирскихъ мелодіяхъ и пѣсняхъ; кантонныхъ начальниковъ смѣнили при отмѣнѣ кантоннаго устройства волостные старшины, также ставшіе героями башкирскихъ пѣсенъ; они уже были лишены помпы и власти кантонныхъ начальниковъ, сами были въ зависимости отъ общества, такъ какъ назначались по выборамъ на сходахъ; если кантонные начальники чуть ли не обязательно воспѣвались въ пѣсняхъ, то изъ старшинъ попадали въ пѣсни лишь выдающіеся и дѣйствительно обращавшіе на себя вниманіе народа; затѣмъ пѣсни упоминаютъ героевъ болѣе или менѣе далекой старины, имѣвшихъ прикосновеніе къ большимъ историческимъ событіямъ. Такъ мелодія № 65 посвящена памяти Калматая — храбраго воина, башкирскаго дворянина, отличавшагося во французскую войну (вѣроятно 1812 — 13 гг.). Она любопытна въ ритмическомъ отношеніи, легко дѣлится на такты въ 3 и 5 четвертей, кончается на доминантѣ, чтобы перейти къ началу, производитъ впечатлѣніе архаичности и большой оригинальности. Или мелодія № 85—86 воспѣваетъ Салаватъ-Батыря—богатыря 27 кантона Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ., отстаивавшаго для Башкиръ казачье положеніе. Если мы обратимся къ историческимъ даннымъ, касающимся Башкиріи, то находимъ, что въ эпоху Пугачевскаго бунта, въ которомъ Башкиры принимали большое участіе, видную роль игралъ нѣкій башкиръ Салаватъ Юлаевъ дѣйствительно въ Уфимской губ. (и частью въ Пермской), ревностный помощникъ Пугачева, въ угоду которому онъ всюду вводилъ казачье устройство. Пѣсня, можетъ быть, имѣетъ въ виду этого именно героя.

Мелодія № 68 связана съ именемъ Киньжавая; она по характеру похожа на европейскія.

Любопытна мелодія № 73, посвященная памяти Бурамбая — старшины 1-й Бурзянской волости, одна изъ самыхъ любимыхъ у Башкиръ; отличается большою характерностью и имѣетъ параллельную себѣ пѣсню. О Бурамбаѣ, родственниковъ котораго я встрѣтилъ во время разъѣздовъ по Башкиріи, Башкиры передаютъ цѣлое трогательное сказаніе (см. пѣсню № 172).

Есть нѣсколько мелодій и пѣсенъ, отмѣченныхъ женскими именами. Напр., мелодія № 97 Хары-сăс (рыжіе волоса); отличается извѣстною изысканностью и сложностью въ своемъ рисункѣ.

Или пѣсня № 183, носящая женскія имена Анжокай-Юлдыкай, связана съ цѣлымъ разсказомъ о происшествіи съ этими женщинами и ихъ сестрами.

Мелодіи, отнесенныя мною въ группу Б (№№ 102—111 и пр.), воспѣваютъ красоты природы: рѣки, горы; такъ мелодія № 102 составлена

въ честь крутой горы на уфимскомъ трактѣ Артылышъ. Она отличается своеобразностью и шириною интерваловъ, черезъ рядъ немногихъ нотъ двигаясь въ области цѣлой дуодецимы, какъ бы выражая широкими интервалами трудность подъема на крутую гору. Здѣсь можно видѣть попытку рисовать звуками, зародышъ, изъ котораго при дальнѣйшемъ развитіи возникаетъ такъ называемая програмная музыка.

Мелодія № 103 прославляетъ другую гору — Курташъ, довольно высокую, въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ близъ дер. Казаккуловой. Эта мелодія поется и на текстъ (см. № 189).

Нѣсколько мелодій названы именами животныхъ: напр., мелодія № 107 — Бурьтатъ (прекрасная старая лошадь, похороненная съ почестями во время взятія Казани). Любопытенъ 2-й варіантъ (№ 109).

Мелодія № 110 называется Кара jурга (карій иноходецъ) и связана съ цѣлымъ разсказомъ; въ первыхъ тактахъ ея обращаетъ вниманіе совмѣстное появленіе тоновъ *си* и *си* b; небезъинтересенъ ея варіантъ № 111. Эта мелодія является доказательствомъ большой древности нѣкоторыхъ башкирскихъ пѣсенъ и мелодій. Эту самую мелодію (по крайней мѣрѣ пѣснь подъ тѣмъ же самымъ названіемъ) слышалъ сто лѣтъ тому назадъ и упомянулъ о ней одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ путешественниковъ XVIII в. академикъ и медицины докторъ Иванъ Лепехинъ въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ путешествія по разнымъ провинціямъ россійскаго государства», путешествовавшій въ 1770 г. по Уралу, между прочимъ по тѣмъ самымъ горамъ и волостямъ башкирскимъ, гдѣ и мнѣ привелось быть. Вотъ его упоминаніе о названной пѣснѣ (Вторая часть Дневныхъ Записокъ путешествія академика и медицины доктора Ивана Лепехина. Въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1802 г. Вторымъ тисненіемъ. Стр. 113—114) (см. пѣсню 110):

«Башкирцы, повидимому, желая намъ показать всѣ свои увеселенія, представили и вокальную музыку. Старикъ лѣтъ въ 60 за лучшаго у нихъ тогда пѣуна почитался, котораго, правду сказать, и мы не безъ удовольствія слушали. Намъ не столь пріятенъ былъ дубовый его голосъ, какъ тѣлодвиженія. Онъ пѣлъ славныя дѣла своихъ предковъ, которыхъ они батырями называютъ, между коими Алдаръ, Кары Сакалъ, Кильмятъ, Кучимъ и проч. были первенствующіе. Пѣунъ нашъ припѣвалъ не только все ихъ жизни достопамятное; но голосомъ и тѣлодвиженіями выражалъ всѣ ихъ дѣйствія, какъ они увѣщали своихъ товарищей, какъ выступали въ бой, какъ поражали противниковъ, какъ обремененные ранами ослабевали и послѣдній изпускали духъ. Все сіе такъ живо выражалъ старикъ, что многіе изъ собесѣдниковъ плакали. Но вдругъ печаль перемѣнилась на радость, какъ старикъ, взявши на себя веселой видъ, запѣлъ пѣсню называемую

Карай юрга (карей иноходецъ). Пѣсня сія у нихъ за самую веселую почитается. Старикъ, припѣвая сію пѣснь, ударилъ и въ три ноги: и тогда открылся Башкирскій балъ. Въ пляскѣ своей Башкирцы много кобенятся, и стараются такъ же тѣлодвиженіемъ выражать слова въ пѣсни содержащіяся».

Мелодіи №№ 112 — 118 представляютъ образцы звукоподражательнаго искусства Башкиръ, довольно развитаго у нихъ. Оно искони существуетъ у нихъ и еще въ прошломъ столѣтіи обратило вниманіе того же самаго академика Лепехина, который, упомянувъ о пѣснѣ карай юрга, непосредственно продолжаетъ: «по окончаніи бала завели они (Башкиры) другое, что можно назвать передражниваніемъ. Они голосомъ своимъ подражали крику какъ звѣрей, такъ и разныхъ птицъ, и такъ удачливо, что съ трудностію распознать можно было крикъ настоящей птицы отъ Башкирскаго». (Вторая часть «Дневныхъ Записокъ», изд. 1802 г., стр. 114).

Во время моихъ разъѣздовъ по Орскому уѣзду въ деревнѣ Темясовой, 2-ой Бурзянской волости, мнѣ сообщили, что въ этой деревнѣ живетъ башкиръ Мансурка, умѣющій изображать, какъ поютъ различныя птицы. По моему желанію башкира этого отыскали и привели въ домъ, гдѣ я остановился. Я увидѣлъ башкира страннаго вида, съ придурковатой физіономіей, застѣнчиво улыбающагося и косящаго глазами. Въ деревнѣ онъ слылъ за дурачка и имѣлъ только одно занятіе—былъ ночнымъ караульщикомъ.

На мою просьбу изобразить, какъ поютъ птицы, онъ широко улыбнулся и законфузился было, но, побуждаемый присутствовавшими, оправился и сталъ показывать свое искусство. Началъ онъ съ изображенія *пѣнія лебедя:* послышались странные по тембру и своеобразные звуки, глухіе и слегка гнусящіе въ силу того, что исполнитель воспроизводилъ ихъ съ закрытымъ ртомъ и въ носъ; при этомъ ясно слышалась мелодія (см. № 112; она иногда расширялась вставкою послѣ перваго такта такихъ же фигуръ, какъ въ послѣднемъ тактѣ). Затѣмъ Мансурка, онъ же Мансуръ Гулубуевъ, сильно улыбаясь подъ впечатлѣніемъ общихъ одобреній, изобразилъ, какъ воркуютъ голуби; то, что́ онъ воспроизвелъ при этомъ, можетъ быть передано слѣдующими буквами: *дрь, дрь* (небольшая пауза) *у у у;* послѣднія буквы башкиръ произносилъ нѣсколько глухо; при этомъ имѣлъ значеніе также самый тембръ. Далѣе артистъ показывалъ, какъ свиститъ и трещитъ одна полевая птица, кажется, стрепетъ. Эти послѣдніе звуки уже трудно передать на бумагѣ.

Нашъ артистъ, получивъ гонораръ за свое искусство, выказалъ на своей физіономіи большую радость и удовольствіе и добровольно началъ повторять свой немногочисленный репертуаръ, а затѣмъ вечеромъ, явившись для исполненія обязанностей караульщика къ сосѣднему дому, часто

подходилъ къ окнамъ дома, гдѣ я остановился, и много разъ пѣлъ и ворковалъ по птичьему, будучи видимо польщенъ тѣмъ, что его искусствомъ заинтересовались. Я вовсе не слышалъ, чтобы этотъ своеобразный артистъ разговаривалъ, а встрѣчаясь со мною въ другіе дни на улицѣ или площади, вмѣсто всякаго привѣтствія, улыбаясь, пѣлъ неожиданно по лебединому или ворковалъ по голубиному, и въ этомъ выражалось его привѣтствіе. Впечатлѣніе отъ этого своеобразнаго искусства въ связи съ обстановкой, при которой приходилось его слышать, было крайне оригинально и интересно.

Въ другихъ мѣстахъ я слышалъ инструментальныя мелодіи (исполняемыя на кураѣ), имѣющія цѣлью подражаніе *куkованію кукушки:* такъ въ дер. Ташбулатовой, Верхнеуральскаго уѣзда, дудочникъ (курайсы) Магафуръ Каракаевъ игралъ мнѣ такъ называемый *какукъ* (кукушка см. № 113).

Въ Орскомъ уѣздѣ я слышалъ любопытные варіанты (см. №№ 114 и 115). Эти мелодіи относятся также къ разряду плясовыхъ пѣсенъ — біукуj, и подъ нихъ иногда пляшутъ, подражая движеніямъ кукушки.

Въ Кананикольскомъ уѣздѣ, Орскаго уѣзда, я записалъ съ игры крещенаго башкира Ивана Лукманова мелодію подъ названіемъ Сыңраутурно (см. № 118), подражающую пѣнію какихъ-то особенныхъ журавлей бѣлаго цвѣта; по догадкамъ русскихъ эти особенные журавли или аисты или другая какая-нибудь птица, прилетающая, быть можетъ, изъ Индіи на Уралъ, когда бываютъ особенно жаркія и сухія лѣта и въ силу этого плохой урожай, такъ что появленіе этихъ птицъ совпадаетъ съ народнымъ бѣдствіемъ и порождаетъ суевѣрное отношеніе къ нему народа. Мелодія № 117 носитъ то же названіе, хотя звукоподражательности въ ней меньше; зато она останавливаетъ вниманіе сплою выраженнаго въ ней настроенія при помощи одного простаго мелодическаго оборота, варіируемаго при повтореніяхъ. Отъ этой мелодіи вѣетъ какою-то трудноуловимой грустной и вмѣстѣ трогательной поэзіей; это — одна изъ немногихъ минорныхъ башкирскихъ мелодій.

Мелодія № 116 называется Будäнä (перепелка); непосредственной звукоподражательности въ ней мало.

Обращаетъ на себя вниманіе мелодія № 123 — Заjа туlак — своимъ точно европейскимъ складомъ и изящной выдержанностью.

Что касается плясовыхъ мелодій — біукуj (№№ 128 — 152), то онѣ всѣ имѣютъ соотвѣтственный танцовальный характеръ и нѣкоторыя изъ нихъ очень своеобразны.

Пляску № 128 Сукмуjул (густая черемуха) слѣдуетъ отличать отъ пѣсни того же названія (см. мелодію № 94).

Въ мелодіи № 129 среднее колѣно по характеру напоминаетъ русскія

народныя пѣсни, а послѣднее напрашивается на сближеніе съ персидскимъ хоромъ изъ оперы «Русланъ и Людмила».

Характерна мелодія № 134 — Карабаевъ.

Мелодіи №№ 137, 138, 140 представляютъ образцы собственнаго сочинительства дудочниковъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло.

Подъ вліяніемъ, вѣроятно, военной музыки, наслышавшись военныхъ маршей, Башкиры сочиняютъ собственные марши (см. №№ 148—152), въ которыхъ болѣе или менѣе замѣтно русское вліяніе. Такъ мелодія №№ 149 называется «Перовскій маршъ» (иначе «какъ брали Казань»). Въ первомъ колѣнѣ чувствуется вліяніе русскихъ полковыхъ маршей. Я встрѣтилъ мнѣніе, по которому маршъ этотъ русскаго происхожденія и относится къ эпохѣ 1812 — 13 гг., когда Башкиры принимали съ Русскими участіе въ походахъ противъ Наполеона. Любопытенъ варіантъ № 150.

Интересенъ въ отношеніи распространенія вліянія русской культуры на инородцевъ отдѣлъ мелодій (№№ 153 — 158), являющихся башкирской переработкой русскихъ пѣсенныхъ мелодій. Они переняли отъ Русскихъ «Чижика», «Казачка» (Башкиры произносятъ Казáчку), «Барыню» (баріна), «Косарей» (косары), «Якъ за гаемъ гаемъ», «Вдоль до по рѣчкѣ» и другія пѣсни. Такимъ образомъ русское вліяніе проникаетъ и въ среду горныхъ Башкиръ, повидимому защищенныхъ малодоступными горами; но это вліяніе еще весьма незначительно сравнительно съ его распространенностью среди степныхъ Башкиръ Уфимской губ.

Что касается вокальной музыки, т. е. пѣсенъ, то съ мелодической стороны башкирскія пѣсни вообще длиннѣе татарскихъ и часто бываютъ безъ припѣва.

Башкиры такъ же, какъ и Татары, имѣютъ обыкновеніе начинать пѣніе запѣвомъ на куплеты, лишенные смысла. На подобный текстъ записана мною мелодія № 128, представляющая образецъ проголосныхъ башкирскихъ пѣсенъ (кўjlап или џер).

Образцомъ скорыхъ пѣсенъ (џенҕыl-куj) можетъ служить пѣсня № 189 или 190.

Пѣть Башкиры любятъ особенно по вечерамъ въ лунныя ночи, но не затягиваютъ этого удовольствія слишкомъ долго, отходя ко сну значительно раньше полуночи, и только въ исключительныхъ случаяхъ: на празднествахъ, свадьбахъ и т. п. ихъ бодрствованіе и пѣніе продолжается за полночь, и изъ кошей далеко по горамъ разносятся полные мечтательности звуки башкирскихъ пѣсенъ, прерываемыхъ инструментальной музыкой на кураѣ.

Иногда Башкиры соединяютъ пѣніе съ игрой на инструментахъ. Башкиры, какъ и другіе инородцы, поютъ больше въ одиночку: хоровое упи-

сонное пѣніе, говорятъ, практикуется у нихъ чаще зимою на вечеринкахъ, свадьбахъ и т. п.

Что касается содержанія башкирскихъ пѣсенъ, то въ нихъ встрѣчаются приблизительно слѣдующія темы:

Случаи изъ жизни—смерть или убійство; дѣвицы—отрѣзанный ломоть, смотрятъ на сторону; сердце горячо въ свое время, а когда пройдетъ время, никуда не годится;

Счастье отъ Бога, а не отъ денегъ и не отъ ума; значеніе судьбы: предопредѣленія ея отвратить нельзя, раньше времени не умрешь; мытарства человѣка при жизни; гнетъ бѣдности, которая уничтожаетъ радости и веселье; любовь къ родинѣ и тоска по ней на чужбинѣ; хорошая жизнь богачей и нелюбовь къ нимъ бѣдняковъ и т. п.

Есть много пѣсенъ и на любовные сюжеты, но онѣ отличаются большей сдержанностью, чѣмъ татарскія любовныя.

Въ общемъ, въ содержаніи башкирскихъ пѣсенъ замѣтенъ элементъ житейской философіи, склонность къ философскимъ взглядамъ на вещи въ бо́льшей степени, чѣмъ у Татаръ.

Характеръ башкирскихъ мелодій, какъ я имѣлъ уже случай упомянуть, значительно отличный отъ татарскихъ.

Прежде всего онѣ внѣшне болѣе мелодичны и эффектны и дышатъ какою-то особенною ширью и размашистостью; иногда вѣетъ отъ нихъ своеобразной прелестью и чувствуется стремленіе къ чему-то неопредѣленному, мечтательному, хотя, можетъ быть, имъ недостаетъ глубины настроенія.

Характерная, бросающаяся въ глаза особенность этихъ мелодій, преимущественно инструментальныхъ, состоитъ въ употребленіи необычныхъ широкихъ интерваловъ: секстъ, септимъ, нонъ, децимъ, дуодецимъ и пр.; звукоряды ихъ обыкновенно очень большіе и переходятъ за предѣлы дуодецимъ. Въ видѣ примѣра могутъ служить очень многія мелодіи, хотя бы, напр., № 69, 70 Баjокили № 147—Сухумская. Любопытно, что башкирскимъ мелодіямъ менѣе свойственны, насколько я могу судить по своему собранію, украшенія въ восточномъ вкусѣ: фіоритуры и пр., ихъ ритмъ отличается бо́льшею ровностью, чѣмъ въ извѣстной части татарскихъ мелодій, и не очень отличается отъ ритма европейскихъ мелодій. Отъ нихъ остается впечатлѣніе вообще бо́льшей новизны, чѣмъ отъ татарскихъ, и онѣ легче допускаютъ обычную гармонизацію. Я не хочу этимъ сказать, что представленные образцы башкирскихъ пѣсенъ продуктъ новѣйшихъ европейскихъ вліяній; но, такъ или иначе, характеръ новизны въ извѣстной степени присущъ башкирскимъ мелодіямъ, хотя это не исключаетъ свойственныхъ имъ оригинальныхъ чертъ.

Сравнивая житейскіе шаги этого народа съ его поэтическою дѣятель-

постью, приходится признать, что въ первомъ отношеніи онъ ушелъ весьма недалеко и, наоборотъ, даетъ сравнительно прекрасныя доказательства во второмъ, если принять къ тому же во вниманіе большой циклъ сказокъ, пословицъ, поговорокъ, басенъ, повѣрій и т. п., который существуетъ у него и образцы котораго удалось и мнѣ собрать, но я теперь ихъ не касаюсь.

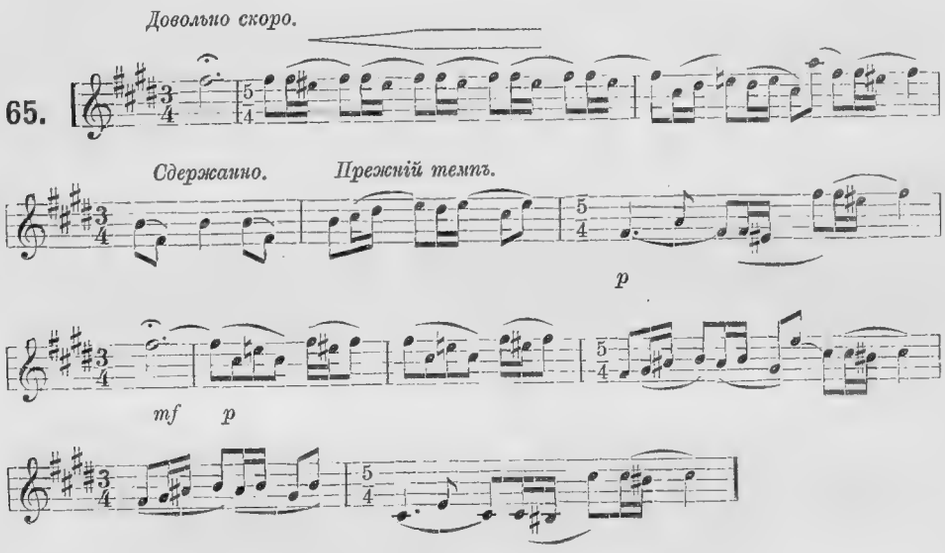
Общій выводъ относительно разсматриваемаго нами народа тотъ, что народъ этотъ болѣе художникъ, чѣмъ жизненный практикъ, въ извѣстной степени чувствующій и думающій, чуткій къ поэзіи окружающей его природы Урала, но не дѣлающій жизненный успѣховъ и неспособный отстаивать собственное благополучіе.

Инструментальныя мелодіи Башкиръ, исполняемыя на кураѣ (свирѣли).

А) Мелодіи въ честь героевъ.

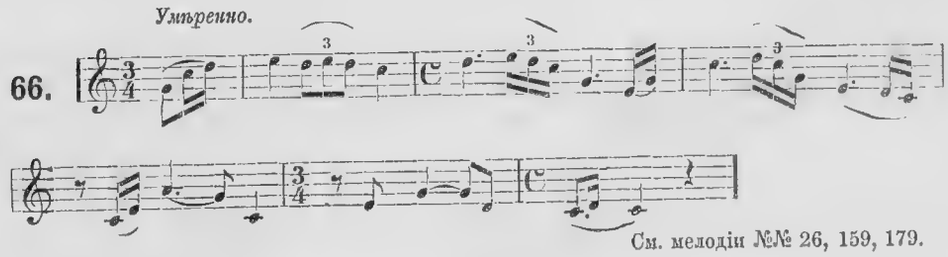
Калматај, храбрый воинъ, дворянинъ башкирскій, отличившійся во французской войнѣ (вѣроятно 1812—1813 гг.). (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.)

65.



Тафтеляу. (Тевкелевская пѣсня въ честь родственника Уфимскаго муфтія.) (Верхнеуральскаго уѣзда, д. Казаккулова.) Цер (протяжная пѣсня).

66.

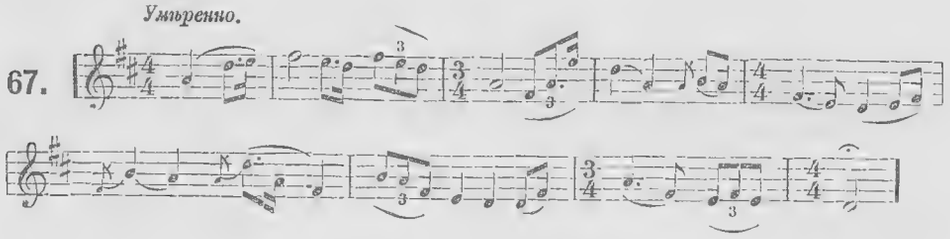


См. мелодіи №№ 26, 159, 179.

Варіантъ тафтельской пѣсни, записанный со скрипки. (Г. Верхнеуральскъ.)

Умѣренно.

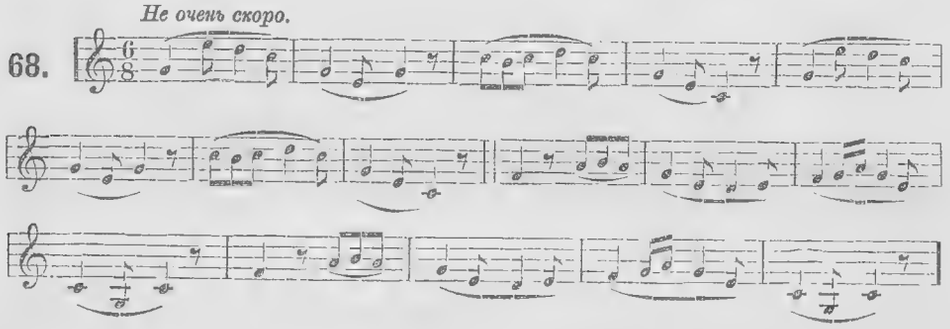
67.



Кинжавај, это былъ богатырь Башкиръ въ деревнѣ Кабагушевой, который обѣднѣлъ и въ горести нанялъ дудочника сочинить для него пѣсню. (Дер. Казаккулова.)

Не очень скоро.

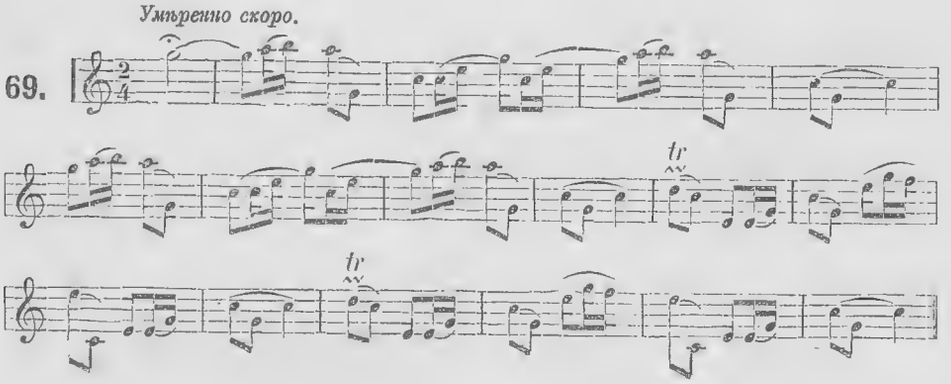
68.



Бајок. Нѣкогда плутъ, бѣжавшій дважды изъ тюрьмы и приговоренный къ повѣшенію. Предъ казнью онъ попросилъ позволенія сыграть эту пѣсню. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.)

Умѣренно скоро.

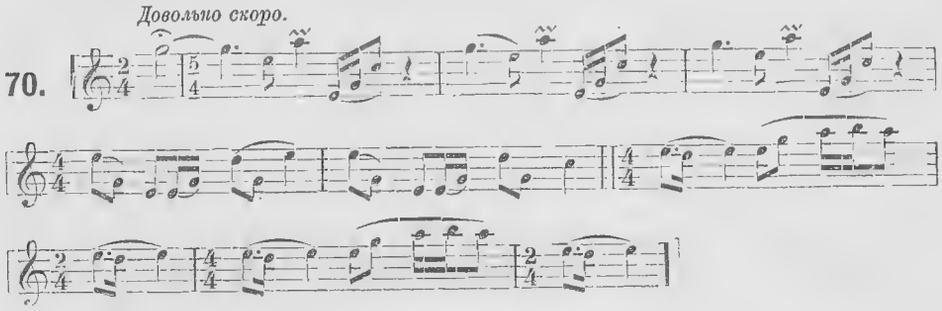
69.



Баік (или Бајок). Варіантъ, записанный въ Орскомъ уѣздѣ. Это былъ разбойникъ и богатырь, убившій продавца косъ, сосланъ въ Сибирь, а передъ ссылкою сочинилъ эту пѣсню. Давно это было. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно скоро.

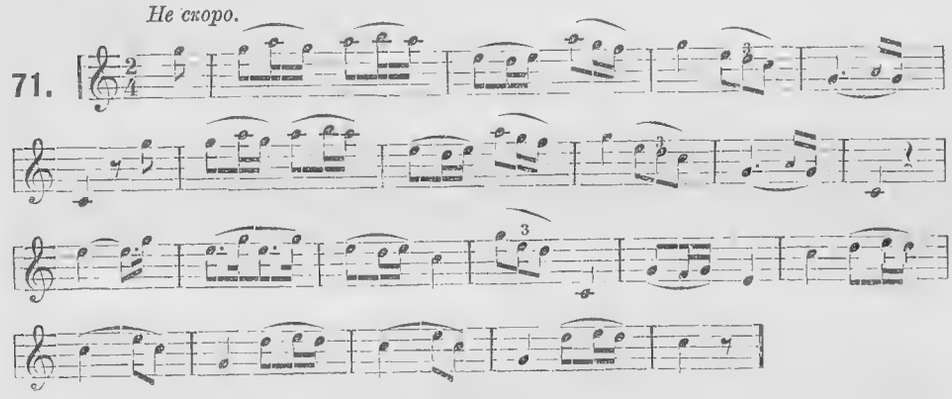
70.



Telaka, эсаулъ въ деревнѣ Карауженѣ, лѣтъ 70 тому назадъ; былъ очень храбръ и зналъ русскую грамоту въ то время, когда никто не зналъ ея среди Башкиръ, и послѣдніе вмѣнили ему въ заслугу это знаніе. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.)

Не скоро.

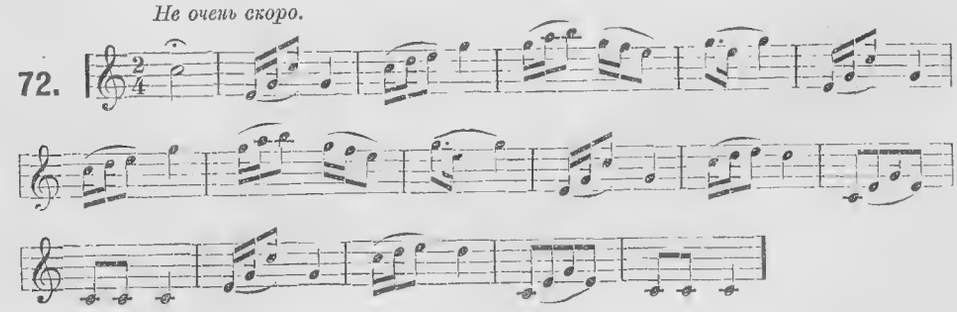
71.



Куватов, очень долго служилъ начальникомъ 1-го кантона, съ 18 лѣтъ отъ роду, при чемъ и отецъ его, Альмухаметъ, былъ кантоннымъ начальникомъ въ томъ же кантонѣ.

Не очень скоро.

72.



Варіантъ, записанный въ Орскомъ уѣздѣ.

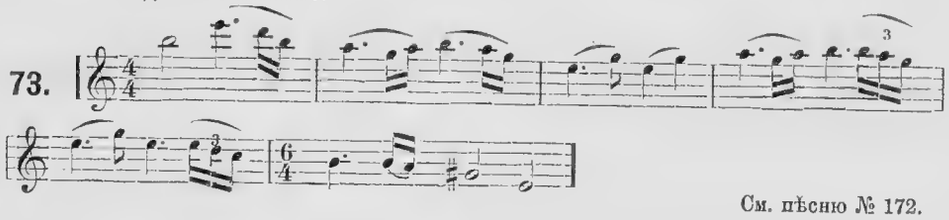
Не очень скоро.

72ª.

Бурамбай, старшина 1-й Бурзянской волости, бравшій деньги за освобожденіе отъ похода, который объявилъ какъ бы отъ имени начальства, за что былъ сосланъ въ Сибирь. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно медленно.

73.

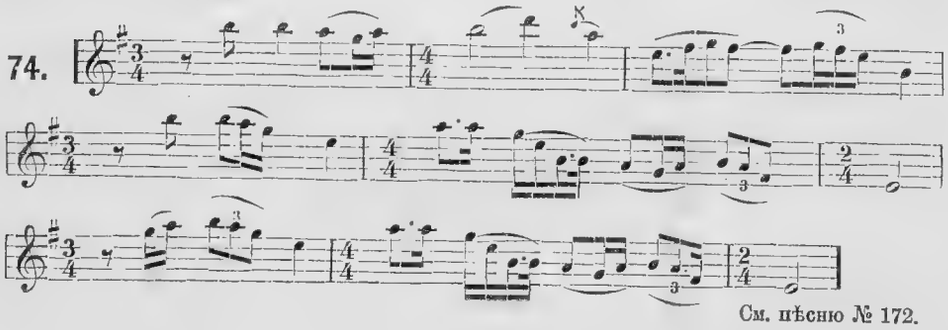


См. пѣсню № 172.

Варіантъ. (Орскаго уѣзда, Кананикольскій заводъ.)

Медленно.

74.

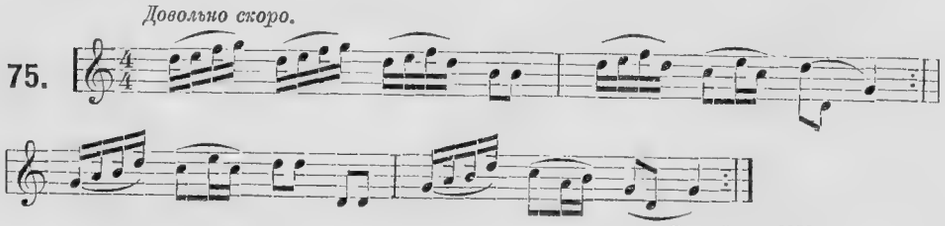


См. пѣсню № 172.

Абдрахман, первый бурзянскій кантонный начальникъ. (Орскаго уѣзда, пріискъ Горяевыхъ.)

Довольно скоро.

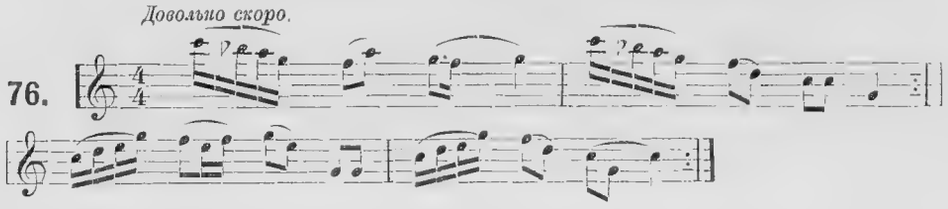
75.



См. пѣсни №№ 173—175.

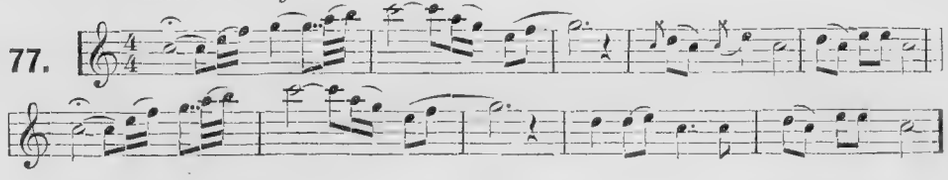
Абдрахман, 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, Кананикольскій заводъ.)

Довольно скоро.

76. 

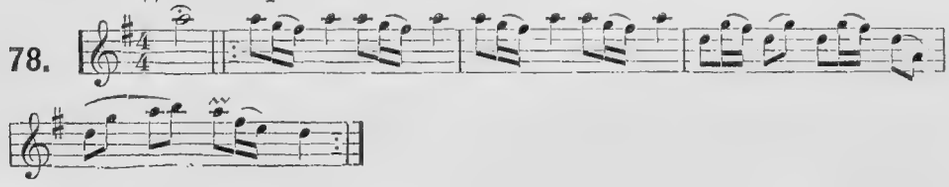
Абдрахман, 2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Медленно пѣвуче.

77. 

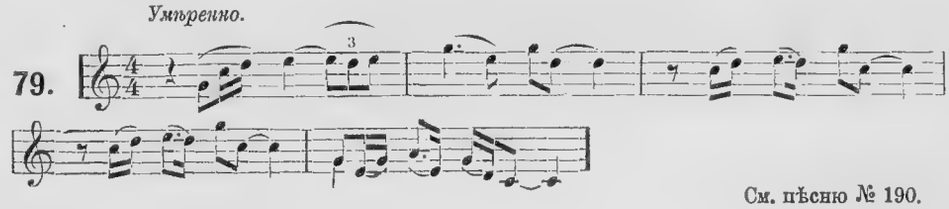
Іҙыбірдін (Іхбердін), старшина, умершій отъ водки; братъ его подарилъ лошадь дудочнику (курајсы), чтобы послѣдній сочинилъ въ честь умершаго пѣсню. Ҫенҙыл-куј (легкая, скорая пѣсня). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно скоро.

78. 

1-й варіантъ. Пѣсня Ихбердина, бывшаго старшиной 2-й Бурзянской волости; умеръ 1885 г.; отравился отъ плохого положенія дѣлъ и предъ смертью сочинилъ слѣдующую пѣсню. Ҫенҙыл-куј. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

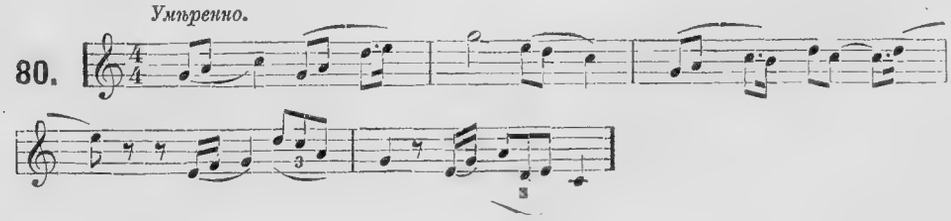
Умѣренно.

79. 

См. пѣсню № 190.

2-й варіантъ.

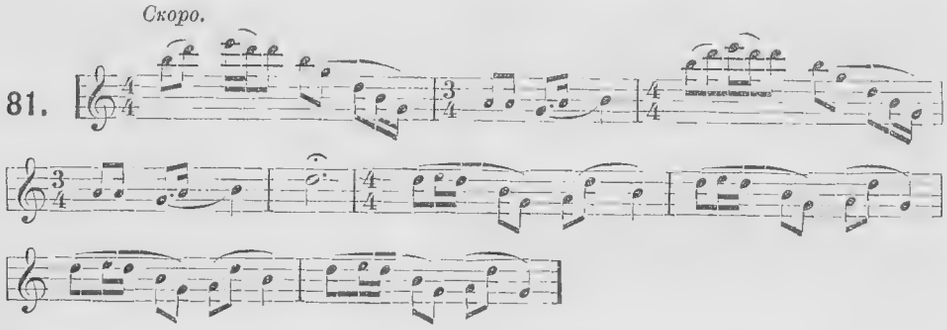
Умѣренно.

80. 

Салковскій, генералъ, командиръ бывшаго башкирскаго войска, умершій лѣтъ 40 назадъ, хорошій человѣкъ. Можетъ быть, подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть полковника Ціолковскаго, который извѣстенъ по двумъ экспедиціямъ въ степь: въ 1823 г. онъ совершилъ походъ съ 800 чел. казаковъ къ рѣкѣ Эмбѣ; въ 1824 г., лѣтомъ, полковникъ Ціолковскій съ 150 чел. уральскихъ казаковъ конвоировалъ купеческій караванъ, слѣдовавшій въ Бухару. (Изъ рукописи В. Ф. Желѣзнова «Памятка уральскаго казака»). Ценӈы-куj (легкая пѣсня). (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Скоро.

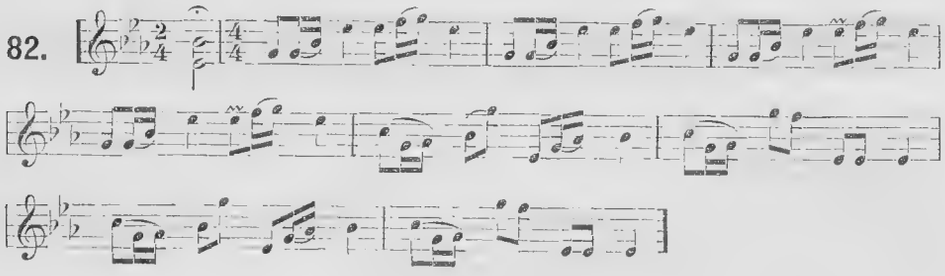
81.



Ікзаковъ, кантонный начальникъ (2-го кантона) въ деревнѣ Рахметовой, близъ г. Верхнеуральска; былъ онъ грамотенъ, красивъ, начальство его любило. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

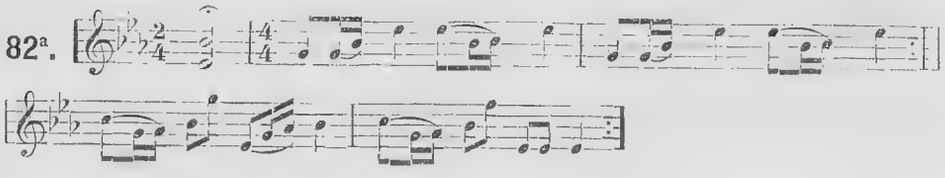
Скоро.

82.



Варіантъ.

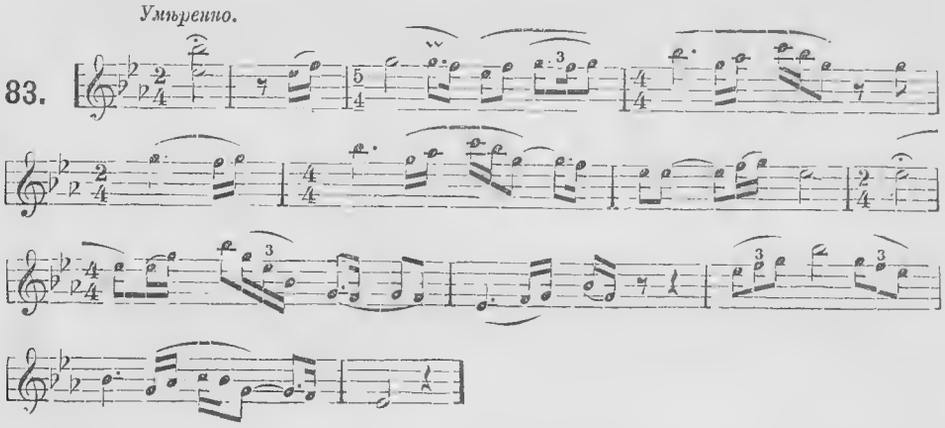
82ª.



Сибаевъ, кантонный начальникъ 2-го кантона изъ деревни Сибаевой (1-ой Бурзянской волости); по должности жилъ въ деревнѣ Рахметовой, предшественникъ Икзакова. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно.

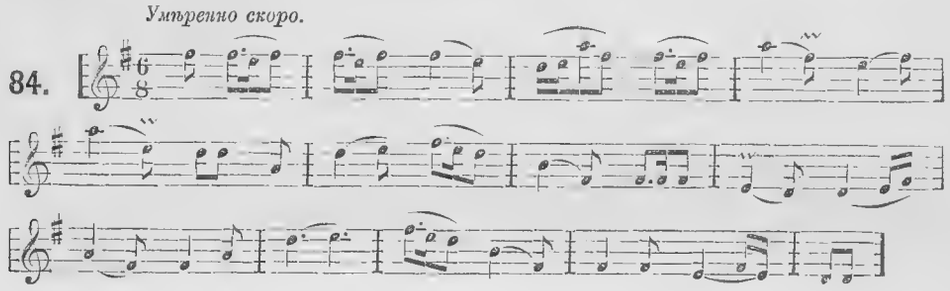
83.



Сибаевъ. Варіантъ. (Съ игры на гармоніи.) Дер. Иткулова I, Орскаго уѣзда.

Умѣренно скоро.

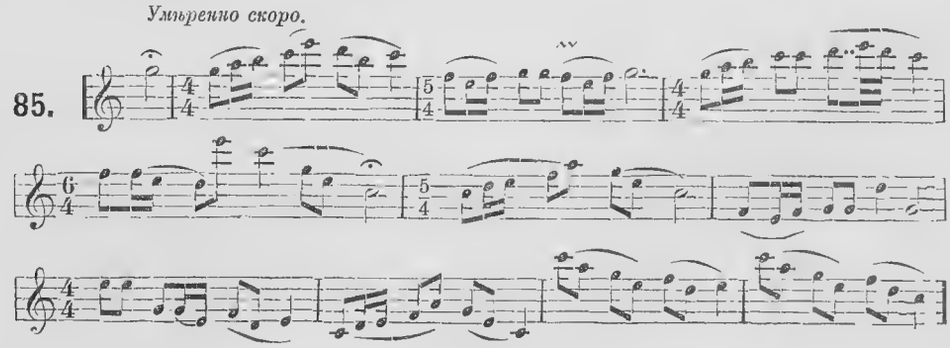
84.



Салават-батыръ, богатырь 27 кантона Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ., отстаивалъ для Башкиръ казачье положеніе. Можетъ быть, здѣсь воспѣвается ревностный сподвижникъ Пугачева, Салаватъ Юлаевъ, сильно поддерживавшій возстаніе среди Башкиръ и въ угоду Пугачеву приводившій ихъ на казачье положенье. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Умѣренно скоро.

85.



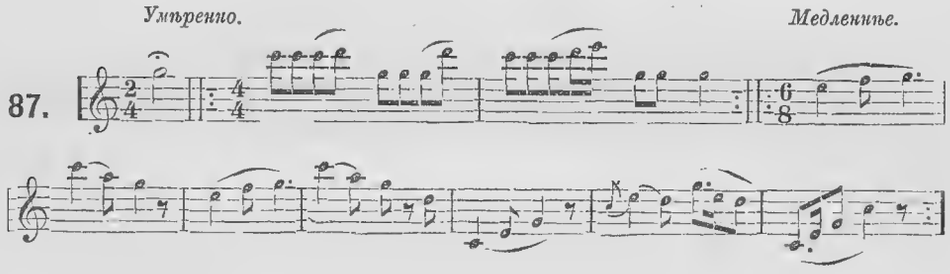
Салават-батыръ. Варіантъ. Предводитель Башкиръ во время разбоевъ Киргизъ, путешествовавшій въ пустынныхъ мѣстахъ. (Записано въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, дер. Ташбулатовой.)

Довольно медленно.

86.

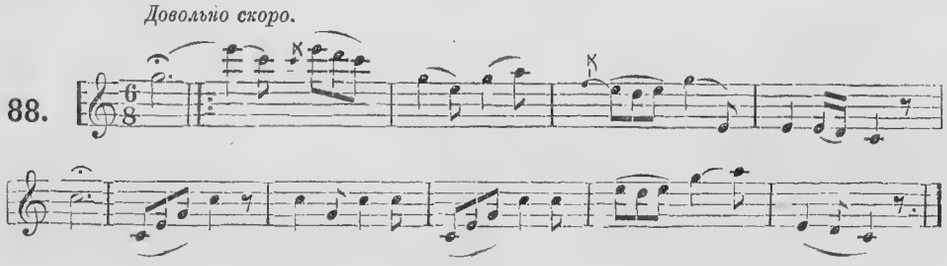
Бахтиlау, пѣсня на кураѣ въ честь генералъ-губернатора, проѣзжавшаго по Башкиріи. Жыр (пѣсня протяжная, длинная).

Умѣренно. *Медленнье.*

87. 

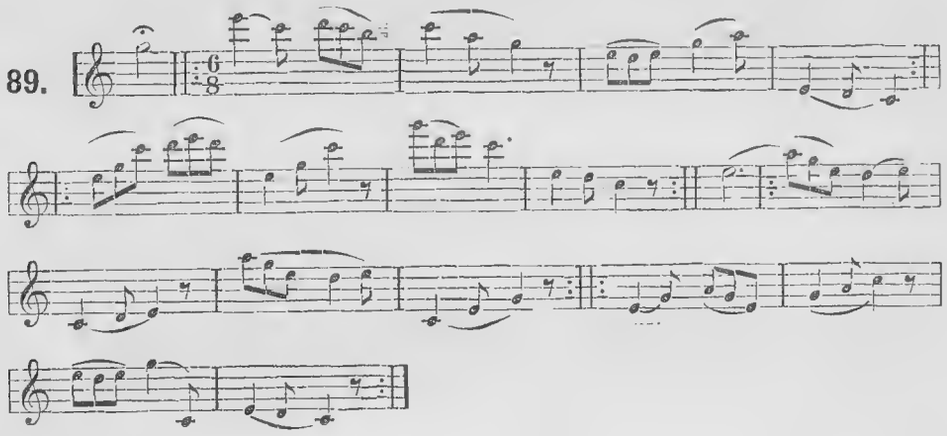
Жулты-каракъ, воръ, бѣжавшій изъ острога и Сибири, вновь сосланный въ Сибирь, гдѣ и умеръ; онъ былъ дудочникомъ и сочинилъ эту мелодію. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.) Жыр.

Довольно скоро.

88. 

Варіантъ, записанный въ Орскомъ уѣздѣ, дер. Темясова.

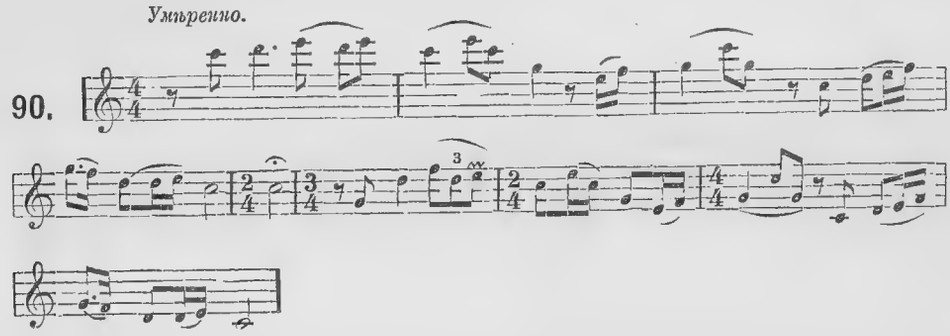
89.



Бейтъ, бродяга, 12 пудовъ вѣса, изъ-за 5-ти аршиннаго забора вытаскивалъ лошадь. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Умѣренно.

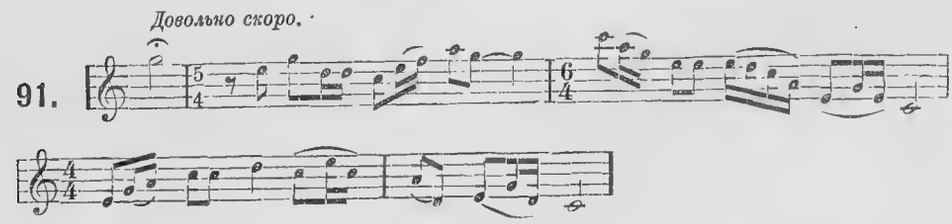
90.



Касым-тюря, былъ полковымъ командиромъ башкирскаго войска въ началѣ его существованія, отличался расторопностью и ловкостью въ дѣятельности; по зависти его отравили сулемой; передъ смертью онъ призвалъ свою мать и разсказалъ ей въ пѣснѣ про свою жизнь. Мать послѣ его смерти поминала его этой пѣснью. Жыр.

Довольно скоро.

91.



Ср. пѣсенныя мелодіи №№ 162 и 178.

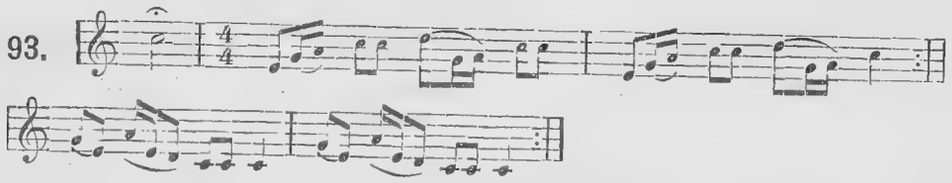
Варіантъ. Жыр.

Довольно умѣренно.

92.

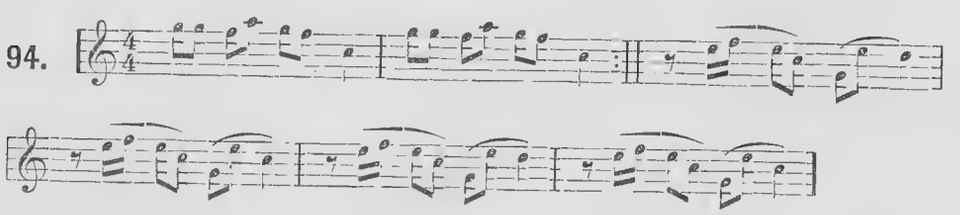
Бостакъ, башкиръ изъ деревни Баимовой, сосланный за что-то на поселеніе; когда онъ отъѣзжалъ, то посадилъ на колѣни своего сына и, прощаясь съ нимъ, качалъ его и пѣлъ эту пѣсню своего сочиненія.

93.



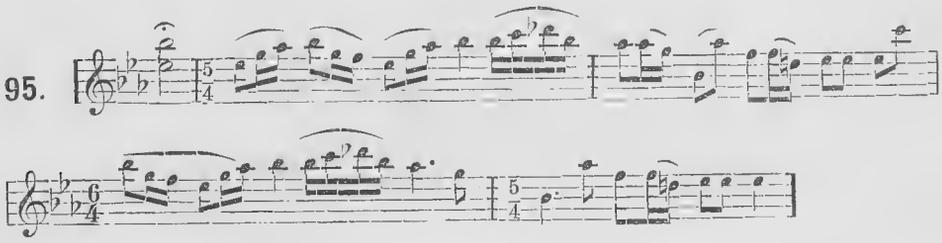
Сукмуюлъ (густая черемуха), пѣсня (Жыр) на слѣдующее сказаніе. Одинъ старикъ ухаживалъ за красивой сохой и добивался ея любви, но безуспѣшно, — соха отказывала, говоря: «ты старикъ, мнѣ тебя любить нельзя»; тогда старикъ началъ всячески притѣснять и обижать соху; послѣдняя, когда ей стало не въ терпежь, наконецъ сказала ему: «жди меня тамъ-то у камня, гдѣ растетъ черемуха». Старикъ обрадовался, осѣдлалъ свою единственную кобылу и поѣхалъ въ назначенное время къ мѣсту свиданія. Пріѣхавъ, онъ привязалъ кобылу по близости въ лѣсу, а самъ сѣлъ у камня и сталъ ждать... Ждалъ, ждалъ, соха все не приходила. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ пошелъ въ лѣсъ къ лошади, но ее тѣмъ временемъ съѣлъ волкъ!... Старикъ поахалъ, поахалъ и пошелъ пѣшкомъ домой. Такъ его соха и обманула. Цер. (Записано въ Орскомъ уѣздѣ.) (Есть пляска подъ этимъ же названіемъ см. № 128.)

94.



Заман іярмас: были 2 дудочника; одинъ изъ нихъ игралъ отлично, другой хуже. Однажды они стали играть вмѣстѣ одну и ту же мелодію; тотъ, кто игралъ получше, Аѳлятъ Таировъ, доигралъ ее до конца, а другой, игравшій хуже, *Заманъ*, не доигралъ, не успѣлъ, отсюда и названіе «Заман іярмас» — «Заманъ не успѣлъ».

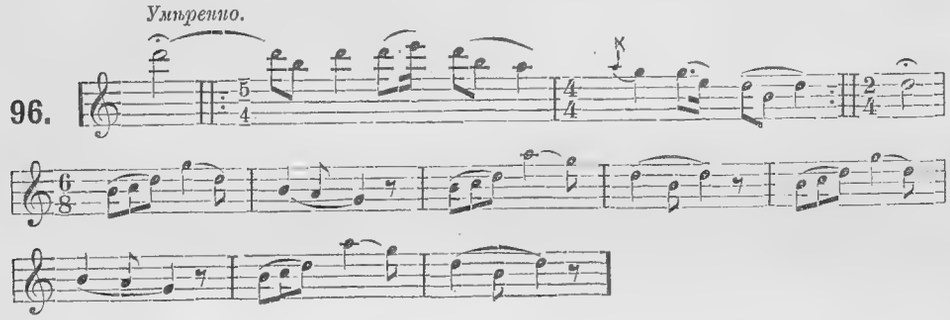
95.



Махтасўпъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно.

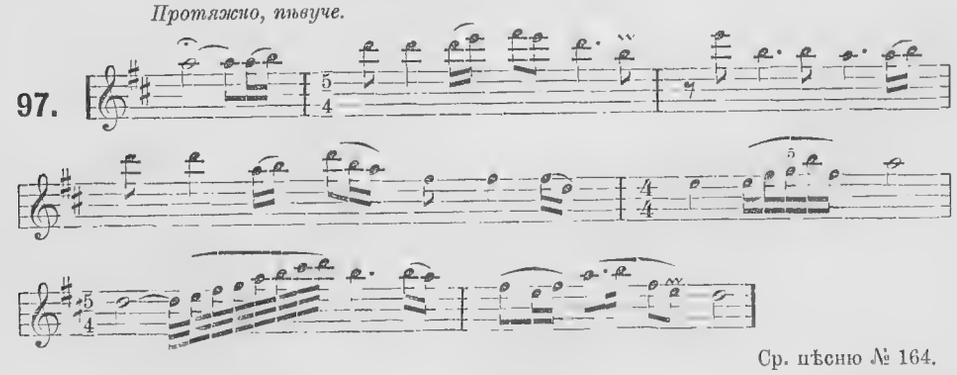
96.



Хары сäсъ (рыжіе волоса), это была дѣвка, которая убѣжала неизвѣстно куда, а была красавица; братъ ея былъ дудочникъ и сочинилъ пѣсню на потерянную сестру. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.) Цер.

Протяжно, пѣвуче.

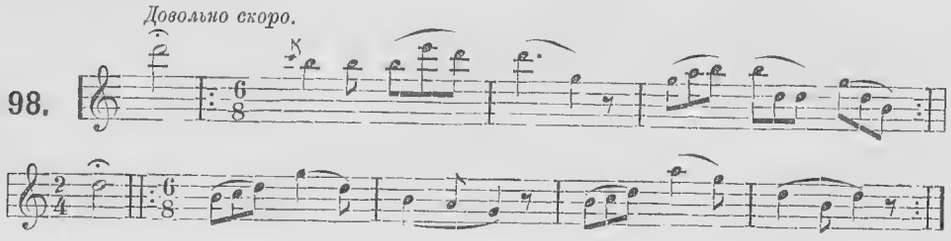
97.



Ср. пѣсню № 164.

Килипсяк, дочь богача; она была выдана замужъ за бѣдняка, у котораго и одной кобылы не было, и недовольна была своей судьбой; по этому поводу сочинила пѣсню. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно скоро.

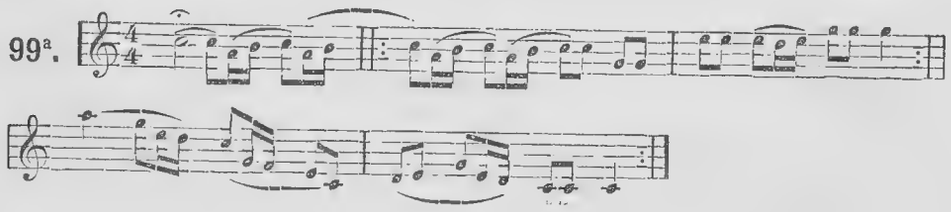
98. 

Мухипба или Алты цигит (шесть молодцовъ); они были на вечеринкѣ и веселились, возились съ Мухипбой, бабой изъ Бурзянской волости; она ненасытна была въ любви; давно это было; она сама сочинила мелодію. Ҫенҕыl -куj (скорая, легкая пѣсня). (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

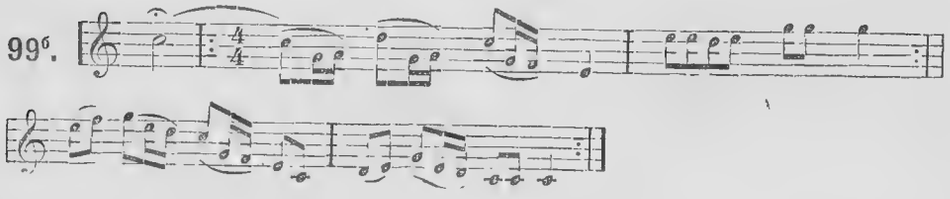
Довольно скоро.

99.

1-й варіантъ.

99ª. 

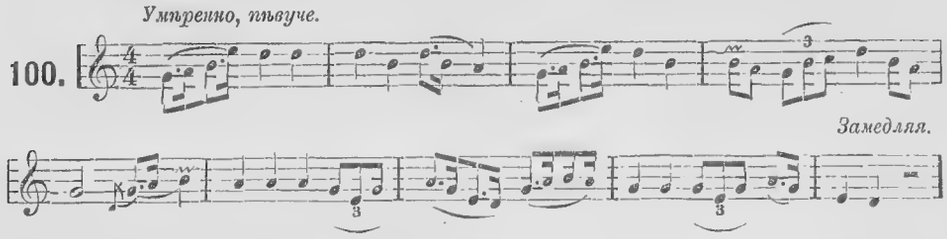
2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда.)

99б. 

Ганжемал (имя дѣвицы). (Г. Верхнеуральскъ.)

Умѣренно, плавуче.

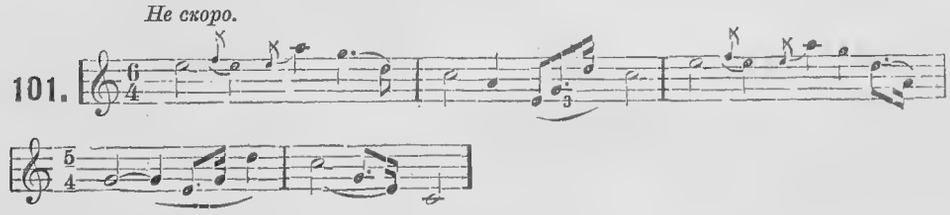
100.



Махмузя; записано въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, дер. Ташбулатовой; въ Орскомъ не встрѣчается.

Не скоро.

101.

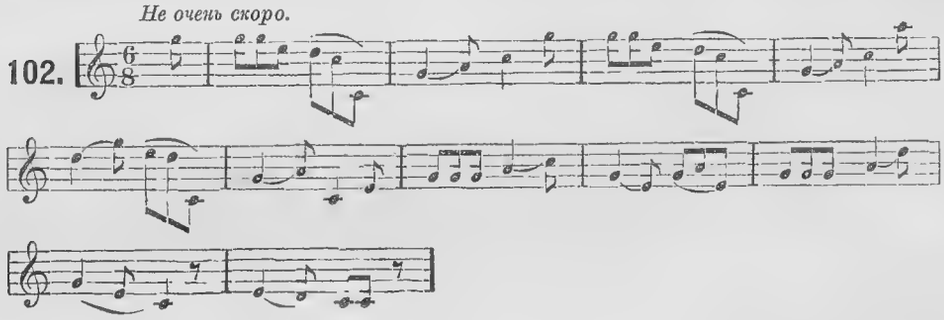


Б) Мелодіи, воспѣвающія красоты природы: горы, рѣки и пр., а также животныхъ.

Артылышъ, крутая гора на Уфимскомъ трактѣ. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Узунгулова.)

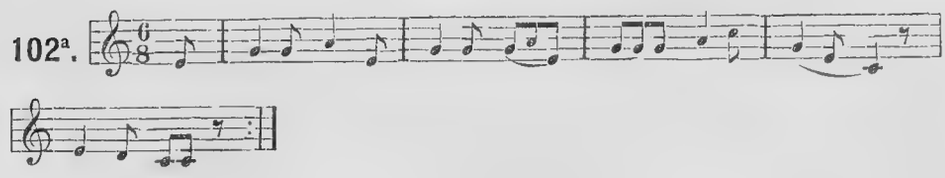
Не очень скоро.

102.



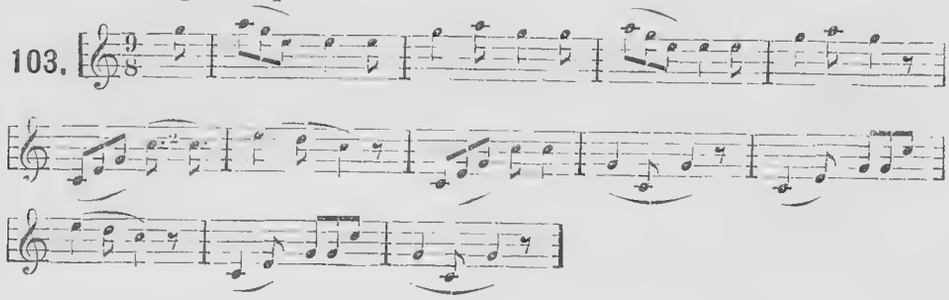
Варіантъ 2-го колѣна.

102ª.



Курташъ, высокая гора въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ близъ дер. Казаккуловой.

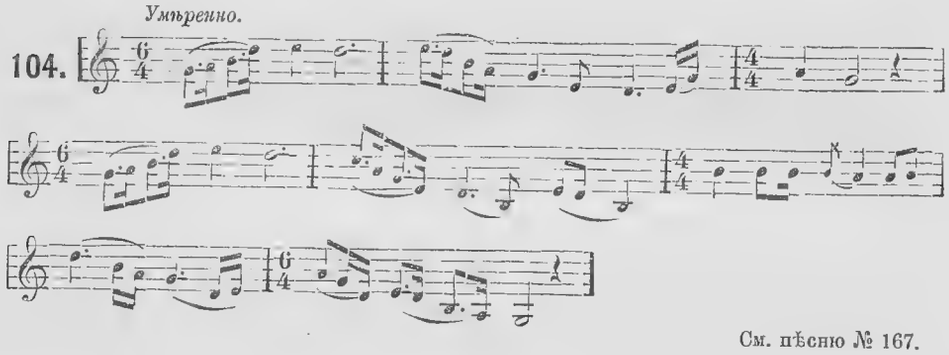
Умѣренно скоро.

103. 

См. пѣсенную мелодію № 189.

Ашкадаръ, рѣчка, впадающая въ Бѣлую ниже Стерлитамака. Башкиры поютъ пѣсню на эту мелодію, отправляясь на охоту. Жыр (протяжная пѣсня). (Орскаго уѣзда, гора Масимъ.)

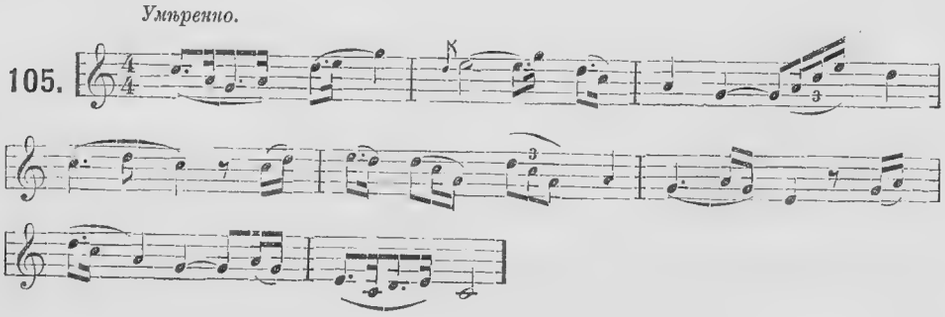
Умѣренно.

104. 

См. пѣсню № 167.

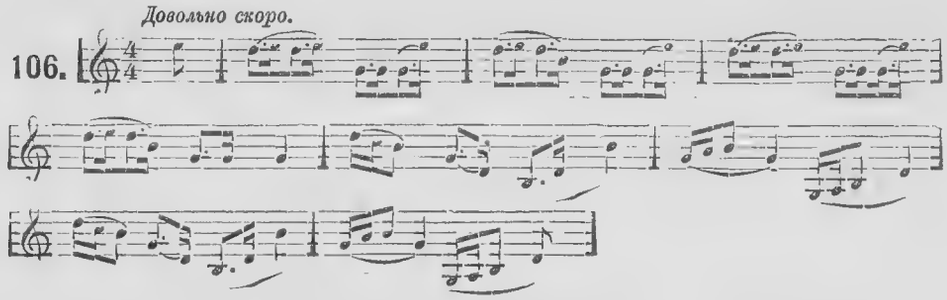
Сырдарія: Башкиры ходили служить въ Сырдарьинскую землю и сложили объ этой странѣ (и рѣкѣ) пѣсню. Давно это было. (Орскаго уѣзда, дер. Юлукъ).

Умѣренно.

105. 

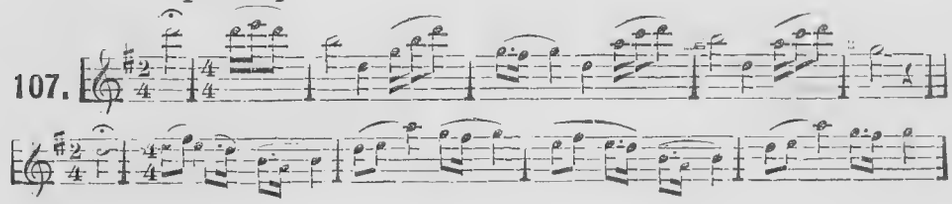
Саптар-юрга: Башкиръ ѣхалъ на прекрасной лошади и, восхищаясь ею, напѣвалъ эту мелодію безъ словъ. (Верхнеуральскій уѣздъ, дер. Ташбулатова.)

Довольно скоро.

106. 

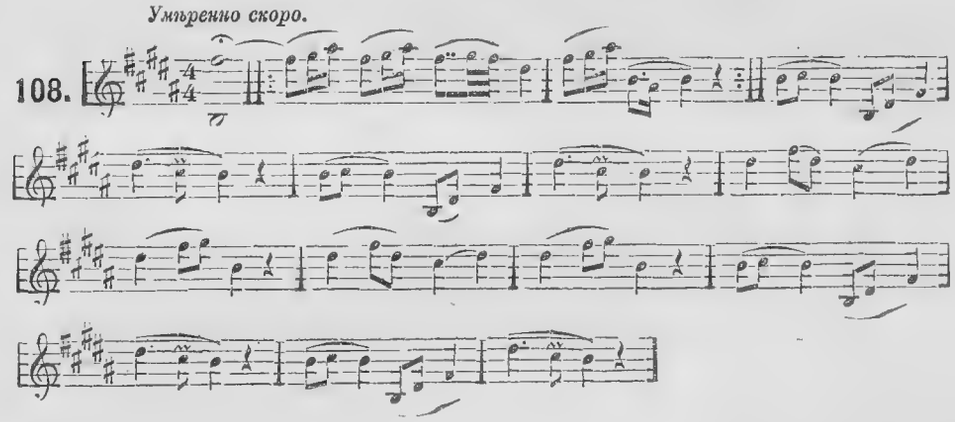
Буртатъ, это была прекрасная старая лошадь во время взятія Казани, похороненная съ почестями. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно скоро.

107. 

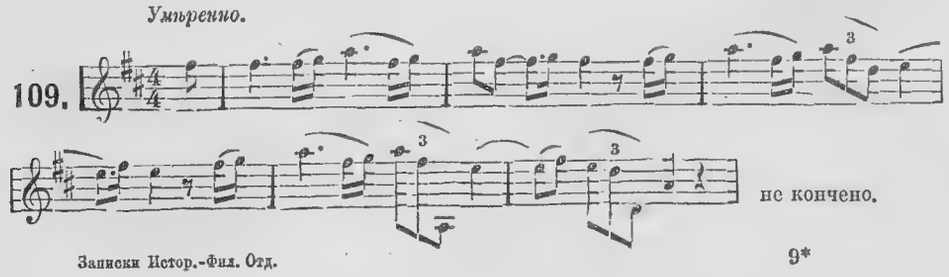
Буртатъ, 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова I.)

Умѣренно скоро.

108. 

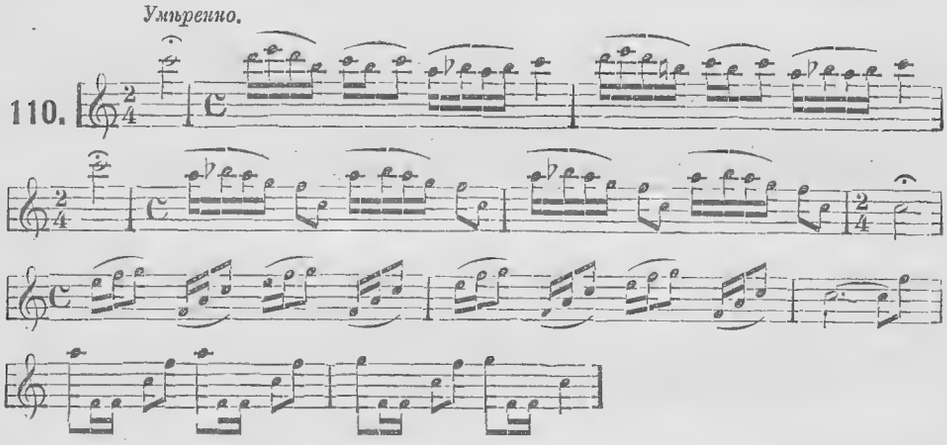
Буртатъ, 2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, пріискъ Горяевыхъ.)

Умѣренно.

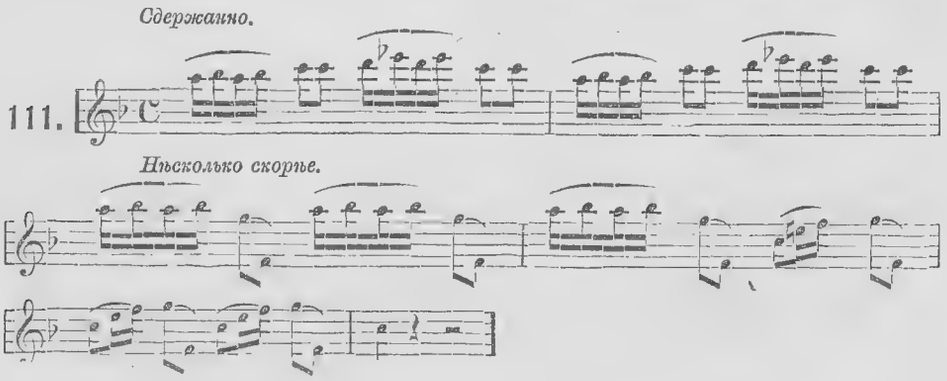
109. 

не кончено.

Кара́-юрга́ (карій иноходецъ): былъ у богатаго Башкира сынъ, который влюбился въ дѣвицу изъ другаго селенія; родители послѣдней препятствовали его влеченію и строго охраняли дочь. Тогда влюбленный обращается къ своему иноходцу и говоритъ: «карій мой иноходецъ! я осѣдлаю тебя, поѣзжай за моею невѣстой и привези ее». Иноходецъ отправляется и пріѣзжаетъ въ селеніе, гдѣ жила невѣста. Послѣдняя, увидѣвъ иноходца, стала просить у отца позволенія сѣсть на него: «Батюшка, позволь мнѣ покататься: мнѣ иноходецъ этотъ нравится», говорила она, — «сѣдло на немъ хорошее». Отецъ отвѣтилъ: «что же, покатайся». Тогда дѣвица сѣла и, проѣхавшись передъ отцомъ раза два, въ третій разъ сказала ему: «прощайте, батюшка, я больше къ вамъ не возвращусь» и уѣхала на иноходцѣ, догадавшись, что онъ былъ отъ жениха, по сѣдлу ли, или иноходецъ про то ей сказалъ, хорошенько неизвѣстно. Пѣсню подъ этимъ названіемъ слышалъ на Уралѣ въ прошломъ столѣтіи (1770 г.) академикъ Лепехинъ и упоминаетъ о ней въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ» (Орскаго уѣзда, дер. Темясова).



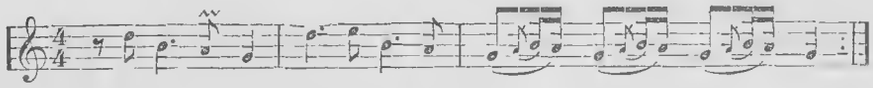
Кара-юрга. Варіантъ. (Орскаго уѣзда, Кананикольскій заводъ.)



В) Звукоподражательныя мелодіи: Орскаго уѣзда, дер. Темясова.

Лебедь.

112.

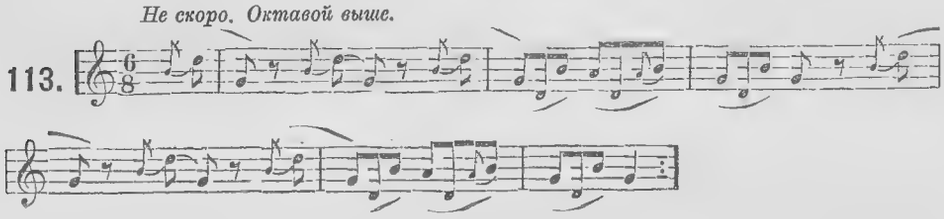


Подражаніе голубю: дрь, дрь, у, у, у.

Какук (подражаніе кукованію кукушки). Ценӈыл-куj. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

Не скоро. Октавой выше.

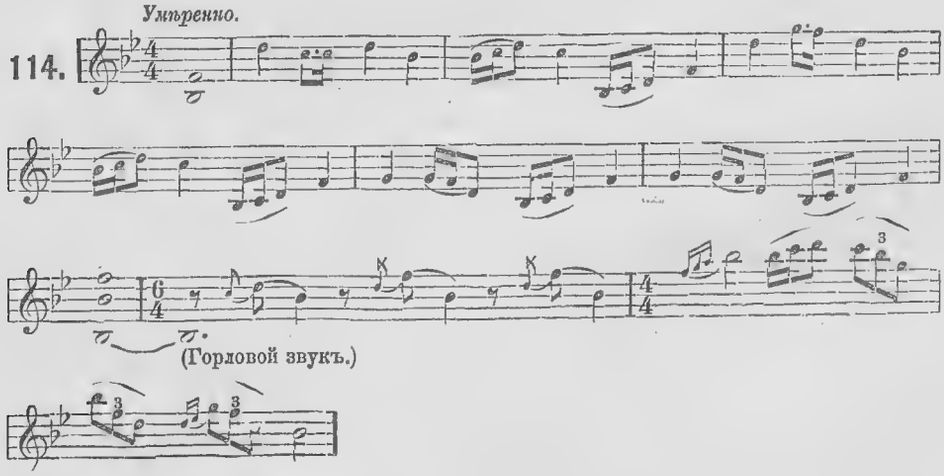
113.



Какукъ; 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова 2-я, 2-й Бурзянской волости.)

Умѣренно.

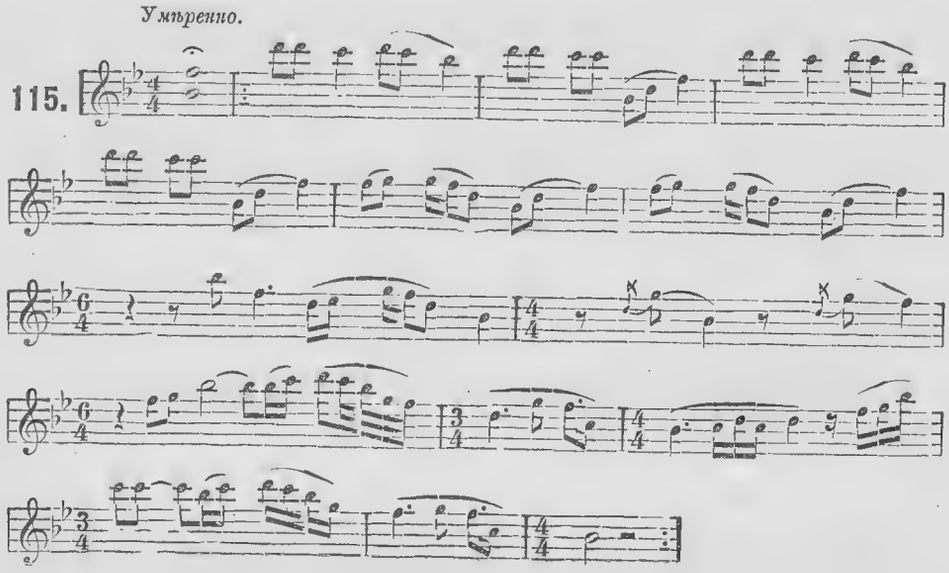
114.



Какукъ. 2-й варіантъ (3-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда, въ дикой горной мѣстности, гдѣ русскихъ совсѣмъ нѣтъ).

Умѣренно.

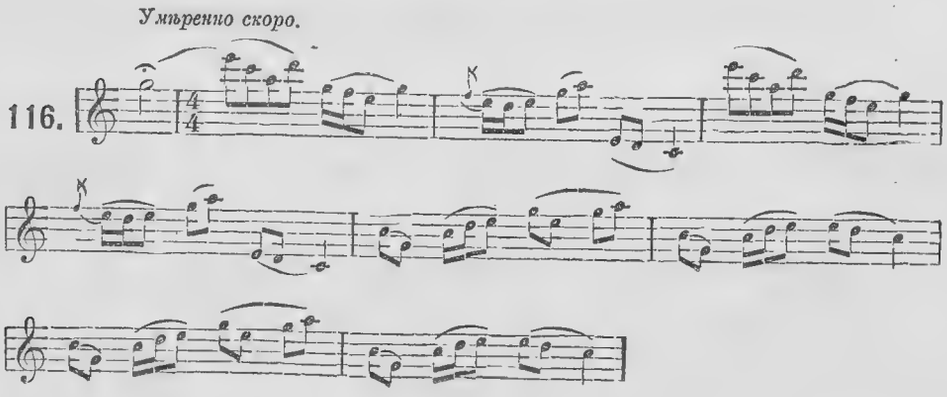
115.



Брдяня (перепелка); пѣсня сложена по поводу радостнаго пѣнія перепелки весною. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Умѣренно скоро.

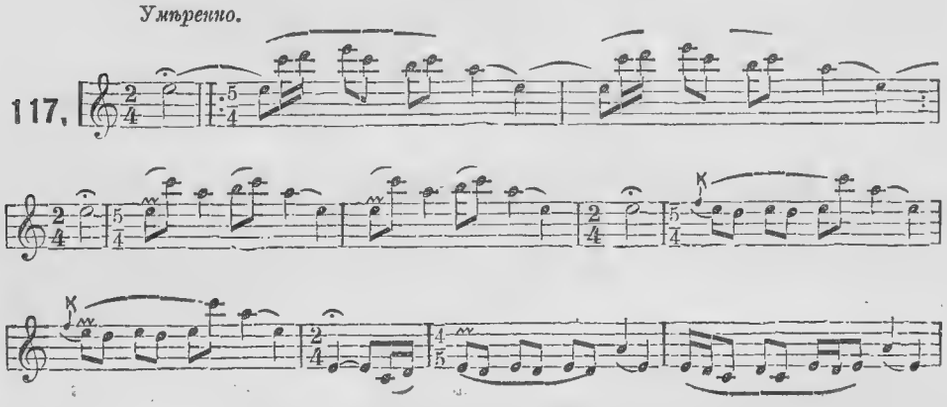
116.



Сынгару турна (журавли): когда-то особенные журавли стаей ходили по горамъ; нѣкоторые изъ нихъ играли голосомъ, а другіе плясали. Дудочникъ башкирскій слышалъ ихъ и перенялъ ихъ игру. Этихъ журавлей рѣдко кто видитъ, а если кто увидитъ и услышитъ ихъ пѣніе, такой человѣкъ, по повѣрью Башкиръ, или будетъ необыкновенно счастливъ или вскорѣ умретъ. Башкиры говорили мнѣ, что народъ не любитъ слушать эту пѣсню, потому что гдѣ упомянутые журавли играли эту пѣсню, тамъ бывала прежде война или засуха. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Умѣренно.

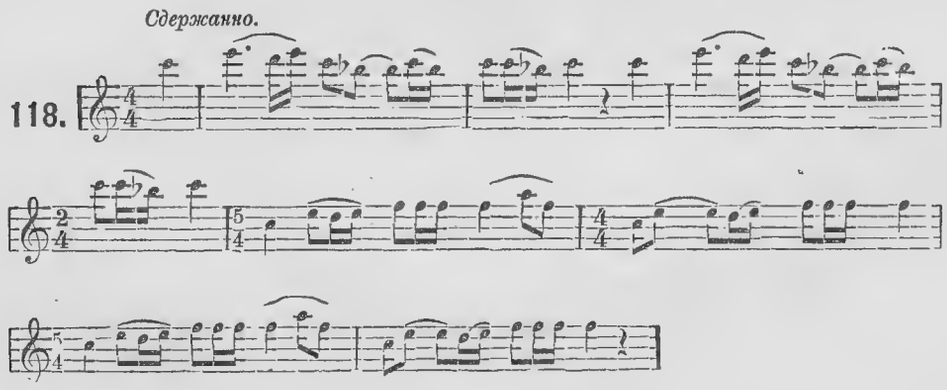
117.



Сынгару-турна. Варіантъ. (Кананикольскій заводъ, Орскаго уѣзда, записанный отъ крещенаго Башкира Ивана Лукманова.)

Сдержанно.

118.

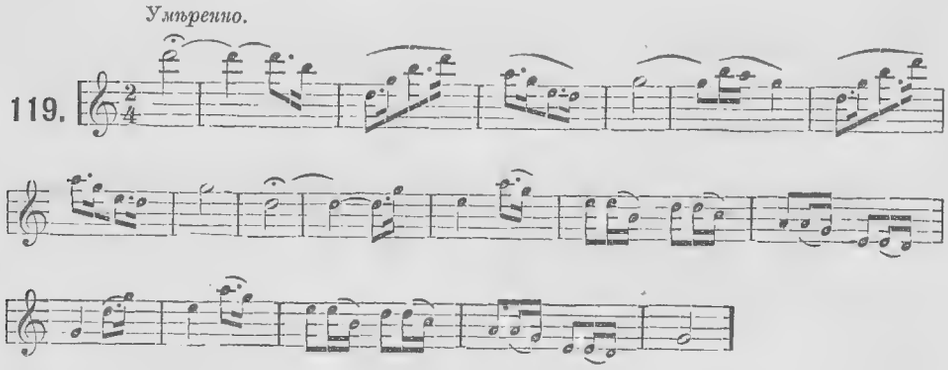


Г) Мелодіи различнаго характера.

Фани-дўнья (прекрасное прошлое время). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно.

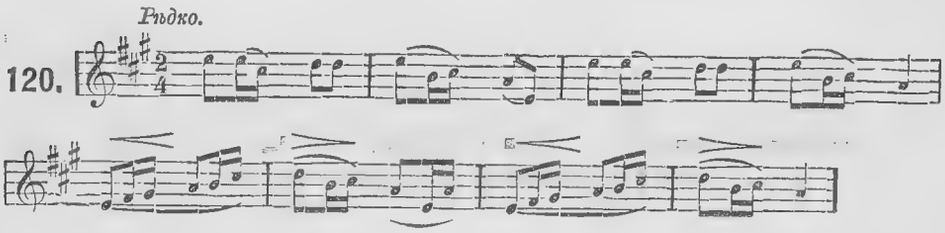
119.



Будымган. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.)

Рѣдко.

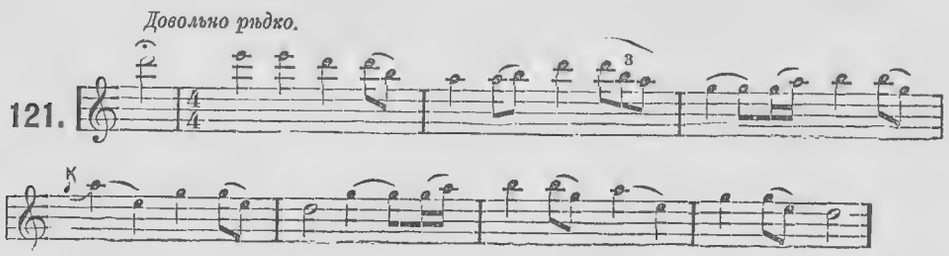
120.



Трахтирская: такъ называютъ Башкиры мелодію, которую часто исполняютъ въ трактирѣ въ Оренбургѣ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно рѣдко.

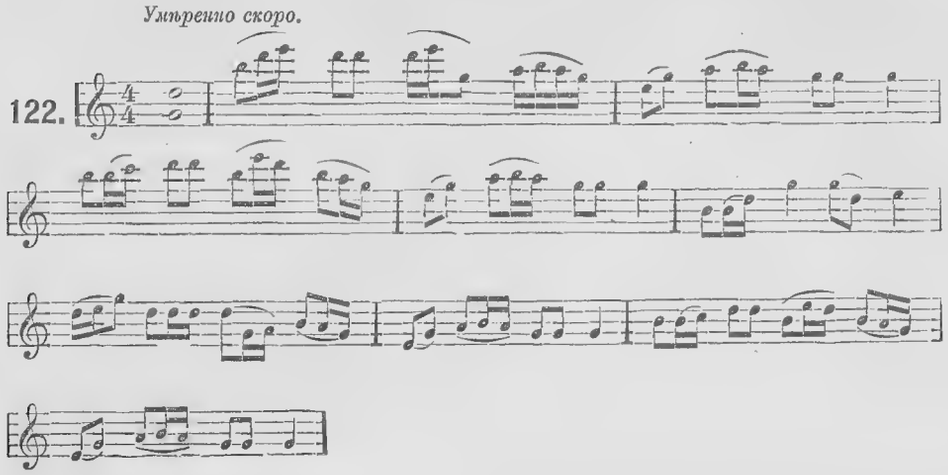
121.



Йугра́. (Орскаго уѣзда, гора Масимъ 3-й Бурзянской волости.)

Умѣренно скоро.

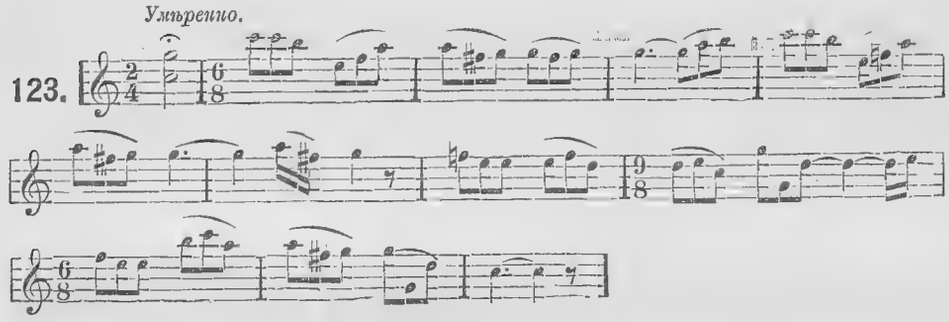
122.



Зая тулак, старинная пѣсня; игрокъ не зналъ, что за пѣсня. (Орскаго уѣзда, гора Масимъ.)

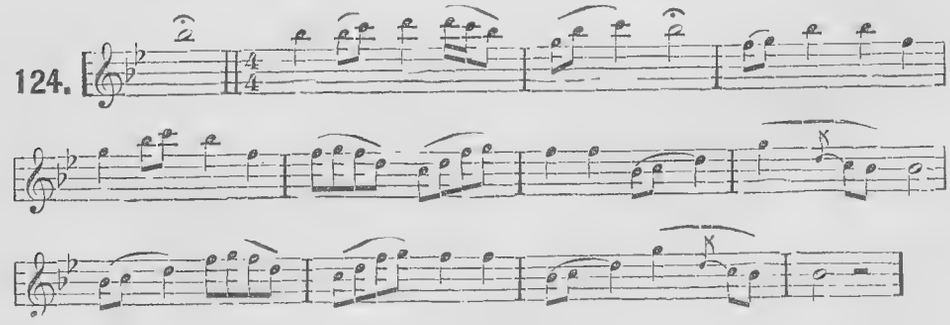
Умѣренно.

123.



Жыр-кюй (пѣсня). (Орскаго уѣзда, гора Максимъ).

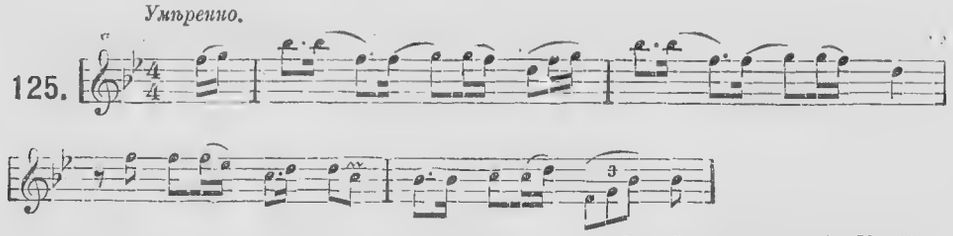
124.



Жыр-кюй. Игрокъ не зналъ названія пѣсни. (Орскаго уѣзда, гора Масимъ.)

Умѣренно.

125.

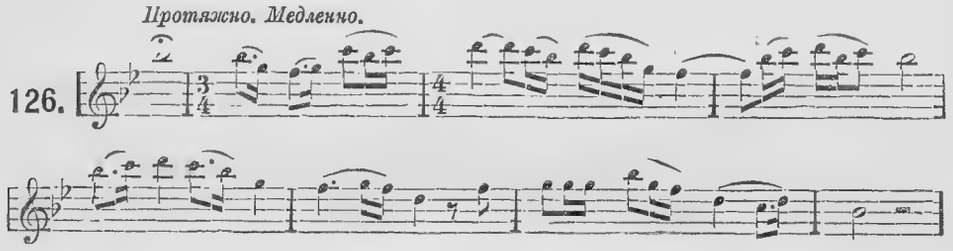


См. пѣсенную мелодію № 188.

Жыр-кюй; игрокъ не зналъ названія пѣсни. (Орскаго уѣзда, гора Масимъ.)

Протяжно. Медленно.

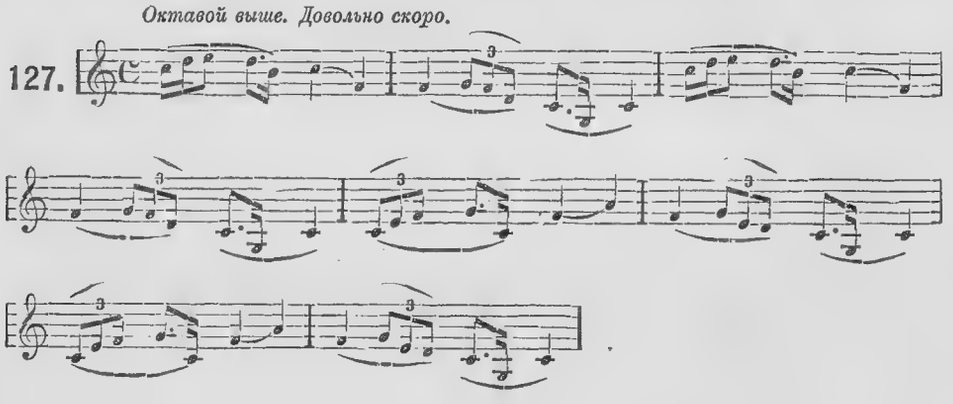
126.



Асамай. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

Октавой выше. Довольно скоро.

127.



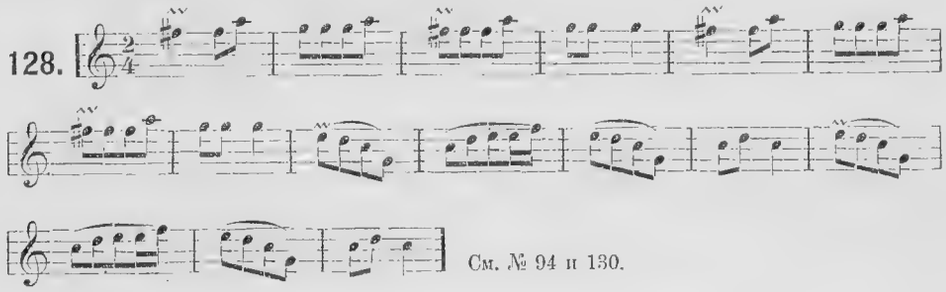
Д) Плясовыя мелодіи (біукуj).

(Всѣ относятся къ разряду цеңуыl-куj, легкія пѣсни.)

Сукмуjул (густая черемуха). (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Кабагушева.)

Скоро.

128.

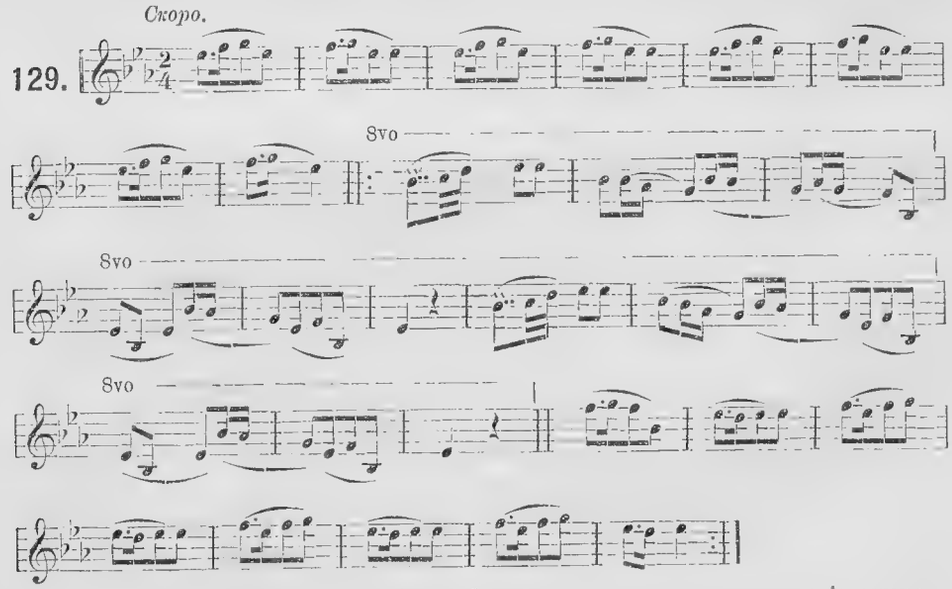


См. № 94 и 130.

Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.

Скоро.

129.

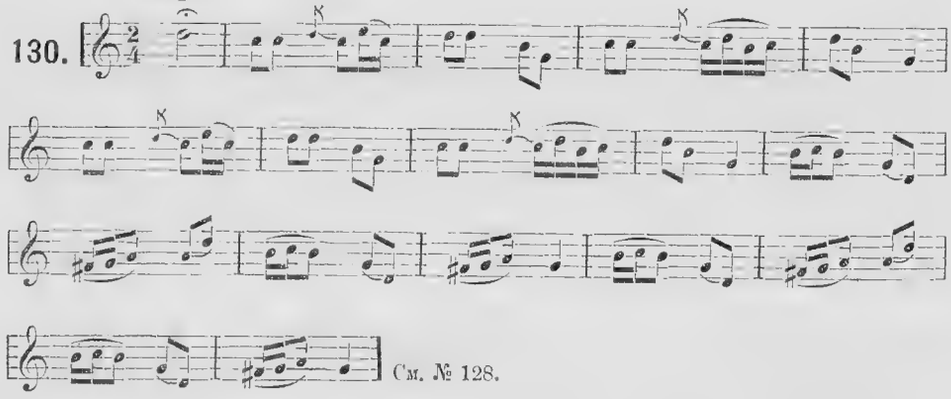


2-е и 3-е колѣна повторяются во все продолженіе пляски.

Сукмуjул (густая черемуха) № 2. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

Скоро.

130.

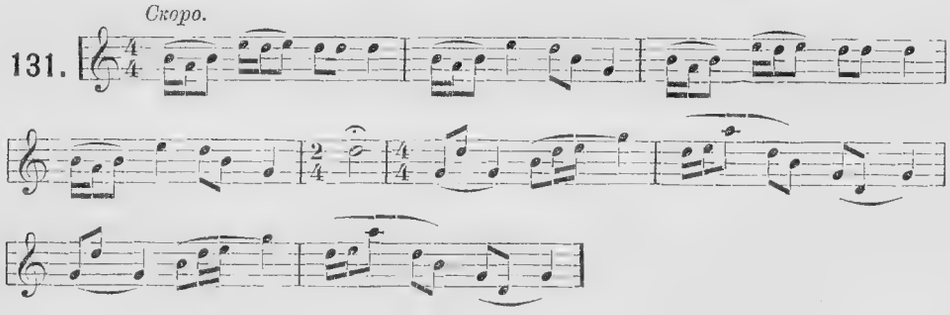


См. № 128.

Заҕіда (женское имя). (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

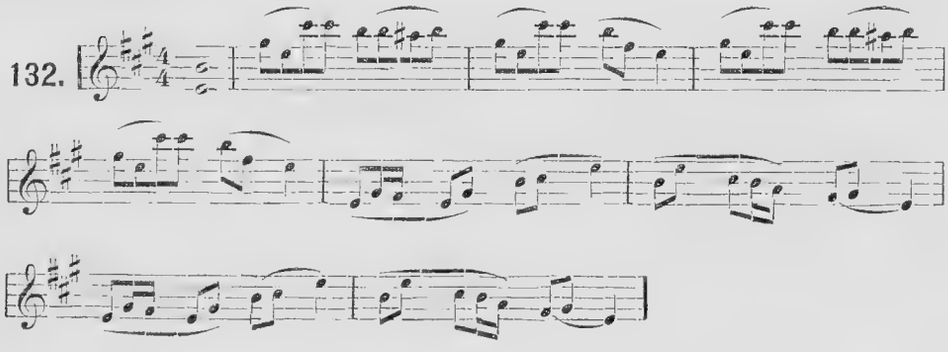
Скоро.

131.



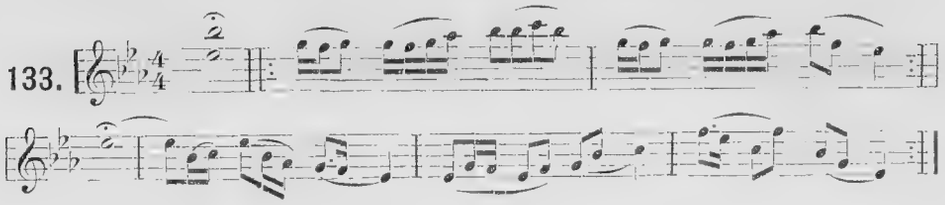
Заҕіда, 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда.)

132.



Заӈіда, 2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

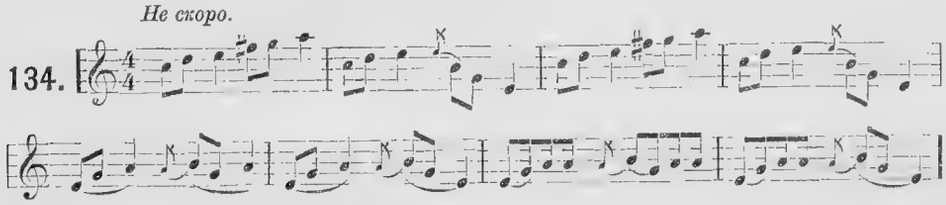
133.



Карабаев, кантонный начальникъ (2 кантона), дудочникъ. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

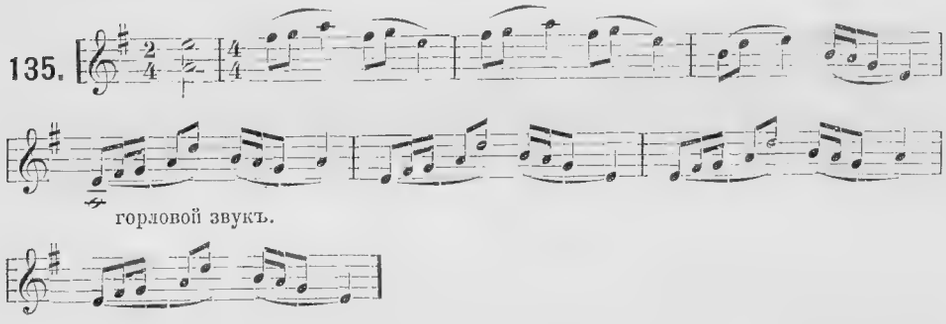
Не скоро.

134.



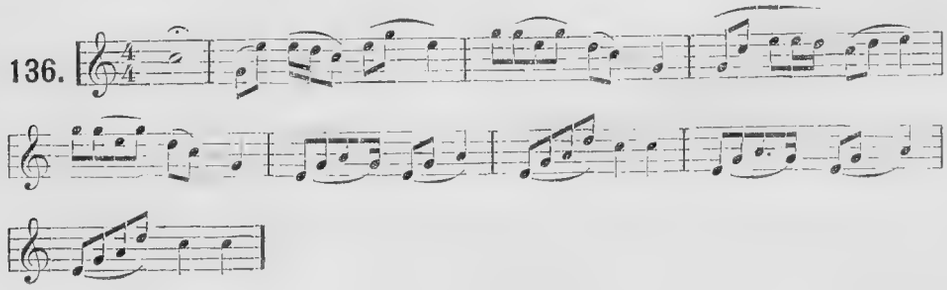
Варіантъ.

135.



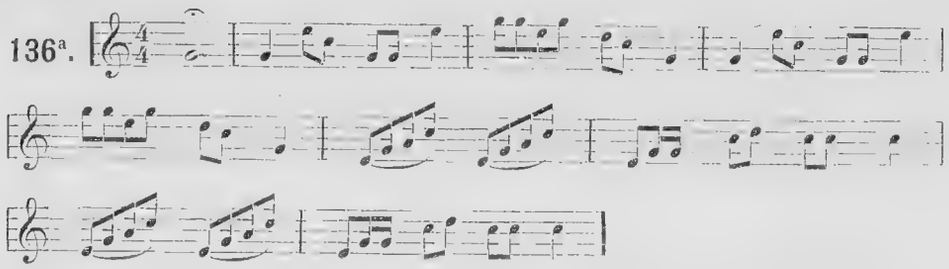
Зарифа́, имя плясуньи, сочинившей эту мелодію и плясавшей подъ нее; она жила въ деревнѣ Кушеевой Тамьянотангаурской волости (Верхнеуральскаго уѣзда), отбилась отъ своего мужа и вела вольную, веселую жизнь, пѣла, сочиняла пѣсни.

136.



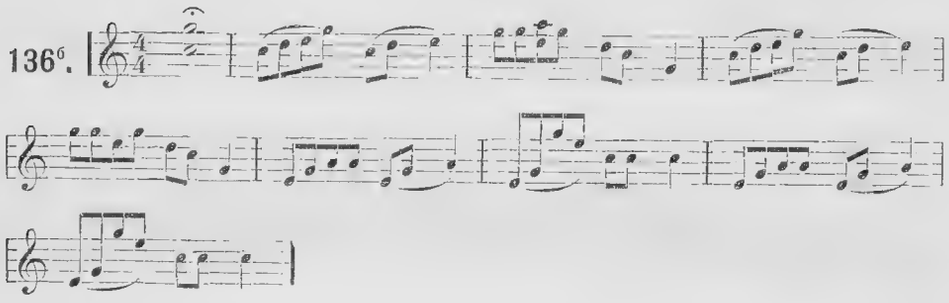
Зарифа́, 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда.)

136ª.



Зарифа́, 2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда.)

136⁶.

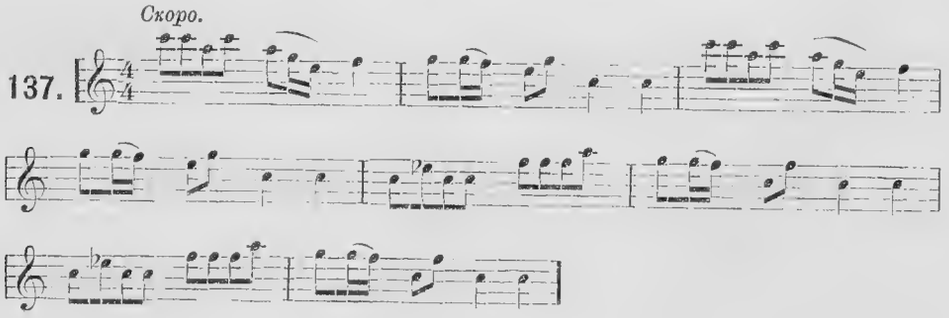


Плясовыя мелодіи дудочника (курайсы) Каракаева, игравшаго мнѣ въ деревнѣ Ташбулатовой (Верхнеуральскаго уѣзда).

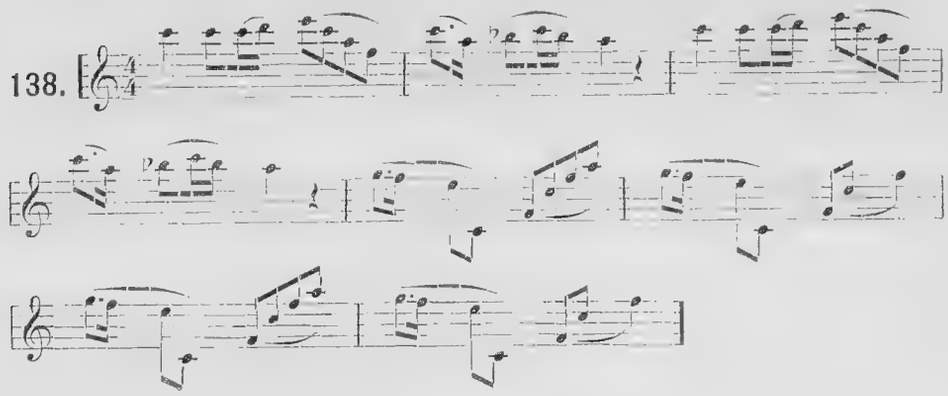
Сочинилъ въ 1862 г.

Скоро.

137.

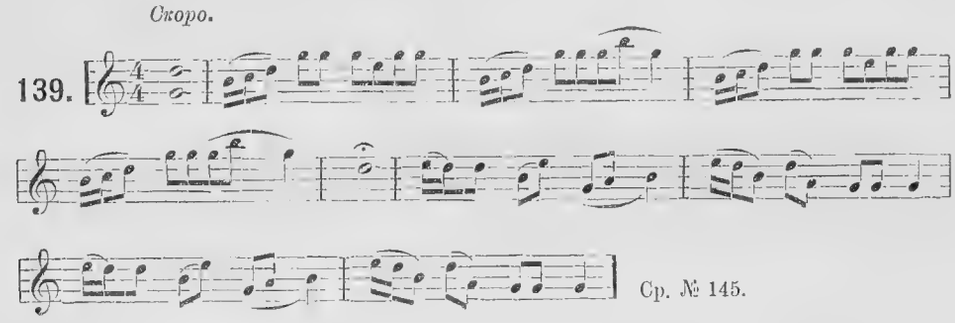


Сочинилъ въ 1872 г.

138. 

Біукуj (плясовая мелодія); Башкиры ее играютъ на Ѳедоровской мельницѣ (Верхнеуральскаго уѣзда).

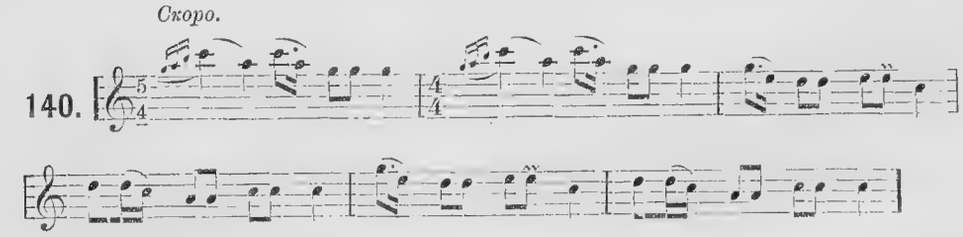
Скоро.

139. 

Ср. № 145.

Мелодія дудочника Биргалé изъ деревни Кусеевой, игравшаго мнѣ въ деревнѣ Темясовой (Орскаго уѣзда), біукуj (плясовая).

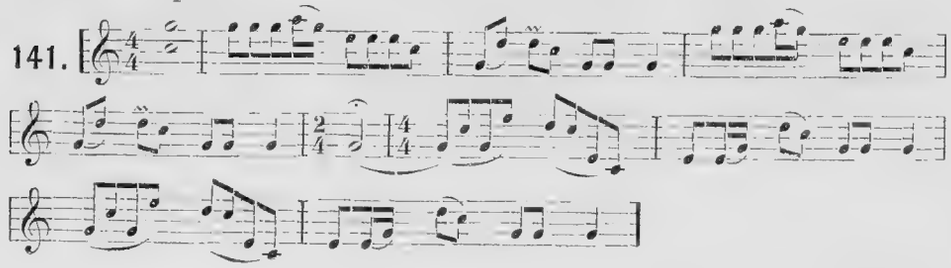
Скоро.

140. 

Сухын (сухумская пѣсня): Башкиры служили на Кавказѣ въ Сухумъ-Кале и принесли оттуда эту мелодію или, вѣрнѣе, сами сочинили въ память о Сухумъ-Кале. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

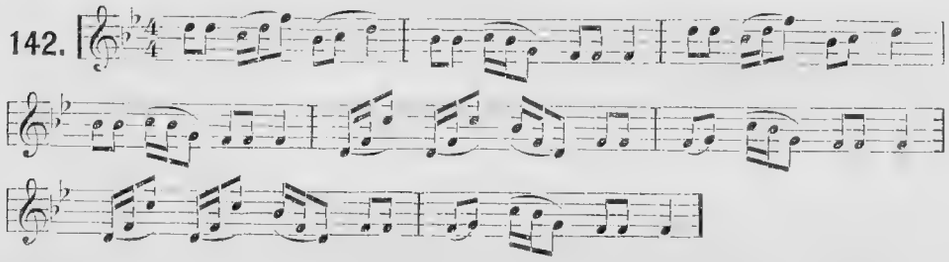
Скоро и легко.

141.



Сухын, варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова.)

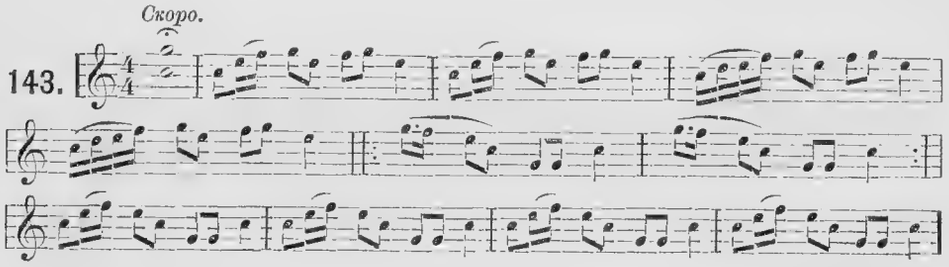
142.



Біукуі (плясовая). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

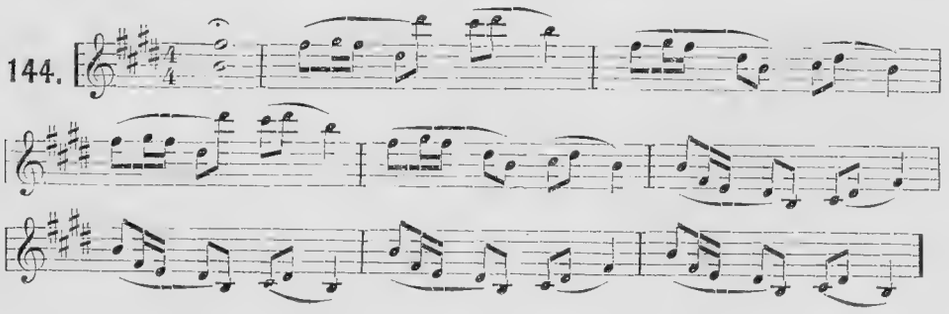
Скоро.

143.



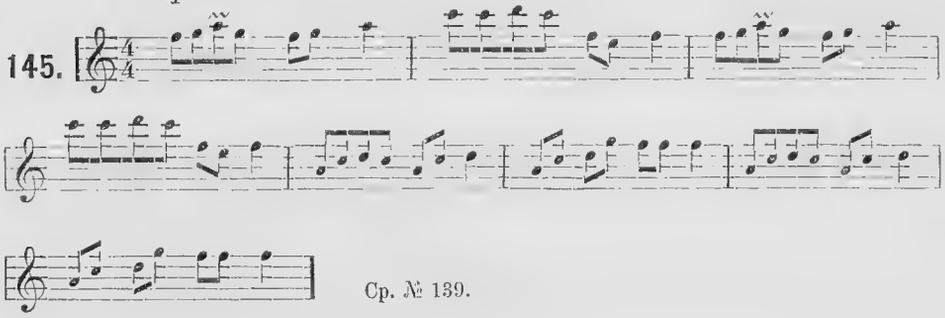
Карымышев, непремѣнный членъ Стерлитамакскаго уѣзда, родомъ Башкиръ, магометанскаго исповѣданія.

144.



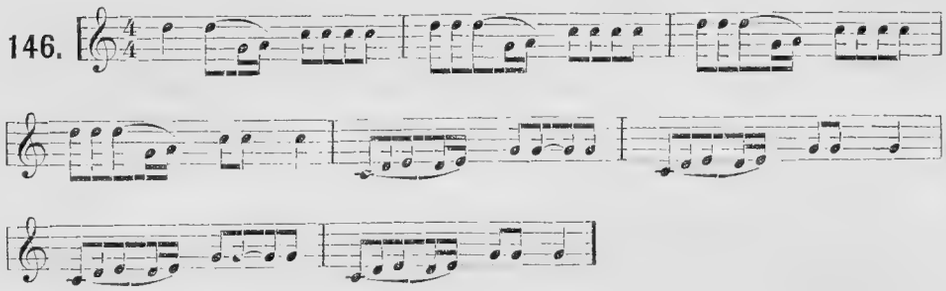
Ѳедоровская (на мельницѣ Ѳедорова, Верхнеуральскаго уѣзда).

Скоро.

145. 

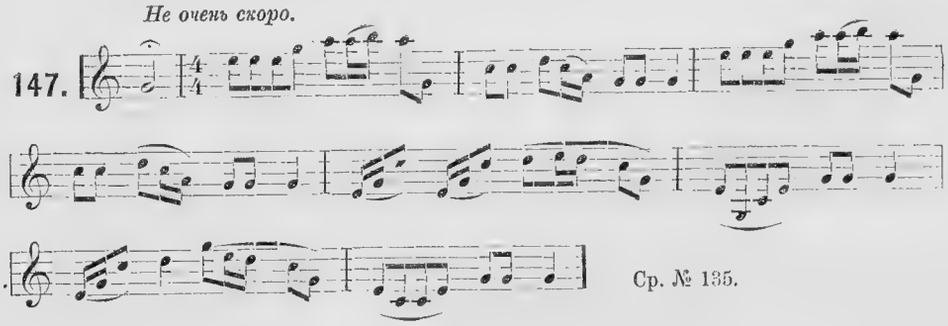
Ср. № 139.

Біукуі (плясовая), (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова I).

146. 

Сухумская (варіантъ мел. сухыш), принесена съ Кавказа изъ Сухумъ-Кале. Эту мелодію выдавали за татарскую, но по характеру ея построенія: размашистости, чрезвычайно широкимъ интерваламъ (нона) и употребленію какъ бы нашего вводнаго тона безъ разрѣшенія я склоненъ признавать за нею башкирское происхожденіе. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Узунгулова.)

Не очень скоро.

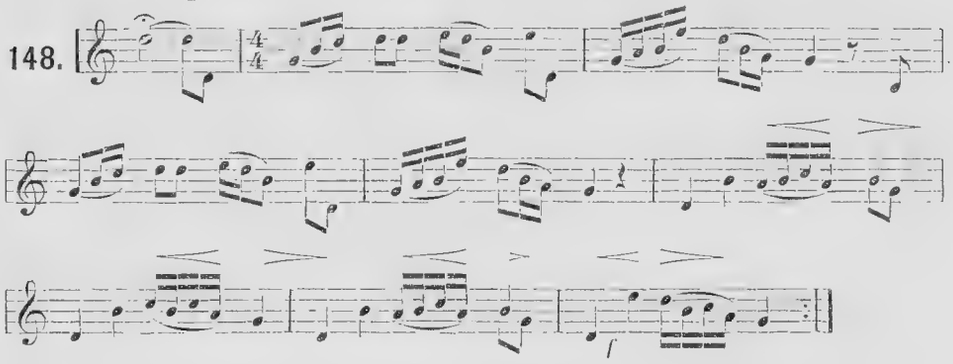
147. 

Ср. № 135.

Марши.

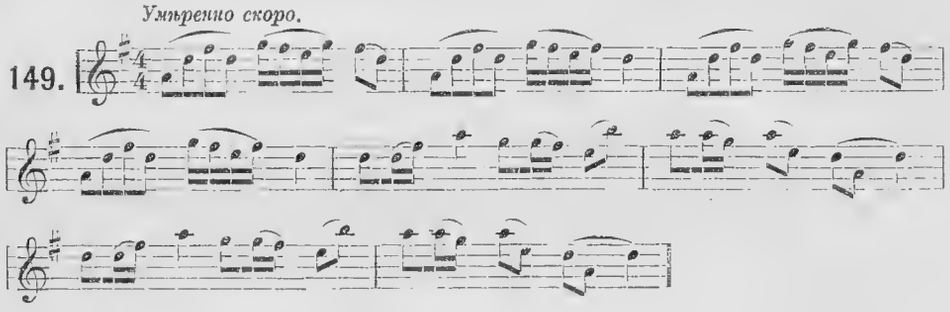
Фортъ Перовскій. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно.

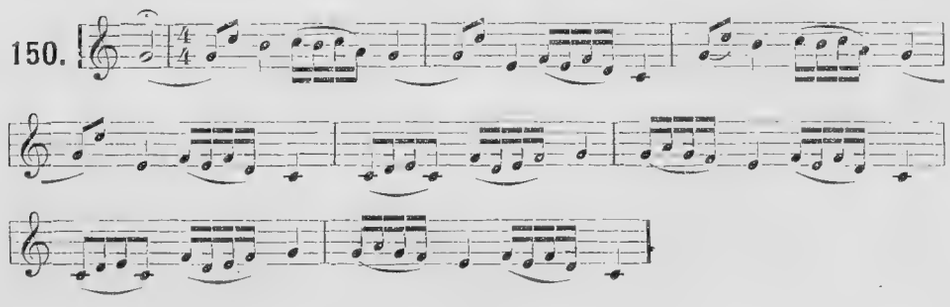
148. 

Перовскій маршъ (иначе «какъ брали Казань»): Башкиры встрѣчали этимъ маршемъ въ горахъ генералъ-губернатора Перовскаго; замѣтно вліяніе русскихъ полковыхъ маршей. (Верхнеуральскаго уѣзда.)

Умѣренно скоро.

149. 

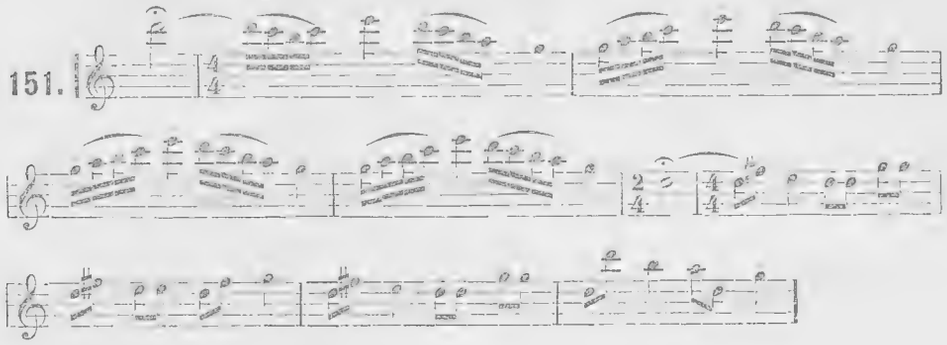
Перовскій маршъ; варіантъ (въ Орскомъ уѣздѣ, дер. Темясова).

150. 

Манежъ, мелодіи, подражающія музыкѣ при ученіяхъ въ манежахъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно скоро.

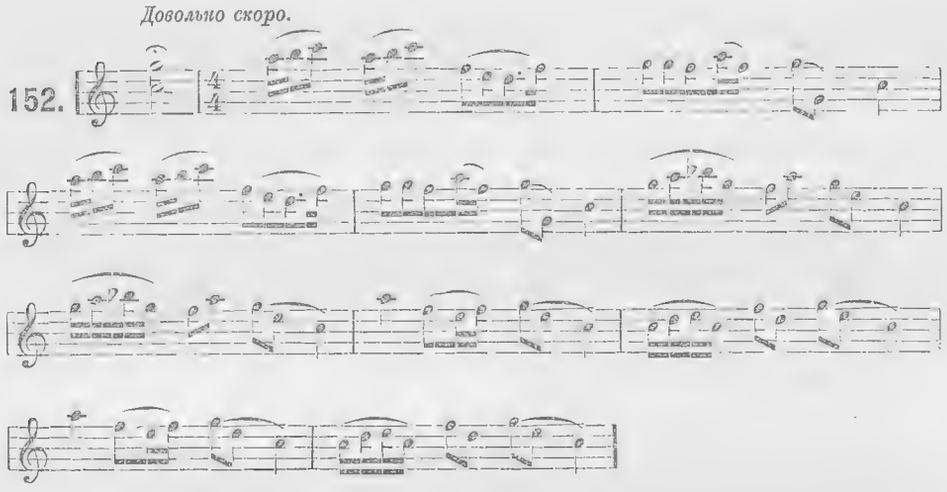
151.



Манежъ, варіантъ.

Довольно скоро.

152.

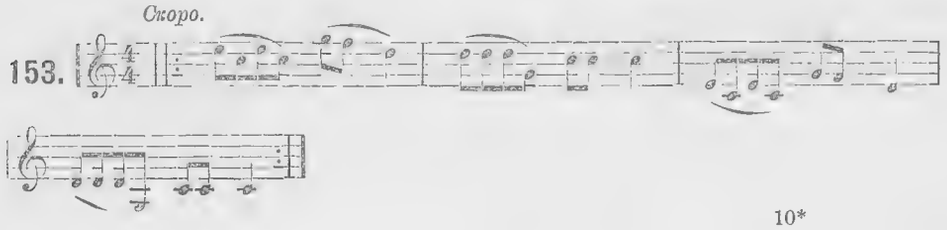


Е) Русскія пѣсенныя мелодіи въ передѣлкѣ Башкиръ.

Чижикъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

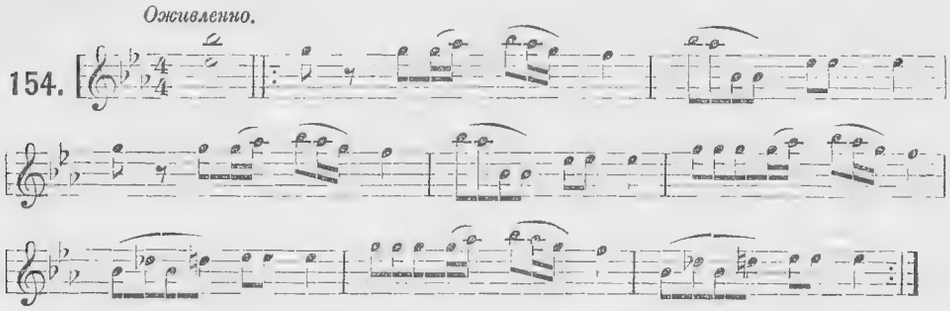
Скоро.

153.



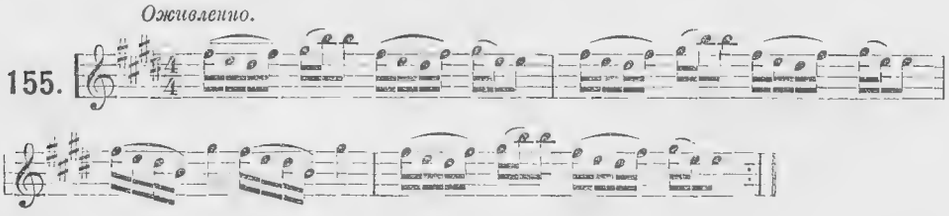
Казачка (казачóкъ). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Оживленно.

154. 

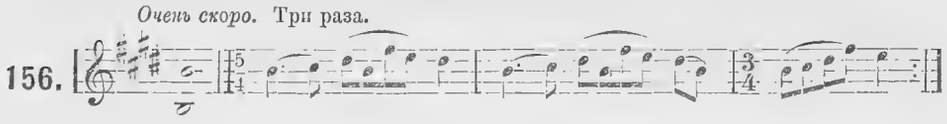
Казачка. Варіантъ. Орскаго уѣзда, Канашковскій заводъ.

Оживленно.

155. 

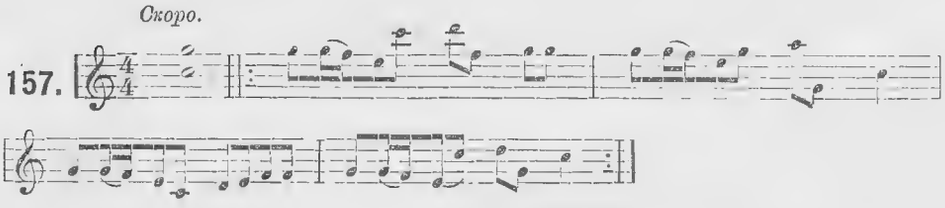
Ба́рина (барыня). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Очень скоро. Три раза.

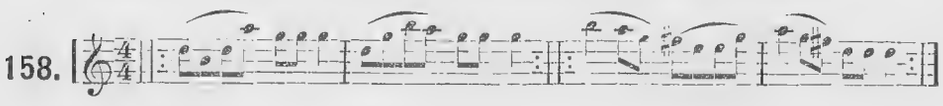
156. 

Ба́рина, варіантъ.

Скоро.

157. 

Косары. (Орскаго уѣзда, дер. Мендегулова, гора Масимъ.)

158. 

Протяжныя, проголосныя пѣсни Башкиръ.

Куйляп (также жыр №№ 159—187).

1. Сталдын псак суктырдым карагай ппе кумыры.
   Агакаем Искандярпын кыскагна булды гумыры.
   Ак куянларныц азыга балусакларнын кабагы.
   Агакаем Искандярнын бурзянларга булсын йазыгы.
2. Агакайганам бар сакта ултраидым уйнун туринда,
   Агакаем минун уафат булгас табалмаймын ишик тўбендä.
   Юрдай башы сварат сылайдай сийпай кимменер?
   Агакайганам Искандярнын сылаб сыпаб кіймеп кем кіяр?
   Сакмардай саунан купырын есьбурау блян бötергäп.
   Агакайганам Искандярнын бурзянларнын бур ултырган.

Переводъ.

1. Я сдѣлалъ стальной ножъ на сосновыхъ угляхъ.
   Нашъ братъ Искандяръ жилъ недолго.
   У бѣлаго зайца пища — осиновая кора.
   Смерть моего брата Искандяра пусть зачтется въ грѣхъ для бурзянцевъ.
2. Когда былъ живъ мой братъ, я сидѣлъ въ переднемъ углу,
   Когда же братецъ умеръ, не могу найти мѣста даже у дверей.
   Кто будетъ гладить, ласкать и садиться на рыжаго иноходца?
   Кто будетъ носить, пригладивъ и встряхнувъ, одежду братца Искандяра?

   Сакмарскій мостъ стоитъ на трехъ быкахъ.
   Братца Искандяра убили бурзянцы-воры.

Искандяръ (Александръ) — чиновникъ-башкиръ бурзянской волости (10 кантона) Орскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, былъ убитъ, а дѣти (или братья) сложили эту пѣсню (изъ эпохи контоновъ). Поется во всякое время. Бурзянцы — Башкиры бурзянской волости. Сакмарскій мостъ — черезъ рѣку Самару, впадающую въ р. Уралъ близь Оренбурга.

Тафтеляу.

Умѣренно.

159.

Ир - тäш сäк-кäй то - роп ай ка-ра - сам бул-тур-гай-

лар сӱ - тäр - ляр уй - ын - ды.

См. пѣсни №№ 26, 66, 67 и 179.

1. Иртäш сäккäй тороп ай карасам:
Бул(буз)тургайлар сӱтäрляр уйынды;
Бызда-лагнай шулай уйнарыдык,
Йаңызлыкай кисярляр муйынды.

1. Вставши рано, я смотрю:
Синицы поютъ пѣсни;
И мы желали бы такъ же пѣть,
Но одиночество гнететъ насъ (рѣжетъ нашу шею).

2. Ишыкаым алды кың йаланда
Ак куянларның езе йок.
Бызның белян уйнап кульган,
Дуспшларның инделагна аның бере йок.

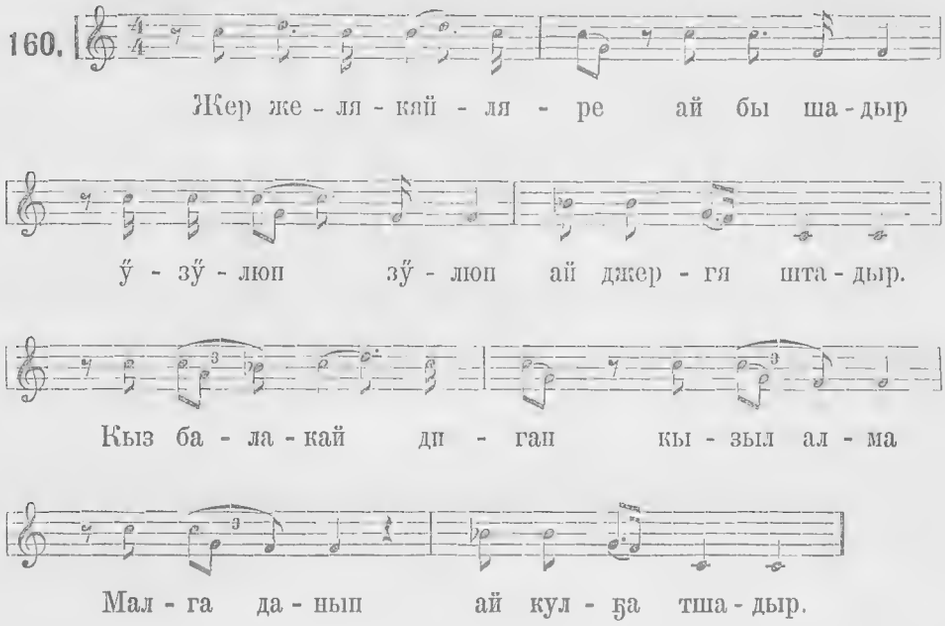
2. Въ широкой степи предъ моей дверью
Нѣтъ слѣдовъ отъ бѣлаго зайца.
Со мной играли и смѣялись мои друзья,
А теперь ни одного нѣтъ.

3. Ер желяки пшканча,
Нидай емиш сӱйясең?
Ӱз'ӱзеңне бӱтрӱб,
Нык бухатлы куйясың?

3. Прежде, чѣмъ поспѣваетъ клубника,
Какую ты ягоду любишь?
Изнуряя самого себя,
Зачѣмъ ты такъ горюешь?

160.

Умѣренно.



1. Жер желякяйляре ай пшадыр,
Ӱзӱлюп (д)жергя тшадыр.
Кыз балакай диган кызыл алма,
Малгалданып кулҕа тшадыр.

2. Жыр жырладай дибук айтасыз:
Жырны кайдан алып жырлайм?
Злашын сурашын эй карапм,
Табалмасам займы аланм.

3. Алтын іяр атка тіяр,
Тисäля йабыр птмäс.
Елкпä жюрäк яш сакта,
Басла басла китäр даур уткас.

1. Клубничка поспѣваетъ
И, обрываясь, падаетъ на землю.
Дѣвица, красное яблоко,
Прельщаясь вещью, попадаетъ въ чужія руки.

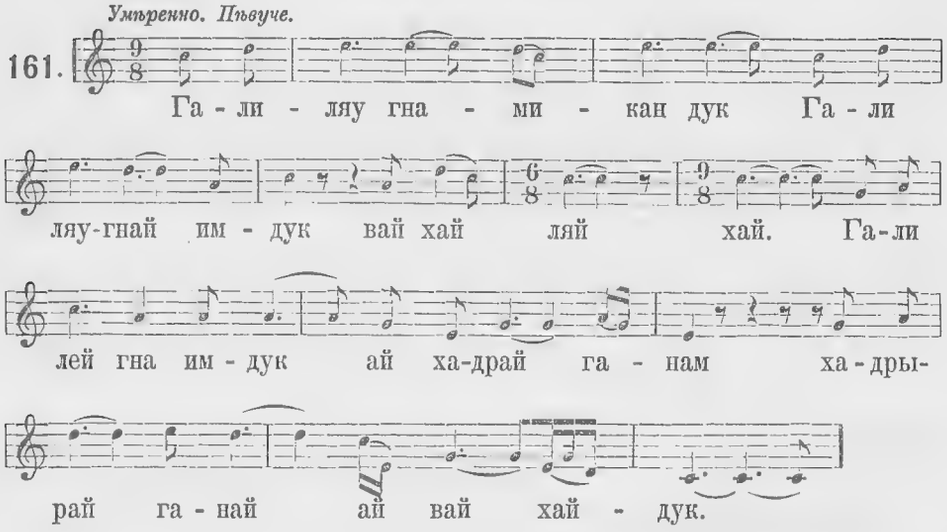
2. Вы говорите, чтобы я пѣлъ пѣспю:
Откуда взять мнѣ пѣсенъ и пѣть?
Попробую попщу, спрошу,
Если не найду, то взаймы возьму.

3. Золотое сѣдло и безъ потника
Не портитъ у лошади спины.
Сердце волнуется, пока молодо,
Утихнетъ, утихнетъ, когда пройдетъ время.

Верхнеуральскаго уѣзда, пріискъ Гана.

Умѣренно. Пѣвуче.

161.

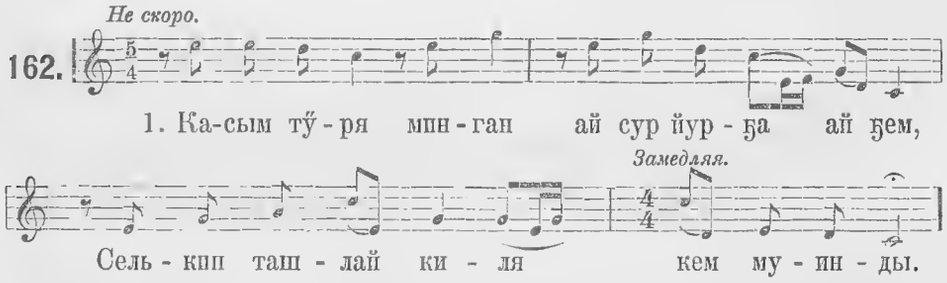


Текстъ, лишенный смысла, употребляемый въ видѣ запѣва (см. подобный запѣвъ безъ значенія въ татарскихъ пѣсняхъ № 37 и 44; также стр. 64).

Касым тӯря́. Орскаго уѣзда, дер. Темясова: жыр или куйляп (протяжная пѣсня).

Не скоро.

162.



См. инструмент. мелодію № 91 и пѣсню № 178.

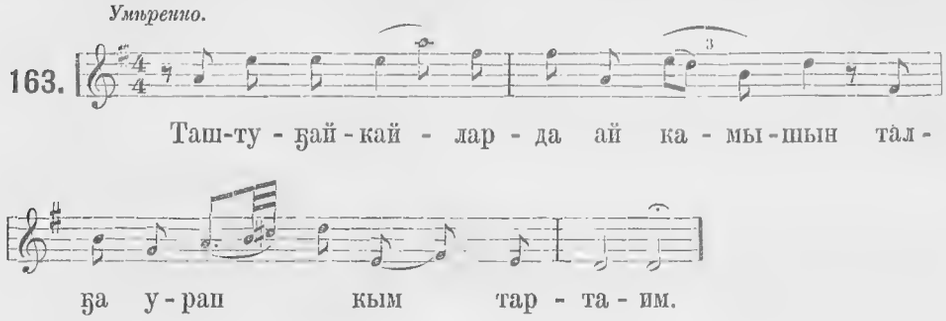
1. Касым тӯря минган ай сур йурҕа ай ҕем,
Селькип ташлай киля кем муинды.
Касым тӯря уафат булҕас
Ластыр-майор курсатыр упиды.
2. Алыстын киля карван Хиуадан (Бухардан);
Бызныҥ без бупрда ултрыу бәндәлярдән туҕыль Худайдан.

1. Касымъ-чиновникъ ѣдетъ на буромъ иноходцѣ,
Который идетъ, помахивая шеей.
По смерти Касыма-чиновника
Плацъ-майоръ показываетъ ученье.
2. Изъ далека идетъ караванъ — изъ Хивы (Бухары);
Что мы сидимъ здѣсь, — это не отъ людей, а отъ Бога.

Таштуҕай (каменный лугъ), жыр (протяжная пѣсня).

Умѣренно.

163.



См. пѣсню № 165.

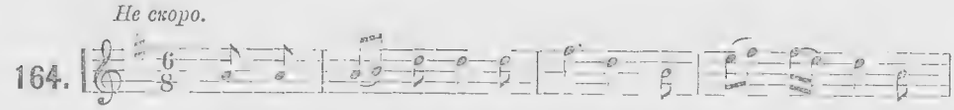
1. Таштуҕайкай камыш талҕа урап тартаим.
   Жалан ерпиҥ какук(ы) йук зир урап зпрҕа кабат кайтаим.
2. Таштуҕайкай саунын буинда бурулуп бурулуп ускан бер улян.
   Йорт пллярем иска тышканда бер ультрам бер турам.
3. Таштуҕайла синыҥ камышыҥны курайлаҕна итып тартаик.
   Жаланҕна ирдын какукы йок, жўр урманкайларҕа кайтаик!
4. Кумышкна юзюк табы балдым азбарыскайлары утлыктын.
   Жарлаҕымда кплип жарламаймым хасрятларым кайгым.

Переводъ.

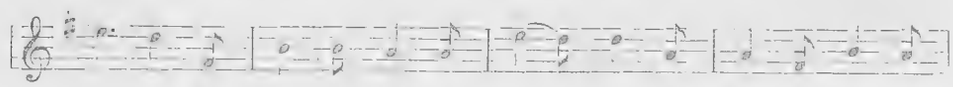
1. Я обвертываю тальникъ камышемъ съ каменнаго луга и тяну.
   Въ степныхъ мѣстахъ кукушекъ нѣтъ, я прохожу (такія) мѣста и возвращаюсь назадъ.
2. По каменному лугу выросла трава, свиваясь.
   Когда вспомню свою родину, тогда то сажусь, то встаю.
3. Каменный лугъ, изъ твоего камыша мы сдѣлаемъ дудку и будемъ играть.
   Въ степныхъ мѣстахъ кукушекъ пѣтъ, пойдемъ, возвратимся въ лѣсъ!
4. Я нашелъ серебряное кольцо въ амбарѣ на ясляхъ.
   Пою я не отъ охоты, а пою отъ множества думъ и горя.

Сары сäс; жыр.

Не скоро.

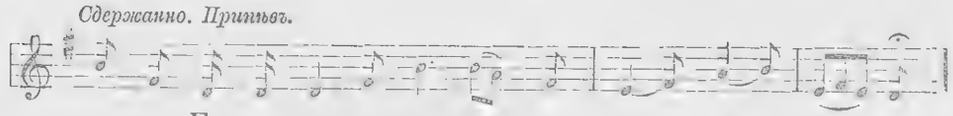
164. 

1. Са - ры сас - ас-ны ур - юп-сал быз кит - кап - ды ку -



рюп-кал уп - ка - ла - ма уп - кап - га у - кы - пыр-сын кит -

Сдержанно. Припѣвъ.



кан - га. Га - ли - ляу ра - ляу зи - ля - ляу зи - ля - люк.

См. инструментальную мелодію № 97.

1. Сары сасас урюпсал;
Быз киткапды курюпkал.
Упкалама упканга:
Укынырсын киткапга.
Припѣвъ. Галиляу раляй зиляляу зилялюк.

1. Сплети желтые волосы;
Посмотри, какъ я ухожу, и оставайся.
Не сердись за мой поцѣлуй:
Будешь жалѣть, что я ушелъ.

2. Жўргäн жерляр калд'инде,
Сарыса улян алдында.
Быз киткапны kарай kарай,
Караса кузлар талд'инде.
Припѣвъ. Залиляу раляу зиляляу зилялюк.

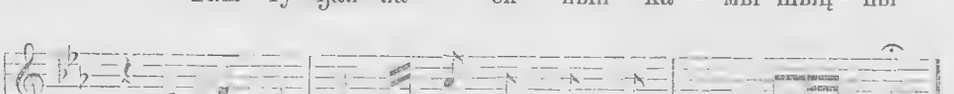
2. Мѣста, куда я ѣздилъ, остались тамъ (сзади),
Впереди — желтоватая трава.
Смотрѣли, смотрѣли ея черные глаза,
Какъ мы отъѣзжаемъ, и устали.

Таштуҕай (Каменный лугъ № 2).

Умѣренно.

165.

Таш - ту - ҕай - ла си - ныи ka - мы - шыҥ - ны

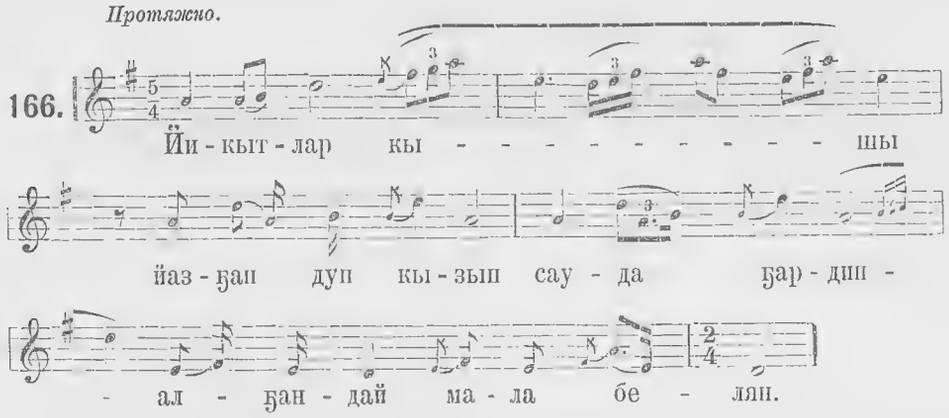


ку - рай - лаҕ - на и - тып - ла тар - та - пк.

См. пѣсню № 163, строф. 3.

Протяжно.

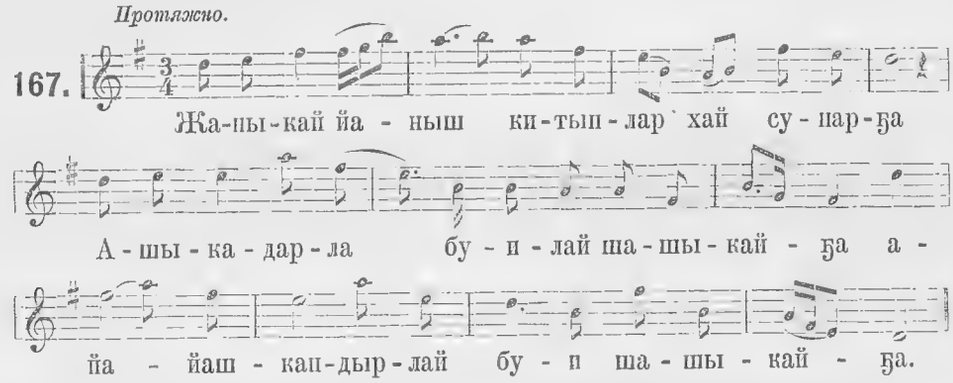
166.



Ашкадар. Жилъ башкиръ Шамсуддилъ лѣтъ 70 назадъ на рѣчкѣ Ашкадаръ, впадающей въ Бѣлую ниже Стерлитамака, въ дер. Аючиной, и умеръ благодаря какому-то несчастью; жена его Бай-Султанъ оплакала его кончину въ пѣснѣ, ею самою составленной. Дер. Юлукъ, 1-й Бурзянской волости, Орскаго уѣзда.

Протяжно.

167.



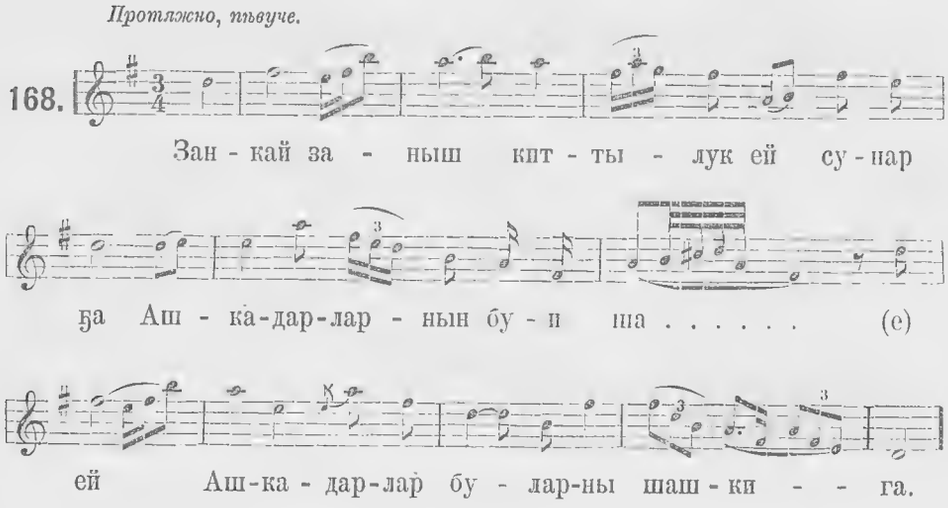
См. инструментальную мелодію № 104.

1. Жанықай йаныш китты сунарға
Ашкадарда буп шашкаға,
Шашкағала китып шағитулды;
Башканаим калды йашкна.
2. Ашкадарда буп йатыуы
Кашбина туңмай йатыуы.
Шашкағала китып фанабулды,
Таштай кумдай (ғупдай) аның батыуы.

1. Душа моя, душенька ушелъ охотиться
За куницей по рѣкѣ Ашкадару,
Ушедши за куницей, умеръ мученически;
Моя головушка осталась молодою.
2. По Ашкадару яры (глубокія мѣста)
Лежатъ цѣлую зиму, не замерзая.
Ушелъ (онъ) за куницей и умеръ,
Утонулъ какъ камень или песокъ.

Ашкадар, варіантъ. Пріискъ Горяевыхъ, Орскаго уѣзда.

Протяжно, пѣвуче.



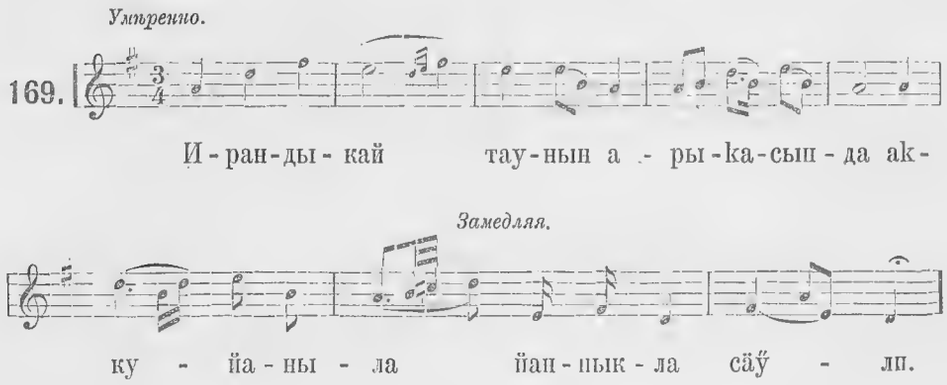
1. Заныкай заныш китты ей сунарҕа
Ашкадарларнын буп шашкига,
Шашкаларга китып уафат булды;
Башкнайларым калдук йашкнук.

2. Заныкай заныш китты ей сунарҕа
Ашкадарларнын йул белян.
Сур йаткайларын йасап саур идым,
Йасаплаҕна булмай кул белян.

1. Душа моя, душенька ушелъ охотиться
За куницей по рѣкѣ Ашкадару,
Ушедши за куницей, онъ погибъ;
Я осталась молодою съ своей головушкой.

2 Душа моя, душенька ушелъ на охоту
По дорогѣ, идущей вдоль Ашкадара.
Мысленно (сдѣлавъ видъ) я его ласкала бы,
Но невозможно ласкатъ рукою (потому что онъ умеръ).

Бараков — рядовой, поддѣлывалъ деньги, былъ ловкій малый на разныя руки; его поймали и сослали въ Сибирь. Когда отправляли его, онъ сочинилъ нѣсколько пѣсенъ и просилъ соотечественниковъ распѣвать ихъ въ память о немъ. Пріискъ Горяевыхъ, Орскаго уѣзда.



1. Ирандыкай [1]) тауның аркасында
Аккуйанла йанның сăули (саҕали).
Шаҕыйлаҕна китып ҕурубитуп:

Байҕыр инде Биккул аулы.

2. Биккул дагна аулы зур аул,
Урамлары аның тараул;
Кайтырдаҕна идым бăн илимă,
Алдын артын турҕан караул.

1. На хребтѣ Ирендыка
Бѣлый заяцъ остерегается звѣрей.
Шагій (имя Баракова) ушелъ, воры переведутся:

Разбогатѣетъ теперь Биккулова деревня.

2. Биккулова деревня большая,
Но улицы ея узки;
Я возвратился бы на свою родину,
Но впереди и назади караулы.

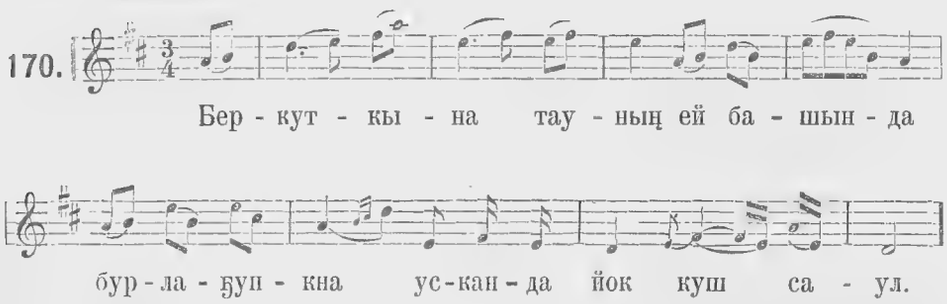
---

[1]) Хребетъ Ирендыкъ въ южномъ Уралѣ.

Бараков, варіантъ 1-й. Пріискъ Горяевыхъ, Орскаго уѣзда.

Протяжно.

170.



1. Беркуткна тауның(ей) башында
Бурлағупкна ускан куш саул.
Удаклаға йулға сäфäр сыктык:
Курыплай булмас заныкай хош сау бул.

2. Беркуткна тауның(ей) башында
Шаулай микан беркутның сäули?
Шағый мискин китып ғурубитып:
Байғыр микан Биккулдың аулы.

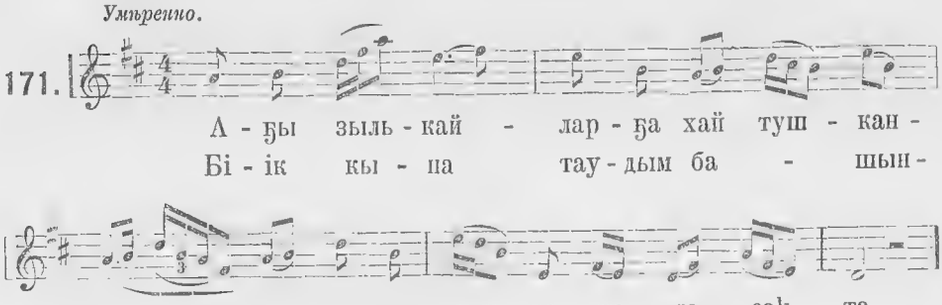
1. На вершинѣ горы Беркутъ
Растутъ, переплетясь, два дерева.
Я выѣхалъ въ далекій путь:
Не увидимся, душа, прощай, будь здорова!

2. На вершинѣ горы Беркутъ
Шумятъ ли ея деревья?
Бѣдный Шагій ушелъ, воры переведутся:
Разбогатѣетъ ли Биккулова деревня?

Шаҕп Бараков, варіантъ 2-й. 1-й Бурзянской вол., Орскаго уѣзда.

Умѣренно.

171.



1. Бііккна таудым башында
Икыларук ускан тиң саул.
Жыраккна йулҕа сәфәр сыктым,
Калдын ҕна занышым хош сау бул.

2. Калырсында занышым(ей) калырсың,
Камышлардын йуллар (уйлар) салырсың;
Сўттин апак блакларынды
Кым кукрякларына салырсың.

1. На вершинѣ высокой горы
Выросли два одинаковыхъ дерева.
Выѣхалъ я въ дальній путь,
Осталась, душа, одна: прощай, будь здорова.

2. Останешься, душа, останешься,
Выстроишь изъ камыша избу;
Бѣлыя какъ молоко руки
На чью будешь класть грудь?

Бурамбай. Бурамбай былъ старшиной 1-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда (а по другимъ сказаніямъ — кантоннымъ начальникомъ) и растратилъ общественныя деньги, за что былъ сосланъ въ Сибирь. По другимъ варіантамъ онъ сочинилъ какъ бы отъ имени начальства походъ, набиралъ народъ и за освобожденіе отъ похода бралъ взятки; на него подали жалобу Башкиры, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда бѣжалъ, но былъ вторично сосланъ; во время бѣгства онъ сочинилъ пѣсню, извѣстную подъ названіемъ Бурамбай. Другое сказаніе: за выдуманный имъ походъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь, а передъ этимъ два года сидѣлъ въ острогѣ. Онъ просилъ начальство отпустить его домой проститься съ женами. Начальство отпустило его съ конвоемъ. Бурамбай пришелъ домой, созвалъ женъ своихъ и сталъ прощаться съ ними: «прощайте, прощайте, жены мои! Былъ я первымъ человѣкомъ, а теперь сталъ послѣднимъ и иду въ Сибирь; если кто хочетъ со мной идти, то идите, а если не хотите, то оставайтесь». Часть женъ отказались слѣдовать за нимъ, а другія ушли съ нимъ въ ссылку.

Затѣмъ обратился онъ къ своимъ общественникамъ и сказалъ: «ну

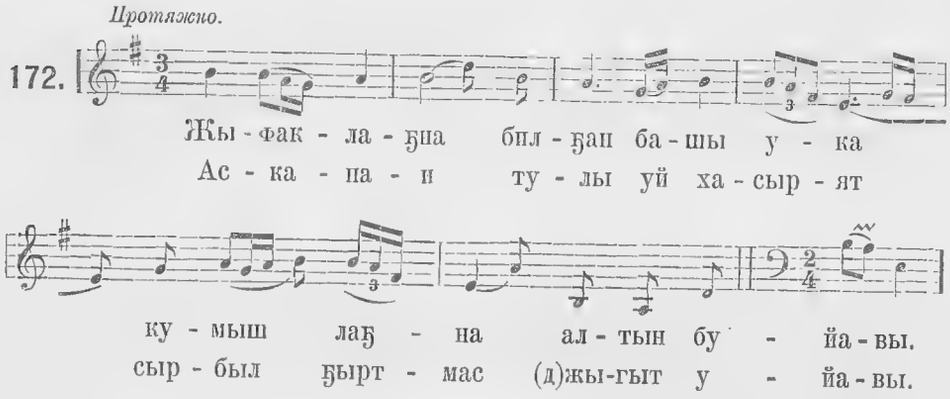
прощайте, старики, совсѣмъ съѣли вы теперь меня»; — «нѣтъ, не мы съѣли тебя, отвѣтили старики, а ты самъ съѣлъ себя: если бы не дѣлалъ такъ, то не было бы съ тобой бѣды». Тогда Бурамбай попросилъ себѣ дудку (курай) и сыгралъ на прощанье пѣсню собственнаго сочиненія, которая съ тѣхъ поръ распространилась подъ названіемъ «Бурамбай».

Бурамбай игралъ такъ трогательно, что старики и общественники плакали: они жалѣли уже о томъ, что Бурамбаю выпало такое суровое наказаніе (ссылка), тогда какъ они ожидали, что Бурамбай поспдитъ только въ острогѣ. Но рѣшеніе суда перемѣнить имъ было невозможно.

Родственниковъ этого Бурамбая я встрѣтилъ въ 1-й Бурзянской волости въ дер. Иткуловой 1-й. Канашкольскій Заводъ, Орскаго уѣзда.

Протяжно.

172.



См. инструментальную мелодію № 73 и 74.

1. Жыфаклаҕна бплҕал (бпльбау) башыука
Кумыш люля алтын буйауы.
Äскапан тулы уй хасрят,
Сырбыл ҕыртмас жыгыт уйауы.

2. Сакмарлаҕны спныц буинда
Урлаплагнай юзä ак урдак.
Уйламаҕан сакта хиспаста йок,
Уйланпсам жана йаш жӱрäк.

3. Табаккна табак ак каҕыз:
Бурамбайдын йазҕан хатлары.
Бурамбайдын йазҕан хатын курып,
Лашалыр аул картлары.

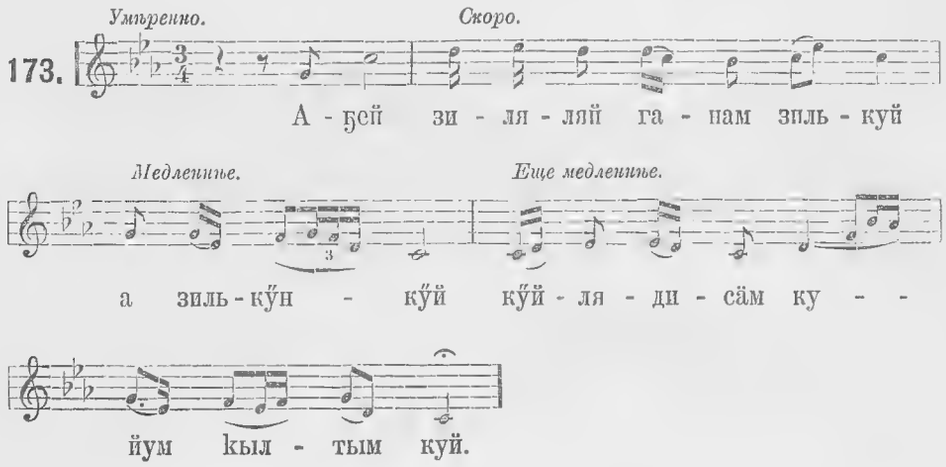
1. На концѣ шелковаго пояса позументъ
Съ серебрянымъ и золотымъ отливомъ.
Хотя въ душѣ (внутри) полонъ думъ и горя,
Но не выскажетъ этого удалой молодецъ.

2. Сакмара, по твоимъ водамъ
Плыветъ противъ теченія утка.
Если не думать, и горя нѣтъ,
А подумаю, горитъ молодое сердце.

3. Листы и листы бѣлой бумаги:
Это — письма Бурамбая.
Увидѣвъ письма Бурамбая,
Плачутъ деревенскіе старики.

Абдрахман — кантонный начальникъ, созвалъ народъ, чтобы заучили сочиненную имъ пѣсню; эту пѣсню играли и послѣ его смерти называли Абдрахмановою. Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

173.



См. инструментальные мелодіи № 75—77.

1. Зилляҕна зиляй зилькӯнкӯй,
Кӯйлядисäм куйум кылтым куй,
Фанилаҕна дӯндя сымайла,
Жӯрök каҕыуахыткайларда жылкынтый.

2. Йаз булмайды атлар жир синҥай,
Бер жилкынмай жыгыт миҥ зäкмäй.
Бызны кышы куҷыльтый,
Кайдан биликан ҕамель ульсанмай.

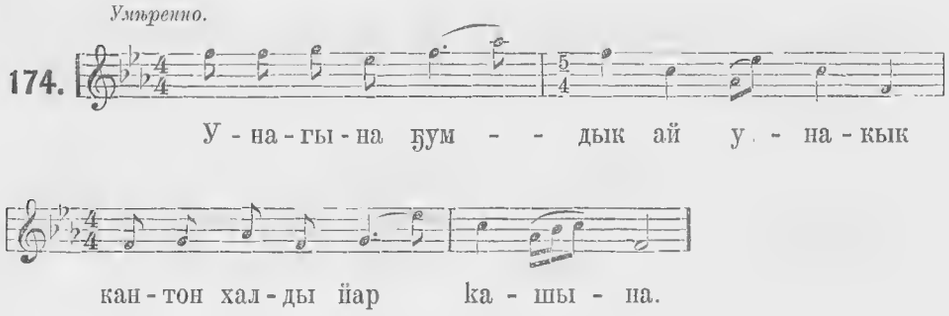
1. Плачь же, плачь, мотивъ, и волнуйся,
Я начну пѣть, упрямый мотивъ;
Прошлаго времени не воротишь,
Сердце веселится въ иное (свое) время.

2. Не бываетъ весны, если не заржутъ лошади;
Не радуется молодецъ безъ того, чтобы не раскраснѣться.
Людское сердце насъ угадываетъ,
Не давая себѣ точно отчета (откуда знаетъ, точно не опредѣляетъ).

Абдрахман — кантонный начальникъ 1-го кантона; его опоили и онъ умеръ. 1-й варіантъ. Султановскій пріискъ Рамеевыхъ Орскаго уѣзда.

Умѣренно.

174.



1. Уна ҕумдык упакык,
Кантон халды йар kашына.
Атам дус итып ишаңма:
Кантон атаң дусы житар башыца.

2. Ескинаин йанса салкынсыу
Жангап журакка файдимыш.
Йok уда куруп куанмасak,
Уйауда курйуу kайдимыш.

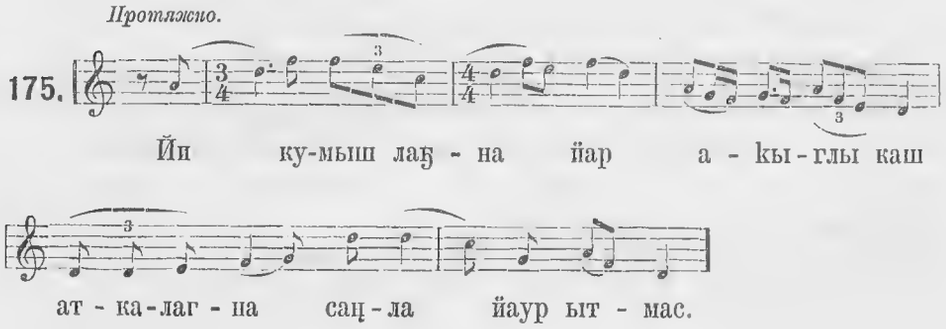
1. Новую рублевую монету и десять сердаликовъ,
Кантонный начальникъ придѣлалъ къ передку сѣдла.
Не надѣйся, кантонный, на друга отца:
Пострадаешь и черезъ друга отца.

2. Если горитъ у тебя внутри,
То холодная вода полезна для горячаго сердца.
Если не обрадуемся, увидѣвъ во снѣ,
То какъ увидимъ на яву?

Абдрахман Биктимиров — былъ сотникомъ въ 6-мъ кантонѣ въ дер. Старая Сибаева, Орскаго уѣзда, получалъ награды отъ начальства, любилъ пѣсельниковъ; сочинилъ пѣсню, чтобы народъ помнилъ о немъ. Озеро Кылтыбанъ Орскаго уѣзда.

Протяжно.

175.



1. Кумышла йар акыглы каш,
Аткаӈна салсаӌ йабыр итмас,
Жильк(и)на журак мали иткас;
Басла басла китар даур' уткас.

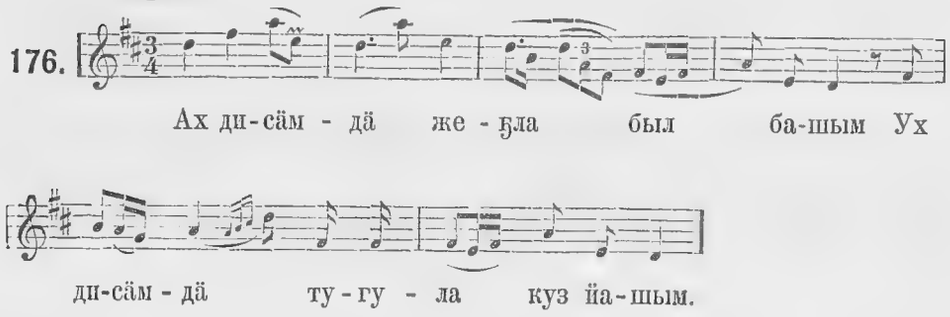
2. Йуз илиля сумдан бишар (?) алтын акык
Куйдырдынла йар кашына
Атам дустым пар тип ишандын кантон
Атаӌ дусты житты башына.

1. Если серебряное сѣдло съ сердоликовымъ передкомъ
Ты положишь на лошадь, то не будетъ порчи спины (подпарины);
Веселится сердце въ свое время,
Утихнетъ, утихнетъ, когда пройдетъ время.

2. Золотомъ и сердоликомъ на 150 рублей
Ты велѣлъ обить передокъ сѣдла;
Кантонный, повѣрилъ ты, что есть у тебя другъ отца:
Другъ отца добрался до твоей головы.

Гали Хасянов — простой башкиръ, молодой парень; недавно онъ былъ напрасно сосланъ въ Сибирь за то, что укралъ будто бы лошадей, по наговору крестьянина Канашкольскаго завода (Орскаго уѣзда); съ этимъ крестьяниномъ Хасяновъ, говорятъ, подрался и хотѣлъ стрѣлять въ него изъ револьвера.

176. *Умѣренно.*



1. Ах дисämдä жеҕлай бул башым,
Ух дисämдä тугула куз йашым;
Бейҕämбärдä Йакуп зарлы иды,
Бендäläрдä бäни зарл(ы)'итты.

2. Аҕыйдылькайларны урлаҕан,
Канатлары кызыл кук барли,
Уйпапкна кулюп калапk,
Укындра турҕан купларин!

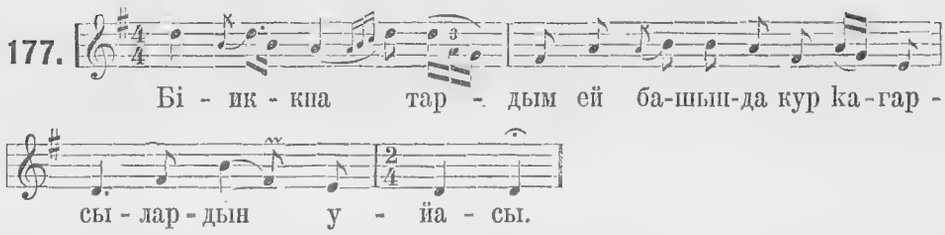
1. Когда скажу ахъ, плачетъ эта голова,
И когда скажу ухъ, проливаетъ слезы;
Пророкъ Іаковъ былъ грустенъ,
Но и меня люди заставили грустить.

2. Плывущая вверхъ по Бѣлой [1]),
Краснoперая сизая рыба
Наводитъ на раздумье многихъ,
А люди все играютъ да смѣются!

1) Смыслъ: какъ при видѣ рыбы является раздумье, что она когда-нибудь попадется на удочку, такъ то же думается и о людяхъ, но ихъ не озабочиваетъ эта мысль.

Жыр (протяжная пѣсня).

177.



1. Біик кна таунын башында
Кук карсыҕалардын уйасы;
Рахатлары йук йук мех(а)наты куп

Бу уафасыз фани дунйада.

2. Йашиль кна куйма кунджа баулы
Кызыл тура киряк жикмага;

Заманалар аур фитналар куп:

Дусиш киряк дундя кутмаҕа.

1. На вершинѣ высокой горы—
Гнѣзда пестраго (синяго) сокола;
Наслажденій нѣтъ и нѣтъ, а хлопотъ много

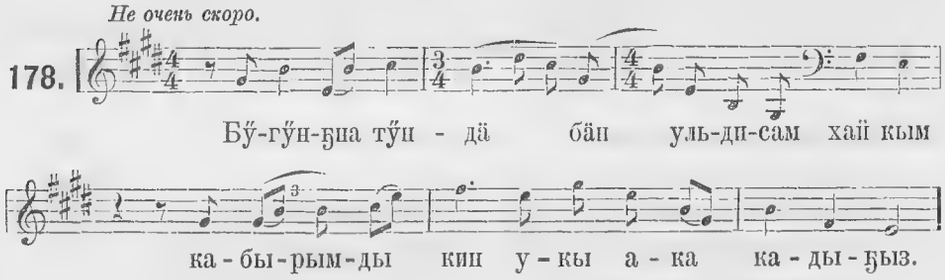
Въ этомъ безжалостномъ свѣтѣ.

2. Нужно запрягать съ красной дугой
Зеленую повозку съ ременными постромками;
Времена стали тяжелыя, огорченій (дрязгъ) много:
Друзья нужны, чтобы жить на свѣтѣ.

Кахым тўря.

Не очень скоро.

178.



См. мелодіи №№ 91—92 и 162.

1. Бўгўн тўндä бäн ульсам,
Кабырымды кин кадыҕыз,
Башы сума зифа таш куйаҕыз

Исимымды шуҕа йадыҕыз.

2. Бўгäсä тўндä тушумда
Белякäй ҕна желҕа буйладым,
Älля тушум алля уйаум
Тиҷ тушум белян уйнамын.

1. Если сегодня ночью я умру,
Вырыйте глубокую могилу,
Поставьте хорошій камень съ гладкимъ верхомъ

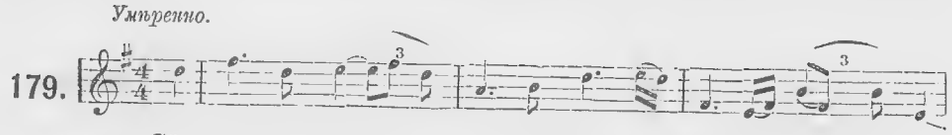
И имя мое напишите на немъ.

2. Сегодня ночью во снѣ
Я шелъ по маленькой рѣчкѣ,
Не знаю, во снѣ или на яву
Игралъ я съ товарищами.

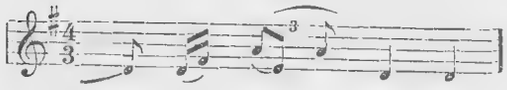
Тафтеляу.

Умѣренно.

179.



Сäп сан - ду - ҕас бул - са бäн кар - ди - ҕас сай - ра шыр-быс



а - ле аз бул - ҕас.

См. мелодіи №№ 26, 56, 67 и 159.

1. Сäн сандуҕас булса бäн кардиҕас
Сайрашырбыс äле аз булҕас;
Кем ҕумыры белян кым юрӱсӱҥ,
Узи узи ҕумыры аз булҕас.

2. Аҕыйзыль сипе кисканда,
Блаҕым талды бäним ишканда;
Гакылым бӱтӱн хушим китты,
Уткан ҕумырым иска тушканда.

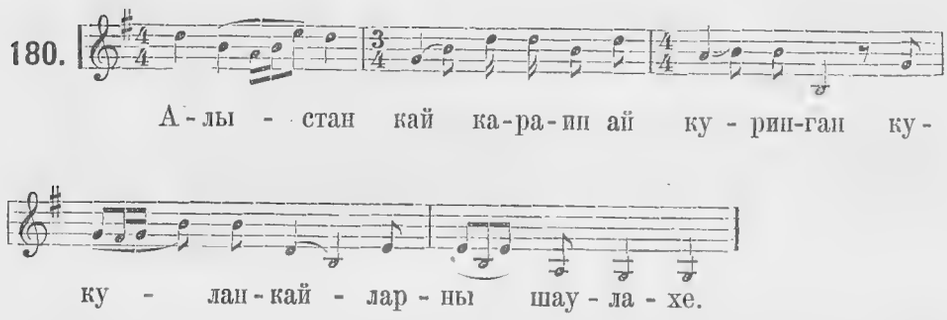
1. Ты — соловей, я — ласточка,
Попоемъ еще, если мало;
Чьей жизнью станешь пользоваться,
Если собственная жизнь коротка.

2. Когда я переѣзжалъ тебя, рѣка Бѣлая,
Устала моя рука оттого, что гребла;
Умъ пропалъ, разсудокъ исчезъ,
Когда вспомнилась мнѣ прошлая жизнь.

Гылим йаза — имя дѣвки, которую укралъ разбойникъ и которой потомъ не нашли.

Не скоро.

180.



1. Алыстан каранп курипган
Кукуланкайларнын шаулахе;
Журт иле исина тушкан сакта
Журуй микан курла каудахе.

2. Баксысында ускан бадьан ағас,
Бадьаны бўтхä тал кыбык;

Газизлағна башы китып барды
Заклат салып ейган мал кыбык.

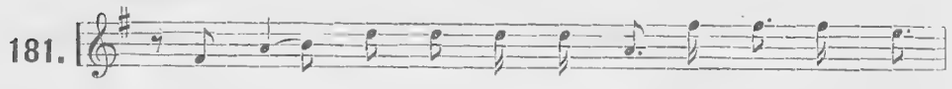
1. Издали виднѣется что-то черное,
Это — тѣнь зеленыхъ травъ;
Когда вспомнится ему родина,
То онъ идетъ и шатается (?) туловищемъ.

2. Въ саду выросло бадьянное дерево,
Когда плоды кончились, оно стало какъ тальникъ;
Бѣдная его голова ушла
Все равно, какъ вещь, отданная въ закладъ.

Файзуллина пѣсня: былъ бродяга Файзулла Бішшевъ въ Тамьяно-Тангаурской волости верхнеуральскаго уѣзда, котораго лѣтъ 10 не могли поймать; наконецъ онъ былъ пойманъ и посаженъ въ верхнеуральскій острогъ, гдѣ его убили; онъ сочинялъ свои пѣсни.

Умѣренно.

181.



Жы-гыт кы-па кы-шы-нын ай кый-ҕа-ны
А-ла-мын ди-ган жи-ри-дан ал-май кит-мäс

кы-зыл гы-пай тӱль-кӱ ку-лак-сын
жи-гыт у-зи мес-кын а-ла-сын.

1. Жыгыт кышынын кыйҕаны
Кызыл тӱлькӱ кулаксын;
Аламын диган жырдан алмай,
Китмäс жыгыт узи мескин аласын.

1. Молодецъ надѣвастъ
Краснолисію шапку;
Молодецъ не уйдетъ, не поживившись,
Оттуда, гдѣ надѣялся на поживу.

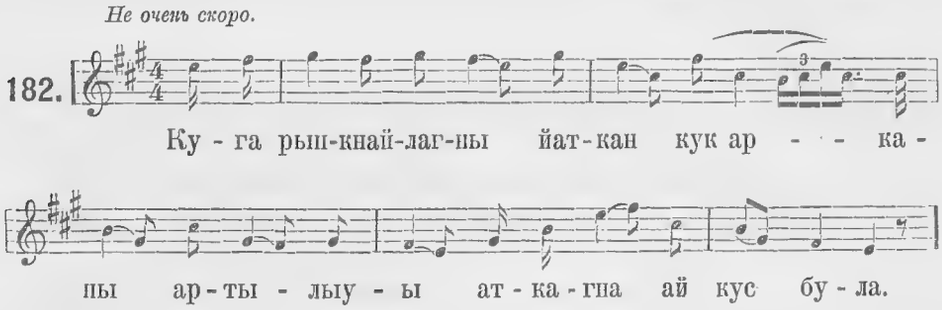
2. Хауадинкай ускан кубеляк,
Канатыннын усу туцаряк.
Мал ҕайҕысы бызга кайҕы тугыль,
Баш кайҕыҕы бызҕа куберяк.

2. Крылья бабочки, летающей по воздуху,
На концахъ круглы.
Горе отъ имущества для насъ не горе,
У насъ есть другое горе, побольше.

Армейская пѣсня, которую пѣли Башкиры, когда собирались въ армію при существованіи башкирскаго войска.

Не очень скоро.

182.



Ку - га рын-кнай-лаг-ны йат-кан кук ар - - - ка -

ны ар - ты - лыу - ы ат - ка - гна ай кус бу - ла.

1. Кугарынкнай йаткан кук
Арканы артылыуы атка кус була;
Утканҕнай ҕумырынныи билгасы йок:
Таҷ ата да дахи кис була.

2. Бäн сандуҕас идым уз илимда,
Бäн сайҕаймын кышы жиримда;
Ак жумуртка кибык тагармала тип,
Ризык мескин йурюта куп йергä.

1. Переѣхать синій Сыртъ (горный хребетъ на Уралѣ)
Для лошади тяжело;
Отъ минувшей жизни нѣтъ и признаковъ:
Разсвѣтаетъ и темнѣетъ (т. е. только и помнится, что день да ночь).

2. Я былъ соловьемъ на своей родинѣ,
А на чужой сторонѣ желтѣю;
Какъ бѣлое яйцо катитъ меня
Злая судьба и таскаетъ по многимъ странамъ.

Анжокай-Іулдыкай. Были 7 дѣвокъ; одна изъ нихъ имѣла жениха; однажды лѣтомъ народъ ушелъ изъ кочевки весь на сѣнокосъ, и коши (лѣтнія жилища Башкиръ) остались пустыми и запертыми. Женихъ воспользовался тѣмъ временемъ и пришелъ къ дѣвкамъ пировать, но у послѣднихъ не было для этого ни кумыса, ни мяса. Тогда сообща рѣшили, что женихъ заберется на верхушку сосѣдняго богатаго коша, а онѣ, дѣвки, спустятъ его по веревкѣ внутрь коша, откуда онъ достанетъ мяса и кумыса. Женихъ забрался на кошъ, а дѣвки стали его спускать на веревкѣ, но когда спускали, онъ наткнулся животомъ на косы, которыя были при-

вязаны на верху коша, и тутъ же умеръ. Поднялся переполохъ, дѣвки вытащили обратно трупъ жениха и стали думать, какъ скрыть бѣду, думали и надумали сжечь его; но плохо имъ удалось это, онѣ только обожгли трупъ; народъ возвратился и накрылъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Всѣ семь дѣвокъ были сосланы въ Сибирь, двѣ изъ нихъ сочинили эту пѣсню, названную ихъ именами.

183.

Не скоро.

Бу - га - са кай тӱп - дä ай тӱ-шум - дä Ур -
Äл - ля тӱ-шӱм кай äлл' ай у - йау - ым тиң -

Припѣвъ.

ӈа - да - гы суу - ды буй - ла-дым ай Ап-жо - кай
да-шым-ӈы бе - лян уй - на-дым ай Йул-ды - кай.

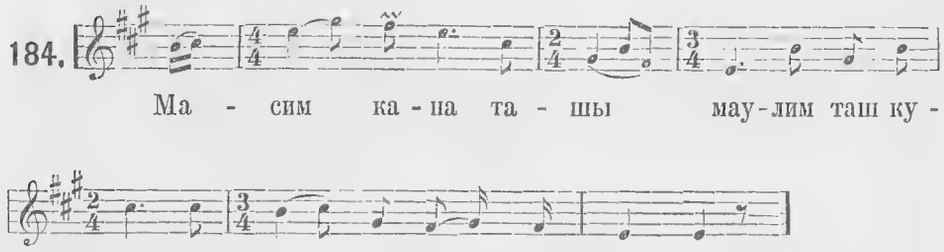
1. Бугаса тӱндä тушумда
Урӈада сууды буйладым
Анжокай;
Äлля тӱшӱм äлля уйауым,
Тиңдашим белян уйнадым,
Йулдыкай.
2. Урӈадаӈы сыудын буинда
Илиля буӈула ускан бер уляш,
Анжокай;
Журт плим искä тушкан сакта
Анадан йаңы тыуӈандай булам,
Йулдыкай.
3. Урӈадахы сыуды сыкканда
Камысым жатып калды каирлып
Анжокай;
Камысым ӱсюп кайӈырмаймын:
Тиң тушум калды апрлып,
Йулдыкай.

1. Сегодня почью во снѣ
Я шла вдоль по рѣчкѣ Ургѣ,
Апжокай;
Не знаю во снѣ, не знаю на яву,
Играла я съ другомъ,
Юлдыкай.
2. По теченію рѣчки Угры
Склоняется и гнется трава,
Анжокай;
Когда вспомню свою родину,
То дѣлаюсь точно новорожденная,
Юлдыкай.
3. Когда переходишь рѣчку Ургу,
Камышы ложатся пригибаясь,
Анжокай;
Я о камышѣ не тужу:
Я съ милымъ (другомъ) разлучилась,
Юлдыкай.

Пѣсни 3-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда, лежащей въ высокихъ малодоступныхъ горахъ южнаго Урала. Говоръ этой волости отличается отъ говора другихъ башкирскихъ волостей (№№ 184—188).

Протяжно.

184.



1. Масимҕна[1]) ташы маулим таш,
Кумышкна йу(з)дук маржин каш;
Бармакаим камыш йузун куйаш,
Аккыларын камиль ўзўц йаш.

1. Камень горы Масимъ—Божій камень,
Серебряный перстень съ коралловымъ камнемъ;
Палецъ твой какъ камышъ, лицо какъ солнце,
Умъ твой въ полной силѣ, самъ ты молодъ.

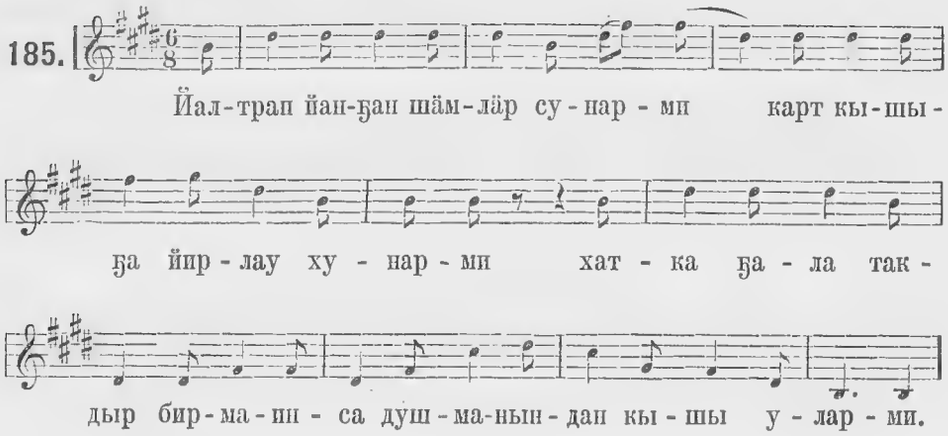
2. Йугрыпка сыктым саҕылга
Турысайҕна атыцны езларга.
Исänникäй белян саулы киряк
Хыз (сыз) туралар белян бызларга.

2. Я бѣгомъ взобрался на гору
Искать твою гнѣдую лошадь.
Жизнь и здоровье нужны
И вамъ, господа, и намъ.

1) Масимъ — очень высокая гора въ 3-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда.

Умѣренно скоро.

185.



1. Йалтрап йанған шämлäр сунармы
Карт кышыға йирлау хунармы!
Хаткағала такдыр бирмаинса,
Душманындан кышы уларми?

2. Уассäман белян уальфажир[1])
Кук белян таңның исмидур,
Синың куңлим älля нисик,
Бäним куңлим бизмайдур.

1. Ярко горящія свѣчи развѣ тухнутъ?
Пропѣть старику не штука!
Пока нѣтъ воли Божіей,
Развѣ умретъ человѣкъ отъ враговъ?

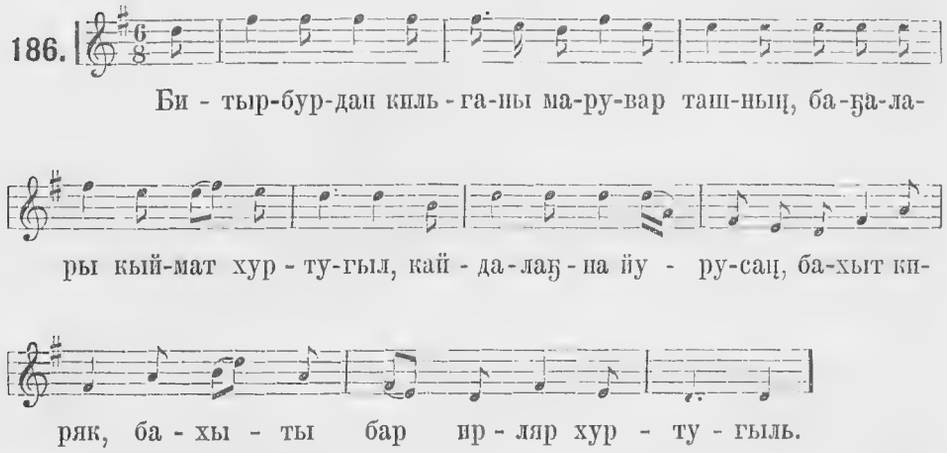
2. «Клянусь небомъ и зарею»,
Это — названіе неба и разсвѣта,
Не знаю, каково твое расположеніе,
Но мое расположеніе не измѣняется.

---

1) Поэтъ произноситъ клятву по-арабски въ неизмѣнности своего расположенія и объясняетъ арабскія слова по-башкирски во второй строчкѣ.

Довольно скоро.

186.



1. Битырбурдан кильган марувар ташныӊ,
Баӈалары кыймат хур тугыль;
Кайдалагна йурусаӊ, бахыт киряк,
Бахыты бар ирляр хур тугыль.

1. Изъ Петербурга привезенъ дорогой камень,
Цѣна его большая, не малая;
Куда ни поѣзжай, счастье нужно,
Счастливый человѣкъ не плохой человѣкъ.

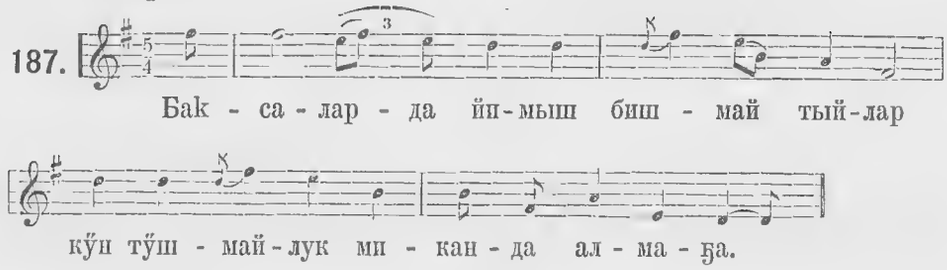
2. Кугарып йатқан кугарка́
Ирандыкайтаунын Беркуты
Йасыла йаӈла йаурын,

Ах малинки (русское слово) буржан жыгыты.

2. Гора Беркутъ въ хребтѣ Ирендыкъ
Съ своей синѣющей вершиной
Раскинулась точно широкими плечами,
Ахъ, маленькій бурзянскій молодецъ.

Умѣренно.

187.



1. Баксаларда йимыш бишмайтыйлар,
Кӱн тушмайлук микан алмаҕа;
Сафарларда теляк макбул тыйлар:
Хар сафарлар йалбар Аллаҕа.

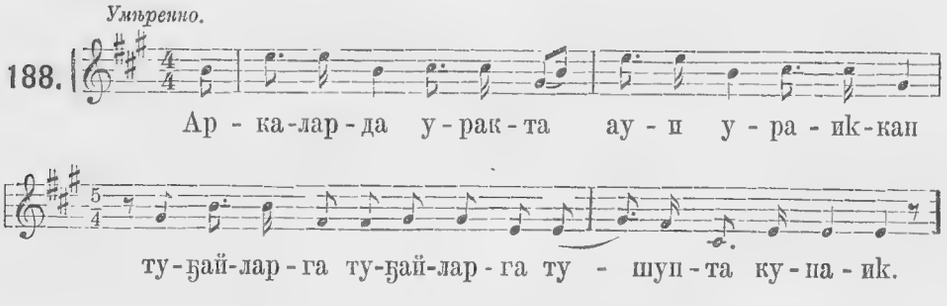
2. Буз турҕай усар хауаҕа
Тасбих айтып тушар бисарà;
Тугыль тала йашим кайгырма:
Башим Алла ишина нійсара.

1. Говорятъ, въ саду ягода не созрѣваетъ,
Вѣроятно, не попадаетъ солнце на яблоки;
Говорятъ, молитва полезна во время путешествія:
Въ каждомъ путешествіи молись Богу.

2. Воробей летитъ по воздуху
И спускается, славя (Бога);
Не омрачай (реньше времени) моей беззаботной юности:
Противъ Божіей волинѣтъ средства!

Умѣренно.

188.



См. инструментальную мелодію № 125.

Аркаларда урак ураик,
Туҕайга тушуп кунаик.
Йулбуикаиnан кышы кильҕан,
Таш уйнаткан кышы булаик.

Будемте жать на горѣ жатву,
Будемте почевать на лугахъ.
Если человѣкъ пойдетъ по дорогѣ,
Будемте играть какъ бы въ камешки.

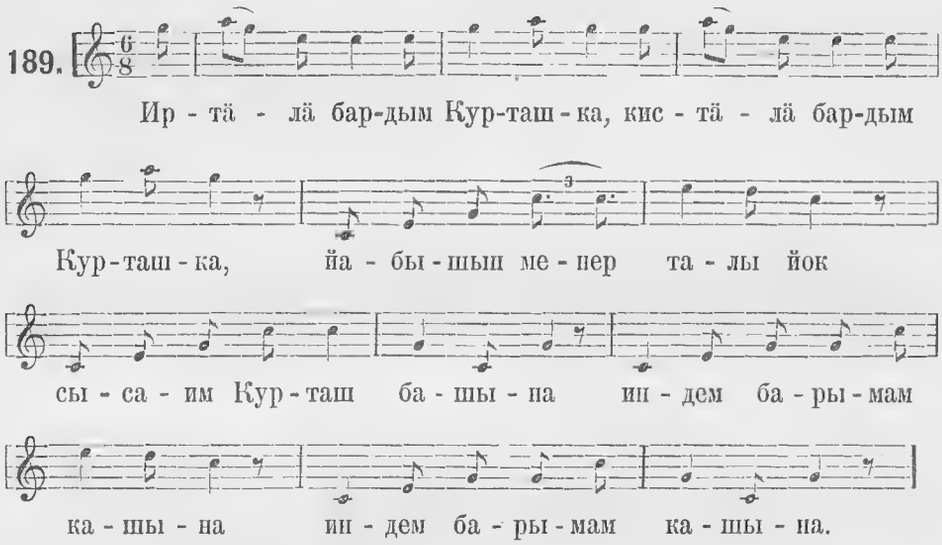
Скорыя, легкія пѣсни.

Жиңыль-куй. (№№ 189—195).

Курташ — довольно высокая гора въ южномъ Уралѣ близъ города Верхнеуральска.

Умѣренно скоро.

189.



См. инструментальную мелодію № 103.

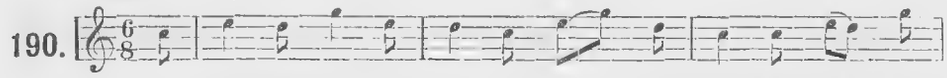
Иртäлä бардым Курташка,
Кистäлä бардым Курташка
Йабышып менер талы йок:
Сысаим, Курташ, башына,
Индем барымам кашына,
Индем барымам кашына.

Я утромъ ходилъ на Курташъ,
Я вечеромъ ходилъ на Курташъ
Искалъ, пѣтъ тальниковъ:
Оскверню, Курташъ, твою голову,
Больше къ тебѣ не приду,
Больше къ тебѣ не приду.

Пѣсня Ихбердина — это былъ старшина 2-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда, ум. 1885 г.; онъ отравился отъ плохаго положенія дѣлъ и передъ смертью сочинилъ пѣсню.

Не очень скоро.

190.



Кы - зыл ту-рат бе - лян кы - зы-л(ы) ку - кат йу - руй ми -

кан са - ҕыл кы - зы - рып.

См. инструментальные мелодіи №№ 78—80.

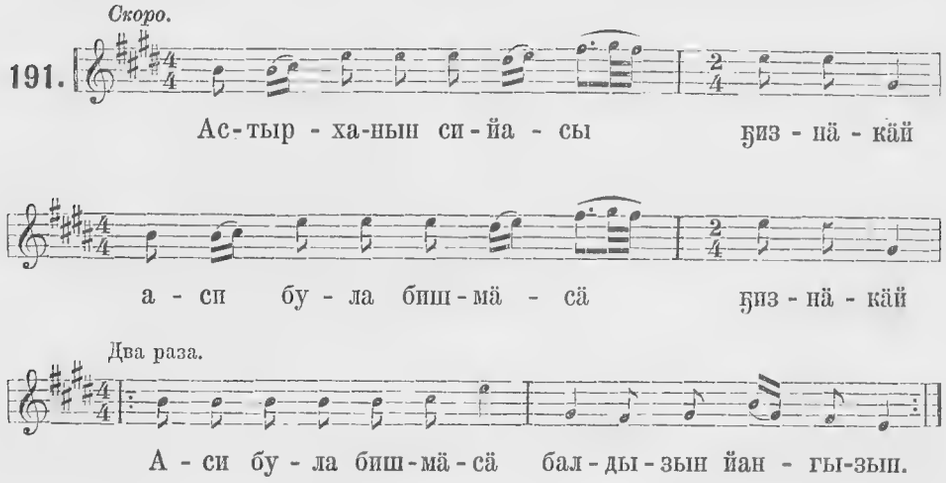
1. Кызыл тур ат белян кызыл кук ат йуруй микан саҕыл кызырып?
   Бряу йурый уйнап кулуп бряу йурый ейлип пугулуп.
2. Жиҥәк бильбау осу ука биллярипда йурюп туз сине.
   Зауклы ҕумыр даим даулят беляч уз сине.

1. Гнѣдая и красносѣрая лошади погуливаютъ ли вмѣстѣ по горамъ?
   Одинъ живетъ играя и улыбаясь, другой живетъ сгорбившись и согнувшись.
2. Шелковый кушакъ съ позументомъ на концѣ пусть износится на твоей поясницѣ;
   Прекрасная жизнь пусть пройдетъ въ богатствѣ.

Гизнäкäй (зять).

Скоро.

191.



См. татарскіе варіанты № 5 (для скрипки) и № 50 (пѣсня).

1. Астырханын сiйасы, ҕизнäкäй,
Аси була бишмäсä, ҕизнäкäй,
Аси була бишмäсä,
Балдызын йангызын } (2 р.)

2. Альда вылай булмас идым ҕизнäкäй
Йаштан хышкым тушмаса, ҕизнäкäй,
Йаштан хышкым тушмаса,
Балдызын йангызын } (2 р.)

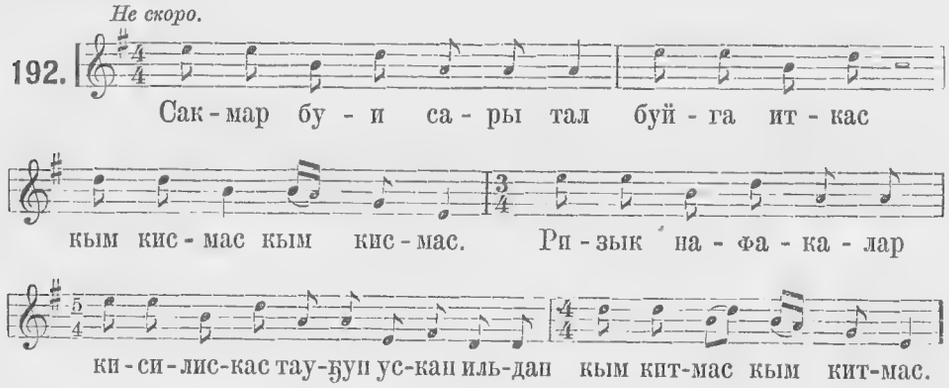
1. Астраханскія вишни кислы, зятекъ,
Если не спѣлы, зятекъ,
Если не спѣлы, своячена одинешенька.

2. Я не была бы такая, зятекъ,
Если бы не влюбилась въ молодости, зятекъ,
Если бы не влюбилась въ молодости,
Своячена одинешенька.

Въ слѣдующихъ пѣсняхъ мелодія татарскія, текстъ башкирскій. Жыр. Дер. Иткулова II-я Орск. у.

Не скоро.

192.



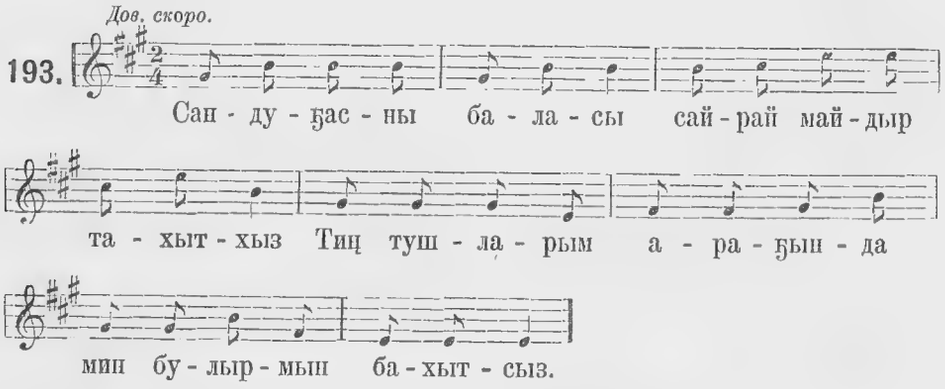
1. Сакмар бун сары тал
Буйга йиткас
Кым кисмас?
2. Ризык нафакалар кисилискас
Тауғун ускан ильдан
Кым китмас?

1. По рѣкѣ Сакмарѣ кто не вырубаетъ
Желтаго тальника, когда онъ подростетъ?
Если прекратятся средства къ жизни,
То кто не откажется отъ родины?

Гора Максимъ Орск. у.

Дов. скоро.

193.



1. Сандуғасны баласы
Сайраймайдыр тахытхыз;
Тиң тушларым арағында
Мин булармын бахытхыз.
2. Йаңғы фурма йарыңмы
Халдым куғат билиңа:
Ак куш кубык усарндым
Туун ускан илима.

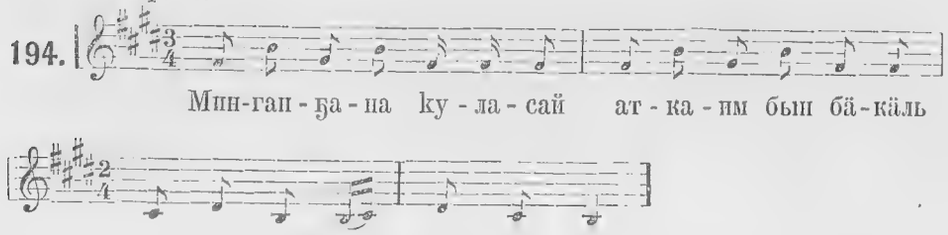
1. Птенецъ соловья
Не поетъ безъ мѣста (не сѣвши куда-нибудь);
Между сверстниками
Я буду несчастливъ.
2. Сѣдло новаго образца
Я положилъ на спину сивой лошади:
Какъ бѣлый лебедь
Полетѣлъ бы я на свою родину.

Умѣренно.

194.

Мин-ган-ҕа-на ку-ла-сай ат-ка-им бын бä-кäль

су-йак-ла-ры кыл-сыл-дай.



Менганҕана куласай аткаим бын,
Бäкаль суйаклары кылсылдай
Тик йат сана жаным кышы
Шишитыр сильтарсуккайларым (?)
сылтырай.

Верховая моя лошадь мышистая,
У нея всѣ косточки шевелятся;
Полежи такъ (спокойно), душа моя,
. . . . . .

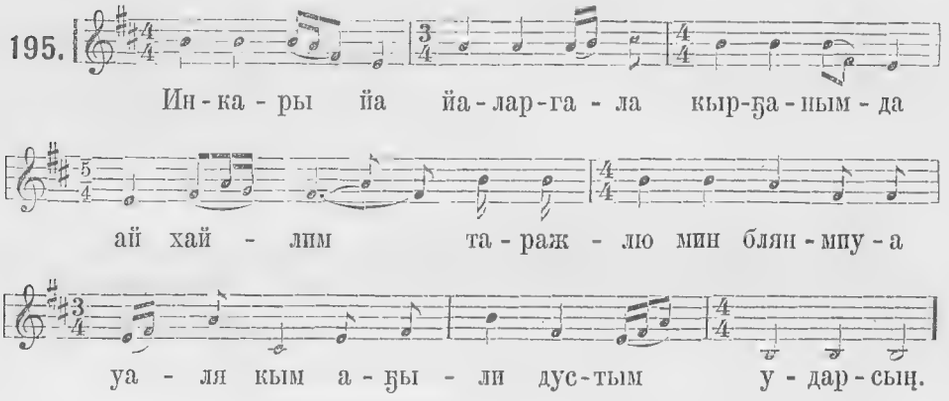
Не скоро.

195.

Ин-ка-ры йа йа-лар-га-ла кыр-ҕа-ным-да

ай хай-лим та-раж-лю мин блян-мпу-а

уа-ля кым а-ҕы-ли дус-тым у-дар-сың.



Инкары йарларга кырҕанымда,
Таражлю бляп міуа ударсың;
Äллярыңа килип назарын салса
Руфталаңмай (ульфатлаңмай) нисик
тударсың!

Когда вступаешь за границу,
Изъ окошекъ тебѣ подаютъ фрукты
(въ Бухарѣ);
Если она придетъ сама и обратитъ
вниманіе,
Какъ утерпѣть, какъ не полюбить!

(Сообщилъ учитель Казаккуловскаго русско-башкирскаго училища, Верхнеуральскаго уѣзда, г. Ибрагимовъ.)

1. Торло чячкя сатып алдым утыртыйым дибук бакчага;
Хак тагала бахыт бирмядися сатыб алып булмый акчага.
Я купилъ разныхъ цвѣтовъ, чтобы посадить ихъ въ садъ;
(Но) не купишь за деньги счастья, если Богъ не дастъ его.
2. Жирянчай атнын жалыкайын кыбылалардан искян жил тарай;
Хак тагаля бахыт бирмядися акыл белян жöрöб кэм жарай.
Гриву рыжей лошади чешетъ вѣтеръ, дующій съ запада (обращ. къ Меккѣ);
Если Богъ не дастъ счастья, то и съ умомъ ничего не подѣлаешь.
3. Жирянчай дя атнын жургасы мäргäн жегет аткан ук кеўек;
Уй хасрятлярем жук кеўек жöрякяйлярем жана ут кэўек.
Иноходь у рыжей лошади — словно стрѣла, пущенная стрѣлкомъ;
Хотя горя и печали нѣтъ, но сердце горитъ какъ въ огнѣ.
4. Алыскына карап кўренгян Уралгына тауын кўляме;
Хак жазмышларын кўрмяйенче тагдир житмяй кешы ўляме.
Издали я посмотрѣлъ: видпѣется гора Уралъ;
Не дождавшись предопредѣленія судьбы, какой человѣкъ умретъ до своей смерти?
5. Кўк кўгярченкяй кўктя уйнай кўлягясе анын жирдя уйнай;
Кузгынайым минем жокласада кўкрякяйем минем кўнне уйлай.
Играетъ сизая голубка въ небѣ, а тѣнь ея на землѣ;
Хотя глаза мои спятъ, но сердце (грудь) мое думаетъ о многомъ.
6. Ике дя жирян парлар кöрян äйдеп алып бумый жул белян;
Мангай гына жазган хак жазмышын жуйыб кына бумый кул белян.
Двѣ рыжки, двѣ бурки, не свернешь ихъ на прямую дорогу;
Что судьбою написано на лбу, того не смыть (не стереть) рукой.
7. Алыскына карап кўренгян Уралгына тауын ак ташы;
Кайда да бармас кайда жöрмяс ир башкайы белян ат башы.
Издали я увидѣлъ бѣлый камень Уральскихъ горъ;
Куда не заходитъ, гдѣ не побываетъ голова человѣка и лошади!
8. Билекяйеня быуган биль бауынын чикмяпеня сыгар буйауы;
Эчкеняйнен кöйгäн кöйöгöн белгертмяидер жегет уйауы.
Отъ подвязаннаго пояса на кафтанѣ остается краска;
Что бы сердце ни испытывало, не дастъ знать объ этомъ удалой-молодецъ.

9. Ун кулыма кейгян кӧмӧш жӧзӧк сул кулыма кейсям буш кеуек;
Был жӧрӧўлярем бик мäхӧрӧм канатлары сынган кош кеўек.
Кольцо съ правой руки, когда я надѣлъ его на лѣвую, оказалось велико;
Теперь я хожу очень плохо, словно птица, у которой переломлено крыло.

10. Иртя белян тороб мин карасам сарычай тургай сўтя уйынны;
Уйнарда ейдем кӧляр ейдем факирлекяй кпся муйынны.
Вставши рано, я посмотрѣлъ: жаворонокъ весело поетъ;
Я также попѣлъ бы, поигралъ бы и посмѣялся бы, но бѣднота рѣжетъ мою шею.

11. Шанкылдайдыр шопкар баласы катрипбурскій кантурда;
Баулы лачын кеўск талнынамын тыуыб ўскян жиргя кайтырга.
Поетъ въ екатерѣнбургской конторѣ маленькій соколъ;
Точно кречетъ на привязи я бьюсь, чтобы отправиться на родину.

12. Алыскына карап кўренгян сарычай тӧлкӧ баласы;
Ўзе жырлый ўзе жылый кайсы атаның монны баласы.
Издали я увидѣлъ дѣтеныша желтой лисицы;
Самъ поетъ, самъ плачетъ: какой это матери несчастное дитя?

13. Башкуртларның байларында кунде пешер куллама;
Башкуртларның кызлары кундя барыр муллага.
У богатыхъ Башкиръ ежедневно куллама (лапша съ крошенымъ) мясомъ).
Дочери ихъ ходятъ ежедневно къ муллѣ

14. Терязем тўбя бузгына челяк йарым тузгына;
Уйнаганым кульганим ун ики йашар кызгына.
У меня на окошкѣ ледокъ, по краямъ ведерка (ведра) — береста;
Забавы да игрушки — двѣнадцатилѣтнія дѣвочки.

---

1. Шыкыр шыкыр саускан,
Аяклары таишкан.
Кимга йаман булсада,
Ўземя якши абшкам.

1. Стрекочутъ сороки,
Кривыя ножки.
Людямъ хоть не нравится,
А самой муженекъ нравится.

2. Француз [1]) кўльмяк сын тектерден,
Итягіерге тисин деп;
Мен чакырым син кильмеден,
Азырак йаныц кӧйсен деп.

2. Ты сшила рубашку изъ красной матеріи,
Такъ, чтобы подолъ ея доставалъ до земли;
Когда я звалъ тебя, душка, ты не пришла,
Чтобы я немножко погоревалъ.

1) Красная матерія.

3. Кулымда яшел перчатка,
Ишик алдым ришетка,
Канчан тиярикен мең кулым
Ӱсеб кильген яш имчекке?

3. У меня на рукахъ замшевыя перчатки,
На дворѣ зеленыя рѣшетки
Скоро ли прикоснутся къ молодой груди (дѣвицы) мои руки?

4. Укалы тюбетей кимейсен
Кышгер салып юрмейсен,
Уйнамайсын кӱльмейсин,
Гумыр утер димейен.

4. Тюбетейки изъ позумента ты не надѣваешь набекрень и не ходишь,
Не играешь и не смѣешься,
Забывая, что молодость твоя проходитъ.

5. Домбра туттым кулыма
Чиктым урам буйна;
Добрамны ташладым,
Кызлар уйга башладым,

5. Я держалъ въ рукахъ домбру (балалайку)
И проходилъ по улицѣ;
Бросилъ я домбру,
Ввелъ дѣвокъ въ избенку,

6. Кызлар ӱбя башладым,
Кызлар убиб тотлыдым;
Тенке береп котылдым.

6. Сталъ я ихъ цѣловать,
Но меня поймали;
Вырвался я изъ бѣды,
Заплативъ по монеткѣ.

(Двѣ послѣднія строфы представляютъ семистишіе.

---

7. Ак калпагын кинсене?
Кышгер салып юрсене.
Бекрек матур кыз икенсен,
Мени сӧйемен дисене.

7. Есть ли бѣлый колпакъ?
Надѣнь набекрень да похаживай.
Ты очень красивая дѣвка,
Скажи, что де тебя люблю.

8. Ак калпагын бар кубик;
Ӧзиң шикер бал кубык.
Айленасын, тулганасын.
Менде куңлим бар кубык.

8. У тебя есть бѣлый колпакъ;
Уста сахарныя и медовыя.
Ты вертишься и увиваешься около меня.
Желая сказать теплое слово.

9. Кашын кара куш кӧбек,
Буиң туты кӧш кӧбек;
Сенең белян уйнаган чак,
Юкы да курган тӧш кӧбек.

9. Брови твои какъ у орла,
Станъ какъ у попугая;
Время свиданья съ тобою, душечка,
Прошло какъ сновидѣнье.

10. Бряу да икяу ӧчеу дӧртау,
Бер табанга дустлар басайк;
Бер табанга дустлар басмаганни,
Кильтрен тасаплар га асайк.

10. Хоть одинъ, хоть двое, трое,
Ступимъ въ одинъ шагъ;
Кто изъ насъ будетъ не согласенъ,
Того привѣсимъ къ столбу.

11. Су агадыр арыктын,
Кызлар карай йарыктын,
Югёрип чеген öбер идем,
Öй йаламын халыкдын.

11. Вода течетъ черезъ плотину,
Дѣвки смотрятъ въ щель,
Выбѣжалъ бы да поцѣловалъ бы,
Но стыжусь народа.

См. тотъ же такмакъ въ татарск. пѣсняхъ № 40.

12. Каин тöбе карадыр,
Каин суи тазадыр;
Каин юртына баргас
Öен безге каядыр.

12. Корень у березы черенъ,
Сокъ березы чистъ;
По выходѣ замужъ
Играть мнѣ не придется.

13. Алтын балдак бармакда,
Эйленедер салмакка;
Эйтер сюзиц булса жапхай!

Айда чегаик аулакка.

13. У меня на пальцѣ золотое кольцо,
Вертится оно у меня на рукѣ;
Если хочешь сказать: «да, согласна!»

Пойдемъ въ уединенное мѣсто.

14. Апрель бетмей ер су кибмей,

Юлга чигып булмайдыр;
Худай насыб итмегеч,

Мал илян барып булмайдыр!

14. До конца апрѣля земля не просыхаетъ,
Нельзя на дорогу выѣхать;
Если мнѣ не суждено съ тобою соединиться,
То деньгами не поможешь!

15. Алма пешер öзелеб тöшер
Жайниц гöзель вактында;
Югереп чеген суröб öбер,
Сагынып кильгäн чагында.

15. Спѣлое яблоко само падаетъ
Въ серединѣ жаркаго лѣта;
Моя милая, выбѣжавъ изъ избы,
Поцѣлуетъ меня, когда я возвращусь изъ дальней отлучки.

16. Кök кӳгерчен кукда ойнай,
Кӳлягеси ерде ойнай;
Быз мескинляр китя деен,

Бызныц öчень кем йылай.

16. Сизый голубь играетъ въ небѣ,
А тѣнь отъ него на землѣ;
О томъ, что мы бѣдные ѣдемъ на чужую сторону,
Никто не плачетъ.

17. Атайимныц атлары
Чабып тöшти бу йулга;
Атай имга айтыцыз:
Бермей торсин бу йылга.

17. Лошади моего отца
Прискакали на эту дорогу;
Скажите моему отцу:
Пусть не выдаетъ меня замужъ въ этомъ году.

18. Каз канаты каткат булыр,
Ир канаты ат булыр;
Кулында малыц бетенеся,

Уз тоганыц йат булыр.

18. Крылья у гуся въ нѣсколько рядовъ,
У человѣка крылья — лошади;
Когда въ рукахъ средствъ не будетъ,
Родные станутъ чужими людьми.

19. Кӧмеш кашлы иерии
Салдым сарат белене;

Ак кӧш булыб ӧчер идем
Туган ӧськен ерьлярге.

20. Аргы якта ниляр бар?
Житен чечкен ерлярбар,
Житен чечке ата икен;
Жанкай кайда жата икен.

21. Аргы йактан берги йакка
Басма салдым етмейде;

Бергене матур бар иди,
Худай насып итмеди.

19. Я осѣдлалъ соловаго жеребца
Сѣдломъ съ серебрянымъ набором;
Полетѣлъ бы, какъ бѣлый лебедь
Въ родную свою сторонушку.

20. Что это на томъ берегу рѣчки?
Мѣста, засѣянныя льномъ,
Ленъ цвѣтетъ;
Не знаю я, гдѣ милая живетъ.

21. Съ одного берега на другой
Я положилъ жерди, но онѣ не достали;
Была одна красавица,
Но мнѣ не суждено было ее взять.

---

1. Чай ечесез ӱзегез
Тярязедӓ кӧзегез;
Уймак кебек аозен
Сӧрып, сӧрып ӱбегез.

2. Кыз десягез кызамен,

Ӧц кулымнн сӧзамин;
Кыз булганы хатын булса,
Кырнн карап узамин.

3. Су буинда машина,
Аркан таккан башына.
Кызлар матур булам деп,
Сӱрымя тартыр кашына.

4. Бар кызларныц йахшысы
Четек кяуш кигяни;
Бар кызларныц йаманы,
Ӧкъясиня сигяни.

5. Без кильмядек китяргӓ,

Кильдек гулять итяргӓ,
Сезнец кӧбек купакларга,
Йирлан хӧрмят итяргӓ.

1. Сами чай пьете
И въ окна глаза бросаете;
Въ уста съ наперстокъ
Крѣпко цѣлуете.

2. Вы скажете: «дѣвка», — изъ ума выхожу,
Правую руку даю;
А если вмѣсто дѣвки — женщина,
Косо смотря, прохожу (мимо).

3. У воды стоитъ машина,
Аркапъ привязанъ къ головѣ.
Дѣвки, чтобы быть красивѣе,
Чернятъ брови сурьмой.

4. Хороши дѣвки
Въ ичегахъ и башмачкахъ;
Плохи дѣвки,
Которыя гадятъ на пяткахъ.

5. Мы не пришли (для того), чтобы ни съ чѣмъ уйти,
А пришли съ вами гулять
И васъ, какъ гостей,
Угощать съ пѣснями.

Слѣдующую пѣсню поютъ, когда ѣдятъ *салму* — лапшу, круглую, какъ орѣхъ.

6. Бар екетнен йахшысы,
Майлаб чячен тараган,
Бар екетнен йаманы,
Потолокны санаган.

6. Тотъ парень хорошій,
Кто съ масломъ голову причесалъ,
А тотъ парень плохой,
Кто доски на потолкѣ считаетъ.

На эту пѣсню поютъ отвѣтъ.

7. Бар екетнен унганы
Кашыксаин унары.

7. Бойкій парень сразу по 10 штукъ салмы
Зачерпнетъ ложкой.

8. Керели туры атлар счеп,
Байлар базарга бара;
Буйга ускан кызлар барда,
Тöл хатынны кем ала.

8. Запрягши гнѣдо-карихъ лошадей,
Богачи ѣдутъ на базаръ;
Когда есть взрослыя дѣвицы,
Кто возьметъ вдовъ за себя.

9. Етекяй минга топ тектер:
Минда кіесем киля;
Етекяй минга кызалып бир:
Минда сöясем киля.

9. Закажи, тятя, шубу:
Я хочу ее носить;
Сватай за меня дѣвицу:
Я хочу ее цѣловать.

Эти пѣсни записаны съ пѣнія Башкиръ во время свадьбы (14 ноября 1893 г.).

---

1. Ишегем алды крылецада;
Кук кугарсин горляй, занишаим;
Уйнапда дослар, куланк,
Булсын куцыль кöрлектä, дусканм.

1. Передъ дверями крыльцо;
Горкуетъ сизая голубка, душенька;
Друзья, будемъ веселиться,
Пока душа радуется, — дружокъ.

2. Ирте белян турып карасам:
Йалтырайда таңнын сулпаны.
Йарлы кышы адам дошманы,
Бай кышы адам султаны.

2. Вставши утромъ, я смотрю:
Блеститъ заря восхода.
Бѣдные — враги людей,
А богатые султаны (господа) людей.

3. Китип бара торгас ял птдем
Ике аякаим талганга, запишай ганам.
Уйланып утрып бäн желадым
Тоуп ўскян жирлярказанга, дусканм.

3. Я ходилъ, а потомъ сѣлъ
Отъ усталости обѣихъ ногъ.
Сидя въ раздумьи, я плакалъ
Оттого, что оставляю годную землю.

4. Сандугас кошы зур тоголь,
Ултырган урны киц тоголь;
Адамлардан адам кем тоголь,
Тик бахытлары тиц тоголь.

4. Соловей-птица невеликая,
Мѣсто, занимаемое имъ, не обширно;
Человѣкъ не хуже человѣка,
Но въ счастьи не равны они.

5. Іугуруп мендем тауларга
Ак кйікларны ауларга, запишайганам;
Бадыша бызны сайлап алды,
Карши кильгян йауларга, дускаим.

5. Я выбѣжалъ на гору
Охотиться на бѣлыхъ сайгаковъ;
Царь выбралъ насъ
Воевать съ идущими на насъ непріятелями.

6. Бухарадан кильгян марнур таш,
Баҕаси киммат узизур тоголь;
Жикиттай булсаң бахытли бул,
Бахытли кышы хор тоголь.

6. Привезенный изъ Бухары мраморъ
На видъ не великъ, но цѣна его большая.
Если ты молодецъ, то будь еще счастливымъ:
Счастливаго человѣка не обижаютъ.

7. Безнендай кульныи жикан,
Жель тугадыр аныи кышкянен;
Бу дунжага горурланыи,
Бельмей калма гумырыңутканыи.

7. Наше озеро — одиноко,
Вѣтеръ знаетъ, высыхаетъ ли оно;
Развлекаясь обманчивымъ міромъ,
Не забывай, что жизнь проходитъ.

8. Кискина дай желька ташип бара,
Курӧ салган бал кӧбек, дускайганам;
Газиз башым китып бара
Закладка салган мал кӧбек, дускайганам

8. Маленькая рѣчка поднимается
Какъ медъ, въ который положена закваска, пріятель;
Бѣдная моя голова пропадаетъ
Какъ заложенное имущество, пріятель.

9. Уралдыи біек (и) тау булмас,
Урал ярып аккан су булмас;
Куп уй хасирят туткан жигитлер
Ни ауру тогель, сау булмас.

9. Нѣтъ горы выше Урала,
Черезъ Уралъ не перетекаютъ рѣчки;
Молодецъ, много печалящійся
Ни боленъ, ни здоровъ.

10. И ямделя икан Уралыгыз,
Кадырм ускен сауска йкен;
Уртседаййасын Уралыгыз:
Бер аз гумырлярге заук икан.

10. Да, красивъ вашъ Уралъ,
Какъ галка, выросшая въ почетѣ;
Пусть Уралъ вашъ сгоритъ:
Хоть немного (это) порадуетъ меня въ жизни.

11. Аппак дай, аппак и агуна
Талдын талларга куна;
Өнгди и сӧнгди кашым тарта
Ни еш булыр мекен тагыла?

11. Бѣленькій, да, бѣленькій, бѣлый воробушекъ
Перелетаетъ съ тальника на тальникъ;
Направо и налѣво поводитъ бровями —
(Кромѣ этого) какое еще будетъ дѣло?

12. Ишекейм алды куш карагас,
Бутаклары саин кардыгас;
Син кардыгас блян мин сандугас,
Сайрашырбыз икыбыз йаз булгас.

12. Впереди дверей — двѣ сосны,
На каждомъ сучкѣ ласточки;
Ты, ласточка, со мною, соловьемъ,
Вмѣстѣ запоемъ весною.

13. Сары аткапы мендем сазлар кистем,
Саз салкынларын алсеп тіеп,
Ултрада торон тауга сыктым,
Журган да жирем калсын дип.

13. Верхомъ на соловой лошади ѣхалъ я черезъ болота;
Избѣгая сырости болотъ,
Поднялся я на гору
Для того, чтобы остались (въ сторонѣ) тѣ мѣста, гдѣ я ѣхалъ.

14. Ак буз аткай менсяц и тир була,
Ак сергида салсам кер була;
Аталардан калган йангыз бала,
Йат жирлярде йöреп пр була.

14. Сяду верхомъ на бѣлую лошадь,— она потѣетъ,
Положу бѣлый потникъ, — онъ грязнится;
Дитя, оставшееся отъ родителей,
Живя по чужимъ мѣстамъ, дѣлается мужчиной.

15. Ак кугарчен белян кök кугарчен
Мячет башы манара астында;
Эй, йараткан Аллахъ, Кадыр мяуля,
Махрум итмя халык арасында.

15. Бѣлая голубка съ синей голубкой
(Сидятъ) подъ минаретомъ мечети;
О Боже, мой создатель,
Не оставь меня среди людей (народа).

16. Уралгына тауы кирдмяс, кирдмяс,
Кирдмясляри бетар кар киткас;
Ир балакай кайтыр хзмятен биткяс,
Кыз балакай кайтмас бер киткас.

16. Гора Уралъ поднимается ступеньками,
Которыя исчезаютъ, когда растаетъ снѣгъ;
Молодецъ вернется, когда кончится служба,
А дѣвица, ушедши, уже не вернется.

17. Сафараларга чегып юрегенемдä,
Бан хушландым чечке исеня;
Юрей дагна торгач бер кöйлядем:
Элля ниляр туште исемя!

17. Когда я, путешествуя, прогуливался,
Я наслаждался запахами цвѣтовъ;
Гуляя, я запѣлъ одну пѣсню:
И чего, чего не вспомнилось мнѣ!

18. Ишекеем алды крыльсадан
Егылынкна тöшдем ангсыздан;
Эй гакылсыз кшы тоголь идем,
Гакылларым бетди малсыздан.

18. Съ крыльца передъ дверями
Я упалъ по неопытности;
Эхъ, я былъ человѣкъ не безъ ума,
Да исчезъ онъ за неимѣніемъ достатка.

19. Мингандай атым киро дунан,
Кигандай тукум кук жилян;
Асу белян, дускай, көенденля,
Бен сагынып килям куп жирдан.

19. Подо мною мухортая четырех-
Надѣлъ я синій халатъ; [лѣтка,
Другъ мой, ты горюешь въ своемъ сердцѣ:
Я, соскучившись, иду къ тебѣ издалека.

20. Утырсында гумрым, эй утырсын,
Картайтыпла харап птярсец;
Картайтыпкайпга без ризабз:
Ультребкне харап птярсец.

20. Пройдешь, жизнь, пройдешь,
Состаривши, сгубишь,
Но ничего, что состаришь:
Ты смертью погубишь.

21. Таошларым миның таулар йара,
Тик самовар тоголь шауларга;
Эчекеем миның от тик кайнай,
Тик сандугач тоголь сайрарга.

21. Мой голосъ раскалываетъ горы (разносится по горамъ),
Только онъ не самоваръ, чтобы шумѣть;
Мой животъ горитъ какъ въ огнѣ,
Только онъ не соловей, чтобы распѣвать.

22. Йаландай ерп-бигряк йакшы,
Ак тирмяляр корып ейлярга;
Кайдала барсац достпш булсын,
Карышы чеген атыц бейлярга.

22. Хороши степныя мѣста
Для кочеванія въ бѣлыхъ кошахъ;
Куда ни отправишься, нужны пріятели,
Чтобы встрѣтили и чтобы (было гдѣ) привязать лошадь.

23. Йалапгына ернец эй бурпси,
Кök сыртлый да булыр кӱбеси;
Достишларым куп деен срын чешмя:
Хас дошманлар булыр кӱбеси.

23. Въ степныхъ мѣстахъ много волковъ
Съ сивымъ хребтомъ;
Полагаясь на то, что много друзей, не открывай секретовъ:
Многіе изъ друзей окажутся настоящими врагами.

24. Бурай да бурай карлар йаусы
Пуйукмайдыр булап баласы;
Кайдала барсам покой бермяй,
Ир арслан ата баласы.

24. Бурно, бурно снѣгъ падаетъ,
. . . . . сынъ такого-то;
Куда я ни пойду, не даетъ покоя
Сынъ Иръ-Арслана (или «сынъ льва»).

25. Баксаларда байлар эй атлары
Джуганлары алтын затлары;
Буйап зыфа йузып куркам касы
Пейгамбарпың затлары.

25. Въ садахъ привязываютъ лошадей
Съ золотыми уздечками;
Твое лицо красиво и брови прекрасны
Какъ будто у пророка. [лестны

ТЕПТЯРСКІЯ ПѢСНИ.

Тептяри, населяющіе 12 деревень въ Тептяро-Учалинской волости Верхнеуральскаго уѣзда, пользующіеся дурной нравственной репутаціей какъ воры, хищники, ничего своего не имѣющіе за душой, не лишены однако поэтическаго творчества и обладаютъ опредѣленнымъ кругомъ собственныхъ пѣсенъ, сказаній и пр.

Тептярскія пѣсни имѣютъ ту особенность, что въ отличіе отъ татарскихъ имѣютъ каждая свою мелодію. Онѣ по характеру мелодій такъ же, какъ татарскія и башкирскія дѣлятся на

1) протяжныя — узункўй, къ которымъ принадлежатъ также пѣсни мункўй (мункуэ) — печальныя, горемычныя;

2) скорыя — такмакъ, по тептярски кыскакъ.

Наличность пѣсеннаго творчества доказывается присутствіемъ среди Тептярей пѣсельниковъ-авторовъ. Въ дер. Рысаевой (иначе Акбулатовой) я встрѣтилъ одного изъ такихъ авторовъ — Магафура Башарова, который по болѣзни глазъ не занимался работой, а обезпечивалъ себѣ существованіе своимъ искусствомъ. Онъ сочиняетъ, по его словамъ, въ силу слѣдующихъ побужденій: отъ нужды, подъ вліяніемъ бѣдствій, чтобы облегчить ихъ, а также когда бываетъ весело; въ послѣднемъ случаѣ сочиняетъ еще лучше.

Пѣсни его сочинительства пользуются успѣхомъ среди соплеменниковъ, и мнѣ не разъ указывали на Башарова какъ на автора той или другой пѣсни съ прибавленіемъ, что нѣтъ пѣсельника, искуснѣе его слагающаго пѣсни. Башарову 55 лѣтъ (1893 г.), и у него, кажется, есть порядочный запасъ своихъ пѣсенъ, изъ которыхъ иныя онъ сочинилъ, по его словамъ, лѣтъ 25 назадъ, а иныя 20, 10, 5 и даже годъ назадъ. Часть пѣсенъ онъ посвятилъ своему семейному горю: у него одинъ за другимъ умерли дѣти, да при томъ на чужбинѣ при отбываніи воинской повинности. Когда онъ передавалъ мнѣ эти послѣднія пѣсни, то изобильно проливалъ слезы.

Несмотря на то, что пѣсни его прививались среди мѣстнаго населенія, онѣ не казались мнѣ особенно интересными съ мелодической стороны.

Башаровъ не только пѣвецъ, но также и игрокъ на скрипкѣ, на которой онъ исполняетъ помимо своихъ татарскія, башкирскія и русскія пѣсни и даже кадрили изъ послѣднихъ, такъ какъ Тептяри, умѣютъ танцовать кадриль, которую усвоили отъ Русскихъ въ публичныхъ домахъ. Башаровъ является непремѣннымъ участникомъ свадебъ, гулянокъ и пр. и представляетъ изъ себя типъ профессіональнаго музыканта, рѣдко встрѣчающійся среди описываемыхъ инородцевъ, особенно среди Башкиръ.

Пляска называется біну, плясунъ — бінусы.

Своихъ музыкальныхъ инструментовъ у Тептярей нѣтъ, а есть заимствованные. Отъ Башкиръ они переняли свирѣль — курай, игрокъ на которой, дудочникъ, называются курайсы, въ параллель съ чѣмъ пѣсельникъ называются праусы.

Отъ русскихъ заимствовали скрипку, балалайку и гармонію.

Пѣсни распѣваются на свадьбахъ, гуляпкахъ, въ вечернюю пору; на свадьбахъ поются обыкновенныя, — спеціально свадебныхъ пѣсенъ не существуетъ; тептярскіе пѣсельники имѣютъ практику также на окрестныхъ золотыхъ пріискахъ, куда приглашаютъ ихъ съ цѣлью увеселенія Русскіе.

Пѣсни среди Тептярей, какъ среди Башкиръ, живутъ, по словамъ Башарова, не болѣе человѣческаго вѣка, замѣняясь съ новымъ поколѣніемъ новымъ пѣсеннымъ цикломъ. Но господство этого явленія ограничено исключеніями.

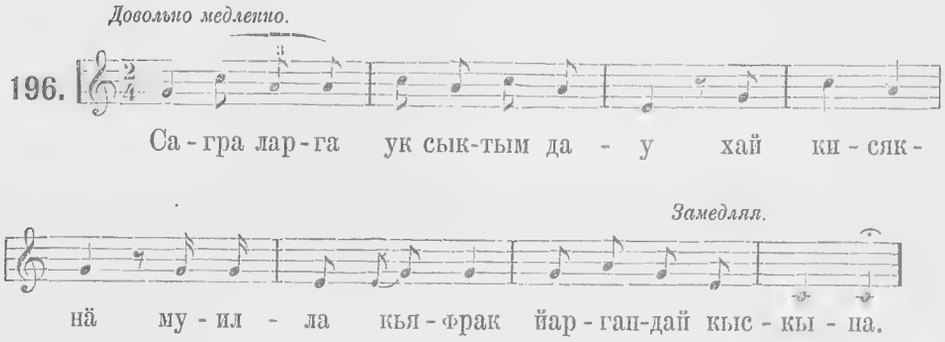
При сочинительствѣ текста авторы руководятся, по словамъ упомянутаго Башарова, слѣдующимъ.

При составленіи строфы они подбираютъ по двѣ пары стиховъ такъ, чтобы между обѣими парами стиховъ было соотвѣтствіе въ риѳмѣ, которая приходится на 2-ю и 4-ю строчки; такія двѣ пары стиховъ съ риѳмой называются кушъ (пара).

При записываніи Тептяри, какъ и другіе инородцы, воспроизводили и повторяли для меня мелодіи обыкновенно отчетливо, безъ измѣненій при повтореніяхъ. Большинство записанныхъ мною тептярскихъ пѣсенъ — протяжныя (узункўй или мункўй), и только одна (№ 202) скорая — кыскакъ.

Мункӱй (жалобная, горемычная пѣсня).

196.



1. Саграларга ук сыктым дау хай кискна:
Муллак йафрак йаргандай кискна;
Буный гажап хайран ишляр булды?
Кайгы хасрят китмай хискна.

1. Я вышелъ на открытую степь:
Черемуха расцвѣла цвѣтами;
Что за удивительныя вещи, Боже мой, случились со мною?
Тоска-печаль не отходятъ отъ меня.

2. Карангы тӱндä йуруганымдá:
Адаштырмай прнын мижасы;
Адаштырмай прнын мижасы,
Адаштра дундя нужнасы.

2. Я гулялъ темной ночью:
Вѣдь межа не дастъ заблудиться;
Межа — то не дастъ заблудиться,
Да нужда мірская собьетъ съ пути.

3. Кыркынгы киля тау буйлап,
Кара каз киля куль буйлап;
Бäним йуракайямны сары
Алды турлп хасрят куп уйлап.

3. Полевой звѣрь идетъ по горѣ,
Казарки (гуси) летятъ вдоль озера;
Отъ большого горя
Мое сердце залило желчью.

4. Йанкайгпа буйлап йуры тургас,
Усуридым сабак уйпнына;
Инды аткайгнам бахиль бул дип.
Белякäйлäрин салды мупнны.

4. Идя вдоль рѣки,
Попалъ я на мѣсто, гдѣ играютъ чебаки;
«Прости теперь, батюшка», сказалъ онъ (умирающій сынъ).
И положилъ руку на шею (обнялъ).

5. Ир кадырлары байлыкта;
Дундя кадырлары саулыкта;
Саулыкаим бäнин даулатым:
Бер Худаим удын йарылка.

6. Ниг' ауры икан был башым,
Упдап сулдап тарта куз йашым?

Турлн хасрят уйны кун уйласам,

Дивуапа булыр был башым.

7. Йам бирьукайпна мисал пкан,
Йат плларда йангыз ташлауы;

Илы урамлардын бряу кпля:
Мисли Абдылгафур атлауы.

8. Исикайгнам китып бен утрам,
Хайран вуайран ишка аптран:

—«Илама сапа аткайгнам,
Шунда йазган бизгà туфырак».

9. Кым айтыркай икан саламымды,

Аткайгнам кплип итспп дип?

Бер Худаим баңá йазган икан
Йангыз юрýп гумырын утсын дип.

5. Цѣна людей — въ богатствѣ,
Цѣна жизни — въ здоровьѣ,
Здоровье — вотъ мое богатство:
Будь милостивъ ко мнѣ, Господи.

6. Отчего у меня болитъ голова,
Изъ праваго и лѣваго глаза течетъ слеза?
Много будешь думать о каждомъ горѣ,
Съ ума сойдешь.

7. Все равно, что свою душу отдавать,
Оставлять на чужой сторонѣ (родственника);
По улицѣ кто-то идетъ:
Походка точно у Абдылгафура (сына автора).

8. Теперь точно безумный я сижу:
Ошеломленный удивительнымъ несчастіемъ:
— «Не плачь, мой батюшка,
Богъ велѣлъ мнѣ на этой землѣ лечь».

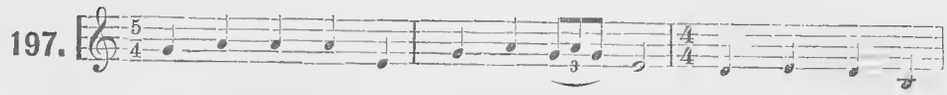
9. «Кто велѣлъ передать тебѣ мой поклонъ,
Съ просьбою, чтобы ты пріѣхалъ, батюшка?»
(Отецъ) «Господь судилъ
Одному мнѣ вѣкъ прожить».

Пѣсню и мелодію сложилъ самъ пѣвшій мнѣ тептярь Магафуръ Башаровъ изъ деревни Рысаевой на смерть своего сына 21-го года, умершаго при отбываніи воинской повинности. Авторъ называлъ ее мункуэ — жалобная, горемычная пѣсня.

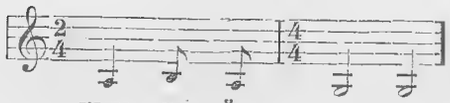
Узункўй.

Довольно медленно.

197.



И-сыр-дым кай-да бän ба-ра-им И-скыр-дым дай



кым-га йа-ра-им.

1. Исырдым кайда бän бараим?
Искырдым дай кымга йараим?
Утышкнай китты йаш гумырым:
Кайдан табыш сатыш алаим?
2. Китапларым китап истўндä,
Китапларым сталь[1]) истўндä;
Бänин халларымды кышы бильмяй:
Бенсаргайдым ўсь кюн исинда.
3. Саграларгà ўскäн быр тиряк,
Йафаркай прга тугуля;
Йакташим йок туганым бäним:
Йуракайларым ўзюля.
4. Öт дилгалардын аша сыктым,
Икы кулкаймá таш алып;
Кайтыр йулларма карай киттым:
Икы кузыкайима йаш алып.

1. Опьянѣлъ я: куда пойду?
Старъ я сталъ: для кого гожусь?
Прошла жизнь моя молодая:
Гдѣ найти и купить мнѣ ее?
2. Книги мои на книгахъ,
Книги мои на столѣ;
Моего положенія люди не знаютъ:
Я пожелтѣлъ въ три дня.
3. Въ саду выросло дерево,
Листья его падаютъ на землю;
Нѣтъ у меня ни земляка, ни родного:
Надрывается сердце мое.
4. Перешелъ я огненную рѣчку,
Набравъ въ обѣ руки камней;
Посмотрѣлъ я на дорогу, по которой долженъ вернуться:
Заплакали оба мои глаза.

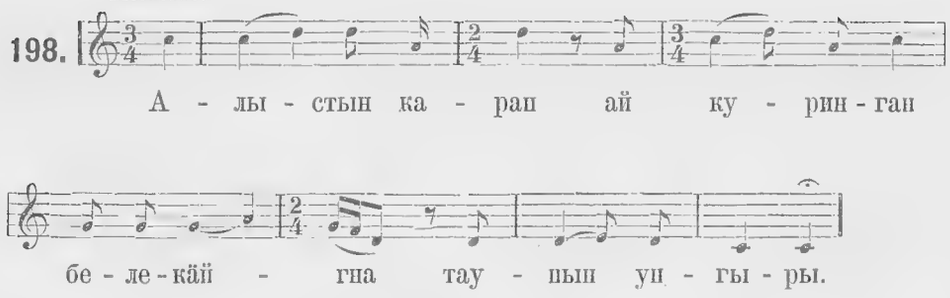
Сочинена вмѣстѣ съ мелодіей пѣвцомъ Магафуромъ Башаровымъ лѣтомъ 1893 г.

1) Столъ.

Узункўй.

Медленно.

198.



1. Алыстын карап (ай) куринган:
Белекäйгпа таупын унгыры;
Йатларда йюрюп зайа ўтä
Бир маладес икыт ҕумыры.

2. Югрюпкна мпндым эй тауларга,
Тау башкай кыйгас таш икап;
Дундя нуждаларын куплар курдым,
Талигасыз тауган баш икан.

3. Йапкайгпа сыуныи ашасында
Таңлар беляи беря куш мунглана;
Исянгна юрюп саулар кайтсам,
Ніят бирир идым муллама.

4. Югрюпкна туштым удакка,
Кызарыпкпай бишкан гилякка,
Ир гилякаин берлáр капсам,
Йал булмасмы йанган йуракка.

1. Вдали что-то видпѣется:
То-пещера маленькой горы;
На чужой сторопѣ даромъ пропала
Жизпь одного молодца.

2. Бѣгомъ забрался я на гору,
На вершинѣ горы — острый камень;
Много нужды видѣлъ я,
Безъ счастья родившаяся голова.

3. На той сторопѣ рѣки Урала (Яика)
На разсвѣтѣ поетъ одна птица;
Если возвращусь живъ и здоровъ,
То дамъ приношеніе муллѣ.

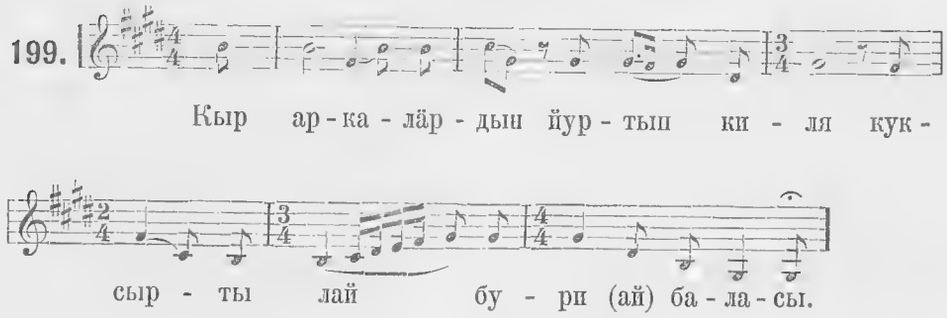
4. Бѣгомъ спустился я въ оврагъ,
За красной спѣлой клубникой,
Которой если поѣмъ разъ,
Не будетъ ли отъ этого легче горящему сердцу.

Сочинена вмѣстѣ съ мелодіей пѣвцомъ Башаровымъ лѣтъ 20 назадъ.

Муйкўй (жалобная, горемычная пѣсня).

Протяжно.

199.



1. Кыр аркалардын йуртып киля
Кук сыртылай бури баласы;
Кайдадагнай барса пакуй бирмай
Ир арсланы атай баласы.

2. Мышагыркай таунын бійигы
Югрюп тушар сыугàк кыігы;
Сар(ы) ауру тугуль ўзўм белям,
Бул елга йапын кайигы.

3. Алыстын карап курингап,
Йапкайгна сыупын боулары;
Бäнин йуракайларым йанып бара,
Сундыралмай дарья сыулары.

4. Комышкна йар токамлы икан;
Магады-тўря[1]) минган ат икан;
Карышы туруп йауап биря
Магады-тўря кымнын заты икан.

1. Рысью бѣжитъ по хребту горъ
Волченокъ съ сивымъ хребтомъ;
Куда бы я ни пошелъ, не даетъ покоя
Дитя Иръ-Арслана (или «сынъ льва»).

2. Съ высокой горы Мышагыръ
Сайгакъ бѣгомъ спустился къ водѣ;
Самъ я знаю, болѣзнь эта — не желтуха,
А отъ горя нынѣшняго лѣта.

3. Вдали виднѣются,
Пруды рѣки Урала;
Сердце мое начинаетъ горѣть,
Не утушитъ его и рѣчная вода.

4. Обрывистый берегъ украшенъ камышемъ;
Магадій — чиновникъ ѣдетъ на лошади;
Выйди на встрѣчу и отвѣть намъ:
Что за птица — Магадій.

---

1) Магады былъ засѣдателемъ въ деревнѣ Уразовой Верхнеуральскаго уѣзда.

5. Бäлякäйгна куласаим,
Кышнапкна киля уйурга;

Магадытӱря йауап бирялирдá,
Тайаныпкай икы буйурга.

5. Маленькая моя лошаденка
Ржетъ и идетъ въ косякъ (часть табуна);
Магадій—чиновникъ даетъ отвѣтъ,
Подпершись въ оба бока.

6. Йашиль гна сана тырякты;

Тӱндä йурган ирлар йуракты;

Йаш йураккай инá сыдай алмай,

Йок нихматларга плякты.

6. Зеленыя сани устроены съ отводами;
Смѣлые мущины гуляютъ по ночамъ;
Не вытерпѣвъ со своимъ молодымъ сердцемъ,
Я подвергся небывалымъ хлопотамъ.

7. Куз булдысà саул бурлана,

Йаз булдыса таллар турланá;
Елама сана йанкайгнам:
Куз кырбыкайларын кырлана.

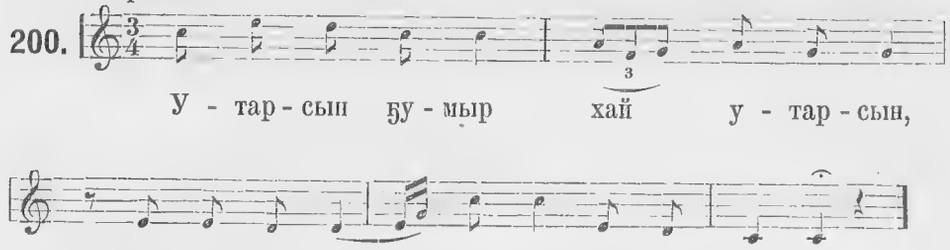
7. Осенью листья на деревьяхъ свертываются,
Весною тальники измѣняются;
Не плачь же, душа моя:
Рѣсницы изъ вѣкъ (глазъ) твоихъ выпадаютъ.

Пѣсня сложена по поводу похищенія шкатулки съ золотыми деньгами у партіи русскихъ переселенцевъ тремя тептярями, которые были пойманы.

Узункўй.

Протяжно.

200.



1. Утарсын ҕумыр утарсын,
Нійатларга касан ҕитарсын;
Мукадарьда йазган йазылмышны,
Курмапса нихаль итарсын.

2. Сайрайгна килип сайрай кайта
Карлигаскай белян сандугас;
Дўндя малы ўсюн кайгырмаймын,
Гўллю агызаларым саубулгас.

3. Алыстын карап курынган
Бійкайгна таунын билляре;
Ир икыт мискын кайтыр иды,
Еракай ирда калган илляре.

4. Китаик, дускай, ай китаик
Булгарадым Бухар утаик;
Душманым кубырак дуссиш адрак,
Сыр бильгыртмай дўндя кутаик.

5. Алыстын карап курынган
Агидыль башы Ирамаль таш микан?
Мульдур гна мульдур туҕульган
Кузларымнын туҕульган йашмикап?

1. Пройдешь, жизнь моя, пройдешь,
Когда исполнишь то, что назначено;
Того, что написано на роду,
Никакъ нельзя не испытать.

2. Когда прилетаютъ, поютъ и когда улетаютъ, поютъ
Соловьи и ласточки;
Не тужу я о богатствѣ въ мірѣ,
Когда здоровы мои члены.

3. Вдали виднѣются
Вершины высокихъ горъ;
Бѣдный молодецъ вернулся бы,
Да далеко осталась его родина.

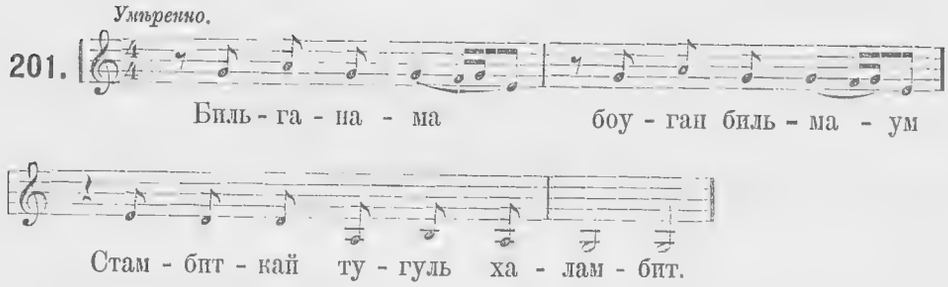
4. Поѣдемъ же, дружокъ, поѣдемъ,
Проѣдемъ, если согласенъ, Бухару;
Враговъ много, друзей мало,
Будемъ жить, не говоря никому ничего.

5. Не гора ли Иремель въ верховьяхъ рѣки Бѣлой
Виднѣется издали?
Неужели это слезы изъ глазъ
Текутъ да текутъ ручьемъ?

Узункўй.

Умѣренно.

201.



1. Бильганама боуган ай бильмаум,
Стамбиткай тугуль каламбит;
Агай иныларнын кадырина,
Алларында куйлап турамбит.

2. Йуграгнай атлап бен киламин
Сирямыкай ускан капидын;
Сары аурын йатын йабыкмадым,
Бен йабыктым санын кайгындын.

3. Йаны дагнай салган гурнисанды[1])
Без бурамайинса кым бурай?

Ўзьганапн, дингай, матур булгас:
Без уйнамаинса кым уйнай?

4. Ишикай гнам алды баганага

Ат байладым тўшюп кульсага;
Ай-хай гна жикитка маладес:
Матургна йарга кул сала!

5. Кумышкна йудук сыркаликаш-(таш)
Кыйасынкай кильса сандык[2]) ас;

Санынгнай кубык йумышактыльды,
Булса булыр сары сандугас.

1. Кушакъ, которымъ я подпоясался,
Не шелковый, а шерстяной;
Въ честь своихъ братьевъ,
Я пою передъ нимъ пѣсенку.

2. Я бѣгомъ пробираюсь
Черезъ сырыя березы;
Я похудѣлъ не отъ болѣзни,
А похудѣлъ, соскучившись о тебѣ.

3. Вновь строющуюся горницу
Если не мы, то кто будетъ устраивать?
Ты сама, кума, красавица:
Если не мы, кто будетъ играть съ тобою?

4. Слѣзая съ лошади, я привязалъ ее за кольцо
Къ столбу передъ дверями;
Ай да молодецъ джигитъ:
Протягиваетъ руки къ красивой певѣстѣ!

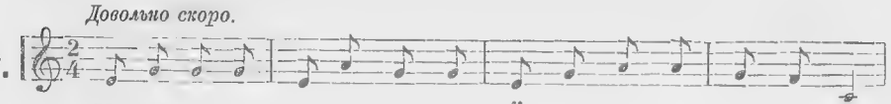
5. Открой сундукъ, если хочешь надѣть
Серебряный перстень съ сердоликовымъ камнемъ;
Такой мягкій голосъ (языкъ), какъ у тебя,
Бываетъ развѣ только у желтаго соловья.

---

1) Горница, комната.
2) Сундукъ.

Такмакъ тептярскій (по тептярски: кыскакъ).

Довольно скоро.

202. 

Иг-тай а-гай ар-ба-дын-да Йа-тын кал-ган бе-ри штан

А-дун-дя за-лю-ли, Йа-тын кал-ган бе-ри штан.

1. Игтай аҕай арбандында
Йатын калган бери штан,
Адундя залюли,
Йатын калган бери штан.
Штанына ник кайгырсын:
Фахарниса бик куштан;
Адундя залюли,
Фахарниса бик куштан.
2. Игтай аҕай бура бурай
Уйга тугуль килятка,
Адундя залюли,
Уйга тугуль килятка.
Игтай аҕай йаш бисäсе
Фахарница билятка,
Адундя залюли,
Фахарница билятка.
3. Туркын туркын куйлар киля,
Агасында кара йок,
Адундя залюли,
Агасында кара йок.
Нихаль итсын Фахарниса
Алла кушкас сара йок,
Адундя залюли,
Алла кушкас сара йок.

1. Въ телѣгѣ дяди Игтая
Остались одни штаны,
Ай да люли,
Остались одни штаны.
О штанахъ ему нечего горевать:
Фахарница очень любезна,
Ай да люли,
Фахарница очень любезна.
2. Игтай рубитъ (лѣсъ)
Не на избу, а на амбаръ,
Ай да люли,
Не на избу, а на амбаръ.
Молодая жена дяди Игтая
Фахарница — блядь,
Ай да люли,
Фахарница — блядь.
3. Идутъ гуртомъ бараны,
Все бѣлые, черныхъ нѣтъ,
Ай да люли,
Все бѣлые, черныхъ нѣтъ.
Какъ же быть Фахарницѣ?
Такъ Богъ судилъ, ничего не подѣлать,
Ай да люли,
Такъ Богъ судилъ, ничего не подѣлать.

БАКАЛИНСКІЯ ПѢСНИ.

Бакалинцы (по сообщенію пѣвшаго мнѣ пѣсни бакалинца Павла Ивановича Шурупова) — татары, крещеные при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ во время взятія Казани: въ то время часть татаръ скрылась, а другая была крещена. Названіе свое получили отъ селенія Бакалы, гдѣ они живутъ,— на р. Камѣ, недалеко отъ р. Бѣлой; отсюда часть ихъ была переселена въ 1842 г. въ Оренбургскую губернію въ Верхнеуральскій уѣздъ.

Музыкальные инструменты, распространенные среди нихъ, русскаго происхожденія: балалайки, гармоніи, гусли, скрипки, а также сыбузга (чибузга) — инструментъ, на которомъ играютъ молодые парни на святкахъ. Бакалинцы усвоили многіе русскіе обычаи и обряды; такъ, напримѣръ: на святкахъ парни и дѣвки, откупивъ вечеръ (т. е. помѣщеніе для вечера), въ полночь приносятъ воды съ рѣчки, опускаютъ кольца и гадаютъ.

Крещеные татары имѣютъ другое названіе: Нагайбаки отъ селенія Нагайбакъ, въ которомъ они первоначально жили (въ Уфимской губерніи). Это селеніе сначала было крѣпостью, построенной въ 1736 г. въ предѣлахъ нынѣшняго Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи. На мѣстѣ крѣпости, раньше ея основанія, какъ сообщаетъ Рычковъ (Топографія Оренбургской губ., соч. П. И. Рычкова, 1762 г.; второе изд. Оренбургъ, 1887 г. стр. 379—382), жилъ башкирецъ Нагайбакъ, и юртъ его назывался по нему деревней *Нагайбаковой*. Въ окрестностяхъ этой крѣпости, по словамъ Рычкова, «издавна двоякаго состоянія люди находились, а именно: новокрещеные и иновѣрцы». Новокрещеные, которыхъ Рычковъ предлагаетъ вѣрнѣе называть старокрещеными въ отличіе отъ позднѣйшихъ крещеныхъ, были обращены въ христіанство, какъ они сами говорили, при царѣ Иванѣ Грозномъ изъ магометанъ и язычниковъ, но не были наставлены въ правилахъ вѣры и были христіанами по имени; русскаго языка не знали вовсе, церквей у нихъ не было. До 1736 г. всѣ они платили въ казну ясакъ, а

начиная еъ этого года по указу Императрицы Анны Іоановны за то, что они «къ бунтовавшимъ башкирцамъ не приставали и претерпѣли отъ нихъ многія раззоренія, ясакъ былъ съ нихъ снятъ и всѣ тѣ земли, на коихъ они, платя башкирцамъ оброки, жительствовали, отданы въ собственное ихъ владѣніе, за что велѣно имъ служить казачью службу, которую они и исполняли въ Оренбургѣ». Во всемъ Нагайбацкомъ округѣ во времена Рычкова было десять деревень и одно село съ церковью, въ которыхъ числилось 1359 служилыхъ казаковъ, получавшихъ казенное содержаніе тогда лишь, когда были командируемы далѣе 100 верстъ отъ своихъ жилищъ.

Въ 1758 г. Казанскій епископъ Гавріилъ обратилъ вниманіе на религіозное состояніе Нагайбаковъ и поручилъ священнику села Спасскаго въ вотчинѣ Рычкова посѣщать ихъ и наставлять въ вѣрѣ.

До 1842 г. Нагайбаки мирно жили въ Уфимской губерніи, въ окрестностяхъ названной станицы Нагайбакъ и деревни Бакалы. Но въ 1842 г., какъ мнѣ разсказывали старики на новыхъ мѣстахъ жительства Нагайбаковъ въ Оренбургской губерніи, по Высочайшему повелѣнію ихъ переселили на теперешнія мѣста въ Верхнеуральскій уѣздъ, Оренбургской губерніи, для защиты этихъ мѣстъ отъ нападеній киргизъ со стороны степи. Нагайбаки не хотѣли добровольно переселяться съ насиженныхъ мѣстъ, и переселеніе ихъ совершилось при посредствѣ угрозъ и массовой порки, какъ это помнятъ еще здравствующіе по нынѣ (1894 г.) старики 70—80 лѣтъ.

Въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Нагайбаки живутъ въ 6 поселкахъ, которые имѣютъ двоякія названія: именныя и по номерамъ, Кассель или № 1 (т. е. первый поселокъ, считая отъ г. Верхнеуральска), затѣмъ Остроленко или № 2, Требія или № 3, Парижъ или № 4, Фершамненуазъ или № 5 и Куликовскій. Такія громкія имена поселки получили по распоряженію высшаго казачьяго начальства, которое, размѣщая по своимъ соображеніямъ казачьи поселенія, называло ихъ часто въ честь главнѣйшихъ побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками въ Италіи, Германіи и Франціи въ 1799 г. и въ Наполеоновскую войну 1813—1814 гг., водворяя въ этихъ странахъ чуждыя имъ названія.

Нагайбаки по ихъ словамъ поютъ въ настоящее время двояко: а) по стариковски — коротко (пѣніе на старинныя оригинальныя мелодіи внѣ русскаго вліянія) и б) какъ молодые — протяжно на мелодіи съ русскимъ характеромъ, это новый родъ пѣнія. Нагайбаки вообще сильно подчиняются русскому вліянію какъ въ быту, такъ и въ пѣсенномъ творчествѣ, почти всѣ говорятъ по-русски и подъ вліяніемъ христіанства и казачества (они входятъ въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска), вѣроятно, совсѣмъ сольются впослѣдствіи съ русскими.

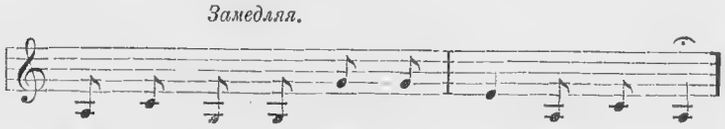
Узункўй бакалинскій (нагайбакскій).

Не скоро.

203.

Са - мо - вар - лар куй - дым Сай - лар ис - тым Таш та -

Замедляя.



рил - ка ту - лы бал - би - лен йан ду сым.

1. Самоварлар куйдым сайлар истым,
Таш тарилка тулы ба́лбилен, йандусым.
Бу дынйакайларны кутсан иды
Йанын танын сиган йарбилен, йандусым.

2. Мäдрäсä йатып укыманыцны,
Тухба́ дагнай белян Мульяны, йандусым?
Икыдагнай йарны тицляр сауп
Кутсан иды фаны дуньяны, йандусым.

3. Бер сауган йарны эй кыганы
Хутна дагнай беляп гарнитур, йандусым.
Ак гурнисаларнын есляриндä
Зарландрып жырлай бер матур, йандусым.

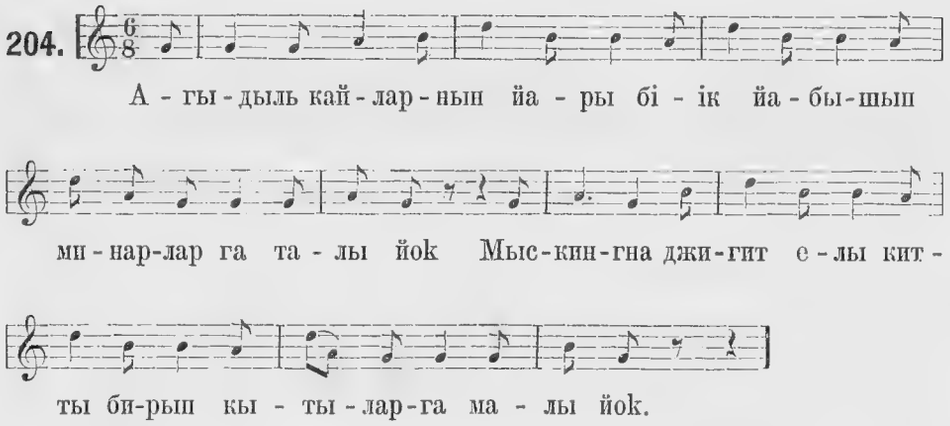
1. Я поставилъ самоваръ, пилъ чай,
Глиняная тарелка полна меду, пріятель.
Чтобы такъ же сладко (какъ медъ) жить мнѣ
На этомъ свѣтѣ съ своей милой, пріятель.

2. Не читалъ ли ты, когда былъ въ медрессе,
(Книгъ) Тухба и Мулья, пріятель?
Любить бы двухъ красавицъ одинаково
И жить бы на этомъ только свѣтѣ, пріятель!

3. Любимая красавица одѣта
Въ бархатъ и гарнитуръ, пріятель;
Въ бѣлой горницѣ
Распѣваетъ одна красавица, пріятель.

Умѣренно.

204.



1. Агыдыль йары біік йабышыи минарларга талы йок.
   Мыскингна джигит елы китты бирыи кытыларга малы йок.
   На рѣкѣ Бѣлой высокій берегъ, не за что уцѣпиться взбираясь: нѣтъ тальника.
   Бѣдный молодецъ заплакалъ и ушелъ: дать ему нечего.

2. Урманарга керсäн (крисäн) кыр сызғырыш усак йапраклар сылкинсын.
   Кайда юрёсиндä йакшы йуры курыш калган адам укынсын.
   Когда зайдешь въ лѣсъ, свисти, чтобы осиновые листья тряслись.
   Тамъ, гдѣ ходишь, ходи хорошо, чтобы весь народъ дивился (любовался).

3. Аклар каиндà кукляр тіин атырмáмын диды дулыдыр.
   Аклар белякаин мунига салып аирылмáм диды жилыдыр.
   На бѣлой березкѣ сѣрая бѣлка (говоритъ) — «не поддамся на выстрѣлъ» и прыгаетъ.
   Положа на шею бѣлую рученьку, она говоритъ: «не разстанусь» и плачетъ.

ПѢВЦЫ И МУЗЫКАНТЫ СРЕДИ УРАЛЬСКИХЪ МУСУЛЬМАНЪ.

Въ заключеніе считаю надобнымъ упомянуть о тѣхъ инородческихъ пѣвцахъ и музыкантахъ, отъ которыхъ я записывалъ пѣсни и мелодіи во время путешествій по Уралу, и о тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, при какихъ мнѣ приходилось ихъ слышать.

Инородческіе музыканты въ верхнеуральскомъ уѣздѣ.

Дер. Москова. Первыя двѣ мелодіи на тексты книжнаго сочиненительства записаны мною въ башкирской деревнѣ *Московой*, лежащей въ 12 верстахъ отъ г. Верхнеуральска вверхъ по рѣкѣ Уралу, у самаго подножія восточныхъ склоновъ Уральскаго хребта. Мѣстность въ общемъ довольно красива, только выглядываетъ пустынной благодаря тому, что лѣсъ на горахъ и въ долинѣ, простирающейся по направленію г. Верхнеуральска, весь вырубленъ.

Въ долинѣ этой протекаетъ своими верховьями рѣка Уралъ, дѣлая многочисленные изгибы; ширина и глубина ея въ этихъ мѣстахъ незначительна: ширина не болѣе 6—8 саженъ, а самыя глубокія мѣста — въ ростъ человѣка. Жители дер. Московой, благодаря неурожайнымъ годамъ, очень обѣднѣли, лишились почти всего скота, въ которомъ, какъ вообще у Башкиръ, заключалось все ихъ богатство, и промышляютъ вырубкою лѣса и продажею дровъ, вѣниковъ, ягодъ и т. п. въ городѣ. Избы лишь изрѣдка попадались въ исправномъ видѣ, и чаще онѣ или были безъ крышъ (съ однимъ потолкомъ), или покосились. Больше половины жителей со скотомъ въ Маѣ мѣсяцѣ (а я былъ въ деревнѣ въ Іюнѣ 1893 г.) выселились въ урманъ (боръ) въ горы, ради привольныхъ пастбищъ для скота. Когда я со спутниками пріѣхалъ, деревня была почти пуста, и съ трудомъ нашлись для меня два пѣсельника (праусы), отъ одного изъ которыхъ я и записалъ

Курайсы — башкиръ-игрокъ на кураѣ.

Курай (къ стр. 112).

въ полѣ двѣ упомянутыя мелодіи; говорили они мнѣ, что плохо поется теперь имъ да и всѣмъ Башкирамъ въ эти неурожайные годы, не то, что прежде.

Ибрагимовъ, Зарыфъ Зарыфовичъ, учитель русско-башк. училища въ деревнѣ Казаккуловой, доставилъ тексты книжнаго сочинительства — мынажатъ и баитъ, а также часть башкирскихъ пѣсенъ (безъ мелодій) (стр. 186—192), которыя приготовлены были для представленія на Екатеринбургскую выставку въ 1880 году, но представить почему-то не удалось.

Мурзиковъ, скрипачъ въ Верхнеуральскихъ гостинницахъ, изъ Русскихъ, сообщилъ мелодіи №№ 3—5, 7—12. Разыскивая знатоковъ инородческихъ пѣсенъ, я лѣтомъ 1893 г. въ г. Верхнеуральскѣ узналъ отъ вышеупомянутаго г. Ибрагимова, что много татарскихъ и башкирскихъ пѣсенъ знаетъ и играетъ на скрипкѣ нѣкто Мурзиковъ, который извѣстенъ во всѣхъ гостинницахъ, гдѣ онъ играетъ, и въ какой нибудь изъ послѣднихъ навѣрно можно его найти. Я отправился на поиски этого артиста: спрашиваю въ одной гостинницѣ, днемъ, когда кромѣ прикащика за прилавкомъ съ питіями да полового никого въ ней не было; мнѣ отвѣчаютъ, что Мурзиковъ только что былъ, но ушелъ въ другую гостинницу; отправляюсь во вторую гостинницу, въ родѣ большой пивной и здѣсь Мурзикова не нашлось, — онъ вовсе не приходилъ; тогда я спрашиваю содержателя гостинницы, какимъ путемъ изловить этого Мурзикова: — «да право не могу вамъ изъяснить, шутъ его знаетъ, въ какой пивной или гостинницѣ онъ шатается, онъ сидитъ тамъ, гдѣ ему подадутъ, а можетъ онъ и дома теперь; да вотъ я пожалуй спосылаю мальчика къ нему на домъ, да въ одну гостинницу». Посланный нашелъ Мурзикова у него на квартирѣ и сказалъ ему, что его требуютъ въ гостинницу; Мурзиковъ въ ту же минуту явился со скрипкой въ рукахъ. Это былъ человѣкъ немного выше средняго роста, съ размашистыми движеніями, юркій, кое-какъ, запущенно одѣтый, съ неприглядной физіономіей, благодаря испорченному, раздвоенному носу. «Здравія желаю, ваше благородіе», — привѣтствовалъ онъ меня гнусливымъ голосомъ, торопливо входя въ комнату, — «что прикажете сыграть — польку али кадрель?» — «Этого мнѣ не надо», отвѣчаю я, — «а вотъ умѣешь ли ты играть татарскія и башкирскія пѣсни?» — «Съ нашимъ удовольствіемъ-съ, какъ не умѣть; да я ихъ за всегда, кажинный день по гостинницамъ играю, тамъ разный народъ бываетъ: купцы или татары, башкиры; купцы сидятъ себѣ попиваютъ либо чай, либо водочку да и скажутъ: «ну-ка, Мурзиковъ, на, выпей да сыграй намъ либо тамъ польку, либо вальсъ; а послѣ: а ну-ка, Мурзиковъ, башкирскую, либо татарскую валяй! и начнешь имъ наигрывать: просто за первый сортъ они уважаютъ ихъ, а про башкиръ и не говори, ничево

другова и слышать не хотятъ». «Такъ и мнѣ играй башкирскія и татарскія пѣсни», говорю я ему, — «очень хорошо-съ», отвѣчаетъ Мурзиковъ, «только, господинъ, хорошо бы тово-съ, чтобы веселѣе играть-то было, косушечку бы», задабривающимъ и тѣмъ же гнусливымъ тономъ докапчиваетъ онъ. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы подали косушку. Мурзиковъ совсѣмъ оживился и съ услужливой поспѣшностью началъ настраивать свою плохенькую скрипку, поплевывая на колки и пробуя струны то щипкомъ, то смычкомъ.

«Вамъ бы лучше, господинъ, пройти вотъ въ эту комнату», замѣтилъ содержатель гостинницы и указалъ на свободную угловую комнату, гдѣ кромѣ одного длиннаго стола да двухъ-трехъ табуретокъ ничего не было. Мы приняли предложеніе, такъ какъ въ бильярдной, гдѣ мы были, заниматься записываніемъ пѣсенъ было неудобно, и перешли въ сосѣднюю комнату. Здѣсь Мурзиковъ докончилъ настраиваніе скрипки, неизмѣнно поплевывая на колки, выпилъ поданную косушку водки, крякнулъ и принялся было уже играть, но пріостановился, обратившись ко мнѣ со словами: «надо бы, ваше благородіе, покурить». Когда я распорядился принести папиросъ, Мурзиковъ окончательно принялся играть. Игра его, неважная въ техническомъ отношеніи, не лишена была живости, а временами выразительности. Когда я записалъ нѣсколько мелодій съ ихъ названіями, Мурзиковъ остановился и высказалъ мысль, что хорошо было бы еще косушечку выпить: тогда еще веселѣе было бы играть. Я велѣлъ подать по желанію Мурзикова. Выпивъ вторую косушку, Мурзиковъ продолжалъ играть мнѣ инородческія мелодіи, запасъ которыхъ былъ у него довольно богатый. Послѣ записыванія я обыкновенно повторялъ голосомъ или насвистываніемъ его мелодіи и спрашивалъ, такъ ли;—«такъ, такъ, поспѣшно подтверждалъ онъ,— «вѣрно, точка въ точку записалъ», и выражалъ удивленіе, какъ это я такъ скоро записываю голосъ (мелодію), тогда какъ года де четыре тому назадъ съ его же, Мурзикова, игры записывалъ скрипачъ — управитель маленькаго клубнаго оркестра, да только долго какъ-то, и то не каждый разъ сходилось. Вообще я удостоился большого благоволенія со стороны Мурзикова по поводу записыванія его мелодій.

Наши занятія прерывались, между прочимъ, тогда, когда моему артисту надобно было высморкаться, что̀ составляло для него нелегкую задачу, благодаря недостаткамъ его носа: много стараній и усилій дѣлалъ онъ по этому поводу, наклоняясь то въ одну, то въ другую сторону, напрягаясь мускулами лица и безуспѣшно издавая носовые звуки; жалко было смотрѣть на него въ эти минуты, но что-то и комическое было во всей этой процедурѣ. Около обѣденной поры мы прекратили наши занятія; передъ тѣмъ,

какъ разойтись, Мурзиковъ игралъ вальсы и польки, порядочно искаженныя, желая доставить этимъ мнѣ удовольствіе и восхищаясь ими, кажется, болѣе, чѣмъ инородческими мелодіями. Многія изъ послѣднихъ были полны оригинальности и выразительности.

Условливались мы съ Мурзиковымъ еще разъ сойтись, но когда я при вторичныхъ поискахъ нашелъ его въ одной гостинницѣ, опять днемъ же, онъ былъ въ невозможномъ состояніи: изрядно выпивши и еле лепеча языкомъ, онъ что-то топтался, наклонясь у стола; не сразу отозвался онъ на мой окликъ и несвязными словами выражалъ готовность опять играть для меня; принялся было настраивать скрипку, но колки никакъ не слушались его и то и дѣло выскакивали изъ скрипичной шейки, не смотря на то, что онъ усерднѣе обыкновеннаго прибѣгалъ къ поплевыванію; не повиновалась и одна струна, которую онъ, надвязавъ, тщетно пробовалъ натянуть; самый языкъ не слушался моего артиста и произносилъ что-то безсвязное; мнѣ оставалось только уйти; послѣ этого я съ Мурзиковымъ уже не видѣлся.

Ахмадей Алеевъ (№№ мелодій 17—24), татаринъ, базарный маклеръ въ г. Верхнеуральскѣ и игрокъ въ деньги. На него, какъ на большого знатока татарскихъ пѣсенъ, указалъ мнѣ тотъ же вышеупомянутый г. Ибрагимовъ (Августъ 1892 г.). Такъ какъ послѣдній не могъ указать, гдѣ въ городѣ живетъ Алеевъ, то я отправился на базаръ и сталъ разспрашивать татаръ и торговцевъ о его мѣстожительствѣ. Оказалось, что онъ живетъ въ татарской части города, такъ называемой Золотаркѣ; я нашелъ домъ Алеева, построенный по татарскому образцу, но не засталъ его дома; во второй мой приходъ онъ оказался дома и на мое предложеніе пѣть для меня татарскія пѣсни, онъ, усмѣхаясь, согласился: «что же, можемъ пѣть, только теперь-то не время, мнѣ на базаръ надо идти», сказалъ онъ, «приходите лучше ко мнѣ вечеромъ, тогда я буду слободенъ». Такъ мы и согласились, а затѣмъ вмѣстѣ вышли, онъ — на базаръ, я — домой. Изъ разговора выяснилось, что онъ человѣкъ бывалый, жилъ при отбываніи военной службы во многихъ городахъ внутренней Россіи и хорошо знаетъ русскую грамоту; на мой вопросъ, много ли онъ знаетъ пѣсенъ, онъ отвѣтилъ: «э, столько, что хоть три мѣсяца, или хоть годъ пиши, всего не напишешь!» — «Вотъ какъ!», выразилъ я изумленіе, — «право вѣрно», отвѣтилъ тотъ; можетъ быть, въ этомъ утвержденіи есть преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ оно соотвѣтствуетъ его репутаціи, какъ великаго знатока татарскихъ пѣсенъ. Пришелъ я къ нему вечеромъ, когда было уже темно и ни одной души не встрѣчалось на улицахъ этой татарской слободки; вошелъ я въ избу и засталъ Алеева съ женой за чаепитіемъ; сидѣли они на полу на разостланномъ большомъ бухарскомъ коврѣ около самовара и чайныхъ припад-

лежностей, здѣсь же въ центрѣ стояла керосиновая лампа, освѣщая хозяевъ и предметы снизу. — «Здравствуйте», сказалъ я, входя, — «здравствуйте, пожалуйте, садитесь съ нами чайку откушать», отвѣчалъ хозяинъ, приподнимаясь. Я присѣлъ на коверъ къ самовару. — «Извините, у насъ татарское заведеніе, не на столахъ пьемъ», продолжалъ онъ, «да вы садитесь за столъ, пожалуйте сюда», указывалъ онъ мнѣ на столъ у одной изъ стѣнъ; — «ничего, я поспжу съ вами», отвѣчалъ я и остался на полу у самовара. Обстановка у Алеева была смѣшанная: при убранствѣ въ восточномъ вкусѣ съ коврами, занавѣсями, сундуками и пр. въ комнатѣ стоялъ русскій чайный шкафъ со стеклянными дверцами, оклеенный внутри голубой бумагой, столъ и нѣсколько стульевъ. Поджавъ ноги на коврѣ и попивая чай, мы разговаривали о томъ, о семъ, о пѣсняхъ и пр., а жена его смиренно сидѣла у самовара, полузастѣнчиво прикрываясь, и молча наливала и пила чай; спустя нѣкоторое время она удалилась отъ насъ за занавѣску и чѣмъ-то занялась. Послѣ чаепитія, часу въ девятомъ вечера, я предложилъ приступить къ записыванію пѣсенъ: «хорошо», отвѣтилъ Алеевъ,— только не ладно здѣсь въ избѣ, не ловко, уйти бы намъ куда нибудь»; — «отчего?», съ изумленіемъ спросилъ я его; — «такъ, не хорошо здѣсь», продолжалъ онъ, — «баба моя дома, да безо времени пѣть пѣсни у насъ нельзя, если запоешь теперь, сосѣди сейчасъ услышатъ и скажутъ: «э, Ахмадейка закутилъ, гулянка у него, пѣсни поетъ,—нехорошо будетъ»; — «куда же мы съ тобой пойдемъ въ такую пору?», спросилъ я его; — «айда въ пивную на площади у деревянной церкви, тамъ народъ гулящій, пѣсни пѣть можно, Татары ничего не скажутъ». Пошли мы съ нимъ по улицѣ темной, тишина была осенняя, по прежнему ни одной души не встрѣчалось; Верхнеуральскъ—городокъ маленькій и объ уличномъ освѣщеніи серьезно въ немъ не помышляютъ; вышли мы на площадь, и тамъ таже темень, и единственный огонь свѣтился въ окнахъ пивной, къ которой мы направлялись; въ пространствѣ смутно вырисовывался силуетъ деревянной церкви; во всѣхъ домахъ по площади окна были закрыты ставнями, и точно всѣ спали глубокимъ сномъ подъ вліяніемъ пасмурной осенней погоды. Пришли мы въ пивную: это была заурядная лавка съ двумя-тремя еще новыми деревянными столиками и прилавкомъ, за которымъ стоялъ полусонный прикащикъ; одна висячая лампа освѣщала заведеніе; не было ни одного посѣтителя, и сонное затишье и безмолвіе, царившія надъ городомъ, были разлиты и здѣсь. Я со спутникомъ сѣлъ за одинъ изъ столиковъ и спросилъ пива, думая угостить имъ моего пѣсельника. Ахмадей баритономъ, гортаннымъ голосомъ началъ пѣть пѣсни, а я записывалъ мелодіи. Подали намъ пиво, и я предложилъ моему пѣсельнику пить его, но къ удивленію услышалъ отъ него полный отказъ: «нельзя намъ пиво пить, законъ не

позволяетъ»; какъ я ни упрашивалъ, указывая на то, что пиво не водка, Ахмадей былъ непреклоненъ и безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, т. е. выпивки, въ противоположность Мурзикову, охотно и усердно пѣлъ мнѣ пѣсни, терпѣливо повторяя ихъ, когда это было нужно. Надобно добавить по этому поводу, что Алеевъ въ прежніе, молодые годы изрядно пилъ водку, какъ говорится, напропалую, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ круто перемѣнился и точно по зароку совсѣмъ пересталъ пить всякіе возбуждающіе напитки; этимъ объясняется, между прочимъ, его рѣшительный отказъ пить пиво. Въ 11-мъ часу ночи мы кончили свои занятія и вышли вмѣстѣ изъ пивной по одному направленію: таже невозмутимая тишина царила по улицамъ; сѣрыя разорванныя тучи неслись по небу, обѣщая разсѣяться; земля была влажна, въ воздухѣ чувствовалась теплота и легкая сырость, и какая-то особенная поэзія царила во всемъ этомъ: тишина водворялась и на душѣ и было и отрадно, и слегка какъ-то грустно. Вскорѣ я съ Алеевымъ разстался, условившись свидѣться еще разъ, и пошелъ одинъ; только мои шаги нарушали тишину ночи.

Послѣ я не разъ видѣлся съ Ахмадеемъ: онъ приходилъ ко мнѣ для записыванія пѣсенъ; былъ и я у него, но не заставалъ иногда дома, и меня встрѣчала его молодая жена: прежней застѣнчивости въ ней не было и слѣда, она не закрывалась, бойко говорила и давала просторъ живости своей природы, въ физіономіи проявлялась осмысленность, движенія дѣлались свободнѣе, она обстоятельно объясняла, гдѣ можно найти Ахмадея, а глаза ея смѣялись и блестѣли. Но лишь только появлялся мужъ, все это пропадало. Ахмадей терпѣливо, съ постоянной готовностью пѣлъ мнѣ и диктовалъ тексты татарскіе, ни въ какія условія заранѣе не входилъ и скроменъ былъ до того, что отказывался принимать вознагражденіе за трудъ и лишь послѣ моихъ настояній съ большою конфузливостью принималъ его.

Такъ какъ гостинницы и пивныя въ Верхнеуральскѣ считаются мѣстами неудобными по нравственнымъ соображеніямъ, то хожденія по этимъ заведеніямъ вызвали въ городѣ двусмысленные толки по моему адресу, тѣмъ болѣе, что вообще записываніе инородческихъ пѣсенъ и мелодій представлялось обывателямъ дѣломъ безцѣльнымъ, которымъ я занимаюсь ни къ чему, отъ празднаго времени.

Валейка (№№ 6, 13—16, 56—61), татаринъ, отбывавшій воинскую повинность въ верхнеуральскомъ батальонѣ. На него, какъ большого игрока на гармоніи, указалъ мнѣ верхнеуральскій воинскій начальникъ И. С. Ѳедоровъ. Когда я пришелъ въ казармы вечеромъ пригласить Валейку къ себѣ, оказалось, ему въ этотъ вечеръ надобно было стоять на караулѣ. «Какъ быть?» — говорю я, — «какъ быть?», повторилъ съ тономъ большого сожалѣнія Валейка, 21-лѣтній солдатъ: видимо ему очень хотѣ-

лось вмѣсто дежурства отправиться по приглашенію и похвастаться своимъ излюбленнымъ искусствомъ; — «вы вотъ что, баринъ, сдѣлайте: отпросите меня у унтеръ-офицера, а я замѣсто себя отдежурить найду другого». Отправился я изъ казармы черезъ дорогу въ домикъ унтеръ-офицера и спрашиваю, нельзя ли отпустить Валейку ко мнѣ: «вы кто будете?», спросилъ полуначальственно унтеръ-офицеръ, оглядывая меня; я сказалъ, что пришелъ отъ имени вопнскаго начальника; тогда онъ, подумавъ, согласился отпустить солдата. Валейка, нашедши себѣ замѣстителя и взявъ подъ мышку гармонію, весело пошелъ со мною и съ товарищемъ своимъ, котораго рекомендовалъ какъ знатока пѣсенъ; Валейка былъ въ своемъ родѣ удалецъ-молодецъ, плутоватый парень лѣтъ 21—23, чисто говорившій по-русски и пользовавшійся довольно большою извѣстностью въ городѣ среди мѣщанъ и торговцевъ, какъ завзятый игрокъ на свадьбахъ, вечеринкахъ и пирушкахъ; онъ безразлично появлялся и на русскихъ, и на татарскихъ свадьбахъ; пришли мы съ нимъ ко мнѣ и сначала занялись чаепитіемъ, раньше и во время котораго Валейка не хотѣлъ играть и велъ себя сдержано; послѣ чаепитія началъ играть на гармоніи и игралъ бойко, громко: видно было, что имѣлъ навыкъ въ игрѣ; татарскія мелодіи, которыя онъ мнѣ игралъ, были вообще характерны, оригинальны; предлагалъ онъ мнѣ сыграть и русскія пѣсни, которыхъ зналъ не мало, но я больше интересовался инородческими. Товарищъ Валейки все время просидѣлъ молча и занимался только чаепитіемъ, такъ какъ на вечеръ слишкомъ было достаточно и того запаса пѣсенъ, какой былъ у Валейки; часовъ до 11 почи продолжали мы занятія, затѣмъ гости мои ушли, получивъ вознагражденіе. Послѣ этого я Валейки не видѣлъ до слѣдующаго лѣта 1893 г., когда онъ имѣлъ для меня татарскія пѣсни съ текстомъ, но какъ пѣвецъ, онъ оказался гораздо ниже, чѣмъ въ качествѣ игрока, былъ просто плохой пѣвецъ, который текстовъ не зналъ да и пѣлъ неинтересныя мелодіи. Въ роли пѣвца онъ очутился очень курьезно въ силу того, что во время нашихъ занятій у него отняли гармонію, взятую имъ у кого-то безъ спроса, а своей у него уже не было: какой-то малый, похожій на Валейку, пришелъ, когда онъ только что разыгрался и распѣлся, и началъ съ нимъ энергически тараторить по татарски, указывая на гармонію и отнимая ее; Валейка вышелъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько времени пришелъ съ гармоніей; но опять явился тотъ же парень и окончательно отнялъ у него ее; Валейка, раскраснѣвшійся, недовольный, принужденъ былъ только пѣть своимъ неважнымъ голосомъ.

Встрѣтился я съ Валейкой послѣ этого еще разъ на улицѣ: «здравствуйте, какъ пожпваете?» неожиданно услышалъ я на улицѣ привѣтствіе,

оглянулся, смотрю: какой-то молодой человѣкъ, одѣтый въ крахмаленую рубашку съ галстухомъ, пиджакъ, брюки на выпускъ и свѣтло вычищенные сапоги, съ развязностью клапяется мнѣ; сначала я не узналъ, кто это, такъ мало былъ похожъ въ этомъ костюмѣ Валейка на прежняго солдата; хотя и раньше замѣтна была въ немъ склонность къ франтовству, но теперь этотъ татаринъ явился во всемъ блескѣ галантерейности, точно говорилъ: «развѣ я такой, какимъ вы меня видѣли въ солдатахъ? вотъ теперь посмотрите, каковъ я!» — «Ну что, выучили теперь пѣсни, которые я пѣлъ вамъ?» — спросилъ онъ меня, небрежно выставляя впередъ ногу съ вычищеннымъ сапогомъ, — «да, выучилъ», отвѣтилъ я, и спросилъ съ своей стороны про его житье-бытье: «да теперь ничего живу; вотъ выписался изъ солдатовъ», весело отвѣтилъ онъ, точно послѣ этого наступаетъ для него не житье, а масляница. Попрощавшись, мы разстались. Больше я Валейки не видѣлъ.

Ученикъ муллы (№ 25) — въ кочевьѣ дер. Казаккуловой; онъ пріѣхалъ въ гости къ богатому башкиру кочевни Асафу Казаккулову подъ вечеръ и былъ встрѣченъ не только гостепріимно, какъ всякій гость, но и съ нѣкоторымъ уваженіемъ; его посадили въ срединной части коша противъ входа и угощали лучшимъ кумысомъ; разговоры велись едва-ли обычные, свѣтскіе, такъ какъ гость много пѣлъ въ теченіе вечера на тексты изъ духовныхъ книгъ мусульманскихъ (Махмадья и др.); между прочимъ онъ спѣлъ касидȕ, духовную пѣсню, исполняемую школьниками въ присутствіе муллъ; пѣлъ онъ сильнымъ, звучнымъ баритономъ; мелодіи его настолько отличались отъ народныхъ башкирскихъ мелодій, что разомъ какъ-бы выдѣляли его изъ ихъ среды, имѣя какой-то торжественный и отчасти меланхолическій характеръ; и держался этотъ ученикъ муллы какъ-то особенно, точно была какая-то грань между нимъ и присутствовавшими; кружокъ башкиръ слушали его со вниманіемъ какъ внутри, такъ и снаружи коша; записывая его мелодіи, я обратилъ этимъ его вниманіе на себя: онъ довольно много разспрашивалъ меня, зачѣмъ и какъ это я записываю, сталъ вслѣдствіе этого менѣе обособленно держать себя и превратился въ обычнаго собесѣдника; когда я пропѣлъ ему его касиду, онъ засмѣялся одобрительно и какъ-бы удивляясь сказалъ: «такъ, такъ, совсѣмъ вѣрно». Наступили уже лѣтніе сумерки, башкири стали собираться спать; ученикъ муллы попѣлъ еще немного, выпилъ еще чашку кумыса передъ сномъ и умолкъ; хозяинъ старательно приготовилъ ему постель; башкиры разошлись по своимъ шалашамъ и кочевка погрузилась въ сонъ. На другой день рано утромъ ученикъ муллы уѣхалъ.

Зиновій Салимъ-Гиреевичъ Кудашевъ (№№ 26—32, 41—43, также тексты безъ мелодій, стр. 104) — татаринъ, кончившій курсъ Казанской

татарской учительской школы; ведетъ свой родъ отъ Гиреевъ, крымскихъ хановъ. Рекомендовалъ мнѣ его, какъ знатока татарскихъ народныхъ пѣсенъ, директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи И. И. Троицкій, въ квартирѣ котораго я и встрѣтился съ г. Кудашевымъ и записывалъ отъ него пѣсни; онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о раздѣленіи татарскихъ народныхъ пѣсенъ на разряды, диктовалъ много текстовъ съ переводами, передалъ нѣсколько рукописей народныхъ пѣсенъ и пѣлъ самыя мелодіи. Пѣлъ онъ низкимъ басомъ, мелодіи его оказались интересны; онъ сообщилъ мнѣ, что среди Татаръ распространяются и русскія народныя пѣсни, напр., «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Вдоль да по рѣчкѣ», «Во лузяхъ» и др. Во время нашего знакомства онъ искалъ мѣста народнаго учителя, а въ настоящее время состоитъ переводчикомъ при Уфимскомъ окружномъ судѣ; образованъ и достаточно начитанъ; имѣетъ медаль за спасеніе утопающихъ.

Мирсеидъ Магасумовъ (№№ 33—35, 37, 47, 48), бѣдный башкиръ деревни Казаккуловой, Верхнеуральскаго уѣзда, близъ высокой горы Курташъ, молодой, лѣтъ 20-ти; на его попеченіи были мать и братъ; жилъ онъ въ небольшомъ срубѣ изъ бревенъ, въ щели между которыми свободно проникалъ вѣтеръ; срубъ былъ покрытъ берестой, но одинъ уголъ оставался открытымъ для выхода дыма отъ костра; Мирсеидъ лишился лошади и обѣднялъ благодаря голодному году 1891—92 и жилъ скудно, еле доставая кое-какую работу, и часто вздыхалъ; въ первый разъ я услышалъ его пѣніе іюньской ночью у костра: приготовившись ложиться спать въ кошѣ, гдѣ я остановился, я увидѣлъ, что на одномъ пригоркѣ горитъ костеръ и около него смутно обрисовывались силуеты людей; меня заинтересовала эта группа, и я отправился къ костру; подхожу: костеръ ярко горитъ, освѣщая фигуры нѣсколькихъ Башкиръ, которые то сидѣли около огня, то лежали въ растяжку, и въ числѣ послѣднихъ Мирсеидъ Магасумовъ пѣлъ пѣсни. Я спросилъ, зачѣмъ они развели костеръ въ такое время; мнѣ отвѣтили, что «нусъ пора пришла (т. е. ночь наступила), спайть (спать) надо»: это все бѣдняки, которымъ или негдѣ было пристроиться или тѣсно было въ лачугахъ, устроились на ночь подъ открытымъ небомъ у костра. Башкиры лежали, грѣлись у костра, по временамъ поплевывали въ него, а Мирсеидъ пѣлъ татарскія пѣсни, характерныя по произношенію и напѣву. Нѣкоторые напѣвы я записалъ здѣсь же у костра. Была тихая, теплая іюньская ночь, звѣзды ярко горѣли, окружающія горы объяты были темнотой и безмолвіемъ, вблизи раздавалось непрестанное мѣрное журчаніе ручейка; башкиры у костра весело говорили, шутили, смѣялись, а Мирсеидъ все пѣлъ. Незамѣтно прошло время среди такой необычной обстановки, когда почувствовалось, что уже поздно, можетъ быть, близко къ

полуночи, и я, простившись съ собесѣдниками, готовившимися уже спать, ушелъ въ свой кошъ.

Въ другіе дни я записывалъ пѣсни отъ Мирсеида по возможности въ уединенныхъ мѣстахъ на пригоркахъ, въ лѣсу или свободномъ кошѣ; въ присутствіи постороннихъ Мирсеидъ конфузился пѣть, говоря, что надъ нимъ будутъ смѣяться, что де за дуракъ, пѣсни поетъ безъ пути; особенно онъ робѣлъ передъ старпками и богатыми, какъ-то съежпвался и переставалъ пѣть, шепотомъ говоря мнѣ: «постой, нельзя теперь, другой разъ буду пѣть», и наши занятія прекращались. Вообще это былъ сѣрый, посредственный башкиръ, сильно павшій духомъ послѣ потери единственной лошади въ голодный годъ и не знавшій, какъ поправить свою бѣду.

Галимъ Баймухаметовъ Тулубаевъ (№№ пѣсенъ 36, 44)—изъ той же деревни Казаккуловой, бѣдный башкиръ, жившій въ кочевкѣ лѣтомъ въ берестяномъ шалашѣ (изъ березовой коры); средства къ существованію добывалъ пилкой лѣса; отличался мягкимъ, вѣжливымъ обращеніемъ, довольно чисто говорилъ по-русски и съ собесѣдникомъ изъ русскихъ всегда на вы; по понятіямъ гораздо ближе стоялъ къ русскимъ, и относиться къ нему приходилось иначе, чѣмъ къ другимъ мало развитымъ башкирамъ; Тулубаевъ былъ на военной службѣ въ разныхъ городахъ Россіи и этому онъ обязанъ высшимъ развитіемъ передъ своими соплеменниками. Вообще военная служба, при всѣхъ отрицательныхъ ея вліяніяхъ, полезна для инородцевъ тѣмъ, что даетъ возможность увидѣть свѣтъ Божій, поднимаетъ ихъ уровень развитія и научаетъ русской грамотѣ.

Тулубаевъ былъ услужливъ и обнаружилъ больше смѣлости сравнительно съ Мирсендомъ Магасумовымъ, соглашаясь пѣть пѣсни въ своемъ шалашѣ во всякое время.

Ислямъ Муратовъ (№№ 65, 68, 69, 71, 72, 88, 120, 129, 147) — башкиръ изъ той же деревни Казаккуловой, также не изъ богатыхъ, но жилъ въ болѣе крѣпкой палаткѣ; существовалъ пилкой лѣса и столярнымъ мастерствомъ; былъ высокъ ростомъ, брюнетъ и подвиженъ; производилъ впечатлѣніе растябая, часто усмѣхающагося и готоваго смѣхомъ своимъ поиронизировать надъ кѣмъ и надъ чѣмъ нибудь; кажется, нерѣдко ссорился съ обитателями кочевки, и послѣдніе не любили его и пренебрежительно отзывались о немъ. Я случайно открылъ, что онъ дудочникъ (курайсы): однажды послѣ обѣда я хотѣлъ было заняться чтеніемъ, но неожиданно услышалъ звуки духового инструмента и вышелъ на шихъ; оказалось, что игралъ въ сосѣдней избенкѣ Ислямъ на кураѣ, и довольно бойко, плясовыя мелодіи; я вошелъ къ нему и сѣлъ на скамейкѣ слушать его; Ислямъ полулежалъ на коврѣ и подушкѣ; у него были уже 2—3 посѣтителя, изъ которыхъ одинъ пустился въ пляску посреди избы

подъ музыку Исляма: на тѣсномъ пространствѣ крохотной избенки онъ усердно топалъ ногами, прищелкивалъ руками, наклонялся, подбочепивался, а Ислямъ съ жаромъ наигрывалъ плясовыя мелодіи.

Я сталъ записывать мелодіи Исляма: это были первыя мои записи башкирскихъ мелодій, и вообще въ исполненіи Исляма Муратова я впервые услышалъ башкирскую музыку и заинтересовался ея красивостью (Іюнь 1892 г.).

Я искалъ случаевъ позаняться съ Ислямомъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ видимо не обременялся этимъ и съ усмѣшкой наигрывалъ мелодіи по моей просьбѣ.

Я приглашалъ его по вечерамъ къ себѣ пить чай: садились мы на ковры, а посреди насъ стоялъ самоваръ съ чайнымъ приборомъ. Ислямъ въ промежуткахъ между чашками наигрывалъ на кураѣ и привлекалъ этимъ любопытныхъ.

Однажды въ тихій, ясный іюньскій вечеръ мы съ Башкирами согласились развести костеръ и около него поиграть и попѣть. Пока мы чайничали, кто-то уже развелъ костеръ на пригоркѣ въ полуверстѣ отъ кочевки; мы туда и отправились. На пригоркѣ лежало огромное, въ нѣсколько обхватовъ, дерево, видимо давно срубленное и гнившее отъ дождей и времени; посединѣ оно было обожженно; явно было, что имъ пользовались для костровъ, но оно было такъ велико, что только небольшая часть его въ серединѣ обуглилась. И въ настоящій разъ башкиры подложили подъ него хворосту и зажгли: огонь запылалъ, и работы для него было на всю ночь, огромное дерево горѣло и не сгорало. Были уже сумерки, когда мы пришли къ костру; постлавъ на травѣ ковры съ подушками, мы расположились на нихъ и занялись музыкой при свѣтѣ костра. Ислямъ игралъ на кураѣ, явились и другіе дудочники и наперерывъ другъ передъ другомъ стали играть. Собралась большая толпа Башкиръ, костеръ ярко горѣлъ, была теплая, тихая ночь, изрѣдка вѣялъ прохладный вѣтерокъ, Башкиры оживленно говорили, весело смѣялись, острили, выражали знаки одобренія искуснымъ игрокамъ. Я записывалъ мелодіи Исляма на коврѣ при мерцаніи свѣчи. Ислямъ разошелся и много красивыхъ и оригинальныхъ мелодій игралъ, какихъ я раньше не слышалъ отъ него.

Спустя немного, Башкиры стали расходиться въ свои коши, оставались лишь немногіе, и Ислямъ допгрывалъ послѣднія мелодіи. Но мнѣ не хотѣлось уходить, и видя, что два-три Башкира устраиваются на ночь у костра, я самъ рѣшилъ ночевать тутъ же, тѣмъ болѣе, что костеръ обѣщалъ не потухать цѣлую ночь. И вотъ мы въ числѣ немногихъ расположились на покой въ отдаленіи отъ кочевки, на уединенномъ пригоркѣ, вблизи лѣса, среди темноты и безмолвія ночи, и только звѣзды ясно горѣли надъ

нами. Впечатлѣніе было новое: въ первый разъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ среди горъ Башкиріи, и было какъ-то особенно пріятно лежать среди этой необъятной обстановки и смотрѣть на безчисленныя созвѣздія. Вотъ налетѣлъ легкій вѣтерокъ, ярче запылалъ костеръ, и мы погрузились въ сладкую дремоту.

Тихая ночь торжественно совершала свой путь; отъ прохлады или дуновенія вѣтра я проснулся, кругомъ царила тишина, лишь изрѣдка, слышно было покрикиваніе ночной птицы да позвякиваніе колокольчиковъ пасшихся лошадей; посмотрѣлъ я на небо: звѣзды уже сильно подвинулись и перемѣстились къ горизонту, и совсѣмъ иную картину, чѣмъ съ вечера, представляло небо; я не замѣтилъ, какъ вновь заснулъ; ночь продолжала свое шествіе; ощущеніе съ одной стороны холода ночи, съ другой жара костра пробудила меня; уже было близко къ разсвѣту и довольно прохладно стало; отодвинулъ я постель подальше отъ костра и опять улегся; на небѣ была набросана новая картина: многія знакомыя звѣзды были низко у горизонта или совсѣмъ скрылись, медвѣдица также склонилась; чувствовалось присутствіе предразсвѣтной росы. Вновь я проснулся уже отъ теплоты яркаго утренняго солнца, высоко сіявшаго надо мною; около меня костеръ уже не горѣлъ, Башкиръ, ночевавшихъ около него, не было, а въ полуверстѣ кочевка была полна оживленныхъ голосовъ и движенія.

Не разъ еще слышалъ я игру Исляма Муратова, и она мнѣ нравилась бойкостью и достаточной чистотой.

Странно было, что игра его не нравилась Башкирамъ, и они неодобрительно отзывались о его искусствѣ, говоря мнѣ: «что ты слушаешь такого курайсы, онъ — «яманъ курайсы» (т. е. плохой дудочникъ), ты вотъ послушай Лукмана, нѣтъ дудочника лучше его, а Ислямъ плохой дудочникъ». Я не могъ согласиться съ этимъ отзывомъ, такъ какъ Ислямъ во всякомъ случаѣ недурно игралъ очень интересныя мелодіи. Вѣроятно, въ силу личныхъ счетовъ соплеменники не признавали его талантовъ, и я самъ замѣчалъ, какъ Ислямъ держалъ себя иронически — отчужденно по отношенію къ сосѣдямъ.

Лукмановъ (№№ 66, 102, 103, 189) — башкиръ изъ деревни Узункуловой, Верхнеуральскаго уѣзда, слылъ за лучшаго игрока и импровизатора въ окрестныхъ деревняхъ.

Однажды я условился съ нимъ встрѣтиться къ вечеру въ Узункуловой кочевкѣ, но послѣ обѣда пошелъ дождь и продолжался до самыхъ сумерекъ; небо покрылось тучами, и сумракъ лѣтней ночи переходилъ почти въ осеннюю темноту. Я выжидалъ, пока пройдетъ дождь, чтобы, не смотря на запозданіе, отправиться къ Лукманову въ его кочевку Узункулову, которая была въ полуверстѣ отъ казаккуловой кочевки: мнѣ очень хотѣ-

лось слышать игру Лукманова. Взялъ я съ собой записную книжку, вооружился палкой и отправился въ кочевку; дорога шла по косогору среди рѣдкаго лѣса; воздухъ былъ влаженъ; отъ сырой травы и деревьевъ поднимались легкія испаренія; деревья и обстановка пути въ полумракѣ вечера какъ-то расплывались, принимали особенныя очертанія; тропинки исчезали изъ-подъ ноги, и мнѣ не разъ пришлось попадать съ одной тропинки на другую; среди темноты и пустынности мѣстности и таинственныхъ вздоховъ мокрой травы и лѣса и паденія рѣдкихъ капель почувствовалась какая-то опасливость за то, не заблудиться бы мнѣ. Но вскорѣ мелькнуло между деревьями сквозь насыщавшія воздухъ испаренія зарево костровъ кочевки, и я, не разбирая, иду ли по тропинкѣ или нѣтъ, по прямой линіи пошелъ быстрѣе къ кострамъ.

Меня встрѣтилъ сердитый лай собакъ, побѣжавшихъ отъ линіи кошей; отмахиваясь отъ нихъ палкой, я подошелъ къ одному изъ кошей, гдѣ сидѣла группа Башкиръ, безмолвно и съ любопытствомъ ждавшихъ, пока я подойду. Я спросилъ, гдѣ Лукмановъ; Башкиры, привставъ и осматривая меня, указали мнѣ на сосѣдній потухавшій костеръ со словами: «тамъ Лукманъ». Я подошелъ къ этому костру, и сидѣвшіе около него почти всѣ услужливо показали мнѣ Лукманова: «вотъ Лукманъ: на что тебѣ, знако́мъ?» Лукмановъ былъ среднихъ лѣтъ и роста, сухощавый, но съ румянымъ, здоровымъ цвѣтомъ лица, башкиръ, сдержанно себя ведшій и не очень много разговаривавшій. «Что, Лукмановъ, будешь играть?» — спросилъ я его; башкиръ улыбнулся и сказалъ: «будемъ, чево не будемъ», — «такъ играй», — побудилъ я его; Башкиры одинъ передъ другимъ стали мнѣ расхваливать дудочника: «хай, хай, хороша́ дудочникъ, за первый сортъ дудочникъ», сами оживились, подбросили хворосту въ костеръ, который ярко запылалъ, принесли изъ коша кадочку, сказали мнѣ: «айда, садись, знакомъ» и приготовились слушать своего артиста. Лукмановъ присѣлъ на жердь ограды, окружавшей кошъ, утерся рукой, сплюнулъ, взялъ въ ротъ дудку-курай и сдѣлавъ пробныя трели, началъ играть красивыя мелодіи о высокихъ горахъ Курташъ, Артылышъ, о Югрѣ, и другіе Башкиры, освѣщаемые костромъ, слушали и ахали отъ удовольствія. Когда онъ кончалъ, башкиры распространялись о другихъ достоинствахъ артиста: «хороша́ играетъ; онъ, знакомъ, бульно мастёръ слово къ слову подбирать на тебя, на меня, на кого хочешь, такой мастёръ, такъ ловко, просто бида». Это они говорили о его талантѣ сочинять стихи и эпиграммы на разныхъ лицъ и на случаи. Я просилъ Лукманова поиграть еще; толпа Башкиръ ухмылялась: «хай, нашто это тебѣ, знакомъ, наша пѣсня́?», я говорю, что хороши онѣ, что онѣ мнѣ нравятся; Башкиры уже серьезно подтверждали: «ейе (да), хороша́ наша пѣсня́». Когда я повторялъ какую-нибудь мелодію,

Башкиры пытливо глядѣли на меня, говорили: «такъ, такъ, знакóмъ, молодесъ», смѣялись и перекидывалась между собой словами.

Мы говорили и слушали въ темнотѣ ночи, отгоняемой только нашимъ костромъ, и группа наша точно терялась среди уединенія мѣстности, такъ какъ въ другихъ кошахъ уже не горѣло костровъ и обитатели подъ вліяніемъ ненастья улеглись ранѣе обыкновеннаго. Поговоривъ еще немного, я разстался съ собесѣдниками, угощавшими меня кумысомъ, и условился съ Лукмановымъ свидѣться еще на завтра. Пошелъ я обратно тѣмъ же путемъ, и таже теплая сырость царила кругомъ, только темнота ночи еще болѣе сгустилась.

Въ другой разъ Лукмановъ пѣлъ мнѣ пѣсни однажды днемъ, — онъ былъ свободенъ, и мы пошли въ жаркую ясную погоду въ лѣсъ, подъ сѣнь деревьевъ, разостлали въ густой травѣ коверъ, улеглись и начали работу. Мы занимались, а вокругъ насъ жужжало, трещало и летало множество насѣкомыхъ. Довольно долго работали мы съ нимъ въ этотъ жаркій день подъ тѣнью деревьевъ.

Мирсеидъ Марзаголовъ (мелодія № 128) изъ деревни Кабагушевой; кочевка этой деревни была расположена въ верстѣ отъ кочевки Казаккуловой и была видна изъ послѣдней; вскорѣ по пріѣздѣ я отправился съ братомъ въ кочевку Кабагушеву пѣшкомъ, подхожу, меня встрѣтили лаемъ собаки, отъ которыхъ пришлось принимать мѣры; коши были расположены въ одну линію, и около нихъ дымились костры; когда мы проходили вдоль нихъ, изъ кошей смотрѣли и выходили любопытные; мы спросили, у кого есть хорошій кумысъ; насъ съ большой услужливостью увлекли въ одинъ изъ крайнихъ кошей, посадили на нары и стали угощать кумысомъ, который впрочемъ не оправдалъ нашихъ ожиданій.

Собралось нѣсколько Башкиръ, которые усѣлись и стояли вокругъ насъ и съ большимъ любопытствомъ осматривали насъ; сначала они молчали, потомъ начали разспросы: — «гдѣ лежишь (живешь, остановился), знакóмъ?» — «въ Казаккуловой», отвѣчаю я, — «ага; откуда пришелъ, знакомъ?» — «Изъ Верхнеуральска», — «ага», сказали собесѣдники и немного помолчали, не прекращая простодушныхъ взоровъ; — «баба есть, знакомъ (т. е. женатъ)?» — «нѣтъ»; — «какъ нѣтъ? баба пора взять, борода есть у тебя, какъ безъ бабы? бабу надо взять». Опять помолчали, попили кумысу: «жалованье получаешь, знакомъ?» — «получаю», — «много жалованья получаешь»? — «столько-то»; — «якшы (хорошо); айда, пей кумысъ, знакомъ, якшы кумысъ». Такъ шла наша бесѣда, и Башкиры заинтересовались не только нами, но и нашимъ платьемъ, осматривали его, дотрогивались, брали за пуговицы.

Я спросилъ о дудочникѣ; мнѣ назвали Мирсенда Марзаголова, что

хорошо играетъ. За поздпимъ временемъ онъ не игралъ, а на другой день вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ пить чай, который мы устроили подъ открытымъ небомъ, на полянкѣ, разостлавъ ковры; но гости изъ Кабагушевой не скоро пріѣхали, и я долго ждалъ ихъ, распивая чай съ мѣстными Башкирами Казаккуловцами; уже почти стемнѣло, когда подъѣхала къ намъ телѣга съ гостями; мы подогрѣли самоваръ, положили краюшку хлѣба, сахару и пр.; гости стали угощаться, къ нимъ за компанію присоединились другіе Башкиры, и началось молчаливое чаепитіе. По окончаніи его, уже стемнѣло, когда Марзаголовъ взялся за курай и издалъ первые звуки; вскорѣ взошла луна и озарила блѣднымъ свѣтомъ нашу группу; сначала Марзаголовъ игралъ поэтическія или пѣсенныя мелодіи, которыя присутствовавшіе слушали молча, потомъ перешелъ на плясовыя, и общество сразу оживилось: нашлись танцоры, и ихъ своеобразныя движенія и оригинальный костюмъ точно сквозь дымку вырисовывались при слабомъ освѣщеніи луны; особенно отличался одинъ башкиренокъ (баранчукъ), плясавшій ловко и живо на широкой доскѣ, которую подставили ему взрослые; онъ снялъ обувь (ичиги) и плясалъ въ однихъ чулкахъ.

Было уже довольно поздно и выпала вечерняя роса, когда Марзаголовъ и гости уѣхали домой, а Казаккуловцы пошли по своимъ кошамъ, собравъ чайныя принадлежности. Ночь была прохладная и въ горномъ воздухѣ чувствовалась сырость.

На другой день я опять пошелъ въ Кабагушеву повидаться съ Марзаголовымъ; день былъ ясный; подхожу: башкиръ колетъ барана; онъ уже держалъ его за голову, чтобы не бился и чтобы кровь легче вытекала; затѣмъ принялся свѣжевать его: надрѣзалъ грудь и животъ и снялъ шкуру; обрѣзалъ ножки, собралъ весь жиръ и разрубилъ на части тушу; отъ недавно живого барана остались одни куски мяса. Башкиръ понесъ мясо въ кошъ и пригласилъ меня пить кумысъ: въ кошѣ я нашелъ нѣсколько Башкиръ, въ томъ числѣ одного глубокаго старика и Марзаголова; по обыкновенію посадили меня въ серединну и подали чашку кумыса, но плохого, кислаго: я только попробовалъ его; вся эта компанія съ бабами-Башкирками собралась ѣхать въ горы къ такъ называемому «камню» на прогулку и брала съ собой дудочника и провизіи. Я поѣхалъ съ ними; приходилось подниматься все въ горы (см. опис. стр. 49). Спустившись съ «камня» въ лежащую около него глубокую лощину и посмотрѣвъ на любопытную пещеру въ скалѣ на нѣкоторой высотѣ надъ землею, гдѣ будто-бы скрывались разбойники или Пугачевъ, мы поѣхали назадъ; дорога шла подъ гору; развеселившіеся Башкиры уже не придерживались дороги, а гнали лошадей прямо черезъ лѣсъ по травѣ, и тряско было ѣхать въ первобытной двухколесной таратайкѣ; гдѣ послѣдняя шла ровнѣе, Марзаголовъ брался за курай и игралъ

пляски, напр., Сукмуюлъ (густая черемуха). Но вотъ послышались впереди насъ неистовое гиканье и свистъ: это верховые Башкиры, доѣхавъ до большого тракта (почтовой дороги), устроили внезапную скачку и стремительно погнали своихъ лошадей; гуляющимъ эхомъ разносились ихъ свистъ и окрики по лѣсу, и бездна молодечества и ухарства было въ этомъ удаломъ эпизодѣ.

Марзаголовъ былъ скромный, мягкій башкиръ, довольствовавшійся тѣмъ, что выпадало на его долю; какъ игрокъ онъ славился въ окрестныхъ деревняхъ.

Башкирскіе музыканты на свадьбѣ.

Около того-же времени я видѣлъ, какъ состязались дудочники на одной богатой свадьбѣ. Старшина Кубелякъ-Телевской волости Вахитовъ, у котораго былъ лучшій конь въ кочевкѣ Казаккуловой, женилъ своего старшаго сына на невѣстѣ изъ кочевки Кабагушевой. Послѣ предварительныхъ празднествъ какъ у отца невѣсты въ Кабагушевой, такъ и у отца жениха въ Казаккуловой, когда Башкиры засиживались въ кошахъ до поздней ночи, пили, ѣли и играли, — наступилъ день свадьбы. Съ утра стала готовиться кочевка Казаккулова ѣхать въ Кабагушеву, такъ какъ на богатыя свадьбы приглашается поголовно вся деревня. Бѣдняки лишь рано утромъ поработали немного, а потомъ стали одѣваться въ то, что было получше у каждаго, и выѣхали на дрогахъ по 5—6 человѣкъ по дорогѣ въ Кабагушеву раньше богачей; часовъ въ 10 утра поднялись и послѣдніе, одни верхомъ на богато убранныхъ лошадяхъ, другіе въ тарантасахъ; я ѣхалъ съ послѣдними; лихо тронулся поѣздъ богачей съ верховыми впереди, благо, что дорога была ровная и разстояніе было небольшое. Вскорѣ мы обогнали дроги бѣдняковъ, которые длинной линіей вытянулись вдоль дороги и ѣхали неспѣша, давая нашему поѣзду дорогу. Наши тройки и пары неслись впередъ; но вотъ черезъ нѣсколько времени послышались впереди свистъ, гиканье и раскаты голосовъ: это наши верховые приблизились къ кочевкѣ, гдѣ праздновалась свадьба, и ихъ встрѣтила группа верховыхъ Кабагушевцевъ, назначенныхъ для встрѣчи гостей, издавая возгласы, махая шапками и нагайками. Встрѣтивъ гостей, они поскакали вмѣстѣ съ нами, и когда мы подъѣхали къ кочевкѣ, къ тарантасамъ подскочили другіе Кабагушевцы и услужливо помогали намъ вылѣзть изъ нихъ.

Всѣ гости размѣстились полукружіемъ на ровной зеленой полянкѣ, усѣвшись прямо на землѣ и лишь немногіе подостлавъ подъ себя ковры или одежду. Посрединѣ этого полукружія поставлены были кадки съ кумысомъ и квашенымъ медомъ, называемымъ у Башкиръ *кисляткой*. Стоявшіе у кадокъ

4—5 человѣкъ разливали кумысъ и медъ по чашкамъ и разносили послѣднія гостямъ. Когда башкиръ подходилъ съ чашкой къ гостью, онъ давалъ пить ему, держа чашку ладонями обѣихъ рукъ; гость, выпивъ значительную часть чашки, самъ бралъ послѣднюю въ обѣ руки, наклонялъ въ сторону угощавшаго и предлагалъ ему пить изъ нея; послѣдній сначала отказывался и заставлялъ гостя опять пить, но когда тотъ настаивалъ, допивалъ остатокъ кумыса. Такую церемонію продѣлывали всѣ присутствовавшіе, и это служило выраженіемъ учтивости. Пили очень много, чашку за чашкой, и я даже испугался, когда почувствовалъ, что больше пить не могу, а угощенію не предвидѣлось конца; только послѣ самаго настойчиваго отказа меня оставили въ покоѣ. Вскорѣ послѣ начала пиршества заиграли дудочники, которыхъ собралось человѣкъ 5—6. Они пока играли поэтическія мелодіи лишь для услажденія слуха присутствовавшихъ.

Соперничали между собой въ искусствѣ играть Лукмановъ, Ислямъ Муратовъ, Марзаголовъ и др. Они сидѣли въ разныхъ мѣстахъ и имѣли своихъ слушателей. Лукмановъ видимо лучше другихъ игралъ, такъ какъ курай былъ у него лучше другихъ, но и Марзаголовъ мало уступалъ ему; не очень отставалъ-бы отъ нихъ и Ислямъ, если-бы не новый, сырой курай, который онъ только что сдѣлалъ, отправляясь на свадьбу.

Послѣ кумыса подали въ большихъ деревянныхъ чашкахъ мясное кушаніе — *бишбармакъ*, которое у башкиръ обязательно ѣсть пальцами, откуда и самое названіе (пять пальцевъ). Гости группами разсѣлись у чашекъ, предварительно, правда, вымывъ руки у рукомойниковъ, висѣвшихъ на вѣтвяхъ дерева, или подавая другъ другу воду. Одинъ изъ сидѣвшихъ около чашки рѣзалъ мясо на куски и подавалъ окружающимъ, которые также брали его руками и ѣли безъ хлѣба.

Съѣвъ мясо, присутствовавшіе стали пить бульонъ или наваръ изъ чашекъ, подавая ихъ другъ другу по очереди. Хотя русскому могутъ не нравиться эти пріемы принятія пищи, но нельзя было не признать мяса и навара очень вкусными, какъ по ихъ свѣжести, такъ и въ силу аппетита, который разыгрывался на открытомъ воздухѣ.

Этимъ въ сущности кончилось угощеніе. Послѣ того объявили, что будутъ скачки и что участвующіе въ нихъ уже уѣхали верстъ за 8, и ихъ слѣдуетъ вскорѣ ждать. Тѣмъ временемъ собраніе занялось разговорами и созерцаніемъ плясокъ. Опять выступили на сцену дудочники и заиграли плясовыя мелодіи, подъ которыя взрослые и особенно ребята принялись плясать. Многіе продѣлывали при этомъ ловкія движенія. Но долго пляски не продолжались по неудобству плясать на травѣ. Тогда началась борьба — одно изъ самыхъ любимыхъ развлеченій Башкиръ. Картина быстро оживилась, большинство публики встало; борцы выходили въ середину, брались

за кушаки и боролись; въ критическій моментъ, когда кто-нибудь изъ борцовъ долженъ былъ преодолѣть, толпа приходила въ возбужденіе, раздѣлялась на двѣ партіи и возгласами, криками поощренія старалась придать энергіи своему избранному для одержанія побѣды. Когда-же напряженіе борьбы разрѣшалось въ побѣду для одного и пораженіе другого, вся толпа издавала нѣчто, похожее на ревъ, и расточала похвалы одному и сожалѣнія другому. Побѣдитель получалъ при этомъ большой конецъ ситца. Затѣмъ начинали бороться другіе въ томъ-же родѣ. Дудочники въ это время стушевались.

Боролись довольно продолжительно и наконецъ устали, а участники скачки все не появились. Толпа въ бездѣйствіи стояла и занималась тихимъ говоромъ, а также удивлялась, отчего такъ долго не показываются всадники.

Но вотъ опять пробѣжало движеніе въ толпѣ и раздались громкіе голоса: это увидѣли, что по дорогѣ скачутъ ожидаемые всадники, и всѣ съ большимъ любопытствомъ устремили взоры на несущагося первымъ. Всадники, которые оказались ребятишками, повернули съ дороги и прямо по травѣ во весь духъ подлетѣли къ кочевкѣ. Громкіе возгласы одобренія встрѣтили перваго всадника, къ которому подъѣхалъ башкиръ съ подаркомъ, насаженнымъ на палку: то были, кажется, большой кусокъ баранины и ситецъ; за первымъ всадникомъ прискакали второй, третій и т. д., и всѣ до шестого включительно получили подарки отъ того-же башкира на лошади.

Оживленіе толпы было необыкновенное и разговоровъ о скачкахъ было множество.

Этимъ кончилось празднество. Правда, дудочники играли еще нѣкоторое время, но собравшіеся мало слушали ихъ, такъ какъ стали расходиться по кошамъ кочевки, къ своимъ знакомымъ или родственникамъ.

Скоро на полянѣ почти никого не было, но веселье продолжалось внутри кошей, по которымъ разбрелись и дудочники, и игра ихъ доносилась то изъ того, то изъ другого коша. Въ нѣкоторыхъ кошахъ веселье было особенно шумно: тамъ въ видѣ угощенія являлась водка (аракъ); ее молодежь обыкновенно пьетъ тайкомъ отъ старшинъ, находя болѣе вкусной, чѣмъ кумысъ.

Свадебные обряды этимъ не исчерпываются: женихъ съ невѣстой и родственники веселятся особо, исполняя разныя церемоніи, напр. невѣсту прячутъ въ одномъ изъ кошей, а женихъ ищетъ ее; послѣ того, какъ онъ находитъ ее, невѣста быстро выбѣгаетъ изъ коша, а женихъ ловитъ ее поймавъ, онъ уже вполнѣ завладѣваетъ ею.

Пѣвцы и музыканты на пріискахъ.

Въ Тентяро-Учалинской волости Верхнеуральскаго уѣзда въ 6 верстахъ отъ деревни Учаловъ и въ верстѣ отъ деревни Рысаевой расположенъ пріискъ Э. П. Гана, богатый золотыми залежами. Кругомъ живутъ Тентяри, имѣющіе хорошіе заработки на окрестныхъ золотыхъ пріискахъ. Ихъ пѣвцы и музыканты нерѣдко приглашаются русскими на пріиски и за свое искусство получаютъ хорошое иногда вознагражденіе деньгами и вещами, не говоря уже объ угощеніи водкой и т. п. Поэтому артисты-инородцы въ этой мѣстности болѣе избалованы и требовательны, чѣмъ въ Башкиріи.

Имѣя рудокопныя работы, Тентяри исполняютъ и другія должности на пріискѣ, напримѣръ, караулятъ его ночью. Караульщики размѣщаются въ различныхъ пунктахъ. Коротая долгую августовскую или осеннюю ночь, тентяръ-караульщикъ обходитъ свой участокъ, стуча въ колотушку и напѣвая свою пѣсню.... и когда прислушаешься, проснувшись, въ тиши ночной къ этой пѣснѣ, то сильнѣе чувствуешь оригинальную поэтичность ея, говорящую о какомъ-то особенномъ мірѣ; — и лучше думается тогда объ этихъ инородцахъ.

На пріискѣ у Гана пѣли для меня пѣсни слѣдующіе Тентяри.

Магафуръ Башаровъ (№№ 196—202, см. о немъ въ отдѣлѣ тентярскихъ пѣсенъ стр. 197): передъ занятіями онъ желалъ, чтобы его угостилъ и водкой и папиросами. То и другое ему было доставлено, и онъ угощался во все продолженіе нашихъ занятій. Хозяинъ пріиска хорошо наградилъ его за пѣніе. Башаровъ зналъ много русскихъ пѣсенъ, охотно предлагалъ играть ихъ и расхваливалъ: — «хай, хороша русска пѣсня́, бульно хороша». Вообще русскія мелодіи легко прививаются инородцамъ.

Шагіахматъ Валіевъ изъ деревни Рысаевой, молодой, ласковый тентярь; его пригласилъ съ работы на пріискѣ хозяинъ и заставилъ пѣть, предложивъ также угощеніе, но Шагіахматъ водки не пилъ и папиросъ не курилъ, удовольствовавшись лакомствами. Онъ обладалъ высокимъ теноромъ и сообщилъ мнѣ прекрасную мелодію изъ разряда протяжныхъ пѣсенъ (см. № 161).

Павелъ Ивановичъ Шуруповъ (№№ 203, 204) — молодой, краснощекій бакалинецъ (крещеный татаринъ), съ веселымъ, добрымъ лицомъ, въ красной рубахѣ, въ которой онъ былъ очень похожъ на русскаго парня, за какого я сначала его и принималъ. Онъ былъ хорошій, исправный работникъ, успѣлъ

вселитьвъ хозяинѣ пріиска довѣріе къ своей честности; говорилъ совершенно правильно по-русски. Онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько бакалинскихъ мелодій и пѣсенъ (бакалинцы — крещеные Татары, переселенные въ 40-хъ годахъ изъ деревни Бакалы Уфимской губерніи въ Верхнеуральскій уѣздъ Оренбургской губерніи и извѣстны болѣе подъ названіемъ *Нагайбаковъ*).

Не смотря на порчу, какую вносятъ пріиски въ окрестное населеніе, среди Тептярей все-же попадаются скромные, нравственно цѣльные, работящіе ребята, особенно изъ молодыхъ.

Башкирскіе музыканты въ Орскомъ уѣздѣ.

Выѣздъ изъ города Верхнеуральска.

25-го Іюня 1894 года я, братъ мой Пстръ и Андрей Степановичъ Гусевъ, народный учитель, выѣхали на лошадяхъ въ центръ Башкиріи, черезъ Кулебякъ-Телевскую, Тамьяно-Тангаурскую волости, также башкирскія, въ Орскій уѣздъ.

Путь лежалъ вдоль Уральскихъ горъ по восточному склону ихъ, у подошвы отдѣляющагося самостоятельно хребта Ирендыкъ, отъ горы Еремель до южнаго конца Уральскихъ горъ. Между Ирендыкомъ и собственно Ураломъ находится широкая долина, покрытая лѣтомъ густою травою. Средняя часть Ирендыка, отрѣзанная съ обоихъ концовъ двумя рѣчками, называются одинаково — Кызы́лъ, носитъ названіе «Кырты́» (вырѣзка).

Деревня Ташбулатова.

Вечеромъ перваго дня пріѣхали въ деревню Ташбулатову. Спрашиваемъ встрѣчныхъ Башкиръ о башкирскихъ пѣсельникахъ и дудочникахъ въ деревнѣ.

А. С. Гусевъ зналъ одного изъ нихъ прежде и спросилъ о немъ, живетъ ли онъ въ деревнѣ. Башкиръ отвѣтилъ, что нѣтъ, ушелъ въ верхнеуральскій острогъ за конокрадство. Спрашиваемъ о другихъ дудочникахъ, но и тѣ сидѣли также въ острогѣ. Странно вели себя дудочники. Въ виду этого извѣстія оставалось проѣхать Ташбулатову мимо, если бы далѣе не вы-

ясшлось, что, и помимо сидѣвшихъ въ острогѣ, въ деревнѣ найдется дудочникъ.

МАГАФУРЪ КАРАКАЕВЪ.

(№№ 86, 87, 99, 101, 106, 113, 127, 130, 131, 134, 136, 137, 138.)

Остановиться оказалось всего удобнѣе въ домѣ одного русскаго, занимающагося въ этой башкирской деревнѣ хлѣбопашествомъ (Козловъ), потому что домъ русскаго сразу отличался отъ башкирскихъ избушекъ своею бо̀льшею величиною, исправностью, тесовою, крѣпкою крышею и опрятностью внутри.

Пока искали для насъ дудочника (курайсы, по-башкирски) Каракаева, познакомились съ хозяевами: жена хозяина оказалась богомольной, суевѣрной и болтливой старушкой; когда она узнала, за чѣмъ пріѣхали господа изъ города, т. е. слушать игру и пѣсни Башкиръ, то объявила: «вы, батюшки, ужь здѣсь въ дому съ нимъ не возитесь: грѣшно, завтра воскресенье»; на возраженіе, что нуженъ дудочникъ не для забавы, а чтобы записать его пѣсни, она продолжала: «нѣтъ, батюшки, грѣшно въ русскомъ дому, — у Башкиръ можно», и привелось искать помѣщенія въ башкирскихъ избахъ. Каракаева, котораго мы ждали, не оказалось тогда въ деревнѣ, — онъ былъ въ кочевкѣ въ трехъ верстахъ отъ деревни; за нимъ нарочно ѣздили и привезли часовъ въ 8—9 вечера. Съ нимъ мы отправились въ одну башкирскую избу почище, находившуюся по той-же улицѣ наискосокъ русскаго дома. Входимъ, — изба не старая, довольно опрятная: лишняго стараго хлама не разбросано, на нарахъ (широкихъ скамейкахъ по стѣнамъ) разостланы недорогіе ковры. Мы вошли и разсѣлись на нарахъ; передъ нами поставили оказавшійся въ избѣ столъ, что̀ довольно рѣдкое явленіе для башкирской избы, принесли желѣзный подсвѣчникъ и зажгли нашу стеариновую свѣчу, такъ какъ у хозяина въ виду лѣтняго времени не оказалось никакихъ освѣтительныхъ матеріаловъ: въ башкирской избѣ распространилось непривычное освѣщеніе. У топившагося чувала (печка вродѣ камина) стали приготовлять самоваръ; въ ожиданіи его нашъ дудочникъ заигралъ башкирскія пѣсни, на его игру сошлись посторонніе Башкиры, и изба наполнилась любопытными; я началъ записывать мелодіи и воспроизводить ихъ голосомъ или насвистываніемъ: Башкиры выражали удивленіе по поводу того, какъ это я записываю.

Вскорѣ былъ поданъ самоваръ, и хозяинъ сталъ угощать чаемъ насъ, курайщика и нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ. Разговоръ прекратился и началось усердное молчаливое чаепитіе, во время котораго любопытные взоры многихъ изъ присутствовавшихъ осматривали насъ, о чемъ-то со-

ображая. Мой братъ пользовался случаемъ набросать портретъ нѣкоторыхъ изъ Башкиръ и восхитилъ ихъ удачностью одного снимка: «ай хай» — слышалось среди оживленнаго по этому поводу башкирскаго разговора: «якшы» (хорошо).

Послѣ чаепитія я возобновилъ записываніе пѣсенъ: дудочникъ продолжалъ играть полулежа на подушкѣ на нарахъ (у него болѣла нога, вывихнутая при паденіи съ телѣги). Своей болѣзнью онъ, повидимому, мало безпокоился, такъ какъ пріѣхалъ по первому зову за нѣсколько верстъ, не смотря на то, что едва могъ двигаться, да и то при помощи палки. Каракаевъ оказался довольно пожилымъ башкиромъ, много видавшимъ кое чего на своемъ вѣку. Кажется, и онъ, по примѣру другихъ дудочниковъ, своихъ односельчанъ, въ свое время побывалъ въ верхнеуральскомъ острогѣ. Вообще, къ слову сказать, свѣжаго человѣка поражаетъ легкость отношенія Башкиръ ко всякаго рода дисциплинарнымъ наказаніямъ до острожнаго сидѣнія включительно. Отбывъ свой срокъ наказанія, башкиръ какъ ни въ чемъ небывало, возвращается въ свою общину, гдѣ отрицательное отношеніе къ его запятнанной личности выразится развѣ въ шуткахъ да кличкѣ— острожный.

Бывалостью Каракаева можно объяснить довольно большой запасъ у него пѣсенъ. Кромѣ того онъ оказался не чуждъ личного сочинительства и сообщилъ нѣсколько пѣсенъ имъ самимъ сложенныхъ. Часовъ около одиннадцати ночи наше засѣданіе кончилось, и мы поднялись по домамъ; число любопытныхъ къ этому времени уменьшилось, и въ избѣ осталось 2—3 постороннихъ Башкира. Вышли мы изъ избы; глубокая темень царила кругомъ, и холодный, порывистый, точно осенній вѣтеръ пронизывалъ насквозь, и это въ концѣ іюня!

Цѣлую ночь шумѣлъ и стучался вѣтеръ въ окна дома, гдѣ мы остановились; устроиться на ночь пришлось на полу, правда чистомъ, какъ и вообще все было довольно чисто и опрятно въ этомъ жилищѣ русскаго.

На другой день утромъ вѣтеръ стихъ и солнце ярко сіяло и даже согрѣвало, не смотря на продолжавшійся холодъ. Ко времени утренняго чая дудочникъ Каракаевъ ждалъ уже въ кухнѣ, какъ было условлено съ вечера. Пригласили его пить съ нами чай: онъ устроился по башкирскому обычаю на полу, при чемъ хозяйка дала ему особую посуду, спеціально для Башкиръ содержимую ею; по ея убѣжденіямъ нельзя Башкирамъ давать пить чай изъ той-же посуды, какъ у русскихъ: — «они вѣдь нехристи, креста у нихъ нѣтъ, грѣхъ изъ одной посуды съ ними ѣсть», равно какъ грѣхъ русскому взять посуду, которую она предназначила для Башкиръ; когда кто-то изъ насъ взялъ было чашку для Башкиръ, то хозяйка заахала: «что ты, батюшка, какъ можно, изъ этихъ чашекъ вѣдь Башкиры пьютъ; опо-

гапишься; постой, я тебѣ русскую чашку дамъ». Мы смѣялись, и находившійся при этомъ башкиръ также трунилъ надъ нею, подзадоривая ее. Зашла рѣчь о томъ, что̀ грѣхъ и что̀ не грѣхъ, на что̀ молитва есть и на что̀ молитвы нѣтъ. Старуха-хозяйка между прочимъ увѣряла, что если мышь упадаетъ въ колодезь и опоганитъ его, то на это есть молитва, священникъ можетъ освятить колодезь и сдѣлать его опять чистымъ, а на баню молитвы нѣтъ, баню освящать священникъ никогда не ходитъ.

Деревня Темясова.

Въ этотъ-же день къ вечеру пріѣхали мы въ Абзелилову, гдѣ ночевали. Записать здѣсь ничего не привелось, такъ какъ деревня пустовала: Башкиры кочевали и въ деревнѣ (зимовкѣ) не оказалось ни одного дудочника. Слѣдующій день ушелъ на переѣздъ по направленію къ деревнѣ Темясовой, второй Бурзянской волости, куда добрались къ вечеру. Эта деревня не оказалась покинутою совсѣмъ жителями, тѣмъ болѣе, что въ ней жили и торговали русскіе.

Подъѣхали мы къ самому большому и высокому дому деревни: это былъ домъ мужа сестры Андрея Степановича, который занимался торговлею въ окрестныхъ деревняхъ, переѣзжая изъ деревни въ деревню и ведя, какъ и прочіе торговцы, своеобразную кочующую жизнь, свойственную торговцамъ только въ этихъ мѣстностяхъ. Новый большой домъ былъ неожиданностью для Андрея Степановича, который давно не видѣлся съ сестрой и ея мужемъ, а послѣдніе прежде имѣли лишь небольшой одноэтажный домъ. Убѣдившись изъ разспросовъ, что этотъ домъ дѣйствительно его сестры, онъ заключилъ: «значитъ, разбогатѣли». Сестра его, Катерина Степановна, по мужу Петрова, встрѣтила насъ радушно и тотчасъ велѣла взять въ домъ вещи, а насъ пригласила въ лучшую комнату, вродѣ гостиной. Наскучивши проливнымъ дождемъ и уставши отъ долгаго сидѣнія въ экипажѣ, мы охотно вылѣзли изъ него и, расправляя полуонѣмѣвшія руки и ноги, вошли въ домъ. Послѣ тѣхъ непритязательныхъ и неврачныхъ помѣщеній, какими приходилось пользоваться въ предъидущіе дни путешествія, высокій, съ просторными комнатами, домъ Катерины Степановны, показался очень пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что отъ характера постройки и убранства дома пахло коренною Русью, что̀ особенно бросалось въ глаза среди всей этой дикой и глубокой Башкиріи. Домъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, обнесенный со стороны двора галлереею, былъ построенъ по типу домовъ зажиточныхъ торговцевъ-мѣщанъ, чистыя комнаты, не очень однако удобно расположенныя, были устланы половиками, новыя сосновыя

стѣны, ничѣмъ не оклеенныя, издавали пріятный смолистый запахъ; къ галлереѣ примыкали два хода: парадный и черный съ непзбѣжнымъ висячимъ рукомойникомъ снаружи. У Катерины Степановны было большое хозяйство: коровы, птицы, лошади и пр.; благодаря достатку, а также для надобности хозяйства она имѣла прислугу, но за одно съ ней сама все дѣлала: большаго разстоянія между ней и прислугой не было.

За чаемъ я по обыкновенію завелъ рѣчь о дудочникахъ и пѣсельникахъ башкирскихъ: Катерина Степановна усмѣхнулась; вообще всюду подобные разспросы наши вызывали усмѣшку или улыбку; видно было, что насъ принимали за веселыхъ малыхъ, которые, можетъ быть, пріѣхали покутить и провести время какъ слѣдуетъ, безъ скуки; впрочемъ улыбка Катерины Степановны была не такая: въ ней не было той брезгливой предубѣжденности, какъ у старухи въ деревнѣ Тамбулатовой; Катерина Степановна тотчасъ-же вошла въ наши интересы и стала припоминать, какіе есть въ деревнѣ пѣсельники и дудочники, желая оказать намъ пріятное. Въ деревнѣ были не только мущины артисты, но и пѣсельницы и дудочницы. Это было ново для меня: раньше я не встрѣчалъ среди Башкиръ женщинъ-артистокъ. Я сообщилъ, что у меня есть открытый листъ отъ Географическаго Общества въ Петербургѣ; Андрей Степановичъ сказалъ: «вотъ и отлично, его завтра можно будетъ показать старшинѣ, и тогда онъ живо найдетъ намъ дудочниковъ».

МАНСУРКА.

(№ 112).

Въ теченіе слѣдующаго дня я видѣлся съ однимъ дудочникомъ и записывалъ отъ него башкирскія пѣсни, а затѣмъ Катерина Степановна пригласила меня во внутреннія комнаты, гдѣ былъ башкиръ придурковатаго и страннаго вида съ улыбающейся, застѣнчивой физіономіей. «Вотъ это Мансурка, про котораго я вамъ говорила», сказала Катерина Степановна, — «мастеръ пѣть по птичьему». — «Ну, Мансурка, сыграй, какъ лебеди поютъ», продолжала она. Мансурка (его полное имя было Мансуръ Голубуевъ) всполошился, сконфузился, засмѣялся во все свое лицо и спрятался въ рукавъ, топчась на мѣстѣ. Присутствовавшіе вторично стали его побуждать: «ну же, Мансурка, не бойся». Тогда Мансурка, вытянувъ свою физіономію, закрывъ ротъ и носъ, сталъ издавать въ высшей степени странные, своеобразные звуки полузакрытаго характера; эти звуки дѣйствительно были похожи на что-то птичье, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно слышалась мелодія. Это лебединое курлыканіе слушалось

прямо съ удовольствіемъ: такъ это было не обычно, искусно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно. Присутствовавшіе издали одобрительные возгласы и заставили повторить. Мансурка опять широко улыбнулся, видимо онъ былъ польщенъ и повторилъ пѣніе лебедя. Я въ то-же время записалъ мелодію. Затѣмъ онъ изображалъ, какъ воркуютъ голуби, какъ поетъ какая-то полевая птица, кажется, стрепетъ, и все это было очень своеобразно и правдоподобно. На похвалы Мансурка отвѣчалъ улыбкой во весь ротъ, и улыбкѣ этой не было конца, онъ уже не такъ былъ застѣнчивъ, а когда я ему далъ различныхъ фруктовъ, радость его была искренняя, онъ оживился и началъ топтаться на мѣстѣ еще болѣе. Послѣ этого Мансурку отпустили.

МАНСУРКА вечеромъ.

Въ комнатѣ были уже вечерніе огни, но они не мѣшали видѣть въ окна, что погода прояснилась, и вечерняя заря розовымъ, мягкимъ полусвѣтомъ отражалась на подоконникахъ и на домахъ снаружи. Стало сразу веселѣе послѣ почти двухдневнаго ненастья. Въ это время вдругъ подъ окнами раздались какіе-то знакомые звуки: это Мансурка пѣлъ по лебединому; онъ стоялъ у оконъ и усердно показывалъ свое искусство; мы открыли окна и стали слушать; Мансурка, увидѣвъ насъ, разразился широкой и радующейся улыбкой. Въ ней и въ томъ усердіи, съ какимъ онъ изображалъ пѣніе птицъ, видно было, что онъ сильно польщенъ вниманіемъ къ его искусству и хотѣлъ показать, что въ немъ живутъ чувства благодарности. Чистое небо, догорающая заря, тихій вечеръ, новые для насъ люди, добрые и привѣтливые, необычная обстановка, горная природа, въ высшей степени странное и оригинальное искусство Мансурки, всего этого достаточно было, чтобы почувствовать себя въ совершенно новомъ своеобразномъ мірѣ, увидѣть, что все прежнее осталось гдѣ-то назади и отъ изобилія свѣжихъ пріятныхъ впечатлѣній познать особое душевное удовлетвореніе, когда всецѣло погружаешься и наслаждаешься настоящимъ и забываешь о прошедшемъ и будущемъ.

Деревня Иткулова 2-я ТУЛУНГУЖА ГУБЕЙДУЛЛИНЪ.

(№№ 73, 78, 96—98, 107, 119, 121, 148, 151).

На другой день (29-го Іюня) мы поѣхали съ Андреемъ Степановичемъ немного далѣе, за 20 верстъ, въ деревню Иткулову 2-ю. Гусевъ надѣялся тамъ найти для меня извѣстнаго игрока дудочника Хамита, такъ-какъ

въ Темясовой особенно выдающіеся отсутствовали. Пріѣхали въ Иткулову около базарнаго времени и остановились въ домѣ матери Андрея Степановича, бодрой, расторопной старушки, которая съ усердіемъ стала хлопотать для насъ. Въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ было необыкновенно чисто и прибрано. Андрей Степановичъ спросилъ ее о дудочникѣ Хамитѣ, здѣсь ли онъ, но на нашу неудачу его не было. Тогда мы пошли на базаръ, расчитывая найти тамъ какого-нибудь дудочника. Въ базарный день башкирская деревня довольно оживлена, въ другіе же дни на мѣстѣ базара совсѣмъ пусто и стоятъ однѣ открытыя деревянныя лавки. На базарѣ народу много, все Башкиры и Башкиры, и лишь торговцы русскіе— 5—6 человѣкъ.

На базарѣ въ Иткуловой мы стали распрашивать, нѣтъ ли здѣсь дудочника. Вся толпа Башкиръ заинтересовалась нашимъ появленіемъ и разспросами, заволновалась, затараторила по своему, раздались оклики и откуда-то явился дудочникъ; я спросилъ: «ты курайсы (дудочникъ)?» — «ейе́ (да)», отвѣтилъ онъ, — «хорошо играешь?» — «какъ не хорошо, мало мало умѣемъ»; въ это время толпа окружила насъ уже со всѣхъ сторонъ и живо слѣдила за результатами переговоровъ; при послѣднемъ вопросѣ моемъ она вся крикнула, точно рѣчь касалась ея, — «хай, когда не хорошо, первы курайсы́». Тогда я сказалъ дудочнику: «ну пойдемъ ко мнѣ въ избу». Изъ толпы раздавались новыя предложенія: «эй, знакомъ, еще курайсы есть, бульно хороша́, айда бери его»: видимо толпа смекала, какъ-бы поживиться на счетъ новыхъ пріѣзжихъ. Когда я съ дудочникомъ, — звали его Тулунгужа Губейдуллинъ изъ деревни Искаковой —, уходилъ съ базара, отдѣльные голоса вслѣдъ ему что-то выкрикивали; Андрей Степановичъ, знавшій по-башкирски, послѣ говорилъ мнѣ, что толпа кричала дудочнику, чтобы онъ побольше взялъ съ насъ за игру.

Какъ только мы пришли съ нимъ, онъ уже въ кухнѣ взялъ въ зубы свою свирѣль (курай) и началъ наигрывать мелодіи, да все хорошія, красивыя, — меня такъ и подгоняло начать скорѣе записывать: «вотъ, думаю себѣ, будетъ пожива». Сидѣли мы съ дудочникомъ на коврѣ долго, все кумысъ пили да онъ пѣсни игралъ, а я записывалъ. Дудочникъ оказался изъ хорошихъ; много мелодій удалось тогда записать, тѣмъ болѣе, что я предложилъ дудочнику остаться на весь вечеръ, чтобы послѣ обѣда опять что-нибудь записать. Онъ согласился, мы дали ему обѣдать, и вечеромъ онъ еще игралъ для меня. Получивъ плату, онъ уѣхалъ часовъ въ 9 вечера. Пѣсенъ я записалъ тогда много. Рисунокъ, помѣщенный на стр. 118, набросанъ моимъ братомъ съ Тулунгужы Губейдуллина въ то время, когда онъ игралъ для меняс пѣни.

Пріискъ Горяевыхъ. АБДРАХИМЪ ДАУЛЯТОВЪ.

(№№ 159, 166).

Изъ деревни Иткуловой 2-й поѣхали на золотой пріискъ Горяевыхъ въ 45 верстахъ.

Остановились въ школѣ: учитель и его жена радушно насъ встрѣтили, отыскали мнѣ дудочника, и я за нимъ записывалъ пѣсни въ присутствіи любопытныхъ (№№ 75 и 109).

Пріискъ Горяевыхъ является уютнымъ уголкомъ среди всей этой дикой Башкиріи, и проѣзжающій съ удовольствіемъ проводитъ нѣсколько часовъ на пріискѣ, гдѣ встрѣчаетъ опять культурность, съ которою разстался, очутившись въ предѣлахъ Башкиріи.

На другой день утромъ я опять записывалъ пѣсни отъ башкира. Звали его Абдрахимъ Даулятовъ. Это былъ рабочій съ пріиска Горяевой. Пѣсенъ зналъ онъ не такъ то много и вообще, если можно такъ сказать, не былъ присяжнымъ игрокомъ и знатокомъ своего дѣла, не изъ такихъ, о которыхъ молва среди Башкиръ распространяется иной разъ на сотни верстъ. Впрочемъ онъ сообщилъ мнѣ много текстовъ. Другихъ игроковъ на пріискѣ не оказалось, а потому интереснѣе было вернуться въ Темясову, гдѣ начались башкирскія сходки. Народу соберется много, найдутся безъ сомнѣнія и дудочники.

Вечеръ съ башкирскими музыкантами.

Дѣйствительно, Катерина Степановна и ея мужъ сообщили, что въ отсутствіе наше у нихъ состоялся цѣлый вечеръ съ пѣсельниками и дудочниками башкирскими, которые въ большомъ количествѣ наѣхали въ Темясову по поводу схода и базара, что пѣсельники и дудочники были отличные и послѣдніе играли нѣсколько человѣкъ сразу. Я спрашивалъ Андрея Степановича, какъ играли дудочники — всѣ одно и тоже, или раздѣлялись на голоса. А. С. отвѣтилъ, что всѣ одно и тоже, т. е. всѣ играли унисонную, общую мелодію: «гдѣ имъ, дикарямъ, играть на разные голоса», — прибавилъ онъ. Я очень сожалѣлъ, что не присутствовалъ на этомъ вечерѣ, потому что ни раньше, ни позже мнѣ не удавалось слышать среди Башкиръ хорошей одновременной игры на нѣсколькихъ инструментахъ (кураяхъ); нестройную игру я слышалъ, а на упомянутомъ

вечерѣ Башкиры играли согласно; сообщили мнѣ также, что на вечерѣ пѣлъ отличный пѣвецъ — теноръ, Абдурахманъ Узенбаевъ, изъ деревни Токтагуловой, 2-й бурзянской волости, близь султановскаго пріиска Рамеева, и посовѣтовали во время моихъ разъѣздовъ по Башкиріи отыскать его и записать его прекрасныя пѣсни. Я занесъ въ памятную книжку его фамилію.

Дудочники и пѣсельники эти были частью привлечены въ Темясову старшиною спеціально для меня; по этому-то сожалѣли бывшіе на вечерѣ, что я отсутствовалъ.

БИРГАЛЕ́.

(№№ 70, 79, 81, 85, 89—91, 110, 117, 140, 141, 150, 152).

На другой день, 2-го Іюля, на крыльцѣ дома встрѣчаю башкира, который всталъ и поклонился мнѣ; я спросилъ, кто онъ и что ему надобно; онъ отвѣтилъ, что онъ курайсы (дудочникъ) Биргале изъ деревни Кусеевой и пришелъ къ «начальнику изъ Петербурга» играть, — такъ называлъ онъ меня. Слухъ о томъ, что я записываю башкирскія пѣсни и даю за это деньги игрокамъ, распространился при содѣйствіи старшины довольно далеко среди Башкиръ. Я сказалъ Биргале, чтобы онъ немного подождалъ, что я скоро возвращусь и тогда буду записывать пѣсни. Возвратившись, я разсказываю хозяевамъ о встрѣчѣ съ Биргале, а они мнѣ сообщаютъ, что этого дудочника задержалъ нарочно для меня старшина на сходкѣ наканунѣ, и что дудочникъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ въ ихъ мѣстности.

Я ушелъ, чтобы начать работу съ Биргале: «гдѣ мы съ тобой будемъ играть?» спросилъ я,—«гдѣ хотите», отвѣтилъ онъ почтительно: несомнѣнно онъ продолжалъ видѣть во мнѣ «начальника изъ Петербурга». Въ домѣ Катерины Степановны оказалось неудобнымъ устроиться намъ съ Биргале, и тогда послѣдній, по моему порученію, нашелъ въ деревнѣ свободную избу.

Любопытство Башкиръ.

Пришли мы въ новую избу, сравнительно просторную, почти пустую, гдѣ были только нары (широкія скамейки) вдоль одной стѣны; сначала въ избѣ были я, Биргале и хозяинъ; но скоро стали входить другіе Башкиры; въ это же время, вѣроятно, хозяинъ принесъ кадочку съ кумысомъ и сталъ угощать присутствовавшихъ; игра, угощеніе, вообще такой невиданный случай привлекъ въ непродолжительномъ времени многихъ любопытныхъ; я съ Биргале условились было не впускать постороннихъ и заниматься безъ

народа, и Биргале не впускалъ сначала въ избу; но Башкиры снаружи у дверей начали стучаться и возвышать голоса: что они говорили, я не понималъ, конечно, только Биргале пересталъ препятствовать желанію любопытныхъ проникнуть внутрь, и послѣдніе одинъ за другимъ стали входить и наполнили всю избу. Послѣ Биргале мнѣ говорилъ, что когда онъ пробовалъ не впускать Башкиръ въ избу, то они кричали ему изъ-за двери, что изобьютъ его, если онъ не будетъ впускать ихъ, поэтому онъ больше не мѣшалъ имъ входить въ избу. Такимъ образомъ пришлось записывать мелодіи Биргале при толпѣ; Башкиры нисколько ни стѣснялись, разлеглись на нарахъ, поджавъ подъ себя ноги, а кто не умѣстился тамъ, стояли посреднѣ комнаты; одинъ башкиръ сѣлъ около кадочки и разливалъ изъ нея кумысъ въ чашки, которыя раздавались по рукамъ; въ центрѣ возсѣдали старики почтенной наружности съ длинными сѣдыми бородами, но проявлявшіе любопытство и жизнерадостность не хуже молодежи; особенно одинъ изъ нихъ, весьма говорилвый и полный добродушія, съ длинными сѣдыми усами, съ широкою довольно выразительною физіономіею и живыми веселыми глазами, громко разспрашивалъ меня въ подробностяхъ, кто я, правда ли, что изъ Петербурга, зачѣмъ записываю пѣсни и т. п., я удовлетворялъ его любопытство, и онъ шумно издавалъ поочередно возгласы одобренія, изумленія, удивленія или удовольствія: «хай-хай» протяжно выражалъ онъ удивленіе, или «молодесъ, вотъ молодесъ, такъ, молодесъ, хорошá люди», поощрялъ онъ меня по поводу записыванія мелодій и одобрительно хлопалъ по плечу, а глаза его такъ и свѣтились добродушнымъ удовольствіемъ; другіе Башкиры съ любопытствомъ разсматривали нотную бумагу, на которой я записывалъ мелодіи, спрашивали меня, что это такое и какъ это я самый голосъ записываю, и усердно старались постичь мои, конечно, самыя элементарныя объясненія, но видимо это имъ такъ и не удавалось, потому что молча, полуробко, съ печатью того-же недоумѣнія отходили они отъ меня; кто то изъ нихъ сказалъ, что еще не видывалъ, чтобы записывали такъ по линейкамъ, что онъ видѣлъ, какъ «русакъ» записывалъ на бумагѣ ихъ пѣсни, но чтобы голосъ записывать да по такимъ линейкамъ, онъ не видывалъ.

Въ такой компаніи я записывалъ мелодіи отъ дудочника Биргале и вмѣстѣ принималъ участіе въ питіи кумыса волей-неволей, такъ какъ мнѣ подносили чашку первому и слѣдили, чтобы она не была пустой; однако, много пить я не могъ, потому что кумысъ былъ плохой, кислый. Когда я, записавъ мелодію, воспроизводилъ ее самъ, то ропотъ одобренія, особенно вначалѣ, пропосился по всей толпѣ, иныя даже смѣялись отъ удовольствія, что слышатъ свою пѣсню отъ «русака», другіе вслухъ произносили: «хай, хай, шулай, якшы» (т. е. хорошо), такъ, вѣрно, хорошá, молодесъ».

Башкирская сходка.

Довольно долго записывалъ я пѣсни въ этой избѣ, нѣсколько часовъ, такъ что значительная часть Башкиръ, удовлетворивъ своему любопытству, разошлись изъ избы, остались немногіе, въ томъ числѣ описанный выше разговорчивый старикъ, обнаруживший терпѣніе досидѣть до конца. Наши занятія прервались по поводу сходки у волостнаго правленія, на которой надо было присутствовать всѣмъ, въ томъ числѣ и Биргале; эта сходка была продолженіемъ бывшей наканунѣ и на ней происходила таже раздача съ торговъ правъ на содержаніе лошадей для проѣзжающихъ по деревнямъ волости, такъ какъ наканунѣ не успѣли покончить съ этой процедурой. Я заинтересовался сходкой и пошелъ туда. На пути, близь волостного правленія, встрѣтился мнѣ Мансурка, три дня тому назадъ забавлявшій насъ своимъ искусствомъ пѣть по птичьему: еще издали онъ увидѣлъ меня и застѣнчиво шелъ на встрѣчу, а на физіономіи его уже давно играла безпредѣльная улыбка; я предполагалъ, что онъ скажетъ мнѣ въ видѣ привѣтствія: «здравствуй», но вмѣсто всякаго привѣтствія онъ нежданно, негаданно прокурлыкалъ по лебединому и разразился улыбкой удовольствія. Я такъ и не слышалъ ни одного слова отъ этого своеобразнаго артиста, способъ изъясненія у котораго былъ повидимому исключительно птичій. Я остановился, прослушалъ его пѣніе, что-то говорилъ ему, а онъ застѣнчиво улыбался; когда я пошелъ далѣе, онъ еще разъ пропѣлъ по лебединому. Вообще видно было, что онъ старался выразить какія то симпатическія чувства. Начавшаяся сходка была бурная, Башкиры горячо спорили, кричали и неистовствовали, давая волю своимъ страстнымъ чувствованіямъ. У волостнаго правленія была уже большая толпа. На крыльцѣ правленія стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ волостной писарь изъ русскихъ и старшина башкиръ Сулеймановъ. Когда я пришелъ, старшина пригласилъ меня сѣсть въ серединѣ за столъ рядомъ съ нимъ, и я очутился въ центрѣ сходки и видѣлъ, какъ она проходила. Старшина былъ украшенъ старшинскою цѣпью съ бляхой. Торги происходили слѣдующимъ образомъ. Писарь называлъ деревню, въ которой должны содержаться лошади для проѣзжающихъ и спрашивалъ, кто сколько хочетъ платить за это обществу. Кто нибудь изъ Башкиръ называлъ сумму; толпа напряжено слѣдила за ходомъ торговъ, и уже первое заявленіе цѣны вызывало въ ней нѣкоторое волненіе, и ропотъ голосовъ проносился по всей толпѣ; когда же кто нибудь другой назначалъ высшую цѣну, то раздавался взрывъ цѣлаго ряда голосовъ, которые по

башкирски что-то кричали предложившему высшую цѣну или же тараторили оживленно между собой; вмѣстѣ съ тѣмъ толпа все тѣснѣе надвигалась къ столу, гдѣ сидѣли старшина и писарь, забиралась на перила, окружавшія крыльцо, перелезала черезъ нихъ и постепенно наполняла самое крыльцо, такъ что старшина уже морщилъ свою физіономію и покрикивалъ на толпу. Когда же начиналось состояніе изъ-за цѣнъ, и кто нибудь двое все повышали цѣны, толпа приходила въ экстасъ: раздѣлялась на партіи, и каждая изъ этихъ партій наблюдала и поддерживала своего клієнта; послѣ каждой новой цѣны толпа издавала взрывы возгласовъ, колыхалась, жестикулировала; отдѣльныя физіономіи, напряженныя, красныя, обращались то къ торгующимся, то къ старшинѣ и во все горло что то кричали, махая руками, забираясь на перила, на стулья. Старшина въ общемъ сидѣлъ невозмутимо, и довольно умная физіономія его съ крупными, типичными чертами что-то серьезно, солидно обдумывала, не обращая вниманья на крики толпы; лишь по временамъ она покрывалась тѣнью неудовольствія, и старшина полугнѣвно качалъ головою или махалъ рукою на крики, какіе были обращены къ нему изъ толпы, а иногда грозно окрикивалъ толпу. Такимъ образомъ онъ руководилъ ходомъ сходки. Волостной же писарь изъ русскихъ держалъ себя совершенно беззаботно, спокойно записывая цѣны торговъ и не обращая ровно никакого вниманія на толпу, какъ бы погруженный въ свои записи; по временамъ только онъ посмѣивался.

Возбужденіе и смятеніе толпы достигало высшей степени, когда кто нибудь изъ состязающихся не выдерживалъ и называлъ свою послѣднюю цѣну; тогда вдругъ раздавался такой оглушительный ревъ голосовъ, что въ пору было затыкать уши: толпа неистово колыхалась, всѣ лица наливались кровью, и всѣ кричали что есть духу; часть толпы видимо ликовала, другая часть съ явною укоризною въ тонѣ голосовъ обращалась къ сопернику, не выдержавшему торговъ, а тотъ понуро, молча стоялъ или махалъ рукою. Много разъ повторялись такія сцены въ теченіи сходки и казалось иногда, что вотъ эти разъярившіяся головы сейчасъ набросятся другъ на друга, и начнется заправская свалка, но дѣло ограничивалось только неистовствомъ голосовъ и необыкновеннымъ жестикулированіемъ толпы. Вообще сходка носила чрезвычайно шумный, строптивый характеръ (я хотѣлъ было сказать бурный, но это было бы неточно); подобныхъ сходокъ у русскихъ я не встрѣчалъ. Наконецъ торги кончились, и толпа разошлась, но не совсѣмъ, а черезъ нѣсколько времени опять собралась у дома Ивана Степановича Петрова, гдѣ мы остановились, для полученія подарковъ отъ тѣхъ Башкиръ, которымъ на торгахъ достался разгонъ лошадей по деревнямъ, это такъ уже водится на сходкахъ у Башкиръ: если кто нибудь проситъ общество о чемъ нибудь, напр., о продажѣ или сдачѣ въ аренду земель, лѣ-

совъ или участковъ для добыванія минераловъ и т. п., и будетъ сдѣлано постановленіе, благопріятное для просителя, то послѣдній долженъ вознаградить сходъ подарками: если онъ хлопочетъ о большомъ дѣлѣ, то деньгами или вещами, если же онъ не богатъ, то просто чаемъ, до котораго Башкиры чрезвычайно падки. Такъ и въ настоящемъ случаѣ всѣ, получившіе право разгона лошадей должны были въ видѣ благодарности одарить сходъ чаемъ, причемъ на долю каждаго приходилось восьмушка и не болѣе четверти чаю. Такъ какъ упомянутый Иванъ Степановичъ торговалъ чаемъ, то ему и поручили названныя лица отпустить чаю участникамъ схода; Башкиры запрудили весь его дворъ и окружили съ улицы домъ его, терпѣливо ожидая каждый своей очереди;—и долго Иванъ Степановичъ раздавалъ Башкирамъ чай изъ своей подвальной лавки. А послѣдніе въ это время безпечнѣйшимъ образомъ сидѣли на бревнахъ, на землѣ или стояли, весело тараторя, видимо очень довольные такимъ беззаботнымъ времяпрепровожденіемъ.

Неумѣніе Башкиръ цѣнить свои богатства.

Эти награды за мірскіе приговоры отъ заинтересованныхъ лицъ почти также развращающе и вредно дѣйствуютъ, какъ и мірское питіе водки у русскихъ крестьянъ. Если кому нужно за безцѣнокъ снять въ аренду огромныя площади земли, лѣсу, то еще раньше приговора раздаютъ наиболѣе вліятельнымъ участникамъ сходки деньги, чай и другіе подарки, а затѣмъ обѣщаютъ послѣ приговора раздать подарковъ въ такихъ то размѣрахъ, и подкупленное башкирьё, ожидая впереди еще подачекъ, весело, съ легкимъ духомъ, не разбирая хорошенько дѣла, постановляетъ въ пользу угодившаго имъ подарками, готовя этимъ себѣ часто явные убытки и раззореніе. Такими путями снялъ, напр., въ аренду огромныя площади лѣсу чуть ли не во всѣхъ трехъ бурзянскихъ волостяхъ извѣстный въ орскомъ уѣздѣ золотопромышленникъ татаринъ Рамеевъ, причемъ Башкиры въ своихъ же лѣсахъ лишились права рубить лѣсъ на постройки и должны покупать его у Рамеева. Такъ Башкиры упускаютъ драгоцѣнныя свои сокровища, не зная имъ настоящей цѣны.

Настойчивое любопытство Башкиръ.

Въ концѣ сходки я видѣлся съ Биргале и условился съ нимъ, что еще позаймемся послѣ обѣда вечеромъ. Тогда оказалось возможнымъ заниматься въ дому, гдѣ мы остановились, и я съ Биргале расположились въ гостинной Катерины Степановны, заперѣвъ предварительно парадную дверь, чтобы

не вошли и не мѣшали намъ Башкиры. Я послалъ одного башкира съ бутылью за кумысомъ; онъ принесъ его и самъ остался, а мнѣ неловко было сказать, чтобы онъ ушелъ; за нимъ вошли двое-трое Башкиръ, прилично одѣтые, и такъ ласково, почтительно относились ко мнѣ, что я также не могъ ничего возразить противъ ихъ присутствія. Биргале игралъ уже для меня мелодіи. Все это видѣли и слышали Башкиры, дежурившіе вокругъ дома, и рѣшили непремѣнно послѣдовать примѣру вошедшихъ: поднялись по парадной лѣстницѣ съ улицы и начали самымъ непринужденнымъ образомъ стучаться въ запертую дверь. Мы сначала хотѣли оставить безъ вниманія это проявленіе желаній Башкиръ, но въ дверь стучались и торкались такъ настойчиво, что Биргале пришлось отпереть дверь и окрикнуть безпокойныхъ соплеменниковъ; однако не обошлось безъ того, что мы двоихъ-троихъ впустили. Торканье и стуки и послѣ этого не прекращались, но мы рѣшительно не обращали на нихъ вниманія; такъ много у Башкиръ непосредственности въ проявленіи своихъ желаній; послѣднія въ данномъ случаѣ были тѣмъ сильнѣе, что Башкиры большіе охотники до зрѣлищъ и пріятнаго времяпрепровожденія, особенно съ музыкой, и одарены огромнымъ запасомъ любопытства, которому я обязанъ былъ тѣмъ, что всюду приходилось вести занятія на виду многочисленныхъ собраній, не лишавшихъ меня и своихъ сужденій.

Я съ Биргале занимался, а 5—6 человѣкъ Башкиръ, настойчиво пробравшихся въ наше общество, смиренно сидѣли и слушали; лишь черезъ нѣкоторое время одинъ изъ нихъ обнаружилъ, что можетъ быть оживленнымъ и разговорчивымъ собесѣдникомъ. Участіе его въ нашихъ занятіяхъ началось съ разсказа легенды по поводу одной мелодіи, сыгранной Биргале; говоря по-русски гораздо чище, чѣмъ другіе присутствовавшіе Башкиры, онъ оказался очень полезенъ для меня въ разъясненіяхъ пѣсенъ, когда онѣ поются, съ какими сказаніями связаны, причемъ излагалъ мнѣ въ болѣе ясной формѣ и то, что пытались сообщить мнѣ, но слишкомъ не ясно, другіе Башкиры.

Кумысомъ я думалъ угощать дудочника Биргале, но неловко было обходить другихъ присутствовавшихъ, которые такими ласковыми глазами смотрѣли на кумысъ, да у Башкиръ къ тому же принято обыкновеніе при угощеніи предлагать его всѣмъ, кто бы ни присутствовалъ; поэтому я потчевалъ кумысомъ всѣхъ, и всѣ принимали это какъ должное, нисколько не церемонясь, не отказываясь, какъ у русскихъ крестьянъ, словомъ чувствовали себя какъ слѣдуетъ гостями, хотя для меня они были непрошенными.

Мелодіи, какія игралъ мнѣ Биргале, вообще были интересны, и самъ онъ принадлежалъ къ числу выдающихся дудочниковъ, владѣющихъ секре-

томъ выдѣлывать дудки (курай) съ хорошимъ чистымъ топомъ и играть на нихъ съ силой и выразительностью, хотя топъ курая вообще тихій.

Сообщенными мелодіями не исчерпывался запасъ мелодій у Биргале; прекратили мы занятія потому, что устали, и Биргале надобно было отправляться въ свою деревню Кусееву. Мы расчитывали еще встрѣтиться во время дальнѣйшихъ моихъ разъѣздовъ по Башкиріи.

Толки Башкиръ по поводу собиранія пѣсенъ.

Пока мы собирались выѣхать изъ деревни Темясовой въ сосѣднія дикія горныя волости (3-ю бурзянскую), произошелъ одинъ курьезъ, имѣвшій связь съ тѣмъ, какое толкованіе получили у Башкиръ моя поѣздка и записываніе пѣсенъ. Мы подрядили одного башкира — Кирамиддина Ишмуратова, попросту Кирамку, провести насъ по сосѣднимъ волостямъ въ теченіе двухъ недѣль. Кирамка, приготовляясь въ деревнѣ Темясовой къ отъѣзду съ нами, послалъ за чѣмъ-то своего брата въ ихъ деревню Исяпову, гдѣ оставалась жена Кирамки; черезъ нѣсколько времени является мальчуганъ — посыльный отъ жены Кирамки и передаетъ ему наказъ отнея, чтобы сейчасъ пріѣзжалъ назадъ въ деревню и не ѣздилъ бы съ чиновъ никами изъ Петербурга, «а то де они тебя увезутъ съ собой въ Петербургъ». Послѣ того, какъ я сталъ записывать пѣсни и давать деньги игравшимъ и пѣвшимъ мнѣ Башкирамъ, среди послѣднихъ возникло недорозумѣніе, къ чему это я разъѣзжаю и записываю; это недорозумѣніе надобно было какъ нибудь разрѣшить. И вотъ пошла молва, что я де присланъ изъ Петербурга собирать башкирскія пѣсни къ свадьбѣ Наслѣдника (теперь царствующаго Государя Николая II) и что кромѣ этого мнѣ приказано также набирать башкирскихъ дудочниковъ и привезти ихъ для той же свадьбы. Такъ передавали разныя лица. Очень естественно, что жена Кирамки, до которой дошла такая молва, узнавъ, что мужъ ея ѣдетъ съ «чиновниками изъ Петербурга», вообразила, что мы завербовали Кирамку и увозимъ его въ Петербургъ, перепугалась при мысли, на кого же онъ ее покидаетъ, и отправила посланца съ вышеприведеннымъ наказомъ. Кирамка отослалъ мальчугана назадъ съ извѣщеніемъ, что ѣдетъ только по башкирскимъ волостямъ; но это не успокоило жены, и она прислала вторичное посольство; болѣе строгій отвѣтъ Кирамки заставилъ ее притихнуть. Большое развлеченіе доставилъ намъ этотъ случай.

3-я бурзянская волость. Гора Масимъ.

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ на западъ отъ дер. Темясовой, къ границамъ Уфимской губ., въ горную, малопроѣздную 3-ю бурзянскую волость на рѣкѣ Бѣлой. Мы вступили въ соглашеніе съ рекомендованнымъ намъ башкиромъ Кирамиддиномъ Ишмуратовымъ, чтобы онъ провезъ насъ по сосѣднимъ волостямъ. Это былъ тихій, скромный, степенный башкиръ, который въ послѣдніе дни бывалъ въ гостяхъ у нашего хозяина, но какъ-то не былъ замѣтенъ, потому что въ разговорахъ почти не участвовалъ и лишь изрѣдка скромно, робко вставлялъ какую нибудь незначащую фразу. Намъ достаточно пришлось познакомиться во время пути съ нерасторопностью, неухватливостью этого башкира. На пути въ 3-ю бурзянскую волость кругомъ тянулись сплошныя лѣсныя дебри, которыя рѣдко оживлялись какимъ нибудь проѣзжимъ; русскихъ вовсе не было въ этой волости; на второй день по выѣздѣ изъ Темясовой кочевки, гдѣ мы были въ гостяхъ у старшины Сулейманова, мы пріѣхали въ дер. Мендегулову, въ которой помѣщалось волостное правленіе 3-ей бурзянской волости. Почти до самой деревни тянулась узкая лѣсная дорога, а незадолго передъ Мендегуловой мы выѣхали на «мѣховую дорогу», по выраженію Башкиръ, т. е. вѣховую, усаженную вѣхами, по которой заплутаться нельзя, первый сортъ дорога, трактовая, какъ хвалили Башкиры, хотя она была не болѣе, какъ проселочная дорога. Подъѣзжая къ Мендегуловой, мы были очарованы восхитительнымъ горнымъ видомъ: дорога начала спускаться далеко внизъ, и когда мы спустились, передъ нашими глазами раскрылась широкая зеленѣющая долина, окаймленная двумя грядами горъ, а въ долинѣ величественно, спокойно, ровной лентой текла красавица Бѣлая, которая, когда мы спустились по дорогѣ, неожиданно очутились у нашихъ ногъ. Вдоль одного ея берега тянулась богатырская каменная гряда. На другомъ берегу виднѣлась деревня, безлюдная, молчаливая: Башкиры перекочевали изъ нея на лѣто на сосѣднія горы и, между прочимъ, на главную изъ нихъ — Масимъ.

Единственный русскій былъ — это волостной писарь, кажется, Остроумовъ. Случайно гостилъ у него лѣсной кондукторъ, также русскій. Оба сказали намъ, что въ деревнѣ дѣлать нечего, ни Башкиръ, ни кумыса нѣтъ, а что надо поѣхать въ кочевки на гору Масимъ, въ 18 верстахъ отъ Мендегуловой Мы рѣшили ѣхать туда, а двое русскихъ остались скучать въ этой глуши, куда вѣсти и газеты со свѣта Божьяго попадаютъ лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; напр., объ убійствѣ президента французской республики Карно знали въ г. Верхнеуральскѣ изъ газетъ уже 20—22

іюня, а въ дер. Мендегулову привезли извѣстіе объ этомъ событіи только мы, и это было 7 іюля, а если бы мы не пріѣхали, то и дольше не знали бы тамъ. Газеты путешествуютъ цѣлыя недѣли прежде, чѣмъ доходятъ до своего назначенія, будучи прочитываемы въ разныхъ волостныхъ правленіяхъ.

Долина дер. Мендегуловой имѣетъ благодатный климатъ и плодородную почву: окружающія горы защищаютъ ее отъ вѣтровъ и выогъ зимнихъ и сберегаютъ для нея массу солнечнаго тепла, отчего всѣ плоды: ягоды, овощи и проч., поспѣваютъ въ ней чуть ли не мѣсяцемъ раньше и выходятъ крупнѣе и сочнѣе, чѣмъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ на высотѣ горъ.

Дорога до горы Масимъ на протяженіи 18 верстъ представляла сплошной подъемъ; съ каждой новой терассой горизонтъ все расширялся; путешествіе было утомительно особенно для лошадей; кругомъ горы были покрыты густою растительностью; огромные вѣковые дубы, клены, вязы, сосны, ели, березы на каждомъ шагу уходили ввысь; по обѣимъ сторонамъ дороги растилался богатый травяной покровъ, всюду разсыпано было множество цвѣтовъ, особенно бросались въ глаза роскошныя лиліи; крупная, ароматная лѣсная земляника въ изобиліи краснѣла на зеленомъ фонѣ травы. Было значительно тепло и даже жарко: чувствовалась замѣтная разница въ климатѣ южнаго Урала, гдѣ мы находились, и болѣе сѣвернаго, напр. около гор. Верхнеуральска, а тѣмъ болѣе Златоуста; въ южномъ Уралѣ замѣчалось несравненно бо́льшее благорастворепіе воздуховъ и изобиліе плодовъ земли. Но кругомъ было дико и безлюдно. Дорога еле намѣчена была башкирскими двухколесными экипажами, сами Башкиры большею частію ѣздятъ верхомъ; русскіе въ эти дебри не заглядываютъ, и никакого торговаго движенія тамъ не существуетъ.

За трудности пути мы были вознаграждаемы прекрасными горными видами, которые, чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ болѣе расширялись: мы какъ бы возносились надъ Ураломъ; на одной терассѣ величественный широкій горный видъ заставилъ насъ остановиться: передъ нами раскрылось безпредѣльное море горныхъ хребтовъ, вблизи и вдали синѣвшихъ, шедшихъ параллельно другъ другу, амфитеатромъ, пересѣкавшихся другъ съ другомъ или терявшихся въ смутныхъ силуетахъ. Мы почти царили надъ Уральскими горами, но намъ предстоялъ впереди еще не одинъ подъемъ. Вечерѣло, солнце заволакивалось иногда туманной дымкой. Дальнѣйшій путь пролегалъ среди горныхъ ущелій, рытвинъ и черезъ быстрыя рѣчки, черезъ которыя были перекинуты зыбкіе мосты; приходилось не разъ идти пѣшкомъ и поддерживать экипажъ, чтобы не свалился съ дороги, которая становилась все круче: послѣдніе восемь верстъ составляли подъемъ на самую гору Масимъ, вершина которой какъ бы

лѣпилась на другихъ горахъ; окружающія горы тѣснились другъ на друга. Лошади сильно устали и не разъ останавливались, поднимаясь на Масимъ; мы всѣ шли пѣшкомъ и отъ нечего дѣлать собирали ягоды и рвали цвѣты. Горы все отступали и оставались внизу подъ нами, выше насъ была только вершина Масима, но и до нее мы наконецъ кое-какъ добрались, и передъ нами раскрылась широкая поляна, почти на вершинѣ Масима; вскорѣ показалась кочевка Башкиръ, а вокругъ нея пасся скотъ; у Башкиръ этой волости, т. е. 3-ей бурзянской, кошей (куполообразныхъ лѣтнихъ жилищъ, покрытыхъ войлокомъ) нѣтъ, а вмѣсто нихъ они устраиваютъ обыкновенные деревянные срубы безъ оконъ, въ которыхъ и проводятъ лѣто; такъ какъ Башкирамъ надобно мѣнять мѣсто ради пастбы скота, то каждый хозяинъ имѣетъ по нѣскольку такихъ срубовъ, которые и стоятъ лѣто и зиму на одномъ мѣстѣ; еще особенность хозяйства Башкиръ 3-ей бурзянской волости: у нихъ почти вовсе нѣтъ барановъ и овецъ; это, кажется, въ связи съ падежемъ скота въ голодные 1891—92 гг.; намъ большого труда стоило достать небольшое количество баранины, и то случайно завезенной изъ другихъ волостей.

Мы подъѣхали къ кочевкѣ и у одного сруба просили пристанища: Башкиры оказались очень не людимы и такъ недовѣрчиво и молча смотрѣли на насъ; на повторенную просьбу остановиться въ избѣ хозяинъ угрюмо отвѣтилъ отказомъ; то же повторилось у другого сруба; срубы внутри были совсѣмъ темные и черные, закоптѣлые, такъ что большого удовольствія не было бы пребывать въ нихъ; наконецъ намъ предоставили въ концѣ кочевки лубочный шатеръ, совсѣмъ новый, въ которомъ никто еще не жилъ, и помѣститься въ немъ мы были рады гораздо болѣе, чѣмъ въ закоптѣломъ темномъ срубѣ; нелюдимость Башкиръ этой волости объясняется тѣмъ, что живутъ они въ мало доступныхъ горахъ, въ сторонѣ отъ другихъ Башкиръ и проѣзжихъ дорогъ и пунктовъ, и торговыхъ занятій почти не знаютъ. Непріютно чувствовалось на первыхъ порахъ среди этого дикаго южнаго Урала, среди этихъ непривѣтливыхъ, недовѣрчивыхъ людей. Солнце уже сѣло; мы устроились въ шалашѣ, и кучеръ нашъ Кирамка занялся приготовленіемъ чая и ужина и развелъ костеръ внутри шалаша, что́ было кстати, такъ какъ въ воздухѣ чувствовалась горная сырость, было туманно и накрапывалъ дождь.

Я читалъ въ это время исторію башкирскихъ бунтовъ, и когда послѣ смотрѣлъ на раскрывавшіеся безчисленные хребты и гряды горъ, то казалось, что еще и теперь звучатъ въ долинахъ между горъ отголоски возстаній и гулъ сраженій Башкиръ съ Русскими, и изъ края въ край колышится и движется Башкирія.

На другой день рано утромъ намъ сообщаютъ, что къ намъ желаетъ

придти урядникъ; мы велѣли просить; урядникъ послѣ привѣтствій началъ насъ выспрашивать, кто мы и зачѣмъ сюда пріѣхали, отчасти показывая въ томъ, что онъ — начальство въ этихъ мѣстахъ; это былъ коренастый Оренбургскій казакъ съ рыжей, широкой бородой и въ сапогахъ на высочайшихъ подборахъ съ подковами.

Онъ сталъ читать передашную ему мною бумагу отъ Императорскаго Географическаго Общества, въ которой послѣднее просило всѣхъ лицъ и учрежденія объ оказаніи мнѣ возможнаго содѣйствія въ дѣлѣ собиранія инородческихъ пѣсенъ и этнографическихъ матеріаловъ. Когда онъ дочиталъ до мѣста, гдѣ говорится о содѣйствіи, то привсталъ и уже безъ прежняго полуначальственнаго тона заявилъ: «я долженъ, значитъ, вамъ оказывать содѣйствіе»; а когда онъ прочелъ въ концѣ бумаги надпись на сургучной печати, что это есть печать Императорскаго Географическаго Общества, а также подпись вице-предсѣдателя Общества Сенатора П. П. Семенова, то окончательно всталъ и принялъ почтительный видъ; вслѣдъ за этимъ онъ крикнулъ громкимъ голосомъ башкира — вѣстового съ бляхой и, обнаруживая въ своихъ движеніяхъ особое оживленіе, приказалъ вѣстовому немедленно скакать въ сосѣднюю деревню Кіикбаеву и привести оттуда всѣхъ пѣсельниковъ, какіе найдутся; оживленіе или суетливость урядника передалась вѣстовому, и послѣдній тотчасъ же исчезъ и поскакалъ въ деревню. Урядникъ прекрасно говорилъ по-башкирски и этимъ оказался мнѣ очень полезенъ; послѣ прочтенія бумаги онъ былъ любезенъ съ нами, услужливъ и разговорчивъ.

Въ ожиданіи пріѣзда пѣсельниковъ мы предприняли поѣздку на самую вершину Масима, которую составлялъ четырехгранный широкій и довольно высокій, въ нѣсколько саженей, камень. День былъ ясный, отчасти вѣтряный; къ намъ присоединились многіе Башкиры, большіе любители всякихъ развлеченій и особенныхъ случаевъ; всѣ поѣхали верхами, и образовался большой поѣздъ всадниковъ; урядникъ изъ учтивости неуклонно ѣхалъ рядомъ со мною; всѣ тронулись вмѣстѣ и шагомъ, но незамѣтно лошади множествомъ и шумомъ увлекли, вѣроятно, другъ друга, и черезъ нѣсколько времени весь нашъ поѣздъ понеся вскачь; всѣ смѣшались, урядникъ отсталъ гдѣ-то сзади; слышались свистъ, гиканье, крики, смѣхъ; до камня было не болѣе версты, и мы не замѣтили, какъ прискакали къ нему. Передъ нами возвышался голый гранитный четырехгранный камень, на который, казалось, не было возможности забраться, но Башкиры ловко забрались на него, карабкаясь руками и ногами по разсѣлинамъ и небольшимъ выступамъ въ камнѣ; сверху они спустили крѣпкую веревку для насъ; мы по очереди забирались по ней на камень, пользуясь также разсѣлинами камня, при чемъ Башкиры крѣпко держали веревку.

Сверху камня, выше котораго уже не видѣлось точки въ пространствѣ, раскрылся величественный и широчайшій видъ. На безпредѣльное пространство во всѣ стороны тянулись и пересѣкались хребты и хребты, одинъ другого выше, какъ молчаливые и угрюмые гиганты, покрытые лѣсами — точно мелкою травою, усѣянные долинами и полянами, точно маленькими лужайками, на которыхъ едва замѣтными черными точками виднѣлись башкирскія деревни; ни звуковъ, ни движенія не замѣчалось въ этомъ необъятномъ пространствѣ: если бы птица кричала, крикъ ея не донесся бы до нашей высоты, а ея полетъ былъ бы незамѣтенъ тамъ, откуда вѣковые гигантскіе лѣса казались мелкою травкою; надъ всей этой панорамой безчисленныхъ хребтовъ висѣла довольно густая дымка, которая мѣшала ясности зрѣлища; тѣмъ не менѣе мы могли различать на западъ хребты Уфимской губ. и среди нихъ далекую и славную своей высотой гору Тура́-тау, близъ гор. Стерлитамака, на востокъ — величавый горный хребетъ Иремдыкъ (до 3000 ф. выс.), явно преобладающій надъ другими своими собратьями; на сѣверѣ — въ неясной дали, верстъ за 200, Башкиры указывали на горы Яманъ-тау и Иремель (выс. 5062 ф., 54° 22′ с. ш.) въ верхнеуральскомъ уѣздѣ, изъ которыхъ первая, въ переводѣ — дурная гора, прославилась своей непроходимостью благодаря обилію болотныхъ мѣстъ, а вторая, превышая высотою самую гору Масимъ, постоянно привлекаетъ на свою вершину облака и грозы, и окрестные жители, желая знать, какова будетъ погода въ извѣстный день, обращаютъ взоры на вершину Иремеля и смотрятъ, въ какомъ положеніи тамъ дѣла. Въ серединѣ всей этой массы хребтовъ, недалеко отъ Масима, Башкиры указывали на главный Уральскій хребетъ — Уралъ-тау, столь излюбленный и прославленный въ башкирскихъ пѣсняхъ, тотъ самый горный хребетъ, черезъ который, по словамъ пѣсенъ, не протекла ни одна горная рѣчка, тогда какъ другіе хребты не разъ изрѣзываются рѣчками:

Нѣтъ горы (хребта) выше Урала,
Черезъ Уралъ не перетекаютъ рѣчки,

говорится въ пѣснѣ (см. стр. 192); это обстоятельство отмѣтилъ еще въ прошломъ столѣтіи извѣстный путешественникъ, академикъ Лепехинъ, въ своихъ «дневныхъ запискахъ» (2-я ч. СПБ. 1802 г., стр. 100); онъ говоритъ: «черезъ Уралъ единственно только тотъ поясъ горъ означается, который между сплетенными вершинами рѣкъ проходитъ, и которой никакая рѣка не перебила».

На всей этой величавой картинѣ лежала печать глубокаго безмолвія и какой-то мертвенности: всѣ обычныя для человѣка проявленія жизни терялись въ этомъ безконечномъ пространствѣ и какими незначительными

казались; мы соприкасались съ безпредѣльностью и были въ сосѣдствѣ съ вѣчностью. Этотъ мертвенный покой какъ бы высшихъ, звѣздныхъ сферъ былъ непривыченъ, и тянуло обратно къ жизни, къ ея обычнымъ, болѣе мелкимъ проявленіямъ, тѣмъ болѣе, что впереди была невѣдомая, заманчивая Башкирія.

На вершинѣ камня собралось много Башкиръ, которые успѣли втащить туда турсуки съ кумысомъ и угощались послѣднимъ; здѣсь же появились дудочники (курайсы) и на разные лады выигрывали башкирскія мелодіи; только инструменты ихъ (курай) были разныхъ строевъ, и отъ одновременной игры получалась несносная какофонія. Башкиры очень любопытствовали смотрѣть въ мой бинокль, и удивленію ихъ не было конца по поводу того, что трубка эта дѣлаетъ предметы больше и ближе.

Когда мы черезъ нѣсколько времени спускались обратно съ камня, вокругъ послѣдняго было привязано къ деревьямъ большое число лошадей: пока мы были на вершинѣ камня, за это время прибыло еще не малое число любопытныхъ.

Шумно, еще болѣе многочисленной кавалькадой возвратились мы въ кочевку. Около послѣдней стояла другая большая толпа Башкиръ: оказалось, пріѣхали изъ сосѣдней деревни Кіикбаевой нѣсельники и съ ними немалое число плясуновъ, борцовъ и просто любопытныхъ, которыхъ всегда много среди этого располагающаго временемъ народа. Только лишь слѣзъ я съ лошади, подходятъ нѣсколько человѣкъ, это были 13 нѣсельниковъ изъ деревни Кіикбаевой. При посредствѣ урядника они были приглашены въ нашъ шалашъ, и я было приступилъ къ слушанію и записыванію ихъ нѣсенъ, но вошелъ какой-то башкиръ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «что ты отпустишь народъ или нѣтъ?»; я недоумѣвалъ; тогда урядникъ объяснилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ нѣсельниками пріѣхали плясуны, борцы и другіе Башкиры изъ деревни Кіикбаевой и желаютъ, чтобы я посмотрѣлъ на пляску и борьбу, хотя о танцорахъ и борцахъ я никому ничего не говорилъ. Чтобы не обидѣть, мы отправились смотрѣть зрѣлище. На полянѣ полукругомъ уже сидѣла довольно большая толпа народа. Для насъ, т. е. меня, брата и урядника, было приготовлено почетное мѣсто, — разостланъ коверъ и положены подушки. Сначала Башкиры подъ звуки кураевъ плясали; были уже на лицо неизбѣжные турсуки съ кумысомъ, и шло угощеніе. Затѣмъ Башкиры перешли къ самому любимому занятію — борьбѣ; дудочники стушевались, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за борящимися. Появились и призы: богатые Башкиры, сидѣвшіе въ серединѣ полукруга, привезли съ собою ситцы, которые разрывались на лоскуты и въ видѣ приза раздавались побѣдителямъ. Что было для меня ново, это то, что почти каждый изъ получившихъ призъ

почтительно подходилъ къ кому-нибудь изъ присутствовавшихъ и дарилъ ему полученный призъ; въ отвѣтъ на это удостоенный такого вниманія самъ дарилъ что-нибудь побѣдителю, такъ одинъ богачъ подарилъ цѣлый улей, что́ довольно цѣнится у Башкиръ. Не обошли и насъ подобнымъ вниманіемъ, и мы могли отблагодарить только деньгами.

Борьба шла оживленно, возгласы, крики одобренія или порицанія, смѣхъ то и дѣло раздавались, но одинъ случай еще болѣе занялъ вниманіе присутствовавшихъ: какой-то блѣдный, видимо болѣзненный башкиръ вступилъ въ единоборство и безъ труда былъ побѣжденъ, но это не ослабило его намѣренія продолжать борьбу и хотя каждый разъ по слабости былъ побѣждаемъ, однако упорно вступалъ въ состязаніе и все съ однимъ и тѣмъ же противникомъ, такъ что послѣдній не зналъ, какъ отдѣлаться отъ него; уже вмѣшались изъ толпы и стали разнимать, а больной, блѣдный башкиръ такъ и цѣплялся за своего противника, тяжело дыша и странно смотря возбужденными глазами: говорили, что это былъ помѣшанный.

Долго продолжалась борьба, такъ что даже наскучило; на вопросъ, когда кончится увеселеніе, урядникъ и другіе Башкиры отвѣтили мнѣ, что это зависитъ отъ меня, когда захочу, тогда и кончится празднество, а я и не подозрѣвалъ такого обстоятельства. Объявивъ, что довольно насмотрѣлись, мы пошли въ кочевку. Толпа Башкиръ осталась на полянѣ, скучилась и о чемъ-то бесѣдовала; немного спустя догоняетъ насъ башкиръ, посланецъ отъ толпы, и черезъ урядника передаетъ отъ имени Башкиръ: «въ прежнее де время, когда пріѣзжали чиновники изъ Петербурга, они всегда давали для Башкиръ фунтъ чаю: и теперь Башкиры ждутъ, что ты дашь чаю». Фунтъ чая оказался въ моихъ запасахъ, и Башкиры на полянѣ, не знаю, какъ ухитрились подѣлить его между собою, потому что ихъ собралось большое количество. Долго занимались они дѣлежомъ, а тѣмъ временемъ пѣсельники въ нашемъ шалашѣ уже посвящали меня въ тайны своей поэзіи.

ПѢСЕЛЬНИКИ НА ГОРѢ МАСИМЪ.

(№№ 184—187, 193, 194).

Всѣхъ пѣсельниковъ набралось 13 человѣкъ. Урядникъ, заявившій, что онъ будетъ неотлучно при насъ, пока находимся въ завѣдываемой имъ волости (чѣмъ отчасти стѣснялъ насъ), явился дѣятельнымъ посредникомъ между мною и пѣвцами, благодаря знанію языка, и его посредство оказалось очень полезно. Сначала пѣвцы пѣли довольно свободно, но когда увидѣли, что я записываю на бумагу, стали стѣсняться и даже отказы-

ваться пѣть. Урядникъ употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы заставить продолжать пѣть; но пѣніе не возстановлялось; онъ спрашивалъ, почему отказываются они пѣть; пѣвцы заявляли, зачѣмъ де онъ (т. е. я) записываетъ на бумагу, можетъ быть, хочетъ ихъ имена сообщить по начальству. Урядникъ убѣждалъ, что ничего плохого не будетъ для нихъ, что нужно только записать ихъ пѣсни; — «и зачѣмъ надо записать наши пѣсни?», недовѣрчиво продолжали спрашивать Башкиры; урядникъ далъ имъ объясненіе по своему разумѣнію: «ваши пѣсни онъ записываетъ потому, что хочетъ узнать о нихъ самъ Царь, пойте же и не бойтесь ничего»; — «самъ Царь хочетъ узнать?», спрашивали, не вполнѣ довѣряя Башкиры, — «тогда хорошо, будемъ пѣть». И пѣвцы мои опять запѣли; я по очереди записывалъ отъ каждаго изъ нихъ.

Это были простые, наивные, немного дикіе, молодые и старые Башкиры; нѣкоторые изъ нихъ пѣли высокими, чистыми тенорами. Урядникъ былъ полезенъ тѣмъ, что заставлялъ ихъ произносить слова рѣже и внятнѣе или самъ передавалъ ихъ мнѣ, одновременно сообщая отчасти и переводъ. Говоръ этой волости отличается отъ говора другихъ бо́льшей жесткостью, напримѣръ, здѣсь очень употребительны густые придыхательные звуки, и вмѣсто буквы *с* другихъ волостей Башкиры этой волости произносятъ придыхательное *х*, напримѣръ вмѣсто сары (желтый) — хары и т. п.

Наступилъ почти вечеръ, когда мы кончили занятія. Пѣвцы получили вознагражденіе деньгами, а одинъ — чаемъ, но такъ какъ стоимость чая оказалась нѣсколько выше той суммы, какую получили поровну пѣвцы, то послѣдніе заявили претензію на неравномѣрность оцѣнки ихъ труда, и я хотѣлъ было вмѣсто чая вознаградить пѣвца также деньгами, но послѣдній предусмотрительно скрылся, и его не могли найти; остальные волей-неволей примирились.

Урядникъ все оставался при насъ и порядочно прискучилъ этимъ намъ. Наконецъ подъ вечеръ онъ самъ увидѣлъ безцѣльность своего пребыванія при насъ и откланялся, прося не поминать лихомъ, если въ чемъ нибудь не услужилъ.

Мы остались въ кочевкѣ до утра слѣдующаго дня, такъ какъ Башкиры не совѣтовали пускаться въ ночь по горнымъ, лѣснымъ дебрямъ въ виду возможности встрѣчи съ медвѣдями и другими лѣсными обитателями.

Былъ довольно неясный лѣтній вечеръ, кочевка приняла обычный вечерній видъ: скотъ собрался около, Башкирки привязывали, доили его и отгоняли прочь, въ разныхъ мѣстахъ горѣли костры, дымъ отъ которыхъ стлался довольно низко по землѣ; по полянѣ раздавались голоса и звуки людей и животныхъ.

ЛУКМАНЪ ИШМУРАТОВЪ.

(№№ 104, 115, 122—126, 144, 145, 157, 158).

На другой день, 8-го іюня, рано утромъ, когда солнце ярко свѣтило, и мы собрались уѣзжать, передаютъ мнѣ, что сынъ хозяина шалаша, въ которомъ мы остановились, желаетъ играть на кураѣ: посторонпимъ де пѣвцамъ я давалъ денегъ за пѣніе, теперь надо, чтобы я послушалъ хозяйскаго сына и наградилъ его.

Хотя сильно не хотѣлось слушать новаго игрока послѣ занятій предыдущаго времени, но сынъ хозяина, котораго звали Лукманъ Ишмуратовъ, былъ настойчивъ въ своемъ стремленіи и началъ играть. Лукманъ былъ молодой, довольно сосредоточенный, немного угрюмый башкиръ; онъ забрался въ нашъ шалашъ и у дверей его уже наигрывалъ мелодіи. Послѣднія заинтересовали меня, и я не жалѣлъ, что остался слушать: нерѣдко случалось слышать хорошіе образцы музыкальнаго творчества отъ артистовъ, вовсе не пользовавшихся извѣстностью, — они при своей безвѣстности носили въ себѣ настоящія жемчужины народнаго или даже собственнаго творчества; творческая природа дѣйствовала въ нихъ, не претендуя на особое вниманіе, чуждая самооцѣнки.

Былъ жаркій лѣтній день, когда мы спускались съ горы Масима обратно къ деревнѣ Мендегуловой; въ этотъ разъ незамѣтно промелькнули 18 верстъ лѣсными горными дебрями. Въ долинѣ деревни Мендегуловой опять предстала во всей своей красѣ Бѣлая. Пока мы отдыхали у волостнаго писаря, по рѣкѣ проплыла барка и придала ей недоставшее оживленіе; эта барка была изъ Бѣлорѣцкаго или Авзяно-Петровскаго заводовъ (на рѣкѣ Бѣлой) и плыла послѣднею изъ того каравана барокъ, который ежегодно въ половодье отправляется съ мѣдью внизъ по Бѣлой и Камѣ и Волгою до Нижняго-Новгорода. Находившіеся на баркѣ люди (Русскіе) кричали противъ волостнаго правленія, не продадутъ ли имъ хлѣба; но лишняго хлѣба у писаря не было, и барка, остановившись было, поплыла далѣе.

Отъ Мендегуловой до Кананикольскаго завода.

Изъ деревни нашъ путь лежалъ на Капаникольскій заводъ, въ 40 верстахъ. Тѣмъ временемъ успѣла разразиться гроза, могучимъ эхомъ грохотавшая въ горахъ, и пролилъ дождь; густыя облака красиво носились

надъ горами и отражались въ рѣкѣ. Пріятный, теплый, освѣжающій вѣтеръ вѣялъ въ этой прекрасной долинѣ. Не безъ затрудненій переправились мы черезъ Бѣлую, такъ какъ приспособленій для переправы почти не было, и экипажъ, напр., приходилось втаскивать черезъ бортъ большой лодки, которая замѣняла парóмъ; лошадей переправили вплавь.

На той сторонѣ Бѣлой дорога опять направилась въ гору: мы должны были вновь выбраться изъ долины рѣки Бѣлой на окружавшія высоты. За то раскрывались живописные горные виды, особенно по направленію къ долинѣ Бѣлой. Лошадямъ трудно было ѣхать въ гору, и опять мы шли часть пути пѣшкомъ. Нашъ возница Кирамка съ присущей ему простоватостью и малодушіемъ временами ахалъ, глядя на лошадей. Въ одномъ мѣстѣ онъ показалъ у самой дороги свѣжій слѣдъ на измятой травѣ: это былъ слѣдъ несомнѣнно какого-то большого животнаго, вѣрнѣе всего медвѣдя, который видимо недавно былъ у самой дороги, но поворотилъ назадъ. Проѣзжали черезъ деревню Атикову, совсѣмъ безлюдную, лишь въ одномъ-двухъ мѣстахъ работали плотники; среди деревни стояла мечеть, какъ это обычно почти во всѣхъ башкирскихъ деревняхъ.

Предполагали въ тотъ же вечеръ, къ полупочи, пріѣхать въ заводъ, но на половинѣ пути, въ виду усталости лошадей, почевали на хуторѣ Кочкаирѣ.

Вечеръ былъ прохладный, туманъ стлался въ окружающихъ лѣсахъ и поляхъ и заволакивалъ самый хуторъ; на немъ остановились также нѣсколько проѣзжающихъ Башкиръ верхомъ; въ двухъ-трехъ мѣстахъ горѣли костры, также и у насъ въ томъ сараѣ, гдѣ мы почевали; сквозь туманную дымку свѣтила луна; для лошадей Кирамка накосилъ травы; лошадей продержали нѣсколько часовъ на привязи, чтобы остыли; нужно было видѣть, съ какой жадностью припялись они за сѣно; пока не пускали ихъ къ травѣ, они нетерпѣливо ржали: сильно проголодались отъ усталости.

На другой день утромъ до полудня пріѣхали въ заводъ; дорогой попадались на встрѣчу и обгоняли насъ Башкиры, возвращавшіеся изъ завода и ѣхавшіе въ него по случаю базарнаго дня. Вблизи завода расположены казенныя и заводовладѣльческія лѣсныя дачи. Дорога развѣтвлялась въ разныя стороны, и мы плутали, пока не выручали насъ встрѣчные Башкиры.

Башкирія въ прошломъ столѣтіи и теперь.

Приходилось намъ проѣзжать по мѣстностямъ, по которымъ пролегалъ путь не разъ упомянутаго здѣсь путешественника прошлаго столѣ-

тія академика Лепехина. Не такъ далеко отъ Мендегуловой находится бывшій заводъ Вознесенскій, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ котораго Лепехинъ осмотрѣлъ замѣчательную пещеру въ горѣ Сулюганъ-Ташъ; объ этой пещерѣ Башкиры и намъ сообщали и предлагали съѣздить къ ней, но обстоятельства помѣшали намъ осуществить это.

Лепехинъ описываетъ и Канашкольскій заводъ. Изъ этого завода онъ направился къ озеру *Толкасъ*, которое мы видѣли, когда ѣхали изъ Темясовой на пріискъ Горяевыхъ; это озеро — среднихъ размѣровъ, лежитъ у подошвы хребта Ирендыкъ; окрестные русскіе называютъ его Толкачъ. По его берегамъ находятся теперь нѣсколько башкирскихъ деревень; во время Лепехина никакихъ поселеній тамъ, кажется, не было; существовали только каменоломни и древнія, по Лепехину, чудскія копи.

При сравненіи теперешняго состоянія края съ тѣмъ, какимъ оно является за XVIII столѣтіе въ описаніи Лепехина, приходится признать, что значительныхъ измѣненій не произошло; во всякомъ случаѣ времени протекло гораздо болѣе, чѣмъ послѣдовало измѣненій. Мѣстность по прежнему остается въ первобытныхъ, дикихъ условіяхъ; Башкиры — такія же непосредственныя, развѣ только болѣе присмирѣвшія дѣти этой горной страны; населенность послѣдней не увеличилась, если только не уменьшилась; напр., въ 3-ей бурзянской волости числилось въ 1894 г. 4642 души мужчинъ и женщинъ; нѣсколько увеличилось число башкирскихъ деревень и другихъ осѣдлыхъ пунктовъ; расширилось добываніе ископаемыхъ богатствъ Урала, возникли заводы на рѣкѣ Инзерѣ, въ самой глухой Башкиріи, появился рядъ золотыхъ пріисковъ, но за то прекратили дѣятельность нѣсколько желѣзодѣлательныхъ и мѣдиплавильныхъ заводовъ, работавшихъ въ прошломъ столѣтіи; русскихъ поселеній нѣтъ, если не считать заводовъ; число русскихъ если и увеличилось сравнительно съ временемъ Лепехина, то это или предприниматели, гонящіеся за наживой, или рабочіе ихъ, или торгаши, имѣющіе не малые прибытки въ глухой Башкиріи; земледѣліе не развивается, если не принимать въ расчетъ посѣвовъ кулака — золотопромышленника татарина Рамеева.

Въ настоящее время здѣсь проложено значительно больше дорогъ, что́ говоритъ объ увеличеніи сношеній, но эти дороги весьма первобытны и почти не оживлены никакимъ движеніемъ.

Замѣтно усилилось русское вліяніе, и, напр., волостные писаря (изъ русскихъ) если всюду представляютъ изъ себя силу (къ сожалѣнію, чаще темную), то тѣмъ болѣе господствуютъ здѣсь, среди бѣдныхъ и забитыхъ судьбою Башкиръ.

Со времени Лепехина край сталъ спокойнѣе, умиротворенъ, но чтобы онъ поднялся по пути процвѣтанія, чтобы проявляла себя гдѣ-нибудь

творческая, созидающая рука человѣка, это нельзя было замѣтить, присутствіе же хищнической руки чувствовалось и въ этихъ рѣдѣющихъ, но сохраняющихъ признаки первобытности лѣсахъ, и въ этихъ раскиданныхъ тамъ и сямъ татарскихъ и отчасти русскихъ золотыхъ промыслахъ, и въ этой скупкѣ за безцѣнокъ богатыхъ башкирскихъ земель. Впрочемъ, послѣднія правительственныя мѣропріятія, по которымъ покупка земель и лѣсовъ у Башкиръ предоставляется только крестьянскимъ обществамъ, а не частнымъ лицамъ, должны значительно ослабить всѣ эти «язвы здѣшнихъ мѣстъ».

Кананикольскій заводъ.

Во время Лепехина (1770 г.) Кананикольскій заводъ (основанный въ 1751 г. Туляниномъ Иваномъ Масаловымъ) имѣлъ мѣдиплавильную фабрику съ шестью печами, три горна для перечистки, переливанія мѣди и одинъ «сплейсофенской», колотушечную фабрику съ двумя печами, тремя молотами и однимъ горномъ для кусковой мѣди; мусорную толчею, лѣсопилку, кузницу и пр.; ежегодно выплавлять чистой мѣди полагалось по 3955 п. 34 ф., но заводъ могъ выплавлять до 8500 п. Строеній на заводѣ было до 250 дворовъ и «изрядная деревянная церковь». Рабочихъ и мастеровыхъ числилось болѣе 300 душъ, но въ работахъ принимали участіе и вольнонаемные изъ инородцевъ (очень дешевые).

Такимъ образомъ Кананикольскій заводъ проявлялъ въ прошломъ столѣтіи довольно значительную дѣятельность. Иную картину представляетъ онъ въ настоящее время.

Заводъ окруженъ лѣсистыми горами и самъ лежитъ на возвышеніи. Особенно краснаго вида не представляетъ. Заводскія каменныя помѣщенія теперь пустуютъ, плотина у пруда въ обветшаломъ и далеко неисправномъ видѣ, прудъ отчасти запущенъ и какъ-то спротливо выглядываетъ отъ окружающей его и своей собственной бездѣятельности; никакихъ горныхъ работъ на заводѣ не производится.

Населеніе — русское; въ прежнее время оно жило работами на заводѣ, теперь же принуждено обращаться къ другимъ источникамъ существованія; оно мало носитъ обычный отпечатокъ горнозаводскихъ жителей — подвижность, расторопность, ухарство, намъ де море по колѣно, и похоже больше на мѣщанъ (и даже въ плохомъ смыслѣ этого слова) подъ вліяніемъ теперешняго рода занятій: жители занимаются промыслами — плотничествомъ, извозомъ, огородничествомъ, рубкою и гонкою лѣса (больше всего) и отхожими промыслами.

На ихъ домашней обстановкѣ лежитъ печать мѣщанской запущенности, затхлости и безвкусія; домъ довольно зажиточнаго купца или мѣщанина, у котораго мы остановились, былъ построенъ и украшенъ внутри безъ всякаго вкуса и пониманія удобствъ; ненужныя проходныя комнаты, крыльца не у мѣста, нелѣпыя, неграмотныя рѣзныя надписи на загрязненныхъ стѣнахъ, безвкусіе въ окраскѣ послѣднихъ, — все это не могло сообщать домовитости и уютности жилищамъ Канашкольскихъ обывателей, да послѣдніе и не славятся въ окрестностяхъ особой любезностью, привѣтливостью и гостепріимствомъ. Вообще заводъ не оставилъ большихъ пріятныхъ впечатлѣній; управленіе заводомъ проявило себя однимъ своимъ качествомъ-сухостью.

Въ настоящее время (въ 1894 г.) въ заводѣ, который составляетъ самостоятельную волость (во время Лепехина находился въ предѣлахъ бурзянской волости), жителей числится 4330 душъ (муж. — 2130, женск. — 2200), — со времени Лепехина приростъ не очень значительный.

ИВАНЪ ЛУКМАНОВЪ.

(№№ 74, 111, 118).

Въ заводѣ розыскали мнѣ дудочника Ивана Лукманова, крещенаго башкира, котораго очень хвалили за умѣнье играть на куракѣ. Это былъ башкиръ хотя и крещеный, но въ душѣ такой же первобытный и дикій, какъ и некрещеные его сородичи, онъ былъ чуждъ не только христіанскихъ настроеній, но повидимому и какихъ либо знаній о своей новой вѣрѣ; очевидно, по какой-то странной случайности онъ былъ крещенъ и затѣмъ никто не заботился о его духовномъ состояніи; что онъ случайно сталъ христіаниномъ, доказывается тѣмъ, что въ этихъ глухихъ мѣстахъ никакой миссіонерской дѣятельности не существуетъ и никого въ христіанство не обращаютъ; Иванъ Лукмановъ долго служилъ сторожемъ при заводоуправленіи и, кажется, одинъ изъ управляющихъ окрестилъ его. Какая-то первобытная дикость и узость понятій чувствовались въ его разговорахъ, — это былъ не то, что неразвитой русскій крестьянинъ; у послѣдняго, при его неразвитости, ограниченности, замѣчается какая-то ширь и добродушіе какъ свойства, присущія породѣ; въ крещеномъ же Иванѣ Лукмановѣ чувствовалась другая порода, болѣе узкая, мелѣе богатая, дальше соображеній о себѣ не идущая; хриплымъ, диковатымъ голосомъ разсказывалъ онъ о своихъ дѣлахъ и неудачахъ, и видимо совсѣмъ былъ чуждъ идеи, что поживиться на счетъ другого, устраивать свои дѣлишки на бѣдахъ другого — непохвально. Тѣмъ не менѣе нельзя было сказать, чтобы природа его была дурная или злая, онъ былъ нелишенъ добродушія, ласковости и чувства

благодарности, только все это скрывалось или замирало подъ корою загрубѣлости.

Какъ большой мастеръ играть на кураѣ, онъ былъ участникомъ разнаго рода празднествъ, увеселеній при заводоуправленіи, и управляющіе, такъ сказать, угощали имъ гостей, которые наѣзжали въ заводъ отовсюду, начиная съ Петербурга. Однажды услышалъ игру Ивана Лукманова инспекторъ Петербургскаго Лѣсного Института, восхитился ею и, согласно обѣщанію, выслалъ ему изъ Петербурга мѣдный курай, взявъ мѣрку и расчетъ, съ какимъ надобно дѣлать отверстія на цилиндрѣ. Но Петербургскій мастеръ ошибся въ расчетахъ, и мѣдный курай фальшивилъ въ тонѣ; тогда Лукмановъ самъ поправилъ бѣду: понизилъ отверстія, сдѣлавъ вырѣзки въ нижнихъ ихъ концахъ и запаявъ оловомъ верхніе концы; курай сталъ давать довольно вѣрный тонъ; мѣдный курай издаетъ болѣе сильные звуки, но за то почти теряетъ тембръ натуральнаго курая.

Лукмановъ игралъ довольно любопытныя мелодіи, между прочимъ, сыпрау — турнó (глухіе журавли, № 118), въ которой подражаніе пѣнію птицъ довольно явственно. Мы занимались съ нимъ одинъ день (9-го іюня), потому что онъ спѣшилъ на сѣнокосъ.

Заставляя его брать отдѣльно звукъ за звукомъ при постепенномъ закрываніи отверстій, я окончательно установилъ строй курая (см. стр. 112).

На другой день поѣхали дальше. Передъ отъѣздомъ купались въ рѣчкѣ *Кань*, протекающей черезъ заводъ и впадающей въ р. Бѣлую; вода въ ней, какъ горной рѣчкѣ, очень холодная, и я поплатился за купанье лихорадкой, которая обнаружилась на слѣдующій день, хотя стояла жаркая погода.

Ночной переѣздъ отъ Кананикольскаго завода до дер. Юлукъ.

Было уже послѣ обѣда. Собирались тучи и обѣщала разразиться гроза, когда вѣстовой изъ волостного правленія показывалъ намъ путь по направленію къ дер. Юлукъ, 1-ой бурзянской волости, на юго-востокъ отъ завода. Мы возвращались въ менѣе дикую башкирскую волость — 1-ю бурзянскую, гдѣ Башкиры гораздо общительнѣе, привѣтливѣе, чаще видятъ русскихъ, и путешественникъ имѣетъ болѣе точекъ соприкосновенія и общихъ интересовъ съ ними.

Вскорѣ же послѣ выѣзда изъ завода насъ застигла въ лѣсу гроза; хорошо, что она разразилась не прямо надъ нами, а раскаты грома слышались гдѣ-то по сторонамъ насъ, иначе можно было бы не на шутку поплатиться за свое пребываніе въ это время въ лѣсу. Дождь порядочно лилъ надъ нами. Лѣсъ начиналъ постепенно рѣдѣть, и дорога продолжалась довольно открытой долиной, окаймленной грядой горъ. Часа за полтора до заката солнца прекратился дождь, и воздухъ дышалъ обновленной свѣжестью, а долина была разукрашена переливами цвѣтовъ отъ склонявшихся

лучей заходящаго солнца. На пути попадались изрѣдка сѣнокосы и косцы—Башкиры. Въ общемъ пустынно и тихо было кругомъ. Вечерѣло, скоро должна была наступить ночь, а намъ предстоялъ переѣздъ въ 40 в. до татарской дер. Юлукъ, изъ которыхъ мы успѣли проѣхать развѣ верстъ 10—15: лошади нашего кучера Кирамки начинали уставать. Кирамка въ началѣ пѣлъ было пѣсни, а потомъ умолкъ, и мы всѣ молчали. Въ сумерки проѣхали мы хуторъ Зплапръ на рѣчкѣ того же названія: въ пустынной мѣстности пріятно было встрѣтить населенное мѣсто, при томъ въ такое позднее время; трусливый, малодушный Кирамка съ особой радостью и оживленіемъ пустился въ разговоры съ жившими на хуторѣ Башкирами: остановивъ на нѣсколько минутъ лошадей, онъ разспрашивалъ о пути. Вблизи этого хутора въ прежнее время, въ прошломъ столѣтіи, при Неплюевѣ, когда устраивался и заселялся Оренбургскій край, существовала крѣпость, входившая въ рядъ крѣпостей, которыми русское правительство постепенно оцѣпило Башкирію.

Наступила уже темнота, когда мы поѣхали далѣе.

Трусливость Кирамки сказалась теперь вполнѣ: онъ не разъ обращался ко мнѣ: «Сергѣй Гаврились, чево станешь дѣлать? темна́ бульно»;—«ѣдемъ, вотъ чево станешь дѣлать», отвѣчалъ я; Кирамка погонялъ лошадей, а самъ нѣтъ — нѣтъ, да и охалъ: «ай, ай, темна́ бульно», или остановитъ лошадей, соскочитъ съ козелъ и осматриваетъ дорогу на нѣсколько шаговъ впередъ. Темнота наступила полная, но трусость Кирамки больше забавляла, чѣмъ передавалась намъ. Ночь была тихая, кругомъ ни звука не было слышно, и мы невольно сами погрузились въ молчаніе и полудремоту, довѣрившись инстинкту лошадей. Довольно долго ѣхали мы такъ, и даже вздоховъ Кирамки не было слышно болѣе. Но вотъ мое вниманіе пробудили торжественно — красивые, слегка меланхолическіе звуки: это Кирамка запѣлъ мусульманскую молитву, потому что въ эти минуты торжественно поднимался на горизонтѣ громадный багровый дискъ лупы. Чѣмъ-то величавымъ повѣяло отъ такого неожиданнаго момента: послѣ предыдущей полной темноты и затишья въ природѣ, когда, казалось, вся жизнь замерла, появленіе въ свое время и съ такой величественностью ночного свѣтила вливало новую струю жизни въ природу и какъ бы говорило о порядкѣ и гармоніи, которые кѣмъ-то постоянно поддерживаются въ окружающемъ строѣ вещей, и тѣмъ впечатлительнѣе была эта религіозная бдительность мусульманъ, которые во всякихъ обстоятельствахъ съ беззавѣтной покорностью и памятливостью о Высшемъ Началѣ отмѣчаютъ молитвою и пѣніемъ установленные важнѣйшіе моменты дня. Мелодія Кирамки звучала торжественно — красиво и была полна какой-то затаенной тоски души по чемъ-то такомъ, пожалуй, неземномъ, чему душа мусульманина безпредѣльно, безъ

разсужденій предана. Въ этой религіозной бдительности, фанатичной преданности началамъ своей вѣры и кроется вся мощь мусульманства: Кирамка, темный, неученый, недалекій башкиръ, не забылъ всетаки, что вотъ появилась на горизонтѣ луна, и теперь, значитъ, около 9 часовъ, — время послѣдняго моленія за истекшій день, и что надобно воздать Аллаху должное; подобную бдительность рѣдко встрѣтить въ нашемъ, славящемся религіозностью народѣ.

Я не ожидалъ, что мусульманство способно создавать такія величавыя и красивыя, полныя внутренняго настроенія религіозныя мелодіи, что̀ я имѣлъ возможность провѣрить послѣ и на другихъ образцахъ.

Послѣ пѣнія Кирамка прошепталъ нѣсколько молитвенныхъ словъ, повелъ руками по лицу и кончилъ этимъ религіозную обязанность; луна тѣмъ временемъ поднялась на небосклонѣ, уменьшилась въ размѣрахъ, просвѣтлѣла и озарила безмолвную и темную Башкирію своимъ блѣднымъ, мечтательнымъ свѣтомъ, но спустя немного надвинулись тучи, и окрестности опять погрузились если не въ прежнюю полную темноту, то въ сильный полумракъ. Опять мы ѣхали молча.

Трусливость не давала Кирамкѣ покоя: попался въ сторонѣ отъ дороги небольшой лѣсъ; еще не доѣзжая до него, Кирамка уже говорилъ мнѣ озабочено: «Сергѣй Гаврились, а Сергѣй Гаврились, мѣста́ бульно не хороша́, дурны людя́ есть здѣсь, дай револьверъ». Я досталъ револьверъ, который неизвѣстно, въ какомъ состояніи былъ, потому что ни разу не подвергался за время путешествія пробѣ. Кирамка взялъ его въ руки и сильно насмѣшилъ насъ, начавъ держать револьверъ высоко въ воздухѣ и объяснивъ намъ, когда мы пріѣзжали мимо лѣса, что онъ держитъ револьверъ высоко для того, чтобы его видомъ испугать заранѣе «дурны людя́»: простякъ Кирамка совсѣмъ не принялъ во вниманіе царившей тогда темноты. Мы проѣхали лѣсъ, а къ услугамъ револьвера такъ и не пришлось прибѣгнуть: можетъ быть, «дурны людя», согласно соображеніямъ Кирамки, провидѣли издали сквозь темноту револьверъ у него въ рукахъ и благоразумно скрылись...

Длиннымъ показалось намъ путешествіе за эту ночь: надо думать, по нашему примѣру и лошади позволяли себѣ дремать, пока тащились до дер. Юлукъ.

Деревня Юлукъ.

Было уже значительно за полночь, когда мы при свѣтѣ луны пріѣхали въ деревню Юлукъ и думали остановиться въ дому перваго богача въ деревнѣ, татарина-золотопромышленника Рамеева. Деревня спала глубокимъ

сномъ, даже собаки не нарушили при нашемъ въѣздѣ тишины улицъ. Кирамка нѣкоторое время стучался въ ворота дома Рамеева, пока извнутри, со двора, не послышался вопрошавшій голосъ татарина или башкира. Кирамка спрашивалъ, дома ли хозяинъ и можно ли остановиться у нихъ; голосъ быстро, часто отвѣчалъ по-татарски, какъ вообще говорятъ Татары, и особенно звучно, сочно раздалось слово ёк (нѣтъ) съ сильнымъ гортаннымъ характеромъ буквы к. Оказалось, хозяина не было дома, а прикащикъ самъ не рѣшался принять проѣзжающихъ. Опять мы потревожили ночную тишину, ища пристанища въ другомъ уже мѣстѣ, у родственницъ Кирамки.

Печальная картина ждала насъ въ убогой, бѣдной татарской избушкѣ. Послѣднія всюду устроены одинаково: по серединѣ сѣни, на лѣво отъ нихъ чистая половина, горница, гдѣ помѣщаются хозяева и принимаются гости, на право — черная половина, кухня. Мы вошли налѣво, темнота была полная; при свѣтѣ спички оказалось, что мы потревожили цѣлое спящее царство: на нарахъ (широкихъ скамейкахъ) за занавѣсками копошились спавшіе, убрались и очищали для насъ мѣсто. Лишь на правой сторонѣ наръ кто-то по прежнему лежалъ и даже какъ будто не былъ пробужденъ нашимъ пріѣздомъ: это лежала больная. Она въ забытьи тяжело вздыхала, ворочалась и иногда охала. Непріятно чувствовалось въ сосѣдствѣ съ боль ною, но дѣваться было некуда; пока мы возились съ вещами и устроились за чаемъ, больная пробудилась и недоумѣвающе долго смотрѣла на насъ изъ-за занавѣски. Лучше было перебраться хотя бы въ кухню, что̀ мы и сдѣлали, хотя запущена она была болѣе, и обитали въ ней разнаго рода насѣкомыя. Передъ сномъ были мы на дворѣ: деревня безмолвствовала, луна уже скрылась, стояла тихая звѣздная ночь, гдѣ-то въ сторонѣ на дворѣ выстаивались и фыркали наши усталыя лошади . . .

Когда мы утромъ, часовъ въ семь (11-го Іюля), поднимались, я чувствовалъ тяжесть въ организмѣ и ломоту въ суставахъ: лихорадка, полученная въ холодныхъ струяхъ рѣчки Каны, дала себя знать . . .

Мы перебрались въ довольно просторный, чистый и новый домъ одной татарки-вдовы, послѣ чего началось наше знакомство съ деревней; большинство дворовъ были заперты, и улицы пустовали: населеніе деревни разъѣхалось на сѣнокосъ и на жнитво; только около мелочной лавочки стояла группа Татаръ, довольно опрятно одѣтыхъ: Татары почти всюду отличаются исправностью, подтянутостью въ обиходѣ и жизни своей, въ нихъ замѣчается извѣстнаго рода выправа, выдержка, это не то, что̀ другіе инородцы, хотя бы Башкиры, и даже не то, что̀ русскій человѣкъ... Въ сѣрыхъ баранихъ шапкахъ и исправныхъ халатахъ, они съ любопытствомъ слѣдили за моимъ приближеніемъ, но у нихъ не было того наивнаго любопытства и, пожалуй, ротозѣйства, какія обнаруживаютъ Башкиры при появленіи рус-

скаго; когда я сталъ знакомиться съ товарами, Татары больше не посвящали мнѣ своего вниманія и, какъ дѣловые люди, занялись бесѣдой о своихъ дѣлахъ.—Эта татарская деревня была единственная среди Башкиріи; Татары переселились сюда изъ Казанскаго края, кажется, по вызову начальства и по обыкновенію занялись торговлей.

Я, между прочимъ, спрашивалъ, есть ли хорошіе пѣвцы и дудочники;— «когда нѣтъ», отвѣчали Татары, съ усмѣшкой глядя на меня, — «много есть, вотъ пѣсельникъ, вотъ дудочникъ», показывали они на нѣкоторыхъ изъ своей среды, и толпа смѣялась; когда же я разговоръ перевелъ на болѣе серьезный тонъ и просилъ прислать мнѣ хорошихъ пѣвцовъ и игроковъ, одинъ изъ Татаръ, перемѣнивъ насмѣшливый тонъ, спросилъ: «да ты взаправду што-ли говоришь или только шутишь»? — «Взаправду», отвѣтилъ я; — «коли взаправду, тогда другой разговоръ; это тебѣ для дѣла нужно, а не такъ себѣ, шалтай-балтай (по пустякамъ)»?, — «для дѣла», говорю я ему; — «да кто ты такой будешь? не про тебя ли тутъ волостной старшина говорилъ, что ты пѣсни пишешь и даешь деньги за это Башкирамъ; въ Темясовой ты былъ»?; — «былъ»; — «ну, значитъ, тебя самаго волостной старшина въ разныхъ мѣстахъ поджидалъ и хотѣлъ встрѣтить да и намъ говорилъ». Такимъ образомъ слухъ о моихъ разъѣздахъ и собраніи башкирскихъ пѣсенъ распространился по нѣсколькимъ волостямъ и предшествовалъ моему пріѣзду.

Татары уже съ серьезной услужливостью обѣщали прислать мнѣ хорошихъ татарскихъ артистовъ.

Дальше по улицѣ стояла каменная мечеть; въ деревнѣ мечетей было болѣе трехъ, и это въ одинокой, заброшенной въ глуши Башкиріи, татарской деревнѣ; татары вѣрны себѣ: всюду они религіозны и трудолюбивы.

Около полудня деревня оживилась: къ мечетямъ потянулись правовѣрные, хотя и не многочисленные. На время моленій Татары оставляютъ всѣ свои занятія и даже запираютъ лавки на базарѣ, который на полчаса, на часъ пустѣетъ.

МУЗЫКАНТЫ ВЪ ДЕРЕВНѢ ЮЛУКЪ.

(№№ 37 a, 39, 40, 62, 63, 64, 167, 169, 172, 173, 176, 195).

Приходили ко мнѣ пѣсельники-Татары и дудочники-Башкиры.

При этомъ можно было наглядно сопоставить характеръ татарскихъ и башкирскихъ пѣсенъ и мелодій: въ то время какъ первыя отличаются характерной незамысловатостью и опредѣленностью мелодическаго рисунка и ритма мелодій, башкирскія мелодіи бросаются въ глаза затѣйливостью, причудливостью своего рисунка.

Артисты приходили и садились на полъ на ковры, по восточному опираясь на колѣни и опустившись корпусомъ на пятки и въ сосредоточеніи показывали свое искусство.

Нѣкоторые изъ нихъ были уже избалованы относительно платы: требовали вознагражденія бо̀льшаго, чѣмъ предлагалось имъ.

Познакомился съ волостнымъ фельдшеромъ — пожилымъ башкиромъ Азаматовымъ; это — особый типъ Башкиръ, которымъ привиты кое-какія знанія; фельдшера изъ Башкиръ получаютъ образованіе въ Оренбургской фельдшерской школѣ; въ теченіе практики среди сородичей они растериваютъ часть своихъ немногисленныхъ свѣдѣній и знаютъ кое-что и съ сомнительной твердостью. Они усердно предлагаютъ противъ разныхъ болѣзней хину и салициловую кислоту; фельдшеръ-башкиръ былъ находкою для меня въ этой глуши, такъ какъ лихорадка изъ рѣчки Каны давала себя чувствовать. Въ глухихъ мѣстахъ даже плохой фельдшеръ радуетъ не менѣе хорошаго доктора.

На другой день (12-го Іюля) былъ базаръ: это одинъ изъ самыхъ крупныхъ въ тѣхъ мѣсностяхъ. Татаръ, Башкиръ собралось множество, Русскихъ лишь нѣсколько торговцевъ, и чего-чего по тѣмъ мѣстамъ не было на базарѣ, главнымъ образомъ мясо, котораго въ другое время вообще трудно достать . . .

Встрѣтились мы здѣсь со знакомымъ торговцемъ И. С. Петровымъ, въ домѣ котораго жили въ Темясовой. У насъ онъ обѣдалъ, при чемъ мы сидѣли по восточному на коврахъ на полу . . . Была гроза, когда обѣдали. Высказывая нѣкоторыя опасенія по поводу нея, онъ выѣхалъ въ дальнѣйшій путь, на пріискъ Горяевыхъ, такъ какъ базаръ въ Юлукѣ кончился. Приглашалъ заѣзжать къ нему въ Темясову.

Игра горломъ.

Вечеромъ опять были у меня пѣсельники. Между прочимъ, когда я почти кончилъ занятія, произошелъ довольно курьезный случай, который далъ мнѣ возможность познакомиться съ особымъ искусствомъ Башкиръ — *игрой горломъ*.

Въ ворота послышался стукъ; когда ихъ открыли, на дворъ въѣхалъ всадникъ-башкиръ, который слѣзъ съ лошади и безъ особыхъ стѣсненій вошелъ въ комнату, сѣлъ и, поздоровавшись, заявилъ, что пріѣхалъ ко мнѣ пѣть пѣсни: «я услышалъ, что ты даешь деньги за пѣсни, мать и говоритъ мнѣ, а живу я въ лѣсу далеко, гонкой дегтя занимаюсь: ««вотъ ты безталанный, ищешь денегъ и нигдѣ не находишь, а въ Юлукъ пріѣхалъ русскій и даетъ деньги за пѣсни, не ты ли мастеръ пѣть пѣсни? поѣзжай и пой

передъ русскимъ, деньги получишь»». Я послушалъ ее и пріѣхалъ къ тебѣ». На это я отвѣтилъ, что очень усталъ и не могу больше записывать пѣсни.

Тогда башкиръ сказалъ: «вотъ таланъ мой: другіе получаютъ деньги за пѣсни, а я тоже мастеръ пѣть пѣсни, да слушать меня не хочешь; на роду моемъ написано мнѣ несчастливымъ быть, нигдѣ не везетъ мнѣ счастье, охъ»....

Тѣмъ не менѣе онъ сталъ играть на кураѣ...

Мнѣ жалко стало этого неталанливаго башкира, ради заработка пріѣхавшаго издалека; отъ нашего ужина осталась рисовая каша, которую и предложилъ я башкиру, онъ сѣлъ на полъ и принялся за кашу, сказавъ печально: «и на этомъ спасибо». Съѣвъ кашу, онъ поднялся и на сундукѣ началъ показывать крайне своеобразное искусство, началъ «*играть горломъ*».

То, что̀ мы услышали, было такъ необычно, что наше вниманіе немедленно было приковано раздавшимися звуками.

Самъ башкиръ носилъ отпечатокъ какой-то одичалости лѣсной, голосъ его звучалъ глухо, какъ бы замкнуто, говорилъ онъ не такъ открыто, какъ другіе соотечественники, жившіе не въ лѣсу, лицо его было темное, заскорузлое.

Когда онъ заигралъ горломъ, впечатлѣніе лѣсной дичи еще болѣе увеличилось.

Искусство это состояло въ слѣдующемъ.

Башкиръ исполнялъ горломъ одинъ и тотъ же тонъ довольно дикаго, гнусящаго характера; на фонѣ этого тона онъ напгрывалъ, съ помощью маленькаго языка (по его словамъ) башкирскія мелодіи; звуки получались тихіе, но ясные, отчетливые и пріятные, похожіе на звуки баульчика, игрушечнаго органчика; надобно было соблюдать полнѣйшую тишину, чтобы слышать эту своеобразную, дикую, но не лишенную пріятности музыку; выходило, что одинъ и тотъ же человѣкъ исполнялъ заразъ два тона: горломъ и язычкомъ. Башкиръ не только пріятно напгрывалъ эти своеобразные звуки, но и артистически исполнялъ ихъ: онъ обнаруживалъ настоящее искусство.

Долго мы его слушали: онъ совсѣмъ расположилъ насъ въ свою пользу, и я сказалъ ему, что завтра съ утра буду записывать его пѣсни и мелодіи, теперь же не могу, усталъ. Башкиръ высказалъ согласіе остаться до утра, поблагодарилъ за ужинъ и за то, что слушали его, и пошелъ вмѣстѣ съ кучеромъ нашимъ спать въ экипажѣ. Мы тоже вскорѣ легли; это было уже около полуночи. Тогда свѣтила луна на ущербѣ, сіяли звѣзды сквозь темноватый свѣтъ луны, а на востокѣ уже загорались первые проблески утренней зари.

Вставши утромъ часовъ въ семь, я спросилъ кучера, гдѣ башкиръ,

игравшій вчера горломъ. Кучеръ разсказалъ слѣдующую странную исторію. Башкиръ улегся вмѣстѣ съ нимъ въ экипажѣ съ намѣреніемъ дождаться утра, но на разсвѣтѣ проснулся и собрался въ путь, говоря: «нѣтъ, уѣду пораньше назадъ въ лѣсъ; кто его знаетъ, можетъ быть, онъ и не станетъ меня слушать и не дастъ денегъ, такой мой талапъ, лучше пораньше уѣхать»; съ этими словами сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, когда разсвѣтъ только что разгорался, и солнце еще не взошло. Пришлось только удивиться этой исторіи и признать, что башкиру этому счастье дѣйствительно не везло, онъ самъ бѣжалъ отъ счастья: я имѣлъ твердое намѣреніе заняться съ нимъ и дать ему денегъ, а онъ уѣхалъ раньше результатовъ своей поѣздки и ни къ чему показавъ передъ нами свое искусство. Есть же такіе безталанные люди.

Деревня Иткулова 1-я.

Оставалось поѣхать дальше. Мы направились къ деревню Иткулову 1-ой бурзянской волости. Былъ тихій лѣтній день, дорога шла среди слегка холмистой мѣстности; лошади Кирамки, отдохнувъ за двое сутокъ пребыванія въ Юлукѣ, бѣжали бойко, мы быстро проѣхали 20 верстъ до деревни Иткуловой и въ обѣденную пору были уже въ ней. Изъ волостнаго правленія насъ пригласилъ къ себѣ въ гости волостной старшина Юлуевъ, тотъ самый, о которомъ въ Юлукѣ говорили, что онъ все ждалъ нашего пріѣзда и хотѣлъ гдѣ-нибудь встрѣтить насъ. Это былъ пожилой, отличавшійся необычною для его сородичей опрятностью и воспитанностью башкиръ; даже что-то джентлеменское было въ немъ; онъ зналъ русскую грамоту, читалъ русскія книги, затрагивалъ въ разговорѣ необычныя темы; былъ весьма предупредителенъ и любезенъ какъ хозяинъ, и къ нему приходилось относиться совсѣмъ не такъ, какъ къ другимъ Башкирамъ. Порядокъ, чистота и опрятность въ его домѣ, которыя сдѣлали бы честь и русскому дому, вполнѣ соотвѣтствовали характеру этого волостного старшины, интеллигента въ своемъ родѣ среди Башкиръ.

Убранство его дома было смѣшанное, — и восточное, и русское: полъ былъ устланъ коврами, на которые хозяинъ и пригласилъ насъ сѣсть; но вмѣстѣ въ комнатѣ находились столъ, покрытый скатертью, стулья и шкафы. Старшина, угощая, пригласилъ насъ за столъ и былъ радушенъ настолько, что предлагалъ обѣдъ и хотѣлъ ради этого заколоть барана, но намъ интересно было отправиться поскорѣе въ кочевку этой деревни и поэтому обѣдъ мы отклонили.

Старшина познакомилъ насъ также съ сыномъ своимъ и учителемъ мѣстной русской башкирской школы.

Башкиръ-писатель.

Молодой Юлуевъ обращалъ на себя еще бо́льшее вниманіе: это былъ первый писатель среди Башкиръ, какого я видѣлъ. Онъ получилъ образованіе въ Уфѣ, учительствовалъ раньше въ Уфимской губерніи, а теперь жилъ при отцѣ; достигнувъ извѣстнаго развитія, онъ дошелъ до сознанія жизни, нуждъ, радостей и бѣдъ своего народа и сдѣлался писателемъ: владѣя довольно удовлетворительно русскимъ языкомъ, онъ напечаталъ рядъ статей по этнографіи Башкиръ въ московскомъ журналѣ «Этнографическое Обозрѣніе», но первое время, по словамъ молодого Юлуева, одно лицо, близко стоящее къ редакціи, пользовалось его сообщеніями и печатало ихъ подъ своей фамиліей. Фактъ страшный для нравовъ Московскихъ журналистовъ.

Юлуевъ подарилъ намъ нѣкоторыя изъ своихъ статей и какъ писатель тѣмъ болѣе былъ интересенъ, что Башкиры крайне рѣдко выдѣляютъ изъ своей среды лицъ, успѣвающихъ достигать высшихъ ступеней интеллигенціи: молодежь проходитъ курсъ только начальныхъ школъ, въ среднія учебныя заведенія попадаетъ рѣдко и чаще не кончаетъ курса, а чтобы Башкиры кончали высшее учебное заведеніе, я слышалъ только о трехъ—четырехъ случаяхъ: такое качество свойственно народу, опустившемуся въ своей духовной и внѣшней жизни, измятому, искалѣченному историческими обстоятельствами и брошенному теперь на произволъ судьбы. Совсѣмъ иное Киргизы, которые нерѣдко появляются въ нашихъ университетахъ.

Юлуевъ игралъ мнѣ башкирскія мелодіи на гармоніи (она и сюда уже пробралась и даже далѣе, въ киргизской степи, можно встрѣтить ее); я записывалъ мелодіи, а затѣмъ повторялъ; сначала башкиръ выказалъ неопредѣленное отношеніе, а затѣмъ, вслушавшись, выразилъ полное удовольствіе по поводу точности записи (см. мел. №№ 38, 84 и 146).

Кочевка деревни Иткуловой I.

Изъ Иткуловой I-ой мы отправились въ кочевку этой деревни верстахъ въ 12, такъ какъ главное пребываніе Башкиры имѣли тамъ, а молодой Юлуевъ хотѣлъ угостить насъ. Во время переѣзды Юлуевъ говорилъ о нравахъ Башкиръ, о сочиненіяхъ по исторіи этого племени и съ нѣкото-

рыми изъ послѣднихъ былъ знакомъ. Упоминалъ и о своихъ статьяхъ; одна изъ нихъ, оттискъ которой онъ далъ намъ, подъ заглавіемъ: «Къ этнографіи Башкиръ (свадебные обряды въ Орскомъ уѣздѣ Оренбургской губ.) напечатана въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1892 г., №№ 2—3, и подписана: Батыръ-гарей Мухамедовъ Юлуевъ. Какъ истый башкиръ, онъ сопровождалъ насъ верхомъ, но охотно предоставлялъ ѣхать на его лошади, а самъ садился въ нашъ экипажъ.

Кочевка была расположена въ довольно ровной, почти степной мѣстности; высокихъ горныхъ точекъ не встрѣчалось. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ кочевки подъ откосомъ струилась рѣчка.

Вдали виднѣлись, особенно вдоль рѣчки, другія кочевки, такъ что мѣстность не выглядывала пустынной и не лишена была нѣкоторой картинности.

Пріѣзжаемъ, знакомимся. Юлуевъ въ достаточной степени разъяснилъ Башкирамъ, кто мы такіе, и Башкиры приняли насъ учтиво — степенно, пригласили въ кошъ, который чисто убрали, и начали, конечно, угощать кумысомъ.

Башкиры любопытно посматривали на насъ и ихъ интересу къ тому, кто мы и гдѣ путешествовали, съ большой охотой удовлетворялъ нашъ кучеръ Кирамка, который, сидя сбоку собранія, явился словоохотливымъ ораторомъ и центральнымъ лицомъ, къ которому устремлены были взоры присутствовавшихъ.

Во время его повѣствованія неизмѣнно слышались фразы: Темясова, ялля (затѣмъ) Мендегуловъ, ялля Маспмъ, ялля Мендегуловъ, ялля Канашкольскій, ялля Юлукъ, ялля Иткулова: это онъ перечислялъ пункты, черезъ которые мы проѣзжали, обозначалъ нашъ путь. Башкиры слушали и восклицали: хай, хай, — имъ казалось очень далекимъ разстояніе, которое мы проѣхали.

Затѣмъ Кирамка сообщилъ и дальнѣйшій нашъ путь, при чемъ слушатели, кажется, любопытствовали о цѣнѣ, за какую онъ былъ нанятъ нами и, можетъ быть, говорили, что дешево взялъ онъ, если судить по поведенію Кирамки въ дальнѣйшемъ пути.

Не разъ и послѣ того, на другихъ остановкахъ, Кирамка являлся въ этомъ родѣ героемъ и предметомъ общаго вниманія: его добродушное, недалекое лицо самодовольно при этомъ улыбалось, и небольшіе смирные его глазки не спѣша осматривали собраніе, послѣ чего начиналось повѣствованіе съ неизмѣннымъ повтореніемъ: ялля Мендегуловъ, ялля Маспмъ и т. д.

Во время нашей степенной бесѣды и угощенія кумысомъ послышался издали, со степи, звонъ колокольчика, который все болѣе приближался и наконецъ, звонко прогремѣвъ вблизи кочевки, умолкъ: около кошей остано-

вился экипажъ; Башкиры одинъ за другимъ начали выходить наружу и тараторить между собою, а спустя немного нѣкоторые изъ нихъ возвратились и сообщили, что это остановился мировой судья ихъ участка на возвратномъ пути съ пріиска Горяевыхъ, гдѣ онъ производилъ судъ, и что онъ желаетъ видѣться со мною. Наше свиданіе состоялось: видъ чиновничей фуражки съ кокардой, человѣка, принадлежащаго къ верхнему, интеллигентному слою нашего общества, разговоръ съ нимъ разомъ какъ-бы возстановили порванную нами связь со всѣмъ остальнымъ міромъ среди этой глухой, первобычной Башкиріи, гдѣ мы должны были разстаться со всѣмъ, къ чему привыкли въ ежедневной жизни; — и вотъ этотъ интеллигентный человѣкъ, разговоръ съ нимъ внесли въ обстановку кошей и кочевокъ струю чего-то прежняго, полузабытаго, струю изъ нашей оставленной жизни; и было какъ-то странно чувствовать это среди горъ Башкиріи, и вмѣстѣ пріятно.

Но колокольчикъ опять зазвенѣлъ, экипажъ удалился, и вновь захлопнулась дверь въ оставшійся гдѣ-то далеко міръ нашей культуры, міръ Европы и ея идей.

Ночная пирушка.

Это было 13-го Іюля вечеромъ; насъ пригласили въ кошъ самаго состоятельнаго башкира кочевки; кошъ былъ чисто прибранъ, и въ немъ уже сидѣли участники предстоявшаго пиршества: хозяева, Башкиры-сосѣди, музыканты-курайсы (игроки на кураяхъ) и Юлуевъ съ гармоніей. Посрединѣ стоялъ деревянный сосудъ, похожій на миску, такъ называемый чапанъ, съ кумысомъ, одинъ изъ Башкиръ сидѣлъ около, мѣшалъ кумысъ и разливалъ его по чашкамъ для присутствовавшихъ; нѣсколько поодаль, около стѣнки коша, стояло нѣсколько боченковъ кумыса, которые предстояло распить въ эту ночь. Башкиры готовили пиршество, хотѣли угостить на славу пріѣзжихъ гостей. Мы, какъ гости, сѣли у стѣны противъ входа, посрединѣ собранія.

Послѣ привѣтствій подали первыя чашки съ кумысомъ и начались разговоры. Башкиры съ любопытствомъ и предупредительностью смотрѣли на насъ и разспрашивали о поѣздкѣ; лица ихъ улыбались и сіяли желаніемъ угодить намъ.

БАХТІАРЪ.

(№ 108).

Раздались первые звуки курая, послышались хотя тихія, но увѣренныя, почти могущественныя въ своей увѣренности, полныя силы и красоты мелодіи: это заигралъ одинъ изъ самыхъ первыхъ игроковъ на кураѣ въ той мѣстности — Бахтіаръ; онъ былъ довольно высокаго роста, съ осмысленнымъ выраженіемъ лица, нѣсколько сосредоточенъ, и тотъ-же самый оттѣнокъ энергіи и могучести, который звучалъ въ его мелодіяхъ, лежалъ и на его фигурѣ.

Присутствовавшіе умолкали и прислушивались къ его тихой, но и не чуждой величественности игрѣ.

Когда я тогда-же набросалъ въ свои тетради нѣкоторыя изъ его мелодій и повторялъ ихъ самъ, лица Башкиръ озарялись самодовольствомъ и поощрительнымъ смѣхомъ.

Разговоръ дѣлался громкимъ. Лица оживлялись. Звуки курая иногда пропадали. Но кто-нибудь возстановлялъ тишину и всѣ снова прислушивались къ мечтательнымъ, поэтичнымъ мелодіямъ Бахтіара, который между тѣмъ нисколько не смущался шумнымъ разговоромъ и въ самый разгаръ послѣдняго преспокойно, какъ-бы всецѣло занятый самъ собою, продолжалъ наигрывать на кураѣ, довольствуясь, что по крайней мѣрѣ самъ чувствуетъ, что́ играетъ.

Чашки съ кумысомъ тѣмъ временемъ осушались безъ остановокъ. Уже наступила темнота; появилось освѣщеніе — стеариновая свѣча (кажется, изъ нашихъ запасовъ).

Поданъ былъ второй боченокъ съ кумысомъ; веселость и оживленіе увеличивалось: кумысъ дѣлалъ свое дѣло, веселилъ сердца; лица присутствовавшихъ принимали красноватый оттѣнокъ; разговоръ становился все громче и разбился на нѣсколько теченій: уже возвышались отдѣльные голоса; Юлуевъ (башкиръ-писатель) съ жаромъ игралъ на гармоніи; на дудочника Бахтіара никто не обращалъ вниманія, звуки его курая совсѣмъ стушевались и были заглушаемы громкимъ говоромъ и кричащими, рѣзкими, почти наглыми по тембру звуками гармоніи; но все это нисколько не служило для игрока побужденіемъ бросить игру: онъ, кажется, съ еще большимъ стараніемъ, важною сосредоточенностью игралъ на кураѣ, который рѣшительно не былъ слышенъ..... Но вотъ прикатили третій боченокъ съ кумысомъ. Къ шуму разговора и игрѣ на гармоніи прибавилось еще нѣніе:

Башкиры пѣли пѣсни свои съ сопровожденіемъ гармоніи сначала сдержанно, а потомъ все болѣе развязно.

Недолго пришлось набрасывать нѣкоторыя изъ мелодій, которыя слышались здѣсь: вскорѣ я увидѣлъ, что записывать совсѣмъ было неудобно,— и не къ мѣсту, и не ко времени.

Угощали усердно и много; я наконецъ почувствовалъ испугъ, какъ это можно продолжать далѣе пить кумысъ, приподнялся, не смотря на упрашиваніе выпить еще кумыса, и вышелъ; за мной съ пѣніемъ послѣдовали Башкиры.

Была тихая, темная іюльская ночь; надъ нею во всей своей необозримости царилъ небосклонъ, а на немъ сіяли крупныя, ясныя звѣзды и иныя изъ нихъ колебались; на землю падалъ еле примѣтный свѣтъ ихъ, а воздухъ былъ чистъ и свѣжъ, и грудь легко, свободно дышала, и радостно было дышать.

Башкиры разсыпались въ темнотѣ парами, тройками; среди ночного приволья слышалось пѣніе, звучала гармонія, а группы пѣвцовъ пропали въ темнотѣ, точно погрузились въ пучины мрака.

Пѣли между прочимъ любимую, очень распространенную среди Башкиръ и вообще пріуральскихъ мусульманъ пѣсню «Гизнäкäй» (Зять, см. пѣсни №№ 50 и 191), дышащую удалью, веселостью.

Черезъ нѣсколько времени всѣ снова собрались въ кошъ, сѣли вокругъ кумыса и опять начали пить и пѣть..... Лица разгорались, голоса возвышались, умиленіе исходило въ сердца Башкиръ. Вновь я почувствовалъ испугъ отъ ихъ усердія угощать...

Всюду одинакова природа человѣка, всюду ищетъ она временами выхода, простора, гдѣ могла бы развернуться во всю ширь, сказаться всѣмъ тѣмъ беззавѣтнымъ, искреннимъ, что́ накопляется въ душѣ, или могла бы стряхнуть ежедневную тяготу и скуку жизни и, стряхнувшись, освѣжиться.

Такъ и Башкиры дали волю, просторъ своей природѣ и развернулись во всю и забыли все: и себя, и женъ своихъ, и дѣтей, которыя кстати тутъ же, въ кошѣ, за занавѣской спали.

Шумъ и возгласы раздавались все громче, пѣвцы уже перестали прислушиваться другъ къ другу и голоса начали замѣтно расходиться: каждый пѣлъ, что́ нравилось ему; среди пѣшія по прежнему не терялась гармонія, но на ней Юлуевъ ни къ кому не подлаживался, а велъ также свою линію. Получился концертъ, который могъ-бы смутить въ другое время самихъ участниковъ, но въ этотъ разъ не разстраивался, а обѣщалъ неопредѣленно долго продолжаться... Началась пляска; въ серединѣ собранія появился маленькій ловкій башкиренокъ и съ особымъ мастерствомъ исполнялъ мимическіе танцы: то онъ смѣшилъ собраніе изображеніемъ,

какъ ковыляетъ и сердится на насмѣшки хромая старуха, то представлялъ, какъ куютъ и стучатъ молотами кузнецы, то выдѣлывалъ разныя другія замысловатыя, бойкія движенія. Вниманіе присутствовавшихъ было все цѣло поглощено созерцаніе плясокъ, и искусный плясунъ башкиренокъ былъ награждаемъ дружными возгласами одобренія и восхищенія... Вновь участники пирушки вышли изъ коша, въ которомъ становилось душно, за ними и я и разсыпались въ темнотѣ вокругъ кошей. Было около полупочи, на небѣ созвѣздія перемѣстились между собою, на горизонтѣ гдѣ-то около востока брезжило что-то, точно зародышъ, изъ котораго пышно разовьется дневное свѣтило..... Изъ темноты около кошей доносились поющіе голоса или ликующіе и дикіе возгласы, а иногда и хохотъ, и свистъ... Былъ самый разгаръ пирушки.

Погулявъ среди прохлады и свѣжести ночи, пирующіе опять возвратились въ кошъ, и началось третье отдѣленіе пирушки: принялись за новый боченокъ съ кумысомъ, угощали меня, угощались и сами, лица были красныя, глаза умиленные, нѣкоторые сидѣли, обнявшись другъ съ другомъ, и умолкали; пѣніе, кто какъ умѣлъ, продолжалось, но не съ той энергіей, какъ незадолго передъ тѣмъ; не переставала звучать гармонія Юлуева, но дудочники (курайсы) уже давно стушевались и бездѣйствовали: иные изъ нихъ сидѣли съ отяжелѣвшими глазами, другіе даже заснули.— Пирушка видимо приходила къ концу: дальше пить, кажется, никто уже не могъ, свѣча догорала, чувствовалось, что было за полночь, кто-то поднялся, чтобы идти, подалъ примѣръ другимъ, и Башкиры шумной толпой встали, разбудили заспувшихъ и начали выходить. Пирушка кончилась, хозяинъ прибиралъ боченки, перемѣстилъ догоравшую свѣчку и прощался со всѣми: лицо его не сіяло какъ раньше, усталость лежала на немъ. Уже брезжилъ разсвѣтъ, кругомъ на всемъ лежала точно какая-то бѣлизна, вѣяла живительная утренняя прохлада, когда мы расходились по кошамъ...

Поздно, не ранѣе 8—9 часовъ, проспулись мы послѣ пирушки утромъ 14-го Іюля; хозяева подавали намъ умыться на открытомъ воздухѣ; солнце сіяло, было тепло; хорошо чувствовалось послѣ крѣпкаго сна; подали самоваръ; тогда вспомнили, что наши запасы хлѣба истощились: что́ дѣлать? пустой чай пить было непривычно; хозяева нашлись по своему: они подали чашку варенаго мяса, приготовленнаго съ утра, и мы пили чай съ мясомъ, т. е. сначала ѣли мясо, а потомъ запивали чаемъ; въ первый разъ приходилось чайничать съ такими добавленіями, надобно было довольствоваться и ими.

Въ теченіе дня Башкиры выглядывали послѣ вчерашней пирушки какими-то вялыми, сонными: они сидѣли по кошамъ, имѣли хмурыя лица и мало разговаривали, пирушка въ такихъ размѣрахъ и для нихъ не была дѣломъ обычнымъ.

Кокетство башкирки.

Послѣ обѣда Башкиры вышли изъ коша, гдѣ мы остановились, выходилъ и я, но черезъ нѣсколько времени возвратился за чѣмъ-то обратно; Башкирки убирали посуду послѣ обѣда, при чемъ занавѣски ихъ отдѣленія были отдернуты. Когда я искалъ какую-то вещь, одна башкирка, кажется, старшая жена хозяина, уже не первой молодости, но и не пожилая, некрасивая, но ничего отталкивающаго и безобразнаго не имѣвшая, съ бойкими, смѣющимися глазами, стала, нѣсколько спрятавшись за занавѣску, махать мнѣ рукой и гримасничать, при чемъ лицо ея не имѣло обычнаго покрывала. Эти жесты невольно остановили мое вниманіе: смотрю, башкирка, еще болѣе дѣлая смѣющіяся гримасы, показываетъ рукою на меня и мое лицо и говоритъ: «якшы» (хорошъ). Надо сказать, что у Башкиръ и многихъ другихъ инородцевъ съ представленіемъ о русскомъ связано представленіе о чемъ-то лучшемъ, болѣе красивомъ, и не разъ приходилось слышать отъ Башкиръ такія фразы: «она красива какъ русская», которыя они говорили въ похвалу своимъ красавицамъ.

Сказала и мнѣ похвалу башкирка, а потомъ сконфузилась и спряталась за занавѣску, точно испугавшись, что ее увидитъ кто-нибудь изъ Башкиръ; черезъ минуту она вновь выглянула и лукаво мигала и улыбалась мнѣ: видно было, что она рада пококетничать, воспользовавшись обстоятельствами и давъ свободу своей всегда сдавливаемой мусульманскими предразсудками природѣ. Дѣйствительно, женщины у мусульманъ, постоянно удаленныя отъ общенія съ людьми и жизнью, всюду сильно расположены къ кокетству и т. п. передъ иностранцами и чужими людьми тайно отъ мужей и наблюдающихъ за ними.

Кокетничала и башкирка: глаза ея смѣялись, руки жестикулировали и показывали на хозяйственныя принадлежности, — эта башкирка угощала меня тѣмъ, что́ у нея было въ запасѣ: кипяченными сливками, башкирскимъ сыромъ (крутъ) и т. п. Пообѣдавъ недавно, я отказывался, а башкирка все угощала, и глаза ея продолжали смѣяться, а на лицѣ бѣгали забавныя гримасы; думалъ я себѣ, что́ дальше будетъ; но въ это время послышались снаружи приближавшіеся мужскіе шаги, и башкирка быстро задернула занавѣску и скрылась; все вошло въ обычный порядокъ, какъ будто ничего не было. Такъ кончилось кокетство башкирки.

НИЩІЕ.

Жилъ въ кочевкѣ молодой слѣпой башкиръ и побирался подаяніями около состоятельныхъ. Жаль было на него смотрѣть, мы интересовались имъ, и онъ самъ запѣлъ пѣсню, которую я записалъ незадолго до отъѣзда (см. № 177); выраженіе лица его было, какъ вообще у слѣпыхъ, сосредоточенное, какъ бы застывшее. На другой день онъ хотѣлъ идти въ другую сосѣднюю кочевку, гдѣ его также накормятъ. Таково положеніе нищихъ среди Башкиръ: хлѣбомъ они не собираютъ, потому что нѣтъ хлѣба у Башкиръ. Хотя положеніе нищихъ среди этого народа менѣе обостренное, чѣмъ у культурныхъ народовъ, но число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, видимо народъ бѣднѣетъ.

Намъ говорили, что большія собранія Башкиръ-кочевниковъ встрѣтятся по другую сторону хребта Ирендыкъ у озера Кылтыбанъ, и дальнѣйшій нашъ путь поэтому получилъ направленіе къ пріиску Горяевыхъ, лежащему у этого хребта.

Юлуевъ уѣхалъ обратно послѣ обѣда въ Иткулову къ отцу; мы также черезъ нѣсколько времени выѣхали по направленію къ уже знакомому намъ пріиску Горяевыхъ, до котораго было не болѣе 15 верстъ, наградивъ предварительно почти всѣхъ хозяевъ за вчерашнее пиршество; Башкиры очень были рады и весьма благодарили.

Это было подъ вечеръ; солнце начало склоняться къ горизонту; когда нашъ экипажъ поровнялся съ сосѣдней кочевкой, на дорогу подбѣжалъ дудочникъ Бахтіаръ и вызывался вслѣдъ за нами прибыть на пріискъ Горяевыхъ, чтобы играть для меня пѣсни; но вскорѣ раздумалъ: далеко ли ему показалось ѣхать, или не имѣлъ онъ лошади, не знаю; ѣхали мы по холмистой мѣстности, дорога перебѣгала съ холма на холмъ; кругомъ не было ни деревца, солнце уже склонилось къ закату, и наступали сумерки; безлюдье царило кругомъ такое-же, какъ и въ предшествовавшіе дни нашего путешествія.

Сначала какъ-то само собою пѣлось, вспоминались слышанныя пѣсни, пѣлъ и Кирамка, но онъ усвоилъ твердо одну только пѣсню, слышанную нами на горѣ Масимъ: «Масим лягна ташы» (см. стр. 177), которую и пѣлъ неизмѣнно въ разныхъ случаяхъ: во время пути или гдѣ-нибудь въ

кочевкахъ. Но потомъ, вѣроятно, наступившіе сумерки заставили насъ погрузиться въ молчаніе.

На пріискѣ Горяевыхъ вторично.

На пріискъ пріѣхали мы, когда едва вырисовывались силуэты пріисковыхъ зданій, высокой трубы и характерныхъ насыпей отъ промытаго песку; тихо было на пріискѣ, и все спало кругомъ; хозяевъ будить не хотѣлось, и мы подъѣхали къ школѣ, въ которой и далъ намъ пріютъ учитель; не смотря на позднее время, для меня пригласили башкира-пѣсельника послѣ окончанія работъ на пріискѣ. Это былъ уже знакомый пѣсельникъ Абдрахимъ Даулятовъ, который пѣлъ пѣсни въ первый нашъ пріѣздъ на пріискъ (см. стр. 224).

Онъ представлялъ изъ себя самаго сѣраго башкира, малосмыслящаго, угнетеннаго нуждой и мучающагося на пріисковыхъ работахъ. И теперь онъ пришелъ ко мнѣ въ школьную комнату, въ открытое окно которой смотрѣлось темная, тихая іюльская ночь, — усталый, изнуренный, широко зѣвая и часто почесываясь. Мы были вдвоемъ, и никто не слушалъ, какъ онъ пѣлъ пѣсни (см. №№ 168 и 170) сквозь свою усталость, какъ его теноръ звучалъ сначала довольно сильно, а затѣмъ становился все болѣе вялымъ, и наконецъ, какъ башкиръ, зѣвнувъ особенно сильно, съ слипшимися почти глазами, сказалъ мнѣ: «пускай меня, завтра у́тра — пора бульно рано на работу гуляйтъ надо, спайтъ охота». Вижу: башкиръ дѣйствительно не глядитъ почти, клюетъ носомъ и покачивается, пѣть давно пересталъ, и я простился съ нимъ.

Башкиры-рабочіе уже далеко не то, что́ Башкиры-кочевники; давленіе нужды, невольной работы кладетъ на первыхъ тотъ отпечатокъ забитости, скованности, какого не имѣютъ послѣдніе; башкиръ-кочевникъ глядитъ и дышетъ какъ-то свободно, привольно, какъ привольны тотъ воздухъ и обстановка, хотя и бѣдныя, среди которыхъ они живутъ. Еще плачевнѣе положеніе Башкиръ-рабочихъ въ мѣстахъ химическаго добыванія золота, какъ это мы видѣли на фабрикѣ химической обработки золота графа Роттермонда въ пяти верстахъ отъ пріиска Горяевыхъ: сложное устройство со множествомъ печей въ нѣсколько этажей, горячій воздухъ, скопленіе массы вредныхъ газовъ отъ химическихъ процессовъ губительно дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ-Башкиръ, вообще не отличающихся крѣпкой организаціей, — и лица ихъ блѣдны, и ходятъ они сами какъ тѣни, даже одежда не выдерживаетъ разрушающаго дѣйствія газовъ и разваливается какъ ветошь; мы сами въ короткое пребываніе испытали на себѣ удушливость

атмосферы фабрики, среди которой господствовалъ запахъ хлора, весьма ядовитаго газа. Слѣдуетъ обращать особенное вниманіе горной администраціи на устройство и состояніе фабрикъ химическаго добыванія золота: къ нимъ должны быть предъявляемы самыя строгія и настоятельныя требованія гигіены.

Слѣдующій день, 15-го Іюля, оставались на пріискѣ на семейномъ праздникѣ хозяевъ. Радушіе, интеллигентность и деликатное вниманіе послѣднихъ къ гостямъ сказались въ этотъ разъ не менѣе, чѣмъ въ первый нашъ пріѣздъ. Пріискъ Горяевыхъ является для путешествующихъ въ этихъ мѣстахъ дѣйствительно отраднымъ оазисомъ въ разныхъ отношеніяхъ, и прежде всего въ нравственномъ, что́ мы увидѣли особенно послѣ того, когда побывали на пріискахъ татарина Рамеева, когда казалось, что попали въ блаженной памяти Золотую Орду.

16-го Іюля, довольно рано, простившись съ хозяевами еще наканунѣ, мы выѣхали, пересѣкая хребетъ Ирендыкъ, на западныхъ склонахъ котораго лежитъ пріискъ, — къ озеру Кылтыбанъ. Солнце ярко свѣтило, было чудное, свѣжее іюльское утро, когда наши лошади бойко взбирались на высоты Ирендыка, которыя вблизи оказывались больше холмами; послѣднія были совсѣмъ лишены растительности, уничтоженной ненасытными огнями сосѣднихъ пріисковъ: еще многіе на пріискѣ Горяевыхъ помнятъ, какъ менѣе, чѣмъ лѣтъ пять назадъ вблизи него красовалась березовая роща, а вотъ однажды Башкиры-собственники задумали превратить ее въ полѣнницы дровъ для продажи на пріискѣ, и въ одно прекрасное утро рощи не стало: она была послѣдняя представительница растительнаго царства въ этихъ мѣстахъ.

Около пріиска образовалось поселеніе изъ рабочаго населенія, преимущественно Башкиръ. Поровнявшись съ лавочкой, мы были восхищены вывѣской, написанной съ удивительной орѳографіей: «Торговля бакалѣимъ, гватирѣимъ, чаимъ, сахарымъ и прочіимъ таварымъ».

Хребетъ Ирендыкъ. Озеро Кылтыбанъ.

Дорога все поднималась въ гору, на встрѣчу намъ бѣжали холмы и холмы, то большіе, то маленькіе; наконецъ мы достигли точки, съ которой дорога стала склоняться, ѣзда наша сдѣлалась быстрѣе, и къ обѣденному времени мы спустились съ высотъ Ирендыка въ широкое степное пространство: мы пересѣкли поперекъ хребетъ Ирендыкъ и почти выѣхали изъ сферы Уральскихъ горъ, — дальше на востокъ виднѣлись развѣ небольшіе холмы, за которыми текла рѣка Уралъ. Вскорѣ блеснуло широкое водное пространство — озеро Кылтыбанъ почти круглыхъ очертаній.

Вопреки ожиданій, вокругъ озера не оказалось изобилія кочевокъ, встрѣтились лишь только двѣ-три кочевки на довольно высокомъ берегу озера, съ котораго открывался широкій видъ. Насъ пригласили въ кошъ и угощали, а Кирамка началъ повѣствованіе о путешествіи въ той-же стереотипной формѣ, только къ прежнимъ перечисленіямъ мѣстъ, гдѣ мы были, «ялля Масимъ, ялля Канапикольскій, ялля Юлукъ»... онъ добавилъ новыя названія: «ялля Иткуловъ, ялля Горяевъ, ялля Кылтыбанъ»; разсказывалъ онъ съ прежнимъ простоватымъ добродушіемъ, а Башкиры, по обыкновенію, издавали возгласы и аханья и поглядывали на насъ, а затѣмъ повидимому обсуждали вопросъ о размѣрахъ вознагражденія, за которое Кирамка возилъ насъ. Послѣ угощенія рыбой (окунями) изъ озера, которой, кстати сказать, Башкиры и вообще инородцы почти не пользуются, насъ повезли изъ кочевки, въ которой пѣвцовъ не оказалось, вглубь степи къ одному пѣсельнику, бывшему на покосѣ. Былъ жаркій день, зной усиливался благодаря открытому степенному пространству и довольно сильному вѣтру.

Мы рады были, что пріѣхали къ одному кошу и могли укрыться въ немъ отъ зноя; здѣсь было мѣсто кочевки деревни Старой Сибаевой, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ.

Зной, и степное однообразіе, и этотъ одинокій кошъ, и его сдержанный хозяинъ, и бѣдность жившая здѣсь, не могли настроить насъ на пріятный ладъ; въ добавокъ къ этому мы ошиблись въ расчетахъ и около озера Кылтыбанъ не нашли башкирскихъ кочевокъ, если не считать одной-двухъ, встрѣченныхъ нами.

Пѣвецъ-хозяинъ, высокій, сухой и расчетливый башкиръ, — довольно рѣдкій типъ среди этого народа, — сообщилъ мнѣ нѣсколько пѣсенъ и одну мелодію (см. № 175), а затѣмъ объявилъ, что у него дѣло есть, что нѣтъ ему некогда, и далъ понять, что не задерживаетъ насъ у себя; въ добавокъ онъ выразилъ неудовольствіе по поводу суммы, какую я далъ ему за пѣніе, и получилъ въ концѣ концовъ сумму, болѣе значительную, чѣмъ завзятые пѣвцы и игроки, встрѣчавшіеся мнѣ раньше.

Ни малѣйшаго сожалѣнія не испытывали мы, покидая эти однообразныя степныя мѣста, эту негостепріимную кочевку и ея непривѣтливаго хозяина.

Въ одномъ мѣстѣ, среди высокой степной травы, мы встрѣтили ручей съ прозрачной, холодной водой, протекавшій узкой, глубокой лентой, и рады были встрѣтить его въ этотъ знойный день.

Тишина, пустынность и непріютность по прежнему царили кругомъ, когда мы выбирались изъ степныхъ пространствъ обратно въ область горъ по направленію къ деревнѣ Старая Сибаева.

День склонялся къ вечеру, было почти пасмурно, мы поднялись опять

на высоты Ирендыка, проѣхали бѣдную, почти пустую деревню Старую Сибаеву, съ которой народная пѣсня связываетъ имя сотника Абдрахмана Биктимирова, любителя народной поэзіи, пѣсельниковъ и музыкантовъ; онъ въ добавокъ сочинилъ даже собственную пѣсню, имѣя въ виду сохранить свое имя въ потомствѣ (см. стр. 169). Не смотря на то, что въ Сибаевой жилъ такой поэтическій человѣкъ, въ самой деревнѣ не было ничего поэтическаго, она только немного оживила однообразный тонъ пустынныхъ, молчаливыхъ, безлѣсныхъ и скучныхъ въ этотъ хмурый вечеръ горъ.

Дорога извивалась среди горъ. Мы имѣли въ виду побывать еще на двухъ пріискахъ этой мѣстности, пріискахъ татарина Рамеева, о которыхъ наслышались раньше и гдѣ ожидали встрѣтить побольше Башкиръ. Дѣйствительно, вечеромъ, почти ночью этого дня (16-го Іюля) мы пріѣхали на такъ наз. Гадильшинскій пріискъ Рамеева, уединенно ютившійся среди горъ и скрывавшій въ себѣ совершенно особенный міръ, — міръ замкнутой, полувраждебной татарщины.

Татарскій пріискъ.

Пріискъ открылся передъ глазами лишь тогда, когда мы пріѣхали къ нему вплотную: его немалочисленныя постройки терялись среди горъ, и онъ не имѣлъ вида со стороны, откуда мы пріѣхали. Постройки были новыя, исправныя, видно, что пріискъ устроенъ недавно.

Прежде всего мы познакомились съ русскимъ, занимавшимъ какую-то небольшую должность на пріискѣ; это былъ скромный, услужливый, почти смиренный человѣкъ среднихъ лѣтъ; бросалась въ глаза такая смиренность у русскаго, въ то время, какъ Русскіе здѣсь всюду чувствуютъ себя господами и выглядятъ такъ свободно, открыто, смѣло; этотъ русскій былъ въ услуженіи на татарскомъ пріискѣ и отсюда, какъ объяснилось послѣ, и вытекало его смиреніе.

Разобравшись съ вещами, я познакомился съ управляющимъ-татариномъ; меня приняли въ главномъ, довольно большомъ домѣ, внутреннее расположеніе котораго было въ странномъ, далекомъ до удобствъ, чисто-татарскомъ вкусѣ. Первое, что̀ почувствовалось въ пріемѣ, это — холодность, почти не имѣвшая даже внѣшней привѣтливости; управляющій встрѣтилъ меня холодными, безучастными, почти недружелюбными глазами, которые говорили: «ты по себѣ и мы по себѣ, мы здѣсь хозяева съ толстымъ карманомъ, намъ тебя и знать очень не надо»; если къ этой холодности прибавить чуждую, неуютную для русскаго обстановку татарскаго міра, то станетъ понятнымъ, какъ тягостенъ и какъ обиденъ для русскаго

былъ безстрастный, полупренебрежительный вопросъ встрогавшагося съ мѣста татарина-управляющаго: «Кто вы? зачѣмъ пріѣхали сюда»? Негодованіе готово было вырваться горячими потоками, но самое лучшее было — сдержать его.

Татары, пріобрѣтая благодаря капиталу независимость, свили себѣ гнѣздо и тотчасъ же показали, насколько они чужды, преднамѣренно чужды русскому міру и какъ эта отчужденность постоянно живетъ у нихъ въ душѣ.

Я объяснилъ, на сколько можно популярнѣе, цѣль своего пріѣзда, показалъ бумагу отъ Географическаго Общества, но мои объясненія и этотъ документъ особаго дѣйствія на самодовольнаго татарина не произвели, онъ по прежнему смотрѣлъ безучастными и мало-что понявшими изъ того, что́ я говорилъ, глазами, — онъ предложилъ только сѣсть и чашку чаю.

Затягивать визитъ татарину не хотѣлось; уходя, я заявилъ, что остаюсь на пріискѣ переночевать; намъ предоставили помѣщеніе въ конторѣ пріиска, новомъ, свободномъ зданіи.

Служащіе и работники были все Татары, услуживали намъ также Татары, и если бы не портретъ Государя въ конторѣ, все могло бы заставить насъ вообразить себя попавшимъ въ независимый и далеко не дружелюбный татарскій міръ, подъ его безучастную и немилосердную власть. Не особенно пріятно чувствовалось; впечатлѣніе нѣсколько смягчилось знакомъ вниманія со стороны управляющаго, который прислалъ намъ хорошаго кумыса.

Сумму непріятныхъ впечатлѣній увеличило поведеніе нашего кучера Кирамки, который, сбитый съ толку, вѣроятно, разговорами съ Башкирами и считавшій цѣну, какую взялъ съ насъ, низкою, по пріѣздѣ на пріискъ заупрямился, объявилъ, что дальше не повезетъ, и требовалъ уплаты денегъ. Онъ тѣмъ болѣе могъ расчитывать на успѣхъ, что пріискъ въ это время бездѣйствовалъ за неимѣніемъ золотоносной руды, и народу на немъ не оказалось, такъ что некому было бы вести насъ далѣе. Кирамка довольно развязно сѣлъ въ освободившійся экипажъ и уѣхалъ въ домики около пріиска, увѣренный, что мы въ его рукахъ. Но мнѣ оказалось полезнымъ въ данномъ случаѣ письменное условіе, которымъ я заручился въ волостномъ правленіи въ Темясовой, когда выѣзжали съ Кирамкой въ путь. Хотя это условіе юридической силы не имѣло, но показывая его на другой день утромъ Кирамкѣ послѣ напрасныхъ поисковъ вощиковъ и указывая на обязательства, какія онъ взялъ на себя по этому условію, я подѣйствовалъ на его упорство, и онъ считая себя въ нашихъ рукахъ, повезъ насъ далѣе. Управляющій пріискомъ особеннаго желанія посодѣйствовать намъ въ виду упрямства Кирамки не обнаружилъ.

Была темная, тихая и какая-то сосредоточенная ночь, когда мы оста-

вались на пріискѣ: нельзя было различить ни строеній, ни зданій; откуда-то издалека беззвучно блистала молнія и, озаривъ окрестности, погружала пріискъ въ еще болѣе непроницаемую тьму; въ оградѣ пріиска сердито лаяла собака, такъ что свободно ходить по пріиску было неудобно; люди всѣ укрылись въ своихъ жилищахъ; лишь кузница, въ которой производились работы, какъ бы дышала фантастическимъ огненнымъ дыханіемъ и одна точно не боялась сумрачной, готовой разразиться грозою, ночи. Но живителенъ былъ воздухъ этой ночи.

На другой день, яснымъ утромъ, уломавъ Кирамку, мы поспѣшили далѣе все въ сѣверномъ направленіи: ничто не побуждало насъ продлить пребываніе на этомъ татарскомъ пріискѣ, въ которомъ чувствовалось точно въ блаженномъ памяти Золотой Ордѣ, и Татары если не надмевались, то были бы не прочь надмеваться, если бы это имъ можно было. Легко воображались здѣсь униженіе, и муки, и позоръ, какіе переносили приснопамятные строители русской земли въ Золотой Ордѣ отъ «злыхъ татаровей», потомки которыхъ выглядывали «злыми», безучастными, и немилостивыми даже въ наше время, на этомъ Гадильшинскомъ пріискѣ.

Впрочемъ хозяинъ пріиска, Татаринъ Рамеевъ, извѣстенъ какъ паукъ орскаго уѣзда: засѣвая, напр., по 1000 дес. хлѣба ежегодно, онъ сдѣлалъ съ нимъ особенно выгодную аферу въ голодные 1891—92 г.г., когда онъ нарочно не продавалъ хлѣба несчастнымъ, умиравшимъ Башкирамъ до тѣхъ поръ, пока цѣна не поднялась до цыфры 2 р. 40 к. — 2 р. 60 к. пудъ, какъ это разсказывали и Башкиры, и Русскіе.

Мы спѣшили дальше, поскорѣе прочь отъ этого пріиска, на другой пріискъ, впрочемъ, того-же Рамеева, такъ наз. Султановскій, но здѣсь впечатлѣнія татарщины были смягчены радушнымъ пріемомъ русскаго управляющаго г-на Ларіонова.

Султановскій пріискъ.

По пріѣздѣ (17-го Іюля) познакомились съ пріискомъ: онъ былъ бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ Гадильшинскій, работалъ и очень не дурно; около былъ устроенъ большой прудъ. На пріискѣ жилъ одинъ изъ братьевъ Рамеевыхъ, но никому не показывался, будучи занятъ по цѣлымъ днямъ созерцаніемъ собственныхъ галлюцинацій: онъ былъ психически разстроенъ.

Г-нъ Ларіоновъ не только оказалъ намъ гостепріимство, но заявилъ себя большимъ хлѣбосоломъ. Своею общительностью и ласковостью онъ весьма скрашивалъ наше выжидательное положеніе относительно башкирскихъ нѣсельниковъ, которыхъ мы расчитывали наконецъ встрѣтить здѣсь,

между прочимъ Абрахмана Узенбаева, котораго еще въ дер. Темясовой рекомандовали моему особенному вниманію.

Но интересныхъ для меня Башкиръ не было на пріискѣ, всѣ разъѣхались на покосъ; г-нъ Ларіоновъ распорядился, чтобы отыскали и привезли на пріискъ Узенбаева. Мы ждемъ, а пѣсельниковъ все нѣтъ, пріѣзжаетъ посланный и сообщаетъ, что одни не ѣдутъ, другіе оказались не тамъ, также Абдрахманъ уѣхалъ куда-то въ другое мѣсто, но что онъ, посланный, наказалъ непремѣнно прислать на пріискъ Абдрахмана. Ждемъ, время идетъ, разговаривали много, даже перестали разговаривать, пообѣдали, познакомились со всѣмъ семействомъ г-на Ларіонова, а пѣвцовъ все нѣтъ. Отъ скуки стали разсматривать товары у кочующихъ торговцевъ, такъ наз. венгерцовъ, потомъ разузнавали, не поетъ ли кто-нибудь изъ пріисковыхъ людей: никого не оказалось, кто пѣлъ бы путно.

День сталъ уже склоняться къ вечеру, а Башкиръ все нѣтъ какъ нѣтъ. Терпѣніе истощилось; съ досадой думалось, неужели придется уѣхать и съ этого пріиска ни съ чѣмъ, тогда какъ въ Темясовой мнѣ говорили, что на немъ можно встрѣтить много Башкиръ-музыкантовъ. Но день оканчивался, пѣвцовъ все не было, поневолѣ приходилось убѣждаться въ такой перспективѣ, и оставалось сдѣлать одно распоряженіе — запрягать лошадей.

Радушные хозяева всей семьей провожали насъ съ пожеланіемъ благополучнаго пути; экипажъ нашъ тронулся и выѣзжалъ изъ воротъ пріиска, какъ въ послѣднихъ столкнулся съ нами тотъ, кого мы такъ долго и уже безъ надежды ожидали, — самъ Абдрахманъ Узенбаевъ, верхомъ на лошади.

АБДРАХМАНЪ УЗЕНБАЕВЪ.

(№№ 174, 178—183).

Мы немедленно возвратились назадъ, и въ конторѣ пріиска, при свѣтѣ стеариновыхъ свѣчей, состоялся вечеръ съ Узенбаевымъ въ присутствіи многочисленныхъ слушателей изъ обитателей пріиска. Имъ въ первый разъ приходилось быть на такомъ вечерѣ, слушать такой концертъ.

Абдрахманъ Узенбаевъ былъ молодой, высокій, довольно стройный башкиръ изъ дер. Токтагуловой, 2-й бурзянской волости; онъ имѣлъ черные волосы, каріе, острые глаза и румяное лицо; не даромъ пользовался онъ славою замѣчательнаго пѣвца: при первыхъ же звукахъ можно было убѣдиться въ незаурядности его голоса,—у него былъ высокій, чистый, звучный и сильный теноръ; съ большимъ удовольствіемъ слушалось пѣніе этого прирожденнаго артиста. Самыя мелодіи оказывались у него разнообразны и мелодичны. Публика слушала, одобряла и все прибывала, вскорѣ напол-

нилась вся комната конторы, и вечеръ нашъ прошелъ оживленно и почти незамѣтно: нѣкоторые изъ присутствовавшихъ добровольно помогали мнѣ объясненіями, повтореніями или диктованіемъ словъ пѣсенъ. Было уже 11 ч. вечера. Радушный хозяинъ пригласилъ поужинать; нашъ вечеръ кончился, Абдрахманъ Узенбаевъ, получивъ вознагражденіе, въ ночь поѣхалъ домой; также въ ночь рѣшили и мы ѣхать.

Около 12 ч. подали лошадей. Насъ провожали люди и управляющій, пробовали уговорить остаться до утра, но не хотѣлось измѣнять намѣченнаго плана. Ночь была «темна-темнешенька»; спротливо и какъ-то безпомощно колебалась одинокая свѣча въ рукахъ г-на Ларіонова среди подавляющей темноты ночи.

— «Благополучнаго пути», — дружно раздавалось вслѣдъ намъ, пока мы выбирались изъ ограды пріиска, и долго еще мерцала маленькой звѣздочкой, почти пропадая въ темнотѣ, свѣча въ рукахъ управляющаго, стоявшаго на крыльцѣ и усердно наставлявшаго насъ относительно дороги, пока мы не выѣхали еще за пріискъ. Звучно раздавался его голосъ въ ночномъ воздухѣ.

Въ результатѣ приходилось быть довольнымъ протекшимъ днемъ. Узенбаевъ былъ послѣдній пѣвецъ въ Башкиріи, отъ котораго я записывалъ пѣсни.

На обратномъ пути въ г. Верхнеуральскъ.

Мы направились въ дер. Абзелилову, — пунктъ, уже не новый для насъ, въ ней мы были въ началѣ путешествія: теперь, возвращаясь въ гор. Верхнеуральскъ, мы должны были отъ Абзелиловой ѣхать по тракту, такъ наз. Старо-Исетскому, уже разъ нами пройденному.

Какъ темна ночь! даже дороги не было видно, даже лошади шли неувѣренно, а между тѣмъ впереди, на третьей верстѣ, насъ ожидалъ сомнительный, поломавшійся мостъ, какъ предупреждали о томъ на пріискѣ; Кирамка уже соскочилъ съ козелъ и старательно, низко нагибаясь, искалъ дорожной колеи; съ трудомъ различивъ ее, онъ крякнулъ, охалъ и прибавлялъ: «ай, ай, пусъ (ночь) темна».

Цѣлую, долгую, темную ночь, до самаго восхода солнца, и даже дальше совершали мы этотъ переѣздъ въ 45 верстъ до дер. Абзелиловой.

Въ началѣ Кирамка пѣлъ пѣсни, мы ему подпѣвали, разговаривали, проѣхали мостъ на третьей верстѣ; вдругъ заднее колесо засѣло на всемъ ходу въ рытвину, и лошади остановились; послышались оханья Кирамки мы вылѣзли изъ экипажа и помогали нашему вознице освободить колесо изъ рытвины. Лошади стояли и изрѣдка позвякивали колокольчиками.

Поѣхали дальше. Нѣсколько разъ засыпали и пробуждались подъ вліяніемъ прохлады предутренника или отъ какого-нибудь внушительнаго толчка.

Передъ глазами развертывался весь кругъ почного движенія небеснаго свода: чѣмъ ближе къ разсвѣту, тѣмъ все новыя и новыя картины, небесныя свѣтила въ тихой, величественной гармоніи перемѣщались между собой. Какая чудная, неувядающая красота! глаза не могутъ устать, наслаждаясь ею; и какъ рѣдко видимъ мы эту красоту во всемъ ея теченіи.

Ночь приближалась къ разсвѣту; по сторонамъ тянулись гряды горъ и холмовъ, и силуеты ихъ причудливо, полутаинственно вырисовывались на фонѣ разгоравшейся зари и привлекали взоры своеобразной ночной красотой своей.

Ни рева звѣрей, ни крика птицъ не было слышно, кругомъ царила полная тишина, лишь нашъ колокольчикъ однозвучно и неумолкая раздавался среди горныхъ ночныхъ картинъ.

Сквозь полусонъ помнится, какъ проѣзжали какую-то деревню и какъ Кирамка долго стучался въ одну избу и озабоченно разспрашивалъ о дорогѣ. Выходившіе въ однихъ рубахахъ Башкиры чесались, зѣвали и махали руками, показывая дорогу. Потомъ опять длинная дорога и неожиданный сюрпризъ: лошади остановились среди поля и дальше ни шагу, — слабосильныя башкирскія лошади переутомились и обезсилѣли; оханьямъ, стонамъ, отчаянію Кирамки не было конца: «ай, Алла, што станешь дѣлать, Сѣргей Гаврились? лошадь не пойдетъ, ай, хай, вотъ бида; ай, Алла, Алла, что́ станешь дѣлать»? И онъ суетливо топтался около лошадей. Кирамка разпрягъ лошадей и пустилъ ихъ на траву; коренная недвижно и понуря стояла, не касаясь травы, и рѣдко и глубоко вздыхала; пристяжка, отдохнувъ немного, принялась ѣсть; Кирамка ходилъ около нихъ, ощупывалъ коренника, касался его ноздрей, засматривалъ въ зубы, трогалъ за ушами и плаксиво, надоѣдливо вздыхалъ и стоналъ: «ай, хай, Алла, вотъ бида, што станешь дѣлать, Сергѣй Гаврились? пигашка не ашайтъ (не ѣстъ)». Конечно, дѣлать было нечего, оставалось выжидать и лечь на подстилкахъ на травѣ; клонило ко сну, но докучливые возгласы Кирамки не давали покойно лежать. Оставалось, наконецъ, на него прикрикнуть; онъ нѣсколько притихъ, но среди начинавшейся дремоты опять слышался унылый, тревожный, хотя и сдавленный вздохъ: очевидно, Кирамка жалѣлъ лошадь, но предавался малодушному излишнему отчаянію.

Прошло больше часу; тревожная мысль, какъ доѣдемъ до Абзелиловой, не давала уснуть; Кирамка запрягъ пристяжку въ корень, а пѣгашку утомившуюся въ пристяжку, и лошади трусцой поплелись далѣе.

Опять дремалось; помнится сквозь дремоту, спрыснулъ насъ легкій

утренній дождь: въ небѣ среди горъ посилась довольно большая, но одинокая туча и сѣяла дождемъ; она была эффектно окрашена въ темно розовый цвѣтъ лучами уже взошедшаго, но скрывавшагося за грядою горъ солнца: мы были въ темнотѣ, а тамъ, наверху, лучи солнца играли и точно забавлялись чудными эффектами въ царствѣ тучъ, паровъ и дождя.

Вотъ уже утро, вотъ и солнце во всемъ своемъ царственномъ блескѣ, а деревня еще не показывалась; дорога казалась безконечной въ долинѣ вдоль горъ, къ тому же мы жестоко устали, лошади еле тащились.

Но наконецъ, около 7—8 часовъ, мы въ Абзелиловой, въ той же школѣ, какъ и въ первый нашъ пріѣздъ. Отдохнули, подкрѣпились, затѣмъ рѣшили вопросъ о лошадяхъ; лошади Кирамки, очевидно, не могли довести до города; были поданы почтовыя лошади.

Съ Кирамкой простились хорошо, — онъ смиренно, съ почти виноватымъ видомъ просилъ извинить его, что не довезъ до города, просилъ простить его за все, что́ случалось въ дорогѣ, глаза его смотрѣли такъ покорно, такъ жалобно, можетъ быть, въ нихъ сказывалась печаль о лошади, которая хотя нѣсколько отдохнула, но не ѣла нормально; мы позаботились добыть для нея овса.

Кирамка и другіе вышли провожать; взаимно просили не забывать другъ друга. Вотъ почтовыя лошади помчали насъ; послѣ ѣзды на обезсилѣвшихъ лошаденкахъ Кирамки быстрая ѣзда на сильныхъ, сытыхъ почтовыхъ лошадяхъ была очень пріятна, мы точно побѣдоносно неслись послѣ выдержаннаго сраженія, въ самомъ встрѣчномъ воздухѣ, обвѣвавшемъ насъ, казалось, было бо́льше энергіи, самыя картины горной Башкиріи точно освѣжились.

Было слегка пасмурно, но игра свѣта и тѣней въ лежавшемъ налѣво хребтѣ Кыркты не прекращалась.

Менѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ часа проѣхали мы разстояніе въ 30 верстъ до деревни Ташбулатовой, посѣтили шведовъ, поселившихся здѣсь съ земледѣльческими цѣлями, и въ тотъ же день (18-го іюля) къ вечеру пустились дальше: это былъ послѣдній переѣздъ до города Верхнеуральска (въ 45 верстъ).

Конецъ путешествія.

Конецъ путешествія по Башкиріи: какая радость! Вскорѣ мы будемъ тамъ, вскорѣ мы увидимъ то, съ чѣмъ, какъ русскіе, свыклись съ колыбели и съ чѣмъ разстались на время путешествія; башкирскія условія жизни уже порядочно прискучили, хотѣлось возвратиться къ своему, хотѣлось

видѣть своихъ; послѣ не малаго перерыва, съ освѣженными чувствами, какъ радостно ожидалось возвращеніе къ роднымъ порядкамъ! Къ тому же мы ѣхали не съ пустыми руками, такъ или иначе возвращались съ результатами: погрузившись въ невѣдомую, глухую, коренную Башкирію, мы извлекли изъ нея своеобразные перлы ея духовнаго творчества и теперь везли ихъ...

Ночь настигала насъ; она обѣщала быть не менѣе темною, чѣмъ предыдущая; накрапывалъ дождь и слегка смочилъ насъ: мы ѣхали въ открытомъ экипажѣ. Пока еще не совсѣмъ смерклось, можно было различать по правую сторону русло рѣки Урала, по лѣвую — все тѣже Кыркты; въ одномъ мѣстѣ проѣзжали мимо башкирской деревни; на фонѣ догоравшей зари, смотрѣвшей въ прогалину между горъ, отчетливо, рельефно вырисовывался слѣва отъ насъ силуетъ мечети съ минаретомъ и луной; почему-то особенно повѣяло отъ этого силуета букетомъ Азіи, чуждаго, нехристіанскаго, мусульманскаго міра, не лишеннаго прелести, какъ она выражается хотя бы въ этой мечети съ высокимъ минаретомъ и гордой луной въ небесахъ: этотъ міръ прикоснулся къ намъ какъ бы всей своей цѣлостью, ароматомъ перваго впечатлѣнія, всей своей загадочной очаровательностью и величавостью, въ которой не видны внутренніе недостатки, пятна и противорѣчія.

Мусульманская Азія смотрѣла на насъ лицомъ къ лицу; чувствовалось, что это самостоятельный и сильный міръ; велики его завоеванія и въ Башкиріи, не смотря на господство русской власти: намъ не встрѣчалось ни одной деревни башкирской, въ которой не было бы мечети, а слѣдовательно и школы; вся Башкирія усѣяна мечетями; это явленіе началось со второй половины XVIII ст. когда наше правительство не мало содѣйствовало усиленію магометанства, заводя школы, устроя я на государственный счетъ мечети и пр. Еще въ 1806 г. Преосвященный Августинъ, обозрѣвавшій Оренбургскую епархію, доносилъ оберъ-прокурору св. синода А. Н. Голицыну, что во всѣхъ уѣздахъ Оренбургской епархіи великое множество татарскихъ селеній съ мечетями и училищами (Е. Маловъ. О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи. Правосл. Собесѣдникъ 1868, кн. 1).

Въ русскихъ же селеніяхъ рѣдко встрѣчаются церкви.

Эта рисовавшаяся на фонѣ зари мечеть напомнила, что мы, Русскіе, въ мусульманствѣ здѣсь, какъ и всюду, имѣемъ сильнѣйшаго врага для нашихъ культурныхъ задачъ.

Много труда, много борьбы предстоитъ намъ хотя бы въ этой Башкиріи... Дикій край, непочатый край: его несмѣтныя природныя богатства ждутъ разумной и широкой разработки, защиты отъ хищниковъ, его первобытное населеніе, скованное исламомъ, ждетъ просвѣщенія, но какъ мало

здѣсь школъ! (впрочемъ невольно вырывается при этомъ другое восклицаніе: какъ мало всюду на Руси школъ!) Нужны дѣятели, сѣятели и пахари для этой первобытной страны, но какъ мало ихъ у насъ...

Вотъ мы ѣдемъ среди безконечно темной ночи и не знаемъ, по дорогѣ ли ѣдемъ или блуждаемъ по степи, такъ неопредѣленны наши дороги, такъ не опредѣлилась еще наша работа и наша борьба за культурные интересы въ этомъ краѣ.

Хотя мѣстность была открыта, но можно было рисковать попасть въ рытвины, скатиться съ косогора, заѣхать въ болото; чуть не сталкивались мы лошадьми и экипажами съ рѣдкими встрѣчными проѣзжими.

Но близокъ конецъ нашего путешествія, послѣдняя цѣль нашего странствованія — г. Верхнеуральскъ. Время приближалось къ полупочи; среди подавляющей темноты блеснули слѣва отъ насъ, — это въ 10 верстахъ отъ города, — какъ матовыя зеркала, два озера Большой и Малый Багадакъ; спустя немного, показались впереди огни, неопредѣленные, колеблющіеся, расплывавшіеся въ темнотѣ, какъ свѣченіе фосфора, огни города; мы улавливали ихъ взорами и не могли уловить и сказать, въ какой это части города горятъ они.

Вотъ наконецъ и городъ... Приходилось удивляться инстинкту лошадей, ни разу не сбившихся среди такой темной ночи.

Ѣдемъ широкими улицами, среди горящихъ изрѣдка фонарей, среди исправныхъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ: какъ мы успѣли отвыкнуть отъ подобныхъ зрѣлищъ, какъ пріятно очутиться опять въ мірѣ высшей культуры!.. Было уже около часа ночи на 19-е іюля, на улицахъ ни души, окна домовъ всюду закрыты ставнями.

Мы останавливаемся, осторожно стучимся, черезъ нѣсколько времени родной міръ раскрываетъ свои двери, и мы видимъ радостное, ликующее, дорогое лицо матери...

Въ августѣ совершили еще поѣздку къ Нагайбакамъ, крещенымъ татарамъ верхнеуральскаго уѣзда и въ одну кочевку Киргизъ; отчетъ объ этой поѣздкѣ сюда не входитъ, онъ составилъ предметъ особой статьи для журнала «Живая Старина».

23-го августа выѣхали изъ Верхнеуральска въ Петербургъ черезъ Башкирію старымъ Исетскимъ трактомъ (проложеннымъ отъ Оренбурга до Челябинска въ прошломъ столѣтіи генералъ-губернаторомъ Неплюевымъ) на ст. Міасъ Сам.-Златоустовской желѣзной дороги. По пути заѣзжали въ одну деревню (Байрамгулову), гдѣ бесѣдовали съ башкиромъ, бывшимъ кантоннымъ начальникомъ Игликовымъ, знавшимъ Филатова, памятнаго для Башкиръ попечителя, который путемъ нещадной порки хотѣлъ пріучить ихъ къ осѣдлой культурѣ.

Въ деревнѣ Уразовой почевали, и я записывалъ пѣсни отъ ямщика—башкира. Затѣмъ 24-го и 25-го августа — пріискъ Гана; 26-го августа въ 11 часовъ утра поѣздъ отошелъ отъ станціи Міасъ на Самару, куда прибылъ 27-го августа. Далѣе — Волга; 30-го августа — въ Нижнемъ-Новгородѣ, а 1-го сентября 1894 г. въ $8^1/_2$ часовъ утра мы были въ Петербургѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какъ счастливъ я, когда держу я это перо и имъ пишу эти строки, послѣднія строки труда нѣсколькихъ лѣтъ. Какъ бы то ни было, окончѣнъ трудъ... Было бы дерзостью съ моей стороны добавить дальнѣйшія знаменитыя слова: «завѣщанный отъ Бога», но... много впечатлѣній толпилось въ головѣ отъ путешествія и повелительно требовали они себѣ исхода, пока не вмѣстилъ я ихъ болѣе или менѣе въ эти строки. Не мнѣ судить, какъ удачно я это сдѣлалъ... Объ одномъ лишь хочется сказать, что̀ вынесъ я изъ опыта возникновенія и исполненіе этой работы: какъ трудно иногда бываетъ Русскимъ заниматься изученіемъ Россіи, какъ много препятствій, много, пожалуй, сочувствія, но мало поддержки. Въ нашемъ обществѣ весьма слабо интересуются вопросомъ объ инородцахъ, между тѣмъ инородческій вопросъ является однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей внутренней политики: чтобы вести его къ благополучному разрѣшенію, надобно прежде всего изучать и изучать старательно инородцевъ, какъ то̀ дѣлаютъ относительно своихъ колоній наши соперники на Востокѣ — Англичане и Французы. Хотя по словамъ поэта

«Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать,
Въ Россію можно только вѣрить (Ѳ. Тютчевъ),

но жизнь и счастье нашей родины требуютъ не только вѣрить въ Россію, но и знать ее: вѣру безотчетную, инстинктивную можно и должно превратить въ вѣру сознательную, и въ этомъ дѣятели нашей родины будутъ имѣть силу, равную которой трудно найти другую. Ради этого великаго пріобрѣтенія въ будущемъ да сдѣлаетъ наше общество болѣе легкой работу лицъ, посвящающихъ себя изученію Россіи. Нѣтъ надобности доказывать, что изученіе народовъ Россіи неизбѣжно поведетъ къ улучшеніямъ въ разныхъ областяхъ нашей обще-государственной жизни, до экономической области включительно, упроченію самосознанія, подъему и бодрому біенію

общественной жизни и къ исцѣленію отъ многихъ недуговъ и язвъ нашего культурнаго существованія.

..... Во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй —
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ея порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ! (Н. Некрасовъ).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

По мысли и указанію Влад. Вас. Стасова перепечатываю рѣдкое музыкальное изданіе — Сборникъ инородческихъ мелодій, записанныхъ въ Астрахани въ началѣ текущаго столѣтія, интересный помимо самихъ мелодій тѣмъ, что представляетъ, можетъ быть, первую въ Россіи запись инородческихъ мелодій и одну изъ первыхъ литографскихъ работъ, такъ какъ онъ изданъ литографскимъ способомъ. Эта литографская работа достойна вниманія особенно потому, что появилась въ первые же годы послѣ введенія литографіи у насъ, и въ такомъ глухомъ и далекомъ уголкѣ малокультурной Россіи, какъ Астрахань.

Искусство литографіи изобрѣтено въ Западной Европѣ въ 1796 году Алоизомъ Зенефельдеромъ [1]). Въ Россіи первые опыты примѣненія литографіи были сдѣланы, какъ полагаютъ, въ 1817 году для надобностей Генеральнаго штаба.

Въ 1816—1817 гг. былъ командированъ въ Мюнхенъ чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, баронъ П. Шиллингъ, спеціально для изученія литографскаго искусства съ тѣмъ, чтобы потомъ пользоваться имъ для копированія дѣловыхъ бумагъ. Въ 1818 году баронъ Шиллингъ открылъ литографское заведеніе. И вотъ въ то время, какъ производились эти первые опыты въ столицы, въ 1816 году существовало уже въ Астрахани литографическое заведеніе, въ которомъ выпущенъ въ свѣтъ упомянутый сборникъ подъ названіемъ «Азіатскій музыкальный журналъ». Это искусство занесено туда, вѣроятно, какимъ нибудь заѣзжимъ иностранцемъ,

1) См. Georg Scamoni: Alois Senefelder und sein Werk. С.-Петербургъ, 1896 г.

основавшимся тамъ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.Петербургѣ, въ отдѣленіи изящныхъ искусствъ, хранится одинъ экземпляръ этого изданія, въ такой степени рѣдкаго, что его извѣстно всего только два или три экземпляра. Изданіе это, прод. in -4°, состоитъ изъ 8-ми номеровъ, имѣющихъ одинаковый заглавный листъ; изъ цензорской надписи на нихъ видно, что журналъ издавался въ теченіе 1816—1818 годовъ.

Мелодіи переложены для исполненія на фортепіано; приложенные-же при нихъ авторомъ сопровожденія или аккомпаниментъ оставляютъ желать очень многаго по своей примитивности и наивности, и потому я не счелъ интереснымъ воспроизводить ихъ, какъ затемняющихъ характеръ мелодій.

Въ одномъ изъ номеровъ помѣщены сочиненія (танцы) самого издателя, Ив. Добровольскаго, которыя, какъ не имѣющія отношенія къ инородческой музыкѣ, опущены.

Въ перепечаткѣ сохранена орографія подлинника.

С. Рыбаковъ.

АЗІАТСКІЙ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИВАНОМЪ ДОБРОВОЛЬСКИМЪ.

АСТРАХАНЬ.

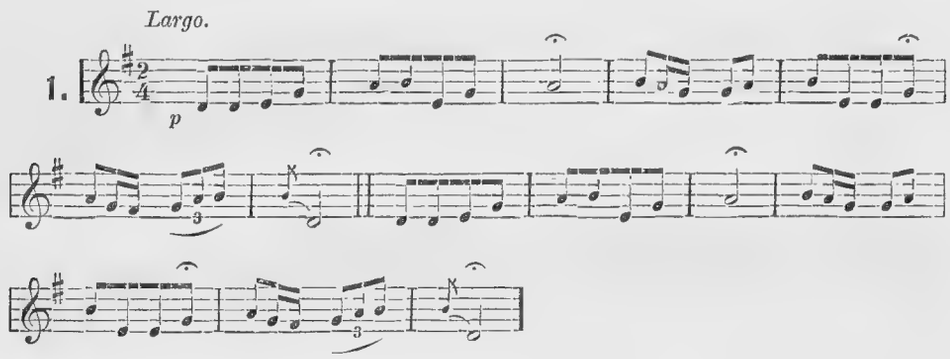
Печатать дозволяется съ представленіемъ въ Цензурный Комитетъ Казанскаго Университета восьми экземляровъ для казенныхъ мѣстъ. Астрахань. Октября 25-го дня 1816 г.

Тетрадку сію по препорученію цензурнаго комитета Казанскаго Университета читалъ Директоръ Астраханскихъ училищъ Храповицкій.

ТЕТРАДЬ № 1.

Пѣсни Калмыцкія протяжныя.

Маштыкъ боодо́ или малая лошадь. Сочиненная во время компаніи 1812 года послѣ перваго сраженія съ французами калмыцкаго войска подъ начальствомъ владѣльца ихъ князя Тюменя.

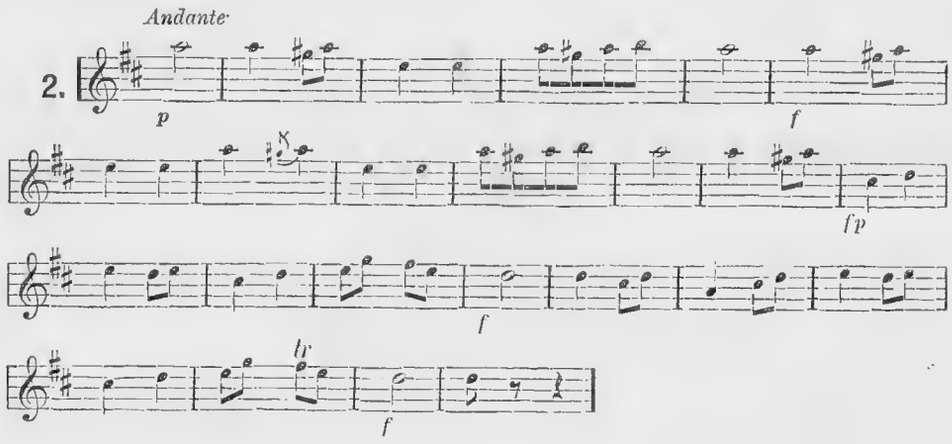


Сёмъ хамартай пранцузъ,
Сёргюнь ябаджа чапчія.
Маштанъ боромини депкедъ чамшине.
Мана поіонъ джюджи москованъ тем-
цедъ морилнай.
Тасарха гюдюлтей боромини.
Тактаинъ аманду кюрнела.
Табунъ тюмюнь пранцусиги,
Тактагинъ аманду чапчая.
Мунхунъ болоксанъ пранцусни
Москогинъ баласу иденеила.
Манаи ноюнъ хаирханъ
Мана яштугай гексеньбо.
Бокдоду кюрея гекюна,
Бокшорго мету нисини!

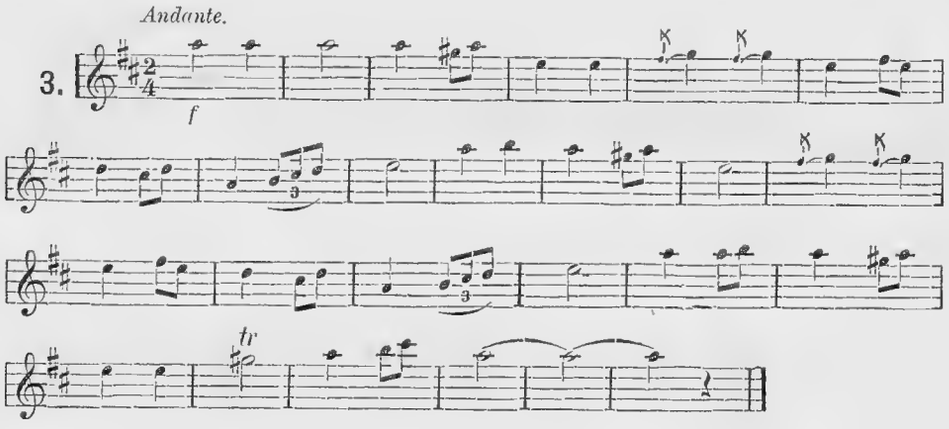
Французы въ четверть носа,
Не трудно ихъ побить.
Наши лошади крепки.
Нашь владѣлецъ джюджа храброй.
Летимъ съ нимъ въ Москву,
Тамъ побьемъ пятьдесятъ тысячь
французовъ.
Они Москву столицу разорыли,
Любезный нашъ владѣлецъ,
Мы умремъ за Государя и Отечество.

Полетимъ скорей птицъ,
И онѣ всѣ погибнутъ.
И не дадимъ французамъ ни маханъ,
Ни трубки съ табакомъ!

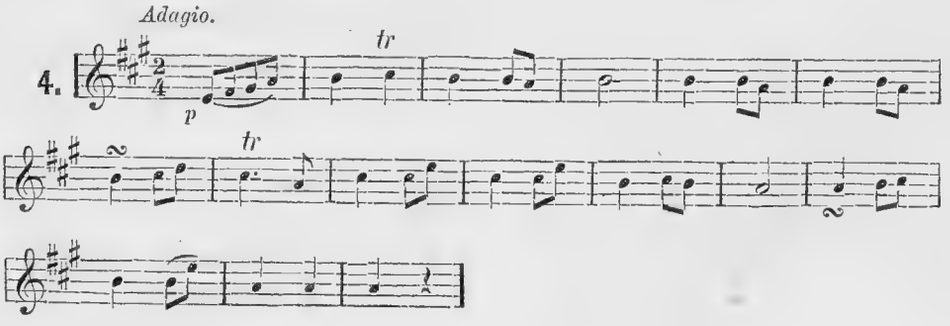
Мазанъ Богатырь о древнихъ богатыряхъ калмыцкихъ.

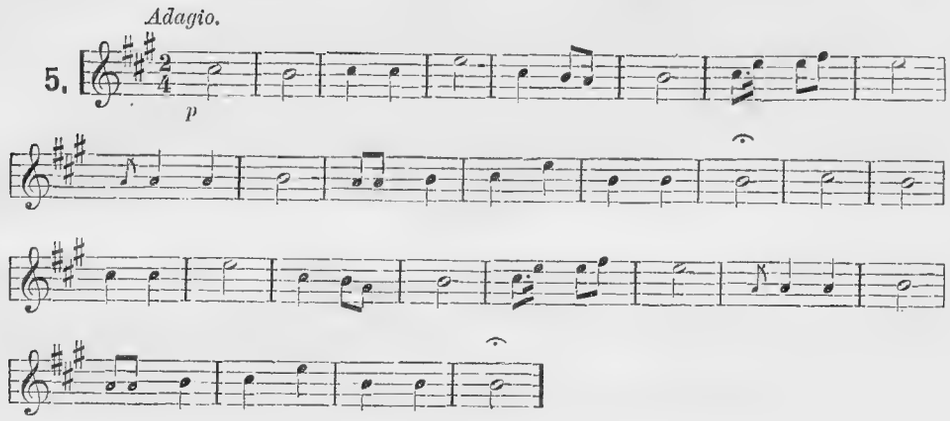


Далма Богатырь. Также изъ древнихъ преданій.



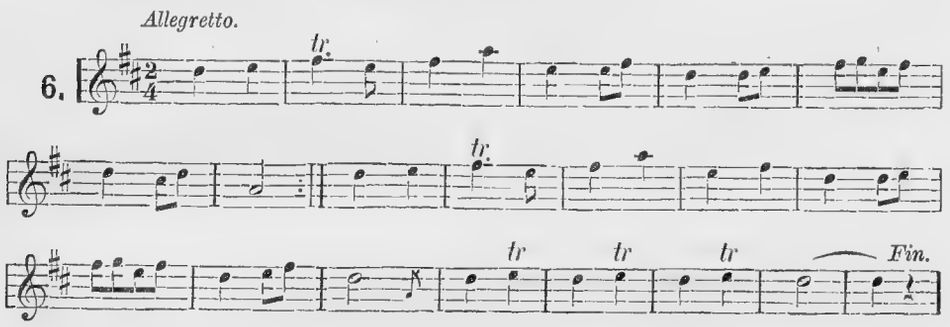
Батыръ Тара. Молитва вечерняя, когда заставляютъ бархана или верховнаго ихъ идола спать.



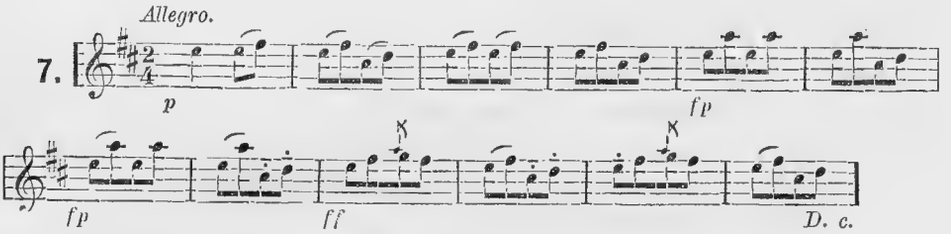


Пѣсни плясовые.

Хавчихсынъ хондо́ галонъ.



Хабъ Хара Моринду.



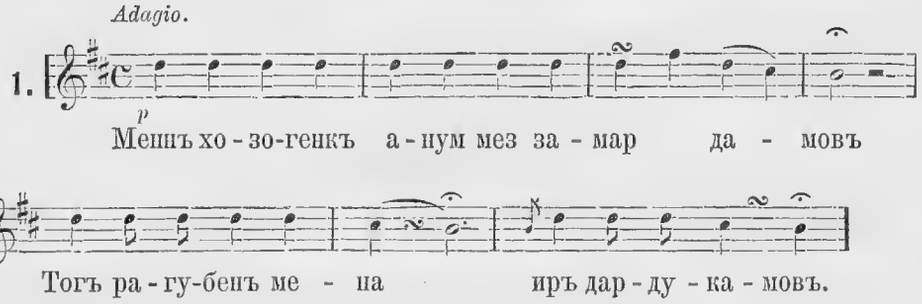
Хабъ хара моринду,
Хазар уге яхуби.
Харинъ сайхинъ кюкюнда
Кюргюнъ уга яхуби.
Ноготу нуринъ кюбю́дю,
Нугусунъ ю̂ндогладъ чишкине.
Ноярлыкъ байдалтай чамаги,
Ноюдыты нуринъ буръ-гулядб.

Карія лошадь безъ узды,
Бѣдная красная дѣвица безъ жениха.
Возлѣ рѣчки на зеленомъ лужку
Утка яйцо снесла и крякала.

ТЕТРАДЬ № 2.

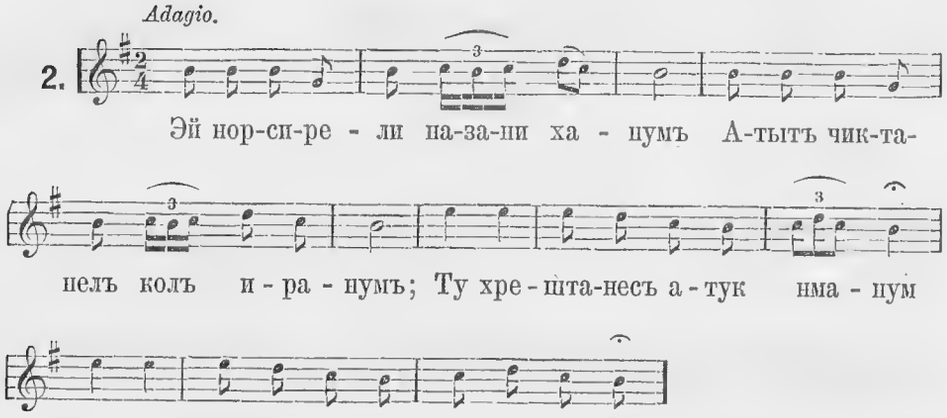
Пѣсни Армянскія протяжныя.

Adagio.



Менп хо зогенкъ анум мезамаръ дамовъ,
Тогъ рагубнъ мна пръ дардукамовъ.
Ахтаремъ пацарѣлъ ту имнесъ самовъ;
Іенъ ампуремъ пернисъ амара оки.
Маріамъ ацалыкесъ куйновъ спитакъ,
Іересетъ лусніак шохкт арекакъ,
Ачкертъ кварыинчпесъ луськецакъ,
Іпкератъ кегецыкъ камара оки.
Черкезъ оглинъ асацъ назапи кери
Имъ дживанъ ахпорсъ митогъ бичари
Эсъ ко састыкъ сѣрнъ сиртесъ квари.

1. Мы гуляемъ, веселимся, довольны нашей судьбой.
Пусть терзается завистный, исчезнетъ, гибнетъ онъ злой.
Загадали мнѣ, пребудешъ любезною ты моей;
Наполни меня сладостью устъ твоихъ душа моя!
Твои румяныя щеки съ бѣлизною какъ лилей,
Ты прекрасна яко солнце, безподобна межъ тварей,
Взоръ твой страстный обитаетъ въ глубинѣ души моей,
Брови твои какъ небесна радуга душа моя!
Черкезъ-оглп сочинитель Богинею тя зоветъ,
Проситъ чтобъ брата своего любви твоей не лишить,
Чтобъ горя твоей любовью въ пеплъ его не обратить.

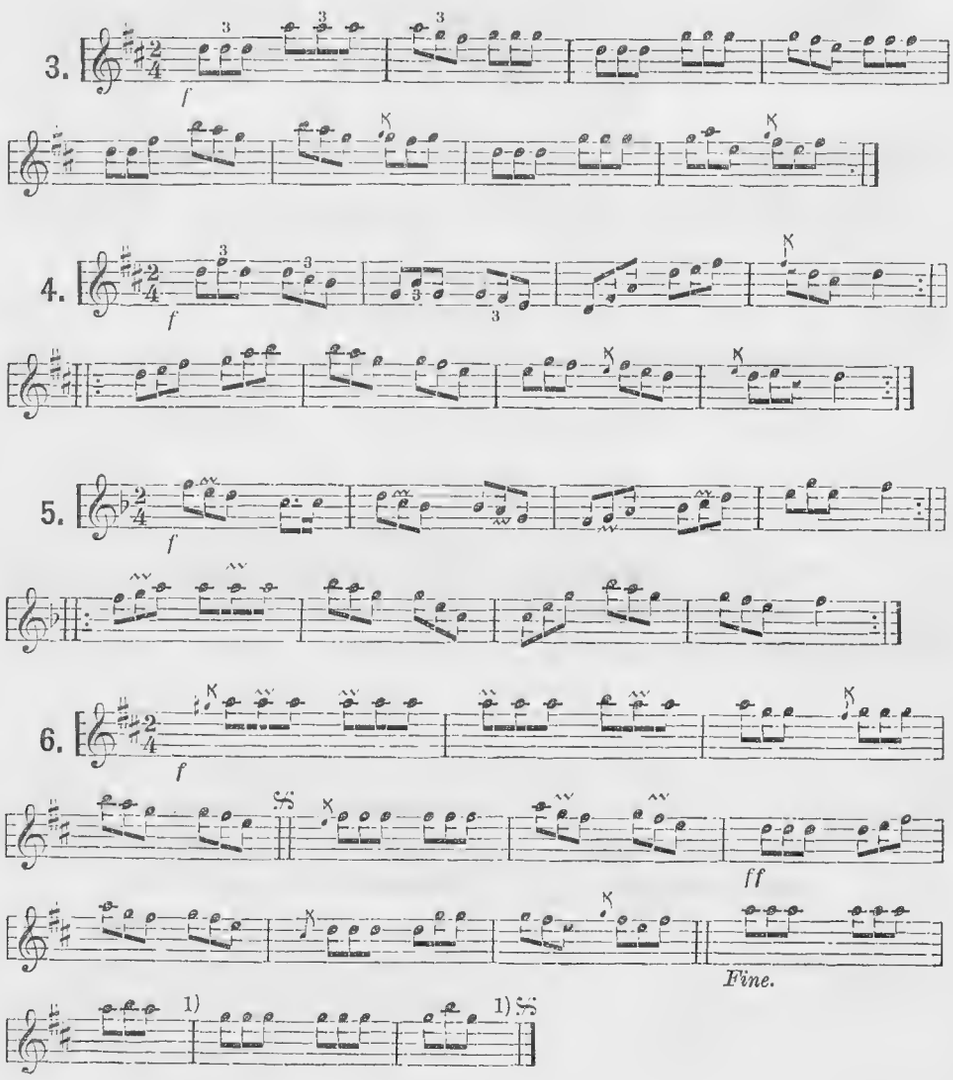


Эй порсирели назаниханумъ.
Атытъ чиктанвилъ колъ иранумъ,
Ту хрештанѣсъ атукъ нмапумъ,
Кези теснеловъ марте сасанумъ.
Мерацъ мартикнъ кезъ те мотананъ.

Шунчъ оки карнѣнъ кнентан хнанъ,
Іверкпикицъ іекаръ мѣкемъ манана,
Хепца клохатъ ходжи тархана,
Спнантъ вера кепелесъ ялдузъ.
Чечаловъ менекъ іекъ іеки дуздузъ,
Ачкертъ нманъ хандуи джаусъ.

Прелестной твоей красотѣ
Никто сравнятся не можетъ въ свѣтѣ
Ангелской твой образъ и видъ,
Устрашаетъ смертныхъ и дивитъ!
О! естьлибъ умершы могли приступить къ тебѣ,
Пріяли бъ духъ и животъ отъ тебя.
Не манна ли ты низпадшая съ небесъ
На главѣ украшенномъ ты несъ
Діядиму камней драгоцѣнныхъ.
На персѣ твоемъ злато чистое
Грядешъ пронзая сердце нѣжное,
Очи твои подобны мушкатамъ индійскимъ.

Свадебныя плясовыя.



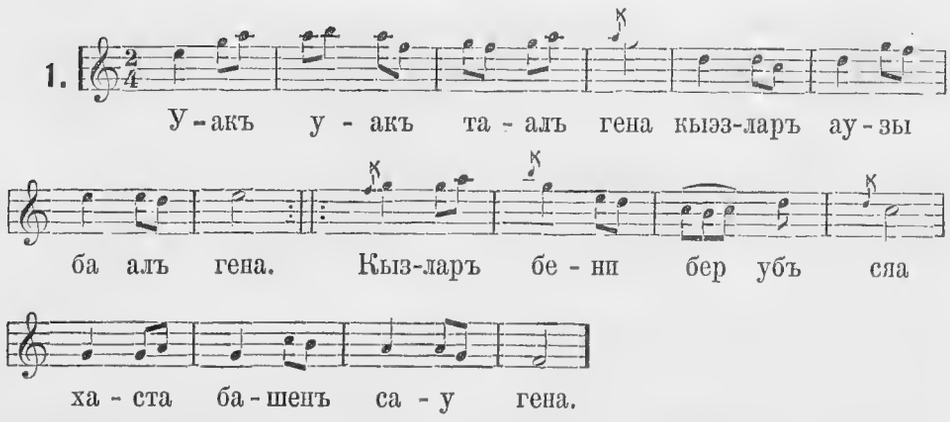
---

1) Такты послѣдній и третій отъ конца воспроизведены мною буквально какъ въ подлинникѣ, т. е. какъ бы съ недостающею второю четвертью такта. С. Рыбаковъ.

ТЕТРАДЬ № 3.

Пѣсни Казанскихъ Татаръ.

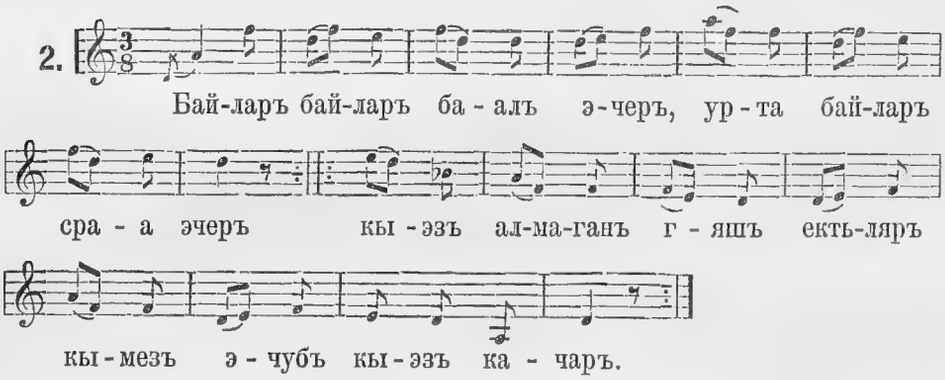
1.



اووق اووق تالغنه قزلر آوزی (با)لغنه قزلر بنی بر اوپسه خسته باشم ساو غنه

Маленькія вѣточки на тальникѣ, а медъ — на устахъ молодой дѣвушки. Если какая пибудь красавица меня поцѣлуетъ, то головная боль моя въ одну минуту пройдетъ.

2.



بايلر بايلر بال آچَر اورتا بايلر... اچر قز آلغان ياش يكتلر قمز اچوب قز قوچر

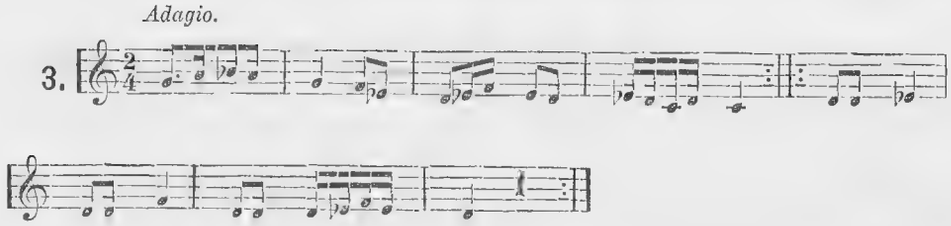
Люди богатыя медъ пьютъ; люди бѣдные пиво пьютъ; люди молодые, неженатые, кумысъ[1]) пьютъ и обнимаютъ молодыхъ красныхъ дѣвушекъ.

1) Кумызомъ называется кобылье заквашеное молоко, находящееся въ большомъ употребленіи у Татаръ, особенно у Нагайцевъ.

Пѣсни Астраханскихъ Татаръ.

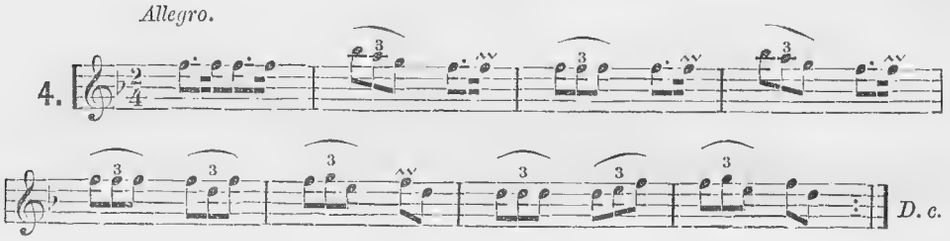
Adagio.

3.



Allegro.

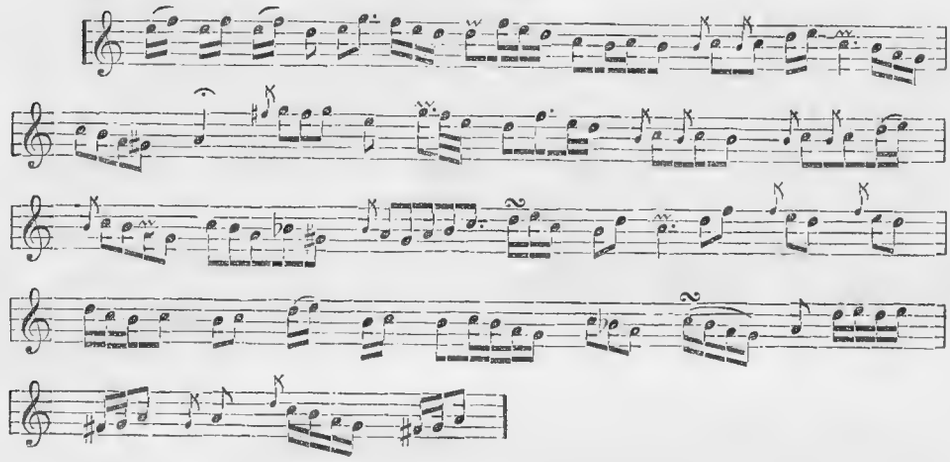
4.



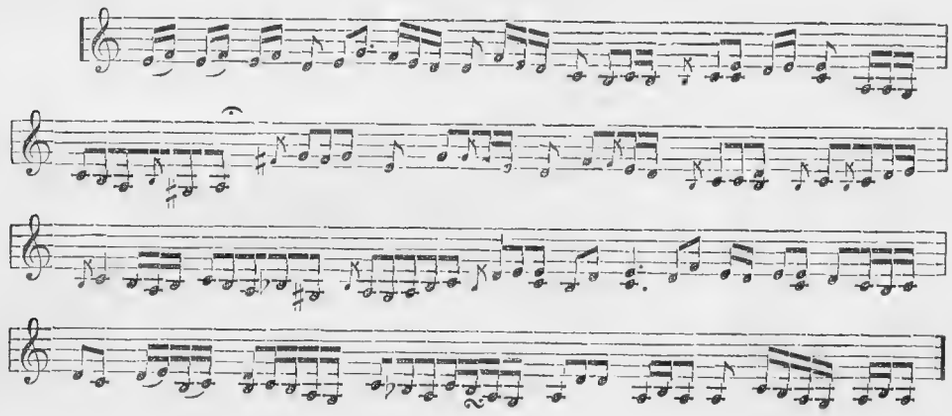
ТЕТРАДЬ № 4.

Персидская пѣсня Фатъ-Али дербентскаго хана. Овымъ Спрѣли.

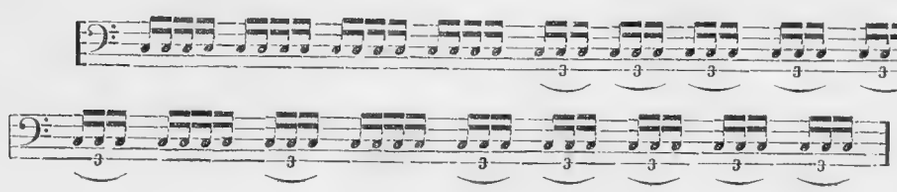
Violino 1-mo.



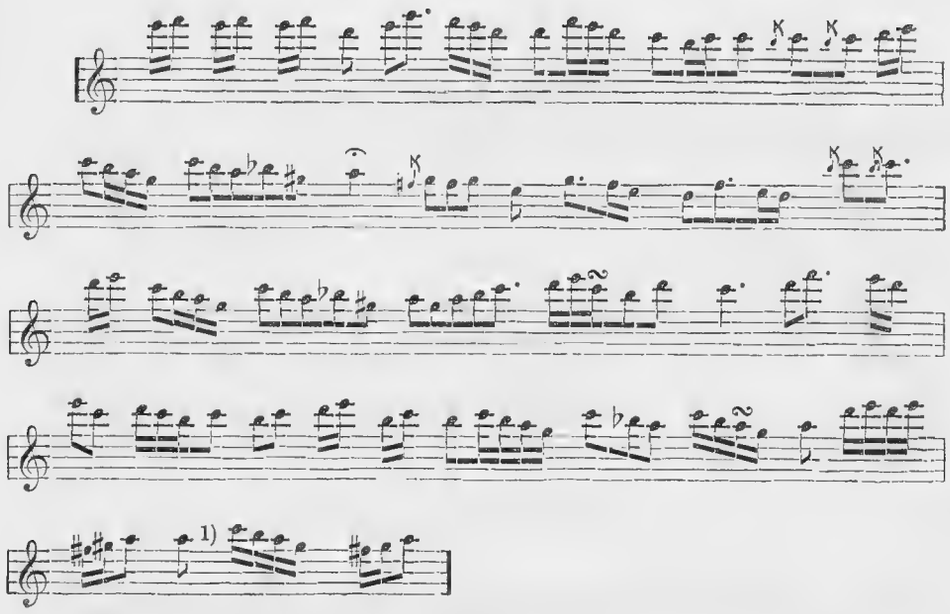
Violino 2-do.



Tambura grando.



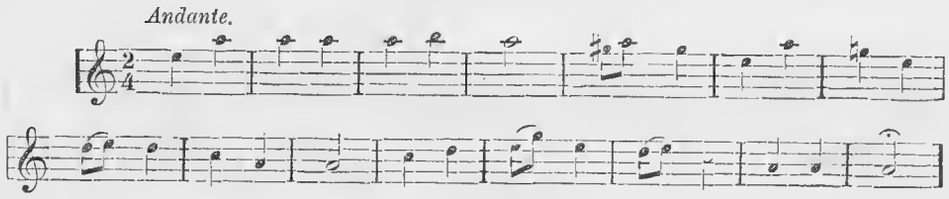
Flauto.



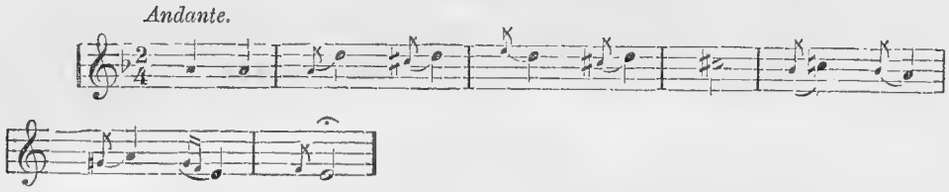
1) Въ оригиналѣ, вѣроятно по ошибкѣ, значится соль.

ТЕТРАДЬ № 5.

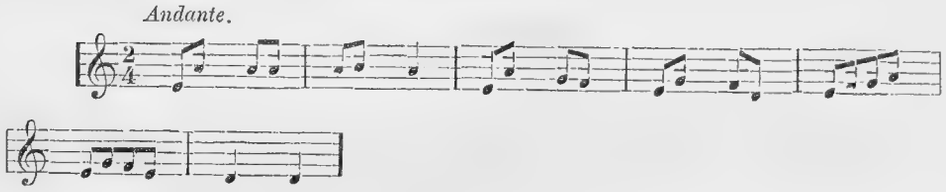
Пѣсня Астраханскихъ Татаръ.



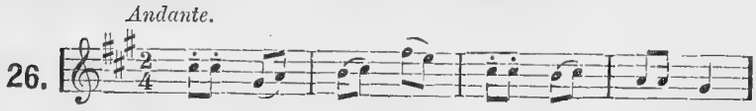
Пѣсня Хивинская.



Пѣсня Киргиская.



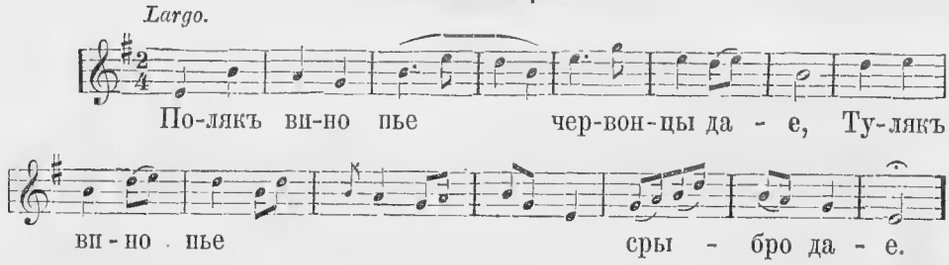
Пѣсня Трухменская.



ТЕТРАДЬ № 6.

Пѣсня козацкая.

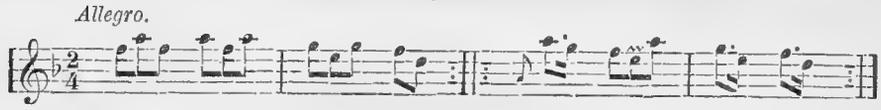
Largo.



Козакъ вино пье, денегъ не дае,
Денегъ не дае, шинкарочку мане.
Поедемъ шинкарочко, на нашъ Донъ,
Унасъ на Дону не по вашему,
Не ткутъ, не прядутъ, а медъ и горилку пьютъ.

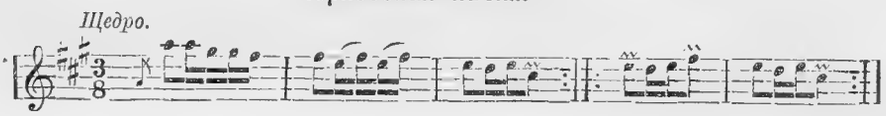
Пѣсня Горская.

Allegro.

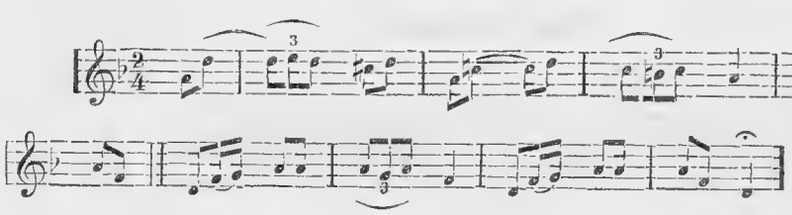


Черкесская пѣсня.

Щедро.

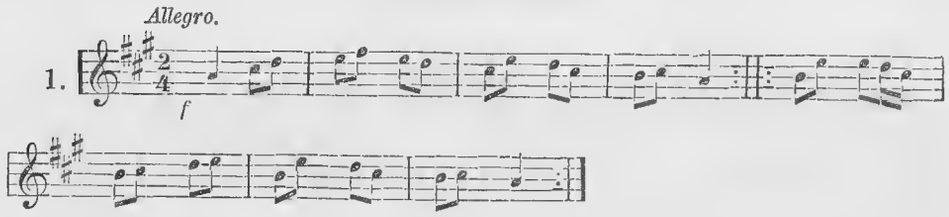


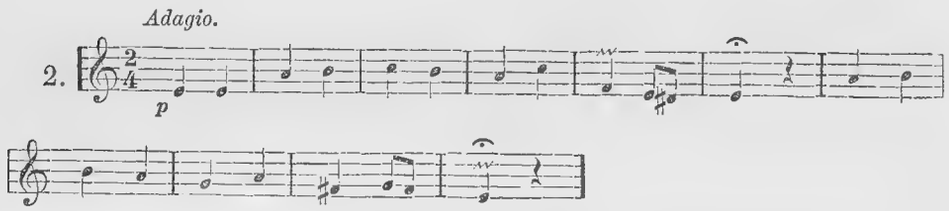
Пѣсня чеченская.



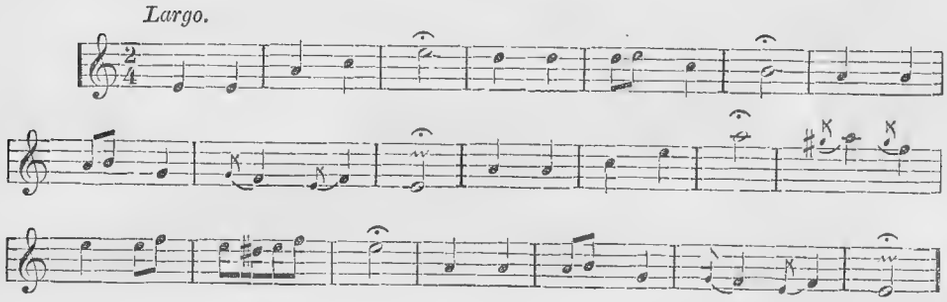
ТЕТРАДЬ № 7.

Пѣсня Бухарская.



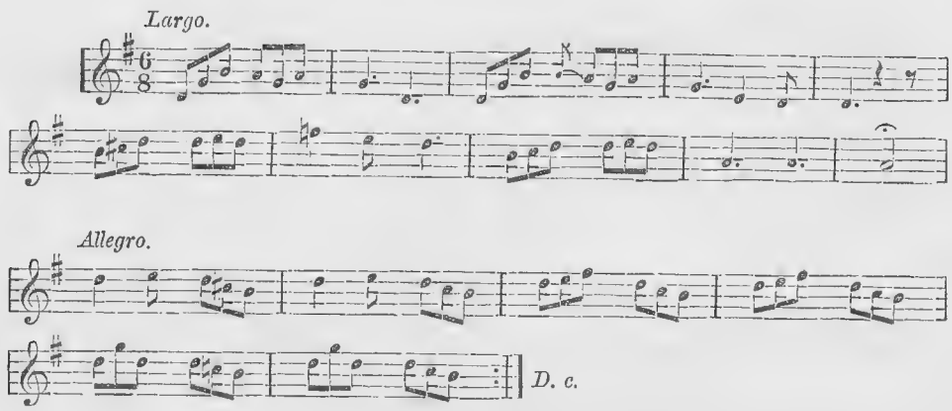


Пѣсня Кабардинская.

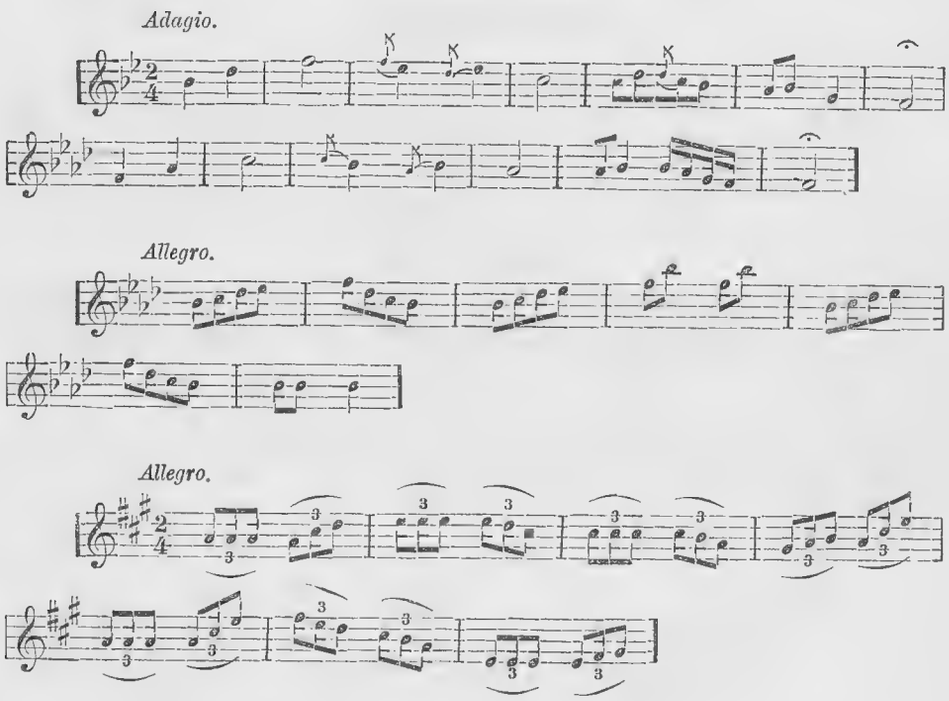


ТЕТРАДЬ № 8.

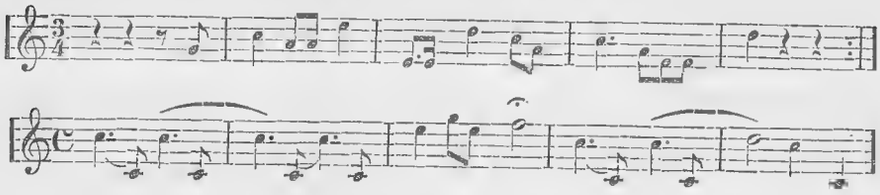
Пѣсня Лизгинская.



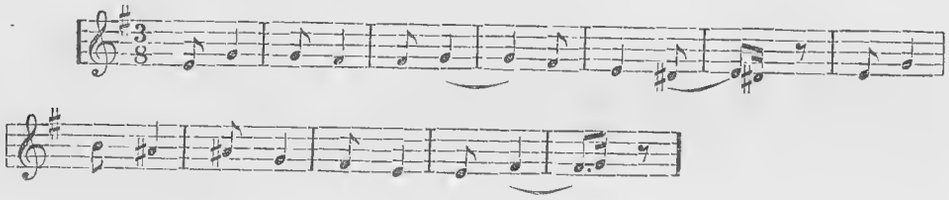
Нагайскія пѣсни.



Тунгузскія мелодіи. Монгольское племя[1]).



«Noch eine dritte Melodie war die folgende, deren letzter Ton immer möglichst abgerissen abschnitt».



1) Изъ сочиненія A. v. Middendorff, Uebersicht der Natur Nord- und Ost-Sibiriens Theil 2, Seite 1500. St. Petersburg, 1875.

II.

Опытъ указателя литературы инородческихъ пѣсенъ.

Предлагаемый указатель есть перечень главнѣйшихъ явленій литературы музыкѣ и пѣсняхъ инородцевъ Россіи, преимущественно мусульманъ, и составитель не претендуетъ на полноту его.

Азіатскій Музыкальный Журналъ. Изд. Ив. Добровольскимъ. Астрахань. 1816—1818 г.г. 8 тетрадей. Повидимому первый опытъ записи въ Россіи инородческихъ мелодій съ текстомъ и русскимъ переводомъ.

Инородческія пѣсни въ рукописяхъ Архива Императорскаго Географическаго Общества.

Крымъ-Ховаджа, А. Ч. Крымско-татарскія народныя пѣсни (безъ мелодій), пословицы, обряды и сказки.

Пѣсни Калмыковъ 9 страницъ. Текстъ на калмыцкомъ языкѣ (безъ мелодій) и русскій переводъ. Карт. А. V. 13.

Умитбаевъ, М. С. Историко-этнографическіе матеріалы о башкирахъ. Въ концѣ стихотворенія арабскимъ шрифтомъ безъ перевода (14—19 полулистовъ). Карт. А. V. 1.

Винтеръ, Е. Описаніе моленія Чувашъ во время перехода въ новый домъ и свадебнаго обряда ихъ 10 полулистовъ. Приведено нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ или прибаутокъ на чувашскомъ языкѣ русскимъ шрифтомъ съ переводомъ. 1871 г. Карт. А. V. 57.

Ястребовъ, І. Мокша или этнографическое описаніе Мордвовъ Пензенской губерніи Нижеломовскаго уѣзда, села Муромки. 1854 г. Нѣсколько пѣсенъ протяжныхъ и плясовыхъ на русскомъ ломанномъ языкѣ. 22 полулиста. Карт. А. V. 47.

Макарій, іеромон. Мордовскія пѣсни на мокшанскомъ и ерзянскомъ

парѣчіяхъ съ буквальнымъ переводомъ на русскій языкъ. 1849—50 г., 6 полулистовъ. Русскій шрифтъ. Карт. А. V. 46.

Невоструевъ, К. Обыкновенія Мордвы-Мокшанъ въ селѣ Кильдюшевѣ, Симбирской губерніи и уѣзда, 9 четвертей листа. 1849 г. Свѣдѣнія о колядованіи. Карт. А. V. 43.

Невоструевъ, К. Описаніе обычаевъ Мордвы-Эрзи села Косогоръ, Симбирской губерніи, Ардатовскаго уѣзда. 1849 г., 14 четвертей листа. Колядки и *пѣсни* на мордовскимъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Карт. А. V. 41.

Макарій, іеромон. Этнографическія записки о Мокшанахъ, содержащія въ себѣ ихъ пѣсни, сказки и загадки. 1949 г., 7 полулистовъ. Мордовскій текстъ съ русскимъ переводомъ. Карт. А. V. 39.

Зерновскій, священникъ. О Мордвѣ, находящейся въ Нижегородскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. 1848 г., 25 полулистовъ. О мордовскихъ пѣсняхъ 10-й, 20-й и др. полулисты. Карт. А. V. 38.

Евлепьтьевъ, К. Этнографическія извѣстія о Мордвахъ Самарской губерніи. Безъ обозначенія года, 5 полулистовъ. Приведены пѣсни и преданія мордвы только въ русскомъ переводѣ. Карт. А. V. 33.

Мордовское село Скафтымъ, Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи. Безъ обозначенія года 60 полулистовъ. На 48-мъ полулистѣ (на оборотѣ) «Всеобщія гуляпія». Карт. А. V. 31.

Архангельскій, С., священникъ изъ Мордвовъ. Свѣдѣнія о Мордвахъ, живущихъ въ Саратовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Безъ обозначенія года, 17 полулистовъ. О пѣсняхъ и колядованіяхъ 6-й, 7-й и 12-й полулисты. Текстъ русскими буквами и переводъ. Карт. А. V. 30.

Небосклоновъ, В., священникъ. Историческія, этнографическія и метеорологическія свѣдѣнія о селѣ Нижнемъ Катмисѣ и деревнѣ Водолейнѣ, Картофлеѣ и Дигилевкѣ, насел. Мордвою. Безъ обозначенія года, 22 полулиста. На 11-мъ и 12-мъ полулистахъ упоминаніе о пѣсняхъ и «музыкальныхъ орудіяхъ». Карт. А. V. 29.

Орловъ, В., діаконъ. Первоначальные опыты изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Мордвы. 163 страницы. О древнемъ общественномъ мордовскомъ богослуженіи и праздникахъ. Страница 58-я и слѣдующія. Карт. А. V. 28.

Pàżìmes. Żemajtiszkas gajdas pridietinas pri Dajnun Żemajćziu surinktun ir iszduotun par Symona Stanewicźe Mokslininka Literaturos ir graźiunju Pritirimu. Wilniuje. Spaustuwieje B. Neumana. Metunse 1829. Rigoj', spausta pas Wilh. Ferd. Häckera, Metunse 1833, 15 четвертей листа. 28 жмудскихъ пѣсенъ *съ мелодіями*, латинскій шрифтъ; безъ перевода. При рукописи письмо Лаврентія Августовича Ивинскаго отъ 15-го ноября 1871 г.,

который сообщаетъ, что рукопись эта — «копія пѣсень мною списанныхъ по книгѣ случайно попавшейся изданной въ Вильнѣ 1829 г. и въ Ригѣ 1833 съ какою по сіе время, кромѣ одного экземпляра сомнительной цѣлости, мнѣ еще не удалось встрѣтиться и отъискать другую по упомянутымъ мѣстамъ»... . Рѣдкая рукопись. Мелодіи характерны. Карт. А. V. 20.

Петкевичъ, А. Суевѣріе, легковѣріе и предразсудки жмудскаго народа. 1859 г., 28 полулистовъ. На 23-мъ полулистѣ о жмудскихъ пѣсняхъ. Карт. А. V. 19.

Калмыцкіе тексты отъ Правителя Багацохуровскаго улуса, аймачнаго Зайсанга Церенъ-Раши-Онкорова. 1854 г., 14 полулистовъ. Безъ перевода. Карт. А. V. 18.

Пѣсни и сказки калмыцкаго народа Астраханской губерніи Богацохуровскаго улуса. На рукописи, довольно старой, помѣтка: «бывшая Бобровникова». Безъ обозначенія года. 48 полулистовъ. Безъ перевода. Карт. А. V. 15.

Луканинъ, А. Зырянская духовная пѣснь. 1859 г., 2 полулиста. На ломанномъ русскомъ языкѣ. Карт. А. V. 11.

Гавриловъ, Б., священникъ. Языческая религіозно-обрядовая жизнь вотяковъ Казанской и Вятской губерній. 1884 г. (годъ на письмѣ при рукописи). На рукописи помѣтка: «Будетъ напечатана въ Казани». 247 страницъ. О пѣсняхъ въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ, на стр. 105—107. Карт. А. V. 2.

Село Уканское, Вятской губерніи, безъ означенія года. 21 полулистъ. На 15-мъ полулистѣ о вотяцкихъ пѣсняхъ. Карт. Х. 12.

Поповъ, Н. І. Свѣдѣнія и матеріалы для изученія повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у Качинскихъ татаръ, Минусинскаго округа. На 24-мъ полулистѣ упоминаніе о музыкальныхъ инструментахъ и пѣсняхъ. Карт. Б. IX. 29.

Коротановъ, И. И. Описаніе быта инородцевъ, обитающихъ по Абаканскимъ степямъ Минусинскаго округа, Енисейской губерніи. Сказки и пѣсни стр. 63. Карт. Б. IX. 27.

Градецкій, А. І. Литовскія *пѣсни*, записанныя въ Маріампольскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи.

Вольтеръ, Э. А. Образцы мелодій литовскихъ народн. пѣсенъ Виленск. губ.

Пѣсни кавказскихъ инородцевъ въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа". Изд. Управ. Кавказскаго учебнаго округа.

Куліевъ, М. Татарскія пѣсни. XIII, 2, стр. 230—237.

Калашевъ, А. и Іоакимовъ, А. Татарскіе тексты. XVIII, 2, стр. 37—74 (пѣсни — 37—43, 53, 55, 67, 70 и 72 стр.).

Татарская народная словесность въ Закавказьѣ.

Цаллаговъ. Кумыкскіе тексты. Шікестелер — пѣсни влюбленнаго. Замѣтка Л. Лопатинскаго. XVII, 3, стр. 3—33.

Аѳанасьевъ, М. Кумыкскія пѣсни. XVII, 3, стр. 34—57.

Вейденбаумъ, Е. Г. Начало Гуэнской пѣсни. XVII, 3, стр. 58—59.

Калашевъ, А. Айсорская пѣсня. Пѣсня школьника. XX, 2, стр. 92—96.

Лопатинскій, А. Курдскіе тексты. XX, 2, стр. 1—16.

Адамовъ, М. Курдскія пѣсни. XX, 2, стр. 1—3.

Зелинскій, С. Пѣсня хойскаго Вартана, армянскаго народнаго пѣвца. II, 2, стр. 99—106.

Шульгинъ, Константинъ. Двѣ армянскія сказки и три пѣсни, записанныя въ Эриванской губерніи Эриванскаго уѣзда. V, 2. 83—88, въ русскомъ переводѣ.

Калашевъ, А. Вардаваръ. XVIII, 2, стр. 1—36 (татарскія пѣсни армянъ при этомъ празднествѣ).

Миндели, Н. и Каландарашвили, Ѳ. Картвельскія пѣсни. XIX, 2, стр. 124—140 (о пѣсняхъ и хороводахъ рачинцевъ).

Петровъ, Ив. Е. Мингрельскіе тексты. X, 2, стр. 253—310.

Гроздовъ, Хр. Мингрельскія народныя пѣсни. XVIII, 1894 г., 1, стр. 1—58. *Съ мелодіями.*

Нижерадзе, Виссар. Сванетскія пословицы, загадки и пѣсни. X, 2, стр. 1—8.

Стояновъ, А. И. Образцы сванетской народной поэзіи. X, 2, стр. 9—68.

Тепцовъ, В. Я. Сванетскіе мотивы и пѣсня о Консавѣ Киніани (съ мелодіями). X, 2, 69—92.

Гренъ, А. Н. Сванетскіе тексты. X, 2, стр. 76—160. (Народная пѣсня — 90 стр.; пѣсня объ ушкульскихъ молодыхъ людяхъ — 96 стр.; грусинированная Бечойская пѣсенка — 100 стр.).

Маргіани Д. Сванетскія легенды и пѣсня. X, 2, стр. 242—252. Его-же Сванетскія пѣсни и сказки по-русски. X, 3, стр. 1—11.

Нижерадзе, Г. Сванетскіе тексты. XVIII, 1, стр. 91—132. (пѣсни и сказка — 91 стр.).

Стрѣлецкій, А. Кабардинская пѣсня о нартѣ Айдемирканѣ. V, 2, стр. 113—118.

Лопатинскій, Л. Кабардинскіе тексты. XII, 1, стр. 1—104.

Далгатъ, Баширъ. Цудахарскія пѣсни. XIV, 2, стр. 9—72.

Махмудбековъ. Сказка Молла-Касумъ. Къ ней татарскій текстъ сказокъ. XIX, 2, стр. 261—285.

Отдѣльныя изданія.

Ипполитовъ-Ивановъ, М. М. Грузинская народная пѣсня и ея современное состояніе. Съ приложеніемъ 12 народныхъ мелодій и романсовъ. Москва. 1895. Типографія товарищества И. Кушнеревъ и Ко., 32 стр.

Tigranoff, Nicolas (Тиграновъ, Н.) — 1) Trans-Kaukasische Volkslieder und Tänze.

2) Bajathi-Khurd (élégie kurtaine).

3) Bajathi-Schiras (élégie de Schiras).

4) Orientalweisen: a) Drei armenische Rundtänze: «Findjan», «Faten-ki-tam», «Tharz-par»; b) Drei armenische Tänze: «Erivaner-trengi», «Usundarah», «Doi-doi»; c) Das armenische Lied «Tunari» und der armenische Rundtanz «Ver-Ver». С.-Петербургъ и Москва. Мелодіи въ фортепіанномъ переложеніи въ видѣ пьесъ безъ текстовъ.

Кленовскій, Н. Этнографическій концертъ. Сборникъ народныхъ пѣсенъ русскихъ и инородческихъ, переложенныхъ для одного, двухъ и четырехъ голосовъ, съ фортепіано. Москва. Изданіе П. Юргенсона. 95 стр. 300 экз. 1 р. 50 к.

Инородческія пѣсни въ „Извѣстіяхъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Кошурниковъ, В. Бытъ вотяковъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Томъ II, 1879 г., прил. II-е, стр. 35-я и слѣдующія — пѣсни безъ мелодій.

Смирновъ, И. Н. Вотяки. Исторически-этнографическій очеркъ. VIII, 2, 1890. О поэзіи и пѣсняхъ гл. VI, стр. 143 и слѣдующія.

Мошковъ, В. А. Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. XI, 1—4, 1893.

Игнатьевъ, Р. Г. Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Пѣсни Салавата въ русскомъ переводѣ. XI, 2, 1893, стр. 3.

Игнатьевъ, Р. Г. О татарскихъ рукописяхъ, обращающихся у магометанскаго населенія Оренбургской губерніи (къ статьѣ предназначались мелодіи, къ сожалѣнію, не напечатанныя, см. введеніе В. Н. Витевскаго объ авторѣ). XI, 2.

Мошковъ, В. А. Мелодіи Оренбургскихъ и Ногайскихъ татаръ. Введеніе. XII, 1, 1894.

Матвѣевъ, С. М. Свадебные обычаи и обряды крещеныхъ татаръ Уфимской губ. XIII, 5, 1896.

Насыровъ, А. К. Образцы народн. литературы казанск. татаръ тамъ же.

Пантусовъ, Н. Н. Таранчинскія пѣсни (съ мелод.). XIII, 6, 1896.

Идигинъ, А. С. Пѣсни тургайскаго киргиза, умѣющаго говорить по русски, тамъ же.

Евсевьевъ, М. Е. Мокшанскія пѣсни (текстъ и перев.). XIII, 6, 1896 XIV, 1, 1897.

Юркинъ, И. Н. Чувашскія національныя пляски. XIV, 1, 1897.

Отдѣльныя статьи.

Поповъ, Н. Этнографическія замѣтки о Пермякахъ. Ж. М. В. Д. 1852, часть 39. Упоминаніе о музыкальныхъ инструментахъ.

Витевскій, В. Н. Нагайбаки, ихъ прошлое и настоящее состояніе а также пѣсни на татарск. яз. съ русскимъ пер. Труды IV-го археологическ. съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 г. II, стр. 257—280. Каз. 1891.

Рыбаковъ, С. Курай, башкирскій музыкальный инструментъ; съ 6 мелодіями. Русская музыкальная Газета, январь 1896 г.

Его-же. Русскія вліянія въ музыкальномъ творчествѣ Нагайбаковъ, крещеныхъ Татаръ Оренбургской губ.; съ 18 мелодіями. Русская музыкальная Газета, ноябрь 1896.

Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

II книга. Князь Костровъ. Очерки (самоѣдское племя); между прочимъ о пѣсняхъ.

III » » » Тунгузскія пѣсни.

IV » » » Очерки туруханскаго края.

VIII » » » Этнографическія замѣтки о Кизильскихъ татарахъ, свадебныя пѣсни.

Инородческія пѣсни въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества.

Плотниковъ, Вл. Замѣтки на статью г. Алтынсарина «Очеркъ киргизскихъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ». 1870 г. Выпускъ 1-й, стр. 122—136. На 130-ой стр. киргизская пѣсня «туйбастаръ» и др.

Покровскій, Ив. Сборникъ башкирскихъ и татарскихъ пѣсенъ. Тамъ-же, стр. 151—229. Текстъ арабскимъ шрифтомъ и русскій переводъ.

Игнатьевъ, Р. Г. Сказанія, сказки и пѣсни, попадающіяся въ рукописяхъ татарской письменности и устныхъ пересказахъ у инородцевъ-магометанъ Оренбургской губерніи. 1875 г., вып. 3-й, стр. 183—236.

Сейдалинъ, Т. А. и султанъ Джантюринъ, С. А. Образцы киргизской поэзіи (переводъ стихами П. Н. Распопова). Текстъ арабскимъ шрифтомъ. Тамъ-же, стр. 249—419.

Лоссіевскій, М. Черемисская свадьба. 1881 г., вып. 4-й, стр. 170—176; пѣсни въ русскомъ переводѣ стр. 173.

Инородческія пѣсни въ журналѣ „Живая Старина“, издаваемомъ при отдѣленіи этнографіи Императорскаго Географическаго Общества.

Якутская пѣсня о водкѣ. 1890, вып. I, отд. II, стр. 30.

Евсевьевъ. Мордовская свадьба; — приведены двѣ мелодіи. 1892, вып. II.

Жмудскія пѣсни, записанныя Мечиславомъ Довойна-Сильвестровичемъ съ переводомъ и примѣчаніями А. Л. Погодина. 1893, вып. IV.

Корельская пѣсня, записанная и переведенная Н. Ѳ. Лѣсковымъ. 1893, вып. IV.

Рыбаковъ, С. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тептярей; съ 40 мелодіями. 1894, вып. III и IV.

Лѣсковъ, Н. Ѳ. Корельская свадьба и погребальные обряды кореляковъ. 1894, вып. III и IV; — свадебныя и погребальныя причитанія на корельскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ.

Пѣсни Киргизъ.

См. А. Н. Харузина Библіографич. указатель статей, касающ. этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ. Эти. Обозр. 1891 г. № 12).

Левшинъ, А. Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей. СПБ. 1832. 3 тома. Въ 3-мъ т. авторъ говоритъ о поэзіи, музыкѣ и музыкальныхъ инструментахъ киргизъ и прилагаетъ ноты двухъ пѣсенъ (въ русскомъ переводѣ, стр. 137—138).

—ковъ.—Киргизы. Воскресный досугъ, 1864, № 72 и 73; —между прочимъ о пѣсняхъ.

Круторожинъ, А. — Курбанъ-байрамъ. Иллюстрированн. газета 1865 № 47 и 48; — разсказы Уральскаго казака-офицера изъ жизни киргизовъ Малой орды; есть указанія на киргизскія пѣсни.

Самсоновъ, А. — Очерки Сибирскихъ киргизовъ. Записки для чтенія, изд. Трубниковымъ 1869 г. августъ-декабрь; — о кочевой жизни киргизовъ, о ихъ свадебныхъ обрядахъ, пѣсняхъ и о татарской школѣ.

П. Р. — Киргизскія пѣсни. Вѣстн. Европы 1874, кн. 12; — двѣ киргизскія пѣсни на русскомъ языкѣ.

Загряжскій, Г. — Бытъ кочеваго населенія долины Чу и Сыръ-Дарьи. Туркестанк. Вѣд. 1874, №№ 25, 27—32; между прочимъ о музыкальныхъ инструментахъ.

Ибрагимовъ, И. Очерки быта киргизовъ. Др. и Нов. Россія, 1876 т. III; — авторъ говоритъ между прочимъ о киргизской пѣснѣ.

Musik, Gesang und Tanz der Baschkiren und Kirgisen. Das Ausland 1876 № 34.

П. — Обычаи Киргизовъ Семипалатинской области. Русск. Вѣстн. 1878. Т. 137. № 9; — на 42 стр. изложены свадебные обряды съ пѣснями похоронные обряды съ причитаніями, уходъ за родильницей и новорожденнымъ и списокъ употребительныхъ лекарствъ; кромѣ того, пословицы.

Стремоуховъ, Н. — Киргизъ-пѣвецъ. (Киргизск. сказка.). Дѣтск. Чтеніе 1884 № 1; — на 17 страницахъ авторъ передаетъ интересный разсказъ киргиза-старика о сказочномъ киргизскомъ пѣвцѣ, очаровавшемъ своимъ пѣніемъ всѣхъ людей и животныхъ.

Radloff, W. — Aus Sibirien. Leipzig 1884. 2-te Ausgabe. 1893; — въ концѣ I-аго тома двѣ главы о киргизахъ и каракиргизахъ, въ которыхъ авторъ говоритъ, между прочимъ, и о пѣснѣ.

Lansdell, H. — Russisch Central-Asien. (Deutsche Ausgabe bearbeitet d. H. v. Wobeser). B. II, und III. Leipzig 1885; — 19 и 20 главы I-го

тома, а также 21 глава II-го тома посвящены Киргизамъ; описаніе касается, между прочимъ, пѣсни.

П. Р. — Образцы киргизской поэзіи въ пѣсняхъ эпическаго и лирическаго содержанія. Оренб. 1885; — 16 пѣсенъ, переведенныхъ стихами на русскій языкъ; одна изъ пѣсенъ (XVI) представляетъ интересный эпосъ о Кенисарѣ.

Радловъ, В. — Образцы литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Ч. V. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. СПБ. 1895.

Vámbéry, H. — Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig 1885; — между прочимъ, и о киргизской пѣснѣ.

Ивановскій А. — Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай. Этнографич. Обозрѣніе. II, Москва 1889; — въ небольшой статьѣ (10 стр.) авторъ очень живо обрисовываетъ характеръ знаменитаго киргизскаго пѣвца и этимъ проливаетъ свѣтъ на киргизскихъ пѣвцовъ импровизаторовъ, на характеръ киргизской поэзіи и на почетъ, которымъ пользуются пѣвцы; авторъ говоритъ и о джатáкахъ.

Его-же. — Смертъ киргизскаго пѣвца Улгенбая. Русск. Вѣдомости 1890 г. № 327; — описывается предсмертная пѣсня киргиза-пѣвца, въ которой яркими красками рисуется побѣда добра надъ зломъ.

Киргизскія и сартовскія пѣсни. Этнографич. Обозрѣніе кн. III. М. 1889; а также кн. IV, стр. 265, поправки. М. 1890; — сартовскихъ пѣсенъ только двѣ (съ нотами), записаны Р. Пфеннингомъ; киргизскихъ пѣсенъ 16, изъ нихъ восемь записаны Р. Пфеннингомъ и къ нимъ приложены ноты, остальныя восемь записаны А. А. Ивановскимъ.

Пфеннингъ, Р. — О киргизскихъ и сартовскихъ пѣсняхъ. Тамъ-же кн. Ш.; — авторъ останавливается преимущественно на музыкальной и тональной сторонѣ пѣсни и этимъ отмѣчаетъ ту сторону, которая еще никѣмъ не была затронута.

Готовицкій, М. — О характерѣ киргизской пѣсни, тамъ-же.

Алекторовъ, А. — Киргизская пѣснь. Оренбургскій Листокъ, 1890 г. № 18.

Brehm, Dr. A. E. — Vom Nordpol zum Aequator. Stuttgart, Berlin und Leipzig 1890; — на стр. 318—422 мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о киргизской степи и о Киргизахъ; на стр. 397 глава «Volks- und Familienleben der Kirgisen» весьма живо рисуетъ слѣдующія стороны быта: байга, охота, пѣсни, игры, свадебные обряды, обряды при погребеніи и т. д.

Юдинъ, П. — Киргизы, этнографическій очеркъ. Оренбург. Губ. Вѣдомости. 1890 г. № 52, 1891 г. №№ 1 и 5; — между прочимъ есть упоминаніе о музыкальныхъ инструментахъ, пляскѣ и пѣніи.

К. — Киргизскій трубадуръ. Кавказъ 1882, № 17.

Алтынсаринъ, И. — Киргизская хрестоматія. Оренб. 1879; — киргизскіе пѣсни и стихи — отдѣлъ III-й.

Лютшъ, Я. Киргизская хрестоматія. Сборникъ образцовъ народной литературы киргизъ Туркестанскаго края. Ташк. 1883; — на стр. 91—251 образцы лирической и эпической поэзіи.

Рыбаковъ С. записалъ лѣтомъ 1896 г. до 80 пѣсенныхъ и инструментальныхъ мелодій Киргизъ Тургайской и Уральской областей съ текстами и русскимъ переводомъ, а также аккомпанименты къ пѣснямъ на домбрѣ киргизскомъ музыкальномъ инструментѣ.

Яковлевъ, священникъ... Религіозные обряды черемисъ. Изданіе Казанскаго Миссіонерскаго Общества. Казань 1887; — приведены многочисленные тексты молитвъ и причитаній черемисъ.

Произведенія народной словесности... Вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Казань 1888. (Изд. Правосл. Миссіонерскаго Общества).

Гавриловъ, Г. Произведенія народной словесности, обрядыи по вѣрья Вотяковъ Казанской и Вятской губерніи. Казань 1880 (тоже).

П. Б. Матеріалы для изученія народной словесности вотяковъ. Этнографическое Обозрѣніе 1892 г., № 4.

Ahlquist, Aug. Aus einem Briefe des Candidaten... an A. Schiefner. Mélanges russes III, 3 (1857) стр. 266—285; — о вѣрованіяхъ, поэзіи и пѣсняхъ Чувашей.

Михайловъ, В. И. Обряды и обычаи Чувашъ. Записки Имп. Р. Геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи т. XVII, в. II. СПБ. 1891.

Михайловъ, С.-Чувашскіе разговоры и сказки. Каз. 1853, 8°; на стр. 33—37 три пѣсни по Чувашски и въ русск. перев.

Ашмаринъ, Н. Очеркъ народной поэзіи у чувашъ. Этнографическое Обозрѣніе. 1892 г. № 2—3.

Пантусовъ. Таранчинскія пѣсни. Спб. 1890 (отд. отт. изъ «Записокъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. этнографіи»); — съ мелодіями, текстомъ и русскимъ переводомъ.

Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Книга II. СПБ. 1886;— стр. 358—360 телеутская мелодія.

Грамматика алтайскаго языка, составленная членами Алтайской миссіи. Казань. 1869;—нѣсколько алтайскихъ пѣсенъ въ текстѣ и русскомъ переводѣ.

Верхоянскій сборникъ. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, записанныя въ Верхоянскомъ Округѣ И. А. Худяковымъ. Записки Восточно-Сибирскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.; I-й томъ, 3-й выпускъ.

Тоже. II-й томъ, выпускъ 2. Н. Н. Затопляевъ. Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ бурятъ: пѣсня о бурятѣ, распятомъ въ Иркутскѣ.

Schrenck. Reisen und Forschungen. III, вып. 3; — мелодіи гиляковъ стр. 681; записалъ полковникъ Максимовъ.

Лаптевъ. Казанская губернія. СПБ. 1861. Военн. Тип.; — на стр. 221—223 нѣсколько татарскихъ пѣсенъ въ русскомъ переводѣ; на стр. 247—249 нѣсколько чувашскихъ пѣсенъ также въ русск. перев.

Фуксъ, К. Казанскіе татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Казань 1844 г. — приведены татарскія и башкирскія пѣсни въ русскомъ переводѣ.

Риттихъ, А. Ф. Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія (XIV-я). Каз. 1870; — приведены мелодіи татарскія, чувашскія и черемисскія.

Переводы казанско-татарскихъ пѣсенъ помѣщались въ газетахъ «Казанскій Телеграфъ», «Волжскій Вѣстникъ» и «Камско-Волжскій край» за 1894—1897 гг.

Взглядъ на женщину по пѣснямъ крещен. татаръ Казанск. губ. Камско-Волжскій край 1897 г., №№ 59, 70, 73 и раньше.

Сборники татарскихъ и киргизскихъ пѣсенъ и стихотвореній ежегодно печатаются въ Казани арабскимъ шрифтомъ; ср. за прежнее время Dorn, B. Chronologisches Verzeichniss der seit d. J. 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arab., türk., tatar. und persischen Werke. Mélanges asiatiques V (1864—68) стр. 533 слл., а за новѣйшее время списки В. Д. Смирнова въ «Запискахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества».

Bálint Gábor. Kazáni-Tatár nyelvtanulmányok. 1. füzet. Kazáni-Tatár szövegek. Budapesta 1875 (текстъ).

Вагановъ. Самоучитель для русскихъ по татарски и для татаръ по русски: 11-е изд. Казань. 1892; — приложены татарскія пѣсни арабскимъ шрифтомъ съ переводомъ; эти пѣсни вошли въ Турецкую Хрестоматію проф. И. Н. Березина. Т. II, вып. 12. Пѣсни самоучителя Ваганова и хрестоматіи пр. Березина предполагаетъ переиздать проф. Н. Ѳ. Катановъ, имѣвшій возможность перевѣрить ихъ на мѣстѣ.

Катановъ, Н. Ѳ. — Поѣздка къ Карагасамъ въ 1890 г. Записки Имп. Р. Географ. Общества по отд. этнограф. т. XVII, в. II. Спб. 1891.

Онъ же собралъ лѣтомъ 1897 г. пѣсни крещеныхъ татаръ и отатарившихся башкиръ въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губ.

Катановъ, Н. Ѳ. — Письма изъ Сибири и Восточнаго Туркестана. Прил. къ LXXIII. т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ 1893 г. № 8. СПБ.; — о размѣрахъ пѣсенъ Дунгайскихъ Киргизъ-Казаковъ, Татаръ Китая и Туркестана и Минусинскихъ, стр. 106, 107 и 110.

Весловскій, Н. Матеріалы для изученія якутской народной словесности. 11 №№ якутскихъ пѣсенъ. Извѣстія Вост.-Спб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. XXI, №№ 2 и 3.

Сѣрошевскій, В. Л. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Т. I. СПБ. 1896; — есть якутская мелодія стр. 591; во II-ой части пѣсни съ русскимъ переводомъ.

Александровъ, М. Къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій Самоѣдовъ язычниковъ и ихъ быта (по ихъ сказкамъ и пѣснямъ). Енисейск. Епархіальныя Вѣдомости 1887 № 21, 1888 №№ 1—4, 5.

Князь Костровъ. Пѣсни минусинскихъ Татаръ. Енисейск. Губерн. Вѣдомости 1850 г. № 30.

Маріуполь и его окрестности. Изд. поч. попечит. Д. Ал. Хараджева. Маріуполь 1892; — приложены пѣсни и 10 мелодій, поющіяся греками города на татарскомъ языкѣ.

Лейсекъ собиралъ въ Ташкентѣ татарскія пѣсни съ мелодіями по сообщенію Самаркандской газ. «Окраина» 1890 г. № 232.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. 5 томовъ, 1892 и др. гг.; — между прочимъ, пѣсни въ русскомъ переводѣ.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ... подъ ред. Н. А. Маева. Вып. III, СПБ. 1874; — въ концѣ библіографическій указатель сочиненій о Средней Азіи, напечатанныхъ въ Россіи на русск. яз. съ 1692 г. Н. В. Дмитровскаго.

Сравни еще:

Межовъ, В. И. Систематическій и азбучный указатели сочиненій и статей, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, вошедшихъ въ составъ 1—150 томовъ Туркестанскаго Сборника, составленнаго по порученію К. П. фонъ-Кауфмана. СПБ. 1878.

Фаминцынъ, Ал. С. Древняя индо-китайская гамма въ Азіи и Европѣ СПБ. 1889; — приведены (стр. 64 — 70) мелодіи татарскія, бурятскія, качинскія, киргизскія, калмыцкія и малайскія.

Ostrowskich, P. — Ueber die Musik-Instrumente der Katschinzen Aus den Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft. Zeitschr. für Ethnologie. XXVII. 1895 стр. 616.

Смирновъ, Вас. Дм., проф. СПБ. Университета, имѣетъ рукопись: «Пѣсни крымскихъ Татаръ» съ мелодіями.

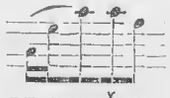
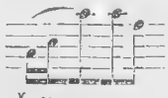
Таблица

скорости мелодій по метроному.

Цифры, приводимыя съ правой стороны означаютъ скорость движенія четверти цѣлой ноты (𝅗𝅥), а иногда трехъ восьмыхъ ноты, что каждый разъ обозначено особо.

№	№	№	№
1 88	51 108	101 72	155 100
2 96	52 104	102. 102[a] 84	156 176
3 132	53 96	103 92	157 132
4 150	54 108	104 76	158 116
5 132	55 92	105 69	159 84
6 126	56 76	106 112	160 80
7 138	припѣвъ . . . 104	107 100	161 . . . . . (3/8) 69
8 52	57 116	108 96	162 76
9 62	58. 58[a] 120	109. 110. 76	163 72
10 72	59 126	111 . . . . . 72 и 76	164 . . . . . (3/8) 76
11 84	60 96	112 63	165 84
12 80	61 112	113 . . . . . (3/8) 63	166 первые 4 такта 66
13 116	62 96	114 первые 7 такт. 100	послѣдніе . . 60
14 . . . . . (3/8) 76	63 100	остальные . . 72	167. 168 60
15 112	64 116	115 первые 7 такт. 104	169 72
16 126	65 108	остальные . . 72	170 63
17 80	сдержанно . . 72	116 88	171 60
18 . . . . . (3/8) 72	66 76	117 100	172 66
19 . . . . . (3/8) 69	67 72	118 72	173 первые 2 такта 84
20 76	68 . . . . . (3/8) 80	119 80	3-й тактъ . . 69
21 69	69 92	120 69	2 послѣднихъ 63
22 . . . . . (3/8) 72	70 88	121 84	174 88
23 58	71 63	122 88	175 66
24 96	2-я половина . 69	123 . . . . . (3/8) 60	176 72
25 76	72. 72[a] 96	124 96	177 63
26 72	73 63	125 63	178 84
27 80	74 54	126 60	179 80
припѣвъ . . . 104	75. 76 92	127 100	180 76
28 100	77 63	128 132	181 80
29 69	78 80	129 138	182. 183 72
припѣвъ . . 104	79 76	130 104	184 66
30 72	80 69	131 108	185 . . . . . (3/8) 88
31 . . . . . (3/8) 44	81. 82. 82[a] . . . 112	132 112	186. 187 84
32 84	83 72	133 108	188 72
33 92	84 . . . . . (3/8) 66	134 96	189 . . . . . (3/8) 96
34 96	85 112	135 88	190 76
35 84	86 69	136. 136[a]. 136[b]. 137. 112	191 116
36. 37. 37[a] . . . 72	87 104	138 108	192 84
38 84	и . . . . (3/8) 63	139 112	193 116
39 . . . . . (3/8) 56	88. 89 . . . (3/8) 88	140 108	194 112
40 104	90 69	141 116	195 84
41 108	91 84	142 112	196 72
42 64	92 69	143 132	197 88
43 100	93 104	144 116	198 76
44 76	94 108	145 126	199 72
припѣвъ . . . 92	95 100	146 116	200 69
45 100	96 88	147 120	201 80
46 96	и . . . . (3/8) 92	148 92	202 120
47 104	97 66	149 100	203 72
48 108	98 80	150 96	при замедленіи 66
49 120	99. 99[a]. 99[b] . . . 112	151. 152 108	204 84
50 126	100 80	153. 154 126	

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр. 3, строка 7 снизу	Татаръ, Киргизъ, ... Черемисъ	Татары, Киргизы и проч. . . Черемисы.
» 13 » 7 сверху	разсчетомъ	расчетомъ
» 15 » 12 снизу	монотенсты	монотенсты,
» — » 9 »	говорятъ	говорятъ,
» 25 » 18 »	приплонутымъ	приплюснутымъ
» 68, въ мелодіи № 7	3-й тактъ 	
» 135, въ мелодіи № 102 и № 102 а.	въ послѣдн. тактѣ 7 выпустить.	
» 140, мелодія № 116	Брдяня	Будяня
» 141, въ названіяхъ мелодій № 117 и 118	Сынгару-турна	Сыцрау-турно
» 149, мелодія № 140	$\frac{4}{4}$ (во второмъ тактѣ)	(перепести въ третій тактъ)
» 151, посл. стр. снизу	135	141, 142
» 176, строка 14 снизу	Угры	Урги
» 181, въ послѣднемъ тактѣ мелодіи 7		(выпустить)
» 184, мелодія № 193	Максимъ	Маспмъ
» 212, строка 15 снизу	Фершамненуазъ	Фершампепуазъ
» 224 » 15 »	имѣлъ	пѣлъ
» 229 » 7 сверху	царила	царила
» 243 » 3 снизу	118	218
» — » 1 »	меняс пѣнп	меня пѣсни
» 245 » 3 сверху	близь	блпзъ
» 246 » 15 »	говорилвый	говорливый
» 248 » 6 »	состояніе	состязаніе
» — » 6 »	кто-нибудь вдвос	кто нибудь вдвоемъ
» — » 12 снизу	въ теченіи	въ теченіе

			Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр.	273, строка	2 снизу	переѣзды	переѣзда
»	276 »	17 сверху	самодовольствомъ	самодовольнымъ
»	278 »	4 »	созерцаніе	созерцаніемъ
»	— »	7 »	и я	и я,
»	283 »	20 »	бѣдность жившая	бѣдность, жившая
»	286 »	19 »	орскаго	Орскаго
»	287 »	12 »	венгерцовъ	венгерцевъ
»	288 »	3 »	обясненіями	объясненіями
»	289 »	19 снизу	Сѣргей	Сергѣй
»	— »	16 »	понуря	понуро
»	— »	7 »	упилый	упылый
»	316 »	3 сверху	музыкѣ	о музыкѣ

МАРШРУТЪ
поѣздки С.Г. Рыбакова.
по
УФИМСКОЙ
и
ОРЕНБУРГСКОЙ
ГУБЕРНІЯМЪ
лѣтомъ 1894 г.г.

Масштабъ
Въ дюймѣ 30 верстъ

Условные знаки:
Путь 1893 г.
" 1894 г.

ПЛАНЪ
г. УФЫ

ПЛАНЪ
г. ОРЕНБУРГА

Картографическое заведеніе А. Ильина. С.Петербургъ.

Ex Libris
Universitatis
Albertensis

1964